Н. Серебрянскій.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ КНЯЖЕСКІЯ ЖИТІЯ.

(Обзоръ редакцій и тексты).

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава первая.

Кіевскія княжескія житія и ихъ судьба въ письменности сѣверно-русской. Житія русскихъ равноапостоловъ: благ. кн. Ольги и Владиміра и св. князей: Мстислава, Бориса и Глѣба.

В содержании серым цветом выделены отсутствующие страницы.

псевдо-Іаковово (10—11); южно-русская передѣлка лѣтописно-проложнаго житія (11); западно-русская передѣлка (11—12); поздняя московская передѣлка (12); опыты составленія болѣе обширнаго житія: Пискаревское, Милютинское; легендарно-проложное житіе Владиміра: его списки, отношеніе къ краткому проложному житію и новыя извѣстія; вопросъ объ источникѣ легендарныхъ извѣстій этой редакціи: записи легенды лѣтописная и Плигинская; сравнительная оригинальность лѣтописной записи и компилятивность Плигинской; отношеніе легендарно-прол. ж. къ лѣтописной версіи легенды и критическій разборъ легенды; общія замѣчанія объ отношеніи этой легенды къ Корсунской и объ условіяхъ проникновенія ея въ церковную письменность; общая характеристика церков. письменности о св. Владимірѣ (13).

Церковныя сказанія о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ: сложность матеріала для изученія рукоп. судьбы этихъ памятниковъ и ближайшая задача предлагаемаго въ моей работѣ обзора сказаній (13—14); проложныя житія: южно-русское и сѣверно-русское житія, ихъ взаимоотношеніе и источники (14—16); Несторово житіе Б. и Г. (16—19); житійное сказаніе о Б. и Г., редакціи этого памятника: древнѣйшая (19), Сильвестровская (20), Патріаршая (21—22), Торжественника и ея разновидность (22), сѣверо-западная (псковская), западно-русская и ихъ отношеніе къ болѣе древней редакціи юго-западной (22—24), редакція вь Степенной (25); не распространенныя въ ркп. передѣлки сказанія: Попова (25), Историч. музея (25), Чудовская (26), Софійская (26); общія замѣчанія о видоизмѣненіяхъ древнѣйшаго текста сказанія.въ результатѣ усиленной переписки этого памятника (26—28); значеніе изученія сѣверно-русскихъ списковъ и редакцій сказанія для выясненія первоначальной литературной исторіи памятника (28) и вопросъ объ отношеніи церковныхъ сказаній къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Б. и Г. (28—31).

Глава вторая.

Сѣверно-русская церковная письменность о св. князѣ южно-русскомъ. Церковныя сказанія о мученической кончинѣ благ. князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора.

Причина выдѣленія обзора этихъ сказаній въ особую главу: сложность рукописнаго матеріала и невозможность пріурочить работу по составленію сказаній къ опредѣленной какой-л. мѣстности (32—33), литературныя группы сказаній: краткія проложныя записи, ихъ отношенія къ лѣтописнымъ записямъ и степень агіографической ихъ цѣнности (33); краткія проложныя житія: древнѣйшее Ростовское житіе, обстоятельства и время его составленія (33—35); общерусское прол. житіе (35) и передѣлка его въ редакціи печатнаго Пролога (35—36); особое проложное житіе, его источники и время написанія (36); распространенныя проложныя сказанія: четыре основн. группы сказаній и ихъ литератур. взаимоотношеніе (36—37); редакція сказанія отца Андрея, обстоятельства ея происхожденія и зависимость отъ Ростовскаго житія (37—38); редакція съ именемъ епискона Іоанна и ея отношеніе къ редакціи отца Андрея (38—39); сокращеніе редакціи епископа Іоанна и распространеніе редакціи отца Андрея (39—40); Пахоміево житіе и вопросъ о его редакціяхъ (40—41); Соловецкая редакція Пахоміева житія и ея отличительныя особенности (41—42); Архивская редакція и ея дополненія къ содержанію Пахоміева житія (42); первоначальность редакціи Минейной и отношенія къ ней редакцій-передѣлокъ Соловецкой и Архивской (42—46); литерат. характеристика Пахоміева житія: отношеніе біографа къ источникамъ его работы (46—48), мѣсто и время написанія житія (48); историко-литературное значеніе Соловецкой, Архивской редакцій и Хлудовскаго списка житія (48); опыты болѣе обширной передѣлки Пахоміева-минейнаго житія въ XVI в.: редакція житія въ Степенной (48—49); Чудовская редакція: своеобразныя дополненія этой редакціи и ихъ источники (49—54); литературное значеніе Чудовской редакціи (54); отношеніе церковныхъ сказаній о бл. кн. Михаилѣ къ извѣстіямъ лѣтописнымъ (54—55) и общее значеніе этихъ сказаній въ исторіи древне-русской агіографической литературы (55).

Глава третья.

Житія св. князей сѣверно-русскихъ: владимірскія, ярославскія, муромскія, тверскія, псковскія.

Житійное сказаніе объ убіеніи благ. кн. Андрея Боголюбскаго: южно-русское происхожденіе памятника, его планъ и агіографическіе источники (56—58); сѣверно-русская лѣтописная передѣлка житійнаго сказанія (58—59) и одинъ изъ болѣе раннихъ опытовъ приспособленія памятника къ церковному употребленію (59); житіе бл. кн. Глѣба Андреевича (59—61); церковная біографія бл. кн. Юрія Всеволодовича и ея отношеніе къ болѣе древнимъ біографич. памятникамъ о князѣ свѣтскаго происхожденія (61—62). Житія благ. кн. Александра Невскаго: замѣтка о новом изслѣдованіи о житіяхъ А. В. Мансика (62—64); церковно-лѣтописное житіе А. Н.: двѣ основ. группы этого памятника и сохранившіеся списки каждой изъ группъ (64); Псково-Печерскій списокъ житія со статьею: «Слово о погибели Русскія земли» (64); обзоръ научныхъ мнѣній о «Словѣ» (65—71); было ли извѣстно «Слово» въ древне-русской письменности свѣтской (71—73) и церковной (73); къ вопросу о существованіи особой поэмы-трилогіи, отрывкомъ которой является «Слово»: объясненіе заглавія «Слова»въ Псково-Печерскомъ спискѣ (74—76); отсутствіе литерат. указаній на возможность существованія въ русской письменности второй части трилогіи—особаго сказанія о смерти Ярослава Всеволодовича (76—78); первоначальный составъ «Слова о погибели» и отношеніе этого памятника къ житійной литературѣ о бл. кн. А. Н.: общія данныя для предположенія существованія особаго сказанія о кончинѣ князя (79); церковно-лѣтописное житіе А. Н.: разница въ составѣ памятника въ Лавр. и 2 Псков. лѣтописяхъ и большая близость редакціи въ Псковской лѣт. къ первоначальному составу владимірскаго церковнаго житія (79—85); данныя для предположенія о существованіи свѣтскаго сказанія, послужившаго основою для владим. церк. житія: свѣтскіе источники житія—Повѣсть о разореніи Іерусалима І. Флавія (85), Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ (86—87), Повѣсть о Девгеніи Акритѣ (87—90), и пріемы пользованія ими; житіе Алексія человѣка Бож. (90); смѣшанный церковно-свѣтскій характеръ влад. житія (90); предполагаемый составъ свѣтскаго сказанія, написаннаго дружинникомъ князя (92—93); особое житіе бл. кн., характеръ этого памятника и дополнительныя въ немъ указанія на составъ свѣтскаго сказанія (93—99); отношеніе Слова о погибели къ предполагаемому свѣтскому сказанію объ А. Н. (99—104); общіе выводы о литерат. исторіи «Слова о погибели» (104—106); подробныя житія бл. кн. А. Н.: Похвальное слово (106—107); Василіево-псковское житіе (107—109); проложное житіе (109); житіе въ Степенной (109—110); редакція Іоны Думина (110—112). Житія благ. кн. Ѳедора Ярославскаго: проложное житіе и условія его происхожденія: зависимость отъ первонач. сказанія лѣтописнаго характера (113—114); передѣлки и распространенія проложнаго житія: редакція Андрея Юрьева (114—116); сокращеніе этой редакціи для помѣщенія въ Прологѣ (116—117); анонимное (минейное) житіе бл. князя (117); Антоніево житіе: недоумѣнія, вызываемыя особенностями въ ркп. судьбѣ этого памятника и излишнею близостію его къ тексту Пахоміева житія свят. Алексія (117—119); возможность болѣе поздняго появленія памятника (119); литерат. источники Антоніева житія и историч. цѣнность памятника (119—120); замѣчанія о редакціяхъ житія: а) въ Степенной (120) и б) Ярославской XVII в. (120—121); общая характеристика житійной литературы о бл. кн. Ѳеодорѣ (121). Житія благ. кн. Константина и Василія: условія происхожденія и литерат. пріемы составленія первой редакціи (121—123); попытка устраненія литерат. недочетовъ этой редакціи при составленіи второй редакціи житія (123—124). Муромскія житія бл. кн. Константина и его сыновей: условія происхожденія этихъ житій и характеръ историко-біографическихъ въ нихъ сообщеній (124—126); редакціи житій и вопросъ объ ихъ взаимоотношеніи и источникахъ (126—130). Тверскіе біографическіе памятники о князьяхъ свѣтскаго характера и ихъ отношеніе къ памятникамъ житійнымъ (130—131); житія благ. кн. Михаила Ярославича: древняя Повѣстъ объ убіеніи бл. князя (132—135);

Глава четвертая.

Общія замѣчанія о литературной формѣ и о церковно-историческомъ значеніи княжескихъ житій.

Приложенія.

(тексты житій).

Предисловіе.

I. Проложныя житія благов. княгини Ольги.

II. Житія благов. князя Владиміра.

III. Сказанія о благов. князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ.

Н. Серебрянскій.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ КНЯЖЕСКІЯ ЖИТІЯ.

(Обзоръ редакцій и тексты).

По первоначальному плану моя работа должна была бы имѣть иной нѣсколько видъ. Я хотѣлъ пересмотрѣть, по возможности, весь рукописный матеріалъ о житіяхъ св. русскихъ князей и результаты рукописныхъ поисковъ подробно воспроизвести при изданіи текстовъ въ варіантахъ къ нимъ и литературныхъ параллеляхъ. Зато первую часть своей работы я думалъ значительно упростить: ограничиться лишь критико-библіографическимъ обзоромъ научной литературы о княжескихъ житіяхъ и дополнительными къ ней замѣтками, основанными на наблюденіяхъ надъ изученнымъ мною рукописнымъ матеріаломъ. Въ такомъ видѣ моя книга носила бы заглавіе: «Замѣтки и тексты древне-русскихъ княжескихъ житій». Но по обстоятельствамъ личнаго характера я вынужденъ былъ отказаться отъ намѣченнаго широкаго плана рукописныхъ розысканій и на продолжительное время совсѣмъ даже забросить работу. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я рѣшилъ выпустить вторую часть своей книги въ болѣе сокращенномъ видѣ, но въ первой части, вмѣсто библіографическихъ замѣтокъ о княжескихъ житіяхъ, дать опытъ историко-литературнаго ихъ изслѣдованія.

Сложность темы, съ одной стороны, съ другой, самая незаконченность въ подготовительной работѣ должны были отразиться и на характерѣ предлагаемаго изслѣдованія, и на его объемѣ. Въ обзорѣ литературной исторіи памятниковъ пришлось опустить цѣлый рядъ вопросовъ и деталей, м. б. очень нужныхъ не только для полноты, но и для правильности литературной характеристики того или другого памятника; въ то же время пришлось нарушить и внѣшній видъ полноты изслѣдованія—искусственно исключить изъ обзора нѣкоторыя изъ житій. Для общихъ выводовъ такой пропускъ, правда, не во всѣхъ случаяхъ имѣетъ отрицательное значеніе. Такъ, напр., просмотрѣнные мною списки житій св. князей Андрея Смоленскаго, Игнатія Вологодскаго, Іоасафа Каменскаго не дали никакихъ новыхъ матеріаловъ, да и въ историко-литературномъ отношеніи эти памятники такъ мало интересны, что безъ особаго ущерба для дѣла могутъ быть игнорированы изслѣдователемъ. Но отсутствіе другихъ памятниковъ: житій благ. княгинь (они должны были составить особую, четвертую главу моей книги) и особенно Повѣстей о бл. кн. Петрѣ и Февроніи Муромскихъ, вызвано исключительно незаконченностію въ подготовительной работѣ по изученію ихъ списковъ. Я просмотрѣлъ около 50 списковъ муромскихъ сказаній о Петрѣ и Февроніи, и кажется мнѣ, что для выясненія отдѣльныхъ вопросовъ въ литературной исторіи и въ рукописной судьбѣ этихъ своеобразныхъ памятниковъ изученіе рукописнаго матеріала дало нѣкоторые положительные результаты. Но кое-что нужно бы было провѣрить по большему числу списковъ XVIII в., и потому изслѣдованіе Повѣстей о Петрѣ и Февроніи и изданіе текстовъ я рѣшилъ отложить до другого случая.

Въ подготовительныхъ работахъ для этой книги принимала участіе жена автора—М. М. Серебрянская. Ею были сняты копіи съ бо́льшей части пространныхъ княжескихъ житій; найдена (въ ркп. № 530 Пискарева) особая редакція житія бл. кн. Александра Невскаго; для I т. трудовъ Псковскаго церковно-археологическаго комитета было подготовлено къ изданію—переписано и снабжено варіантами, житійное сказаніе о бл. кн. Борисѣ и Глѣбѣ по списку XV в. изъ б-ки Псково-Печерскаго монастыря. Это сотрудничество по рукописнымъ розысканіямъ значительно облегчало автору его работу.

Много также обязанъ авторъ учрежденіямъ и лицамъ, способствовавшимъ появленію этой книги. Онъ навсегда сохранитъ о нихъ благодарныя воспоминанія.

Н. Серебрянскій.

Кострома,
1914 г, 15 декабря.

<…> къ перечню другихъ удачныхъ военныхъ предпріятій Владиміра, лучшею иллюстраціею къ высказанной здѣсь общей мысли, что за благочестіе князя всюду «рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя». Бо́льшая подробность разсказа объясняется уже самою важностію событія, можетъ быть, и особыми еще причинами. Вполнѣ естественно, если Іаковъ, не раздѣлявшій Корсунской легенды, счелъ нужнымъ подробнѣе разъяснить дѣйствительное значеніе Корсунскихъ событій.—Краткія лѣтописныя извѣстія въ концѣ «Памяти» первоначально не были такъ тѣсно соединены съ текстомъ памятника; но въ видѣ добавленія къ «Памяти», какъ черновой матеріалъ, они были выписаны изъ лѣтописи, вѣроятно, самимъ Іаковомъ.

Такимъ образомъ, я склоненъ думать, что въ древнѣйшій періодъ своей литературной исторіи, въ кіевской письменности, сочиненіе Іакова не подверглось какимъ-либо редакціоннымъ измѣненіямъ. Но существенной переработки памятника, въ цѣляхъ соглашенія его извѣстій съ содержаніемъ Корсунской легенды, не было произведено и позднѣе, въ письменности сѣверно-русской.

Старинные русскіе писатели не любили и не умѣли переработывать древнихъ памятниковъ по новымъ біографическимъ матеріаламъ, соглашать старое содержаніе съ новыми данными о жизни святаго. Поэтому въ большинствѣ случаевъ распространенія памятника не трудно установить позднѣйшія наслоенія въ первоначальномъ текстѣ. Но «Память» спасло отъ существенной переработки, главнымъ образомъ, одно случайное обстоятельство въ рукописной исторіи этого памятника. Въ рукописяхъ одновременно съ текстомъ «Памяти» помѣщается и текстъ житія Владиміра, съ начальнымй словами, заимствованными изъ житійнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ. Къ первоначальной редакціи «Памяти» житіе это не имѣетъ никакого отношенія. Оно составлено позднѣе «Памяти» и житійнаго сказанія о Б. и Г., можетъ быть, только въ XIV в. новымъ редакторомъ «Памяти». Въ ученой литературѣ долго держался взглядъ о принадлежности «Памяти», житія и житійнаго сказанія одному и тому же писателю—Іакову. Такого взгляда держались, кажется, и старинные сѣверно-русскіе писатели. На самомъ же дѣлѣ это новое житіе было лишь поддѣлкою подъ никогда не существовавшее сочиненіе Іакова. Если поддѣлка была произведена не самимъ составителемъ новой редакціи «Памяти», то во всякомъ случаѣ въ томъ же XIV в. Она значительно облегчала работу по соглашенію «Памяти» съ новыми житійными памятниками, составленными на основѣ Корсунской легенды, дѣлала это соглашеніе даже не нужнымъ. Недоговорки въ «Памяти» о мѣстѣ крещенія Владиміра разъяснялъ самъ Іаковъ, въ другомъ своемъ сочиненіи о Владимірѣ рѣшительно ставшій на сторону Корсунской легенды. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, правда, цѣлесообразнѣе было бы статью о корсунскомъ походѣ и лѣтописное о томъ же извѣстіе выбросить изъ текста памятника. Но редакторъ не сдѣлалъ и этого,—доказательство, что онъ поверхностно отнесся къ вопросу о переработкѣ прежней редакціи. Онъ ограничился лишь разъясненіемъ въ предисловіи къ «Памяти», что Іаковъ написалъ не только о Владимірѣ, но «и о сыну его, реку же святою славною мученика Бориса и Глѣба». Непервоначальность этихъ словъ въ текстѣ «Памяти» уже доказана А. А. Шахматовымъ.

Свое вниманіе новый редакторъ обратилъ на одинъ отдѣлъ въ «Памяти», въ которомъ шла рѣчъ о благ. княгинѣ Ольгѣ. Онъ рѣшилъ распространить этотъ отдѣлъ, составилъ особое Похвальное слово Ольгѣ и выдѣлилъ его изъ текста подъ особымъ заглавіемъ[1]). Соотвѣтственно этому онъ сдѣлалъ добавленіе и въ первоначальномъ заглавіи «Памяти»: «и како крестися баба Володимерова Олга, преж Володимера». Точно установить, что въ теперешней редакціи Похвальнаго слова Ольгѣ осталось изъ текста первоначальнаго, не возможно, приблизительное же

[1]) Новому редактору принадлежитъ, вѣроятно, и другой подзаголовокъ въ текстѣ: «Молитва князя Владиміра».

2) «Тако добрѣ поживе благ. кн. Вл. и сконча свое житіе въ прав. вѣрѣ...и съ благ. Олгою, и та бо» и т. д.

3) Доказать этого, разумѣется, нельзя, и только потому въ обзорѣ житій св. Ольги я рѣшилъ принять во вниманіе и возможность болѣе обширнаго текста объ Ольгѣ въ первоначальной редакціи «Памяти».

отношеніе указано раньше, въ обзорѣ житій Ольги. По моему мнѣнію, первоначальный текстъ объ Ольгѣ былъ такой: «та бо (блаж. кн. Олга), шедши Царюграду, пріала бяше св. крещеніе и много сотворивъ добра въ житии семь предъ Богомъ, и сконча житіе свое въ добрѣй вѣрѣ и почи съ миромъ, въ руцѣ Божіи душю предавши. Блаженный же кн. Вл.» и т. д. Въ такой редакціи этотъ текстъ помѣщенъ на стр. 7, въ описаніи кончины Владиміра, и очевидно, что здѣсь онъ представляетъ собою позднѣйшую вставку[2]). Я допускаю, что сѣверно-русскій редакторъ «Памяти» въ Похвальномъ словѣ Ольгѣ распространилъ именно этотъ первоначальный текстъ, а затѣмъ перенесъ его на теперешнее мѣсто[3]). Если это такъ, то мы въ правѣ сказать, что неудачное въ литературномъ отношеніи сочиненіе Іакова въ свою очередъ попало въ неумѣлыя руки сѣверно-русскаго писателя; но это и спасло древній памятникъ отъ значительной переработки. Можетъ быть и отмѣченныя А. И. Соболевскимъ сравнительная древность и правильность грамматическихъ формъ въ текстѣ новой редакціи объясняются только тѣмъ, что редакторъ почти не произвелъ и стилистической переработки древняго памятника.

Литературную исторію «Памяти» можно, значитъ, представить въ слѣдующемъ видѣ. Это историческое похвальное слово Владиміру было написано монахомъ Іаковомъ не раньше второй половины XI в. и представляло собою *первый* опытъ церковнаго сочиненія о *святомъ* Владимірѣ. Въ историко-біографической части своего труда Іаковъ руководился древнимъ лѣтописнымъ разсказомъ о Владимірѣ и о крещеніи Руси, пользуясь особою редакціею или только особымъ спискомъ лѣтописи. Риторически-похвальный отдѣлъ составленъ подъ вліяніемъ «Слова» м. Иларіона, которое для Іакова служило литературнымъ образцомъ. Не совсѣмъ удачное въ литературномъ отношеніи сочиненіе Іакова имѣетъ большую не только историческую, но и историко-литературную цѣнность. Оно показываетъ, что и по формѣ, и по содержанію старинная церковная письменность о св. Владимірѣ отличалась отъ позднѣйшей—проложной и свѣтской-лѣтописной, не знала или, по крайней мѣрѣ, не пользовалась Корсунскою легендою. Въ сѣверно-русской письменности нѣкоторые отдѣлы въ сочиненіи Іакова подверглись распространенію, внесенію въ первоначальный текстъ новыхъ статей и разъясненій. Но коренной переработки памятника, въ цѣляхъ соглашенія его съ Корсунскою легендою, не было произведено ни въ южно-русской, ни въ сѣверно-русской письменности. Литературные недочеты «Памяти» должны быть поставлены на счетъ не переписчиковъ или позднѣйшаго ея редактора, а самого автора.

Въ отличіе отъ «Памяти», проложная литература о св. Владимірѣ находилась въ прямой зависимости отъ содержанія Корсунской легенды. При всемъ разнообразіи редакцій проложныхъ житій, легко установить общую для нихъ основу, ихъ литературный прототипъ—это краткое проложное житіе. Остальныя редакціи лишь распространяютъ редакцію краткую, однѣ—съ помощью лѣтописнаго матеріала, другія, сверхъ того,— и матеріала легендарнаго. И по времени своего появленія краткое проложное житіе въ обзорѣ церковной письменности о св. Владимірѣ должно занимать первое мѣсто послѣ «Памяти» Іакова.

По объясненію А. А. Шахматова, краткое проложное житіе имѣетъ шесть редакцій, кромѣ того есть нѣсколько разновидностей—редакцій промежуточныхъ[4]). Такъ какъ для разъясненія начальной литературной исторіи памятника имѣютъ значеніе лишь три древнихъ его редакціи, то на нихъ я преимущественно и остановлюсь.

Разница между двумя первыми редакціями незначительная. Первая редакція полнѣе излагаетъ молитву Владиміра; въ ней читаемъ лишнія, по сравненію со второю редакціею, сло-

---

[4]) Вопросъ о редакціяхъ разсмотрѣнъ А. А. Шахматовымъ въ статьѣ: «Какъ назывался первый русскій св. мученикъ» (Изв. Ак. Н., сер. VI, май, стр. 261—4). Старшій списокъ первой редакціи—въ пергам. прологѣ XIII—XVI в. Спасо-Прилуцкаго мря. Въ Прилож. варіанты изъ этой редакціи приведены по списку Рум. м. № 2517. Вторая редакція напечатана подъ № 5 по списку Синод. б-ки № 240. Варіанты изъ третьей—по списку Синод. б-ки № 3. Четвертая редакція—не типичная, близка ко второй. Отдѣльные изъ нея варіанты по прологамъ Ист. муз. Пятая и шестая редакціи позднія: въ спискахъ XVI—XVII в. и въ печатномъ прологѣ.

ва: «Боже, сотворивый небо и землю»; даетъ болѣе правильное чтеніе въ Похвалѣ: «истерзавъ лестьное терніе изъ Руси» (во второй: «растерзавъ лестное терніе»); вѣрнѣе называетъ церковь, построенную на мѣстѣ крещенія кіевлянъ: «Турова», во 2-й ред.—«Петрова». Изъ варіантовъ 59 и 84 можно видѣть, что третья редакція въ двухъ первыхъ случаяхъ совпадаетъ съ первою, въ послѣднемъ (вар. 55—55) разнится отъ обѣихъ редакцій: совсѣмъ не упоминаетъ о церкви. Отличительнымъ признакомъ для всѣхъ редакцій остается, значитъ варіантъ о церкви.

Какъ можно судить по примѣрамъ, приведеннымъ въ Приложеніяхъ (вар. 55—55), это неясное мѣсто въ древнемъ текстѣ доставило переписчикамъ столько же хлопотъ, сколько и непонятное слово «дына» въ прол. житии Ольги; всѣ попытки дать болѣе понятное чтеніе также не имѣли успѣха. Благоразумнѣе поступали тѣ изъ переписчиковъ, которые совсѣмъ опускали это извѣстіе. И въ научной литературѣ предлагались разнообразныя, но не вполнѣ убѣдительныя поясненія. Чтеніе «Турова» одни считали испорченнымъ, вмѣсто Тирона[5]), Тудора (Ѳеодора) [6]), другіе, сопоставляя съ лѣтописнымъ извѣстіемъ о Туровой божницѣ, искали пояснительныхъ параллелей въ названіяхъ: «Турова могила», «Туровъ рогъ» и т. п.[7])

St. Rožnicki въ статьѣ „Perun und Thor (Ein Beitrag zur Quellen-kritik der russischen Mythologie) [8]), высказалъ предположеніе, что на мѣстѣ Туровой божницы въ языческій періодъ было капище, посвященное богу Тору; оно было устроено варягами. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что и въ проложномъ житіи, какъ и въ лѣтописи, христіанская церковь названа языческимъ именемъ. Съ такими случаями перенесенія на христіанскія святыни языческихъ названій дѣйствительно встрѣчаемся въ древней Руси, —напр., Перынскій (по народному произношенію: Перюнскій) скитъ въ Новгородѣ, Волосовъ монастырь вблизи Владиміра[9]). Слово Туръ, несомнѣнно, варяжское[10]), тождественное съ словомъ Торъ. Вообще догадка Рожницкаго представляется очень правдоподобною и съ филологической стороны, и съ исторической.

Другое объясненіе слову: «Турова», дано А. А. Шахматовымъ. Пролож. житіе имѣетъ въ виду церковь, построенную въ честь варяговъ-мучениковъ и названную по имени старшаго изъ нихъ—Туры. Его именно, а не Владиміра,—что ясно и изъ контекста,—авторъ житія назы-ваетъ первымъ небеснымъ ходатаемъ за Русь[11]). Но дѣйствительно-ли во имя варяговъ была устроена на мѣстѣ крещенія кіевлянъ церковь и когда именно, можно ли отождествлять эту Турову церковь съ упоминаемою въ лѣтописи подъ 1146 г. Туровою божницею—трудно рѣшить. Археологъ въ данномъ случаѣ не можетъ придти на помощь историку, такъ какъ для археологическихъ изысканій нѣтъ почвы: мѣсто крещенія кіевлянъ и мѣсто Туровой божницы не извѣстны[12]). Несомнѣнно, что Турова церковь была построена не Владиміромъ, какъ видно и изъ житійнаго сообщенія. Владиміръ не могъ построить церкви во имя варяговъ-мучениковъ потому уже, что они тогда не были канонизованы. Лѣтописецъ и говоритъ намъ, что въ память этихъ мучениковъ, на мѣстѣ ихъ кончины, Владиміромъ была построена Десятинная церковь[13]). Когда были канонизованы варяги—не извѣстно. Сказаніе о нихъ рано было занесено въ редакцію русскаго пролога[14]), но въ первоначальный составъ русскихъ проложныхъ статей оно не входило; по крайней мѣрѣ, его нѣтъ среди русскихъ житій юго-славянской ре-

---

5) М. Евгеній, Описаніе Кіево-Соф. собора, Кіевъ 1825 г., 1, 5.

6) Е. Е. Голубинскій, Ист. рус. ц., I, I, стр. 169, прим.

7) См. у А. А. Шахматова, стр. 263.

8) Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1901, 23 B., S. 462—520.

9) S. 477, 488.

10) Въ лѣтописи подъ 980 г.: „бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туры—въ Туровѣ», Лавр., 74; Ипат., 64: „а Туръ Туровѣ».

11) Къ крестителю Руси эпитетъ ходатая-молитвенника являлся въ сущности и не подходящимъ: онъ болѣе, чѣмъ ходатай, виновникъ (Лавр. л. 128) спасенія или, какъ въ Похвалѣ: глава, вождь, учитель. Ходатаем онъ м. б. названъ потому лишь, что *первый* обратился къ Богу съ молитвою о новокрещенныхъ.

12) См. у Е. Е. Голубинскаго, о. с, стр. 169.

13) И бѣ дворъ его (варяга), идеже есть церкви св. Богородица, юже сдѣла Володимеръ (Лавр., 80).

14) См. указанія у Н. К. Никольскаго, Матеріалы для поврем. списка, стр. 4—6.

дакціи пролога. Раннему установленію празднованія мученикамъ могло мѣшать и то обстоятельство, что мѣсто погребенія ихъ, по словамъ лѣтописца, было неизвѣстно: „и не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я». Ни въ лѣтописномъ, ни въ проложномъ разсказахъ на существованіе церкви во имя этихъ мучениковъ нѣтъ намека. Отсюда м. б. правильнѣе было бы названіе церкви Туровою считать нарицательнымъ[15]). Но у насъ нѣтъ данныхъ думать, что мѣсто крещенія кіевлянъ такъ или иначе было по воспоминаніямъ связано съ именемъ мучениковъ-варяговъ, и это отразилось на названіи церкви. Во всякомъ случаѣ нужно согласиться съ А. А. Шахматовымъ, что чтеніе: «Турова» древнѣе чтенія—«Петрова», что послѣднее только неудачная поправка, хотя тоже древняя. Ее читаемъ въ древнѣйшемъ спискѣ проложнаго житія Владиміра—Имп. Пуб. б-ки F № 47, XIII в.[16]). Поправка эта сдѣлана не кіевскимъ писателемъ. Для послѣдняго привычное названіе церкви Туровою не показалось бы страннымъ, а если бы онъ рѣшилъ сдѣлать разъясненіе, то могъ бы точнѣе сказать, въ честь какого именно св. Петра была поставлена церковь. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что вторая редакція проложнаго житія относится въ памятникамъ сѣверно-русской письменности и что этимъ именно объясняется особенная ея распространенность въ спискахъ пролога сѣверно-русскихъ? Вообще же сравнительный обзоръ текстовъ первой и второй редакцій житія даетъ право сказать, что въ древнѣйшій періодъ памятникъ этотъ не подвергся какой-либо существенной переработкѣ. Но послѣдней не было и позднѣе.

Проложное житіе Владиміра было весьма распространено въ сѣверно-русской церковной письменности. Нельзя указать рѣшительно ни одного списка пролога—пергаменнаго или бумажнаго,—который обходился бы безъ этого памятника. Изрѣдка переписывалось житіе и въ рукописяхъ четіяго характера. Какъ это бываетъ съ каждымъ распространеннымъ въ рукописяхъ памятникомъ, текстъ житія очень варьировался, но въ рѣдкихъ случаяхъ варіанты даютъ болѣе или менѣе оригинальное чтеніе, не случайны по своему происхожденію. Можно выдѣлить варіанты: 18, 29, 62 и 63. Три послѣднихъ сдѣланы переписчиками житія подъ вліяніемъ другихъ сочиненій о св. Владимірѣ[17]). Болѣе внимательный пересмотръ текста мы имѣемъ лишь въ третьей редакціи житія—Син. прол. №3. Здѣсь замѣтны попытки яснѣе и обстоятельнѣе вести разсказъ (вар. 63, 56, 84), устраняя спорныя и неточныя мѣста (55—55, 85—85), и сообщая отдѣльнымъ выраженіямъ болѣе соотвѣтствующій для житійнаго памятника характеръ (вар. 3, 75). Но и это только частичная переработка древнѣйшаго текста. Она произведена въ сѣверной Руси, судя по болѣе древнему списку, въ первой половинѣ XV в.; принята и въ В. Ч. М. м. Макарія[18]).

На редакціи житія въ печатномъ прологѣ я не буду останавливаться. Какъ и житіе Ольги, это специфически-московская перелицевка древняго текста; иллюстраціею могутъ служить уже начальныя ея слова: «Сей великій царь Владимиръ»[19]). Такимъ образомъ, чтобы избѣжать дробности дѣленія, удобнѣе будетъ признать одну редакцію проложнаго житія Владиміра, общую для всѣхъ разновидностей древняго текста.

По содержанію проложное житіе распадается на двѣ части: краткій разсказъ о принятіи христіанской вѣры княземъ и народомъ и краткую Похвалу крестителю Руси. Ни со стороны содержанія, ни въ литературномъ отношеніи житіе не можетъ быть отнесено къ памятника-

---

[15]) Если бы въ глубокой древности существовала церковь въ честь варяговъ-мучениковъ, то должно бы сохраниться христіанское имя и старшаго изъ варяговъ. Между тѣмъ этого имени проложное сказаніе не знаетъ, а по объясненію А. А. Шахматова (264), Өеодоромъ стали называть старшаго изъ мучениковъ не раньше XVII в.

[16]) Списокъ дефектный, изданъ С. Ө. Акимовичемъ въ Отчетѣ объ экскурсіи семинарія рус. филологіи (у проф. В. Н. Перетца) въ СПБ., Кіевъ, 1912 г., стр. 66—68.

[17]) См. также вар. 94, по Пискар. списку № 529.

[18]) Син. (Патр.) б-ки № 996, л. 163—164, 178—179.

[19]) При изученіи русскихъ пролож. житій печатнаго пролога я пользовался экземплярами ХУП в. Моск. Тип. б-ки: №Л» 844, 846, 865 сент. части; 837, 844, 845—мартовской. Церковь названа: «святою мученику Бориса и Глѣба». Спорное мѣсто въ ж. Ольги читается такъ: «а могилы не сыпати, ни годины дѣяти» (№ 837, л. 630).

мъ оригинальнымъ. Содержаніе его почти полностію восходитъ къ лѣтописному разсказу; добавленія къ этому разсказу въ житійномъ текстѣ незначительныя, стилистическія поправки не всегда удачны.

Въ житіи дается болѣе подробный перечень ниспроверженныхъ идоловъ. Изъ Слова о полку Игоревѣ мы знаемъ, какъ долго въ народной памяти сохранялись имена языческихъ боговъ, а обличительная церковная литература показываетъ, что сохранялись не одни имена, а и набожное чувство, любовь къ старымъ святынямъ. Для болѣе подробнаго перечня русскихъ языческихъ боговъ автору житія едва-ли нужно было обращаться къ особому письменному источнику.

Сообщеніе о поставленіи на мѣстѣ крещенія кіевлянъ церкви во имя перваго небеснаго ходатая за русскихъ людей при чтеніи производитъ впечатлѣніе вставки; только поэтому оказалось лишнимъ слово: «*же*», въ фразѣ: «Володімеръ же воззрѣвъ на небо». Въ лѣтописномъ разсказѣ эта противоположительная частица нужна[20]).

Образцомъ ненужной въ литературномъ отношеніи детали къ лѣтописному разсказу, но не лишней съ точки зрѣнія писателя-церковника, можетъ служить фраза: «яко надъ крестимыми»[21]). Нѣкоторые изъ переписчиковъ житія эту лишнюю деталь опускали (вар. 54—54).

Встрѣчаемъ и неудачное сокращеніе лѣтописнаго текста. Лѣтописецъ говоритъ о двухъ распоряженіяхъ Владиміра, непосредственно слѣдовавшихъ за крещеніемъ: о построеніи храмовъ въ Кіевѣ и о посылкѣ духовенства по другимъ городамъ и селамъ для крещенія жителей и устройства храмовъ (116). Авторъ житія говоритъ только о приказаніи строить церкви «по всимъ градомъ», такъ что позднѣйшимъ переписчикамъ пришлось сдѣлать дополнительное разъясненіе къ житійному тексту по лѣтописи: «посылая прозвитеры, крестящи люди во имя О. и С. и св. Д.» (вар. 62).—А. А. Шахматовъ въ числѣ особенностей житійнаго текста отмѣчаетъ, что по житію Владиміръ ведетъ переговоры съ однимъ греческимъ царемъ. Но неотчетливость текста въ этомъ случаѣ наблюдается и въ лѣтописяхъ[22]), а ясность и однообразіе въ житійномъ текстѣ уже сами по себѣ служатъ доказательствомъ его непервоначальности.—Главныя отличія житійнаго текста отъ лѣтописнаго: сообщеніе о церкви на мѣстѣ крещенія кіевлянъ и замѣна Днѣпра Почайною, основаны, очевидно, на церковномъ преданіи.

Отмѣчая разницу житійнаго текста отъ лѣтописнаго, я не останавливаюсь на случаяхъ сходства, почти даже буквальнаго совпаденія житійнаго разсказа съ лѣтописнымъ. Послѣднее становится очевиднымъ и при бѣгломъ сравнительномъ чтеніи обоихъ памятниковъ.

Болѣе самостоятеленъ авторъ житія во второй части—въ Похвалѣ. Но сходство съ «Словомъ» Иларіона показываетъ, что и здѣсь можно говорить лишь о самостоятельности относительной: авторъ житійной Похвалы шелъ уже по торной дорогѣ. Вполнѣ независимъ онъ отъ лѣтописи и «Слова» во вступленіи къ житію[23]).

Когда и гдѣ былъ составленъ этотъ церковный памятникъ?

Естественнѣе всего было бы появленіе краткаго проложнаго житія отнести ко времени установленія церковнаго празднованія Владиміру. Е. Е. Голубинскій относитъ канонизацію Владиміра къ 40 гг. XIII ст. и полагаетъ, что она состоялась въ Новгородѣ, по иниціативѣ Александра Невскаго или самихъ новгородцевъ. Поводомъ къ канонизаціи послужило совпа-

---

[20]) См. 15—16 строки въ Лавр. лѣт., стр. 115.

[21]) Въ лѣтописи: «попове же стояще молитвы творяху» (Лавр. 115); въ житіи: «а прозвутери, по брегу стояще, молитвы глаголаху, яко надъ крестимыми». Слово: «яко», нужно бы или совсѣмъ опустить, или же замѣнить словомъ: «яже» (вар. 54—54 Т[2]), т. е. молитвы изъ чина крещенія.

[22]) Корсун. легенда о крещеніи Владиміра, Спб. 1906 г., стр. 32. По Ипат. лѣт.: «посла Вол. къ цареви Вас. и Кон.» (95); и внидоша (послы) къ царю, царь же испыта» (93); по Лавр. лѣт.: «се слышавъ царь» (105). По всей вѣроятности, это произошло вслѣдствіе смѣшенія формъ двойственнаго числа съ единств.,—ср. въ Ипат. лѣт.: «отъ царю, царема, царя» (96, 94), въ Лавр.—въ основн. текстѣ: «царя», а въ вар. 17—«царь» (105).

[23]) Не останавливаюсь на возможномъ второмъ источникѣ житія—сказаніи о мучен. варягахъ, такъ какъ къ сказанному А. А. Шахматовымъ (Разыск., 471) ничего не могу добавить.

деніе знаменитой Невской побѣды со днемъ преставленія св. Владиміра. Так. обр.; мы могли бы проложное житіе отнести къ сѣверно-русскимъ памятникамъ половины XIII в., въ частности, къ памятникамъ новгородской письменности. Но основанія для такого рѣшенія вопроса о мѣстѣ и времени канонизации св. Владиміра совершенно недостаточныя. Е. Е. Голубинскій имѣетъ въ виду, что въ редакціи ж. Александра Невскаго въ Лавр. *лѣтописи* день Невской побѣды опредѣляется, между прочимъ, днемъ намяти св. Владиміра: «и пріиде (Ал.) на ня (шведовъ) въ день вкресенья, на память св. отець 600 и 30 бывша збора въ Халкидонѣ, и св. мученику Кюрика и Улиты и *св. князя Володимера, крестившаго Русскую землю*»[24]). Но въ другихъ древнихъ спискахъ этого житія Александра Невскаго упоминанія о Владимірѣ нѣтъ; нѣтъ, въ частности, и въ редакціи житія во 2 Псков. *лѣтописи*[25]). Въ обзорѣ житій благ. кн. Александра я попытаюсь разъяснить болѣе позднее внесеніе въ житіе подробнаго разсказа о Невской побѣдѣ, и бóльшую близость къ первоначальному составу житія редакціи во 2 Псков. *лѣтописи*, по сравненію съ *Лаврентіевскою*. Пока же достаточнымъ будетъ замѣтить, что упомянуть о Владимірѣ забылъ и новгородскій *лѣтописецъ* въ своемъ разсказѣ о Невской побѣдѣ, тогда какъ у него мы въ правѣ бы ожидатъ болѣе точныхъ разъясненій[26]). Если бы, затѣмъ, упоминаніе о св. Владимірѣ въ житіи было первоначальнымъ, если бы въ совпаденіи дня Невской побѣды со днемъ памяти Владиміру біографъ Александра усматривалъ особую небесную помощь угодника благов. князю, то это отразилось бы и на содержаніи разсказа. Между тѣмъ небесными помощниками представлены только Борисъ и Глѣбъ. И изъ контекста становится очевиднымъ, что упоминаніе о св. Владимірѣ—болѣе поздняя вставка въ житійный текстъ. Непосредственно за этимъ читаемъ: «имяше же вѣру велику къ тѣма (sic) мученикома Борису и Глѣбу». Контекстъ требовалъ упомянуть о великой вѣрѣ бл. князя и ко святому Владиміру. Такъ это и сдѣлано въ переработкѣ *лѣтописнаго* житія—у автора Похвальнаго слова Александру: «къ сему бо (Владиміру) имяше (Александръ) велію вѣру и къ святымъ страстотрьпцемъ Борису и Глѣбу»[27]). Ясна и причина разсматриваемой вставки у *лѣтописца*. Онъ внесъ въ *лѣтопись* житіе Александра послѣ 1263 г. Въ это время въ каждомъ спискѣ пролога помѣщались подъ 15 іюля память и житіе Владиміра; и мы видимъ, что подчеркнутыя въ *Лавр. лѣтописи* слова о Владимірѣ буквально совпадаютъ съ заглавіемъ проложнаго житія[28]).

По моему мнѣнію, ддя рѣшенія вопроса о времени и мѣстѣ канонизации св. Владиміра у

---

[24]) Исторія канониз. св. въ рус. церкви, М. 1903 г., стр. 63—64, прим. *Лавр. лѣт.*, 455.

[25]) Въ Рум. прологѣ 1772 (Прил., стр. 113): «пріиде въ день воскресенія, на память св. от. 630 бывшаго собора въ Халкидонѣ и св. мученику Кирика и Улиты». Во 2 Псков. *л.*: «и поиде на ня въ день въскресеніа, іуля въ 15» (стр. 3).

[26]) «І побѣди (А.) я (шведовъ) силою святыя Софья и молитвами Вл. н. Б-ца и пр. Марія, мѣсяца іюля въ 15, на память св. Кюрика и Улиты, в недѣлю на соборъ св. от. 630, иже въ Халкидонѣ», Новг. I, стр. 255—256.

[27]) По изд. у В. Мансика, о. с, 20, прилож.

[28]) Ср. въ Прил. № 5.—На вопросѣ, почему канонизации св. Владиміра не послѣдовало въ домонгольскій періодъ, въ XI в., подробно останавдивается М. Д. Приселковъ въ своемъ изслѣдованіи: «Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII в., Спб. 1913 г.». По объясненію автора, этому помѣшало враждебно-отрицательное отношеніе высшихъ іерарховъ изъ грековъ, которые не могли ни забыть, ни простить Владиміру его измѣны— попытки получить независимую отъ Констант. патріарха іерархію изъ Охридской церкви (стр. 303). Само же русское общество не только сознавало необходимость канонизации, но и «долго и упорно» добивалось ея (303). «Слово о благодати»... Иларіона, по мнѣнію М. Д. Приселкова, ближайшею задачею имѣло разъяснить законность этихъ стремленій и устранить возможныя возраженія грековъ противъ канонизаціи крестителя Руси (стр. 106 и слѣд.). Однако практическихъ результатовъ не получилось. Изъ св. князей греки канонизовали одного Мстислава I, исключительно за его преданность Византіи и родственную близость съ императ. домомъ (346). Этотъ мелочный принципъ такъ послѣдовательно проводился греками, что канонизаціи Владиміра Мономаха, тоже грекофила, по предположенію М. Д. Приселкова, помѣшали лишь временная обостренность его отношеній къ Византіи, притязанія на Дунай (335).

Въ интересномъ объясненіи М. Д. Приселкова слабую сторону составляетъ не столько отсутствіе историческихъ данныхъ, которыя бы подтверждали взглядъ автора, сколько игнорированіе фактовъ противоположнаго значенія и характера. Рискованно было бы говорить о сознательномъ, упорномъ стремленіи русскаго общества въ XI в. къ канонизаціи св. Владиміра, когда имѣется свидѣтельство *лѣтописца* того же вѣка о рав-

насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ канонизація понималась со времени, напр., Макаріевскихъ соборовъ, ея, кажется, не было ни въ домонгольскій, ни въ монгольскій періоды. Но это нисколько не мѣшало раннему появленію проложнаго житія Владиміра, такъ какъ креститель Руси признавался святымъ еще въ XI в. Если въ это время не появилось проложнаго житія, то м. б. только потому, что подъ вліяніемъ «Слова» Иларіона церковная письменность о св. Владимірѣ приняла другой характеръ—похвально-риторическій («Память» Іакова). По вопросу о времени составленія прол. житія Владиміра у насъ остается одно лишь указаніе, и то отрицательнаго характера—это отсутствіе житія въ составѣ русскихъ статей юго-славянскаго пролога. Значеніе этого указанія уже разъяснено мною выше.

Обѣ раннѣйшія передѣлки первоначальнаго текста проложнаго житія произведены въ сѣверно-русской письменности, но въ своемъ оригиналѣ житіе должно быть отнесено къ кіевскимъ памятникамъ. Добавленіе къ лѣтописному разсказу о крещеніи кіевлянъ: «идѣже нынѣ церкы есть Турова», скорѣе могъ сдѣлать кіевлянинъ, чѣмъ сѣверно-русскій сочинитель, и притомъ, до разоренія Кіева полчищами Батыя.

Краткое проложное житіе подверглось распространенію, въ результатѣ чего появились новыя сказанія о св. Владимірѣ, которыя обще могутъ быть названы распространенными проложными житіями. Только двѣ изъ редакцій распрост. прол. житія относятсл къ непосредственнымъ переработкамъ краткаго житія. По дополнительнымъ источникамъ этихъ переработокъ я буду называть одну изъ нихъ л ѣ т о п и с н о-проложнымъ житіемъ, другую—л е г е н д а р н о-проложнымъ[29]). Остальныя редакціи представляютъ собою уже передѣлки

нодушіи его современниковъ ко дню памяти крестителя Руси, когда исторія всѣхъ періодовъ русской церков. жизни, не исключая и современнаго, показываетъ, что день преставленія равноап. князя никогда не былъ и не сдѣлался о б щ е р у с с к и м ъ нраздникомъ, какимъ онъ долженъ бы быть, разъ неизвѣстенъ или позабытъ день крещенія Руси. Въ древнѣйшей письменности мы имѣемъ указанія на равнодушное отношеніе іерарховъ изъ грековъ кь прославленію русскихъ угодниковъ, но этому приводится болѣе простое и болѣе вѣрное объясненіе: «митрополита обиде ужась, *бяше бо не твьрдо вѣруя къ святыма* (Б. и Г.)». Недовѣрчивое, даже пренебрежительное отношеніе у пришельца къ чужимъ для него святымъ—знакомая намъ черта по указаніямъ житійныхъ памятниковъ объ отношеніи москвичей къ новгородскимъ, псковскимъ святымъ, Стефану Пермскому и др. Вѣрнѣе будетъ думать, что упорной борьбы изъ-за канонизаціи св. Владиміра совсѣмъ не было, что никто къ этому особенно не стремился, и никто не препятствовалъ; не послѣдовало же канонизаціи потому, что не было для нея ближайшаго, убѣдительнаго для обѣихъ сторонъ— грековъ и русскихъ, повода: чудотвореній при гробѣ Владиміра.

Одностороннее, по моему мнѣнію, объясненіе дано М. Д. П р и с е л к о в ы м ъ и «Слову» Иларіона. Въ первой части «Слова» раньше хотѣли видѣть отголосокъ полемики, которая велась въ то время съ евреями. Кажется, эта мысль теперь оставлена. И въ «Похвалѣ кагану» правильнѣе будетъ не искать никакихъ практическихъ тенденцій. Это просто вдохновенная рѣчь человѣка, который удивляетъ насъ сколько силою своего ораторскаго таланта, столько же и религіознымъ воодушевленіемъ, глубокимъ пониманіемъ историческаго значенія факта и заслуги его совершителя. Къ сказанному Иларіономъ и современный ораторъ немногое бы добавилъ. Такой рѣчи, конечно, не могъ сказать грекъ, хотя бы и самый «хитрый» въ церковномъ витійствѣ, но не потому, что онъ отрицательно-враждебно относился къ нѣкоторымъ сторонамъ въ дѣятельности Владиміра, а только потому, что не въ состояніи былъ проникнуться подобнымъ сознаніемъ величія подвига крестителя Руси. Если, затѣмъ, «Слову» обязательно приписывать практическую цѣль, то почему не допустить, что Иларіонъ, а м. б. самъ Ярославъ и вообще кружокъ «книголюбцевъ», устраивая это торжество, имѣли въ виду не грековъ, а русское равнодушіе ко дню памяти Владиміра, хотѣли, такъ сказать, устранить недавній упрекъ лѣтописца? И отчасти цѣль была достигнута: отголоскомъ «Слова» Иларіона было Похвальное слово Іакова, предназначенное не для узкаго кружка книголюбцевъ. Новый панегиристъ является убѣжденнымъ апологетомъ святости Владиміра и обязательности празднованія ему.

Экономя мѣстомъ, вынужденъ отказаться отъ разбора частныхъ объясненій М. Д. П р и с е л к о в а. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Названіе Владиміра б л а ж е н н ы м ъ, а не с в я т ы м ъ, у Иларіона не могло имѣть того значенія, какое приписываетъ П р и с е л к о в ъ (неувѣренности, какъ разрѣшится вопросъ о канонизаціи Вл., готовности остановиться на неполномъ его разрѣшеніи, 106). Древне-русская агіографія не знала точной терминологіи, слова: «блаженный», «святой» употреблялись въ тождественномъ значеніи. Напр., въ русск. прол. житіи: «си блаженая Олга»; въ псковск. прол. житіи: «память святыа блаженныа Олги»; въ юго-слав. житіи: «прѣставление святые Олги», «сии блаженаа Олга»; въ заглавіяхъ прол. ж. Владиміра; «святаго кн. Вл.», «о святемь князи Вл.», «блаженнаго и вел. кн. Вл.», въ текстѣ: «блаженый», «честный», «Волод. благочестивый» (см. въ Прилож. № 5 варіанты къ тексту).

распространенныхъ проложныхъ житій. Изъ передѣлокъ легендарно-проложнаго житія извѣстна только одна—Плигинское житіе[30]). Передѣлокъ лѣтописно-проложнаго житія очень много. Назову просмотрѣнныя мною: приписываемое монаху Іакову (псевдо-Іаковово [31]), западно-русское [32]), московское [33]), южно-руское [34]), сложно-компилятивное Пискаревское, минейное-Милютинское [35]).

Лѣтописно-проложное житіе А. И. Соболевскій считалъ литературнымъ источникомъ краткаго проложнаго житія (стр. 11). Но послѣ изслѣдованія этого вопроса А. А. Шахматовымъ нѣтъ нужды разъяснять обратное отношеніе между двумя этими памятниками [36]). С. Ѳ. Акимовичъ для обоснованія мысли о первоначальности краткаго проложнаго житія и о зависимости отъ него лѣтописно-проложнаго привлекаетъ сравнительныя хронологическія даты раннѣйшихъ списковъ обоихъ памятниковъ (стр. 64). Но это попытка ненужная и по существу дѣла—неправильная. Лѣтописно-проложное житіе не имѣло церковнаго назначенія и, въ отличіе отъ краткаго, никогда не переписывалось въ рукописяхъ богослужебныхъ, только въ четіихъ. Сборники же четіяго характера за древнѣйшій періодъ русской письменности являются рѣдкими, случайно сохранившимися экземплярами, и по нимъ рискованно было бы дѣлать болѣе опредѣленныя заключенія о времени появленія того или другого памятника. Если бы, напр., житійное сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ случайно не дошло до насъ въ сборникѣ XII—XIII в.; то, пользуясь пріемомъ г. Акимовича, мы сдѣлали бы невѣрное заключеніе о бóльшей древности проложныхъ сказаній по сравненію съ житійнымъ. Зависимость лѣтописно-проложнаго житія Владиміра отъ краткаго м. б. установлена сравнительнымъ обзоромъ ихъ текстовъ.

Совпаденіе текстовъ наблюдаемъ, правда, только въ двухъ мѣстахъ: во вступленіи: «сь бысть—како вѣрують»,—буквальное, и въ концѣ, въ описаніи погребенія князя и въ Похвалѣ: «и преставися къ Богу—въ царьствіи небеснѣмь»,—незначительный перифразъ, съ отдѣльными подновленіями текста краткаго житія. Въ остальномъ лѣтописно-проложное житіе слѣдуетъ лѣтописи. Отсюда взяты дополнительные разсказы: объ испытаніи вѣръ, объ осадѣ и взятіи Корсуня. Оба сюжета были извѣстны и автору краткаго житія, но, чтобы не осложнять разсказа, онъ ограничился сообщеніемъ однихъ результатовъ этихъ событій.

Поставивъ себѣ задачею восполнить содержаніе краткаго житія по лѣтописи, авторъ новаго сказанія не сумѣлъ объединить двухъ источниковъ, оставилъ слѣды механической ихъ спайки. Лѣтописный разсказъ о послахъ введенъ въ проложный текстъ съ помощью не совсѣмъ удач-

---

[29]) Первая издана А. И. Соболевскимъ въ Чт. Общ. Нестора лѣт., стр. 24—28, подъ названіемъ: «обычное житіе», вторая (подъ назв. «распространенное прол. житіе») тамъ же, 30—32. Прекрасное изданіе лѣтописно-прол. житія сдѣлано С. Ѳ. Акимовичемъ въ цитиров. уже «Отчетѣ» семинарія у проф. В. Н. Перетца, стр. 69—73. Цитирую по этому изданію. Пользуясь случаемъ, сдѣлаю одну здѣсь оговорку. Предлагая новыя обозначенія редакцій, я вовсе не хочу вводить новой терминологіи, считаю послѣднее излишнимъ. Но предлагаемая группировка м. б. удобнѣе будетъ для читателя, вѣрнѣе передастъ процессъ постепеннаго осложненія содержанія краткаго житія. Если, затѣмъ, выше, въ обзорѣ краткаго проложнаго житія, я и позволилъ себѣ отступить отъ предложенной А. А. Шахматовымъ группировки редакцій этого памятника, то потому лишь, что терминъ «редакція» я хотѣлъ бы понимать въ нѣсколько иномъ смыслѣ. Подъ редакціею я разумѣю такую переработку памятника, которая видоизмѣняетъ его въ значительныхъ размѣрахъ—по содержанію или только по изложенію, иначе же переработка должна быть названа разновидностію редакціи.

[30]) Издано А. А. Шахматовымъ, Корсун. легенда, стр. 46—48.

[31]) Въ связи съ «Памятью» у В. И. Срезневскаго, у пр. Макарія, Ист. р. ц. т. I, Спб. 1889 г., стр. 257—261; параллельно съ лѣтоп. разсказомъ— у Е. Е. Голубинскаго, Ист. р. ц. 1, 1, 225—238.

[32]) Въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1889 г., кн. 3, стр. 33—41, проф. М. Н. Сперанскимъ по Библіогр. матеріаламъ А. Н. Попова.

[33]) Въ моихъ Прилож. № 7.

[34]) Тоже, № 6 (терминологія относительная). На позднемъ южно-рус. житіи (у А. И. Соболевскаго, стр. 32—45) я не останавливаюсь.

[35]) Сравнительный текстъ обѣихъ редакцій подготовленъ мною къ изданію, но въ виду обширности не напечатанъ въ Прилож.

[36]) Корсунская легенда, стр. 30—32.

ной фразы, какъ бы подчеркивающей его вставку: «и посла по всѣмъ языкомъ испытая законъ, како вѣруютъ, *ходиша бо* слуги»..., (69). Также неудаченъ и переходъ къ разсказу о корсунскомъ походѣ. Внесенная въ лѣтописный текстъ фраза изъ краткаго прол. житія: «и умысливъ бо въ собѣ: попленю грады ихъ (sic) и обрящу учителя», послѣ словъ: «иде В. съ вои на Корсунь градъ греческый» (70), совсѣмъ не нужна. Владиміръ объ этомъ размышлялъ не по дорогѣ къ Корсуню, а до похода. Но въ краткомъ житіи эта фраза служила переходомъ къ описанію корсунскихъ событій; только потому она повторена и здѣсь. Удачнѣе сдѣлана вставка изъ краткаго житія въ лѣтописное описаніе крещенія Владиміра: «Володимеръ же просвѣщенъ, радовашеся душею и тѣломъ» (71). Передавая ло лѣтописи одинаковыя съ краткимъ житіемъ статьи, редакторъ не забываетъ провѣрять лѣтописный текстъ житійнымъ. Такъ, напр., онъ исправляетъ по житію указаніе мѣста крещенія кіевлянъ: «изыде... на Почайну рѣку» (въ лѣтоп.—Днѣпръ). Эти мелкія особенности работы показываютъ, что разсматриваемая компиляція изъ памятниковъ свѣтскаго и церковнаго составлена писателемъ-церковникомъ, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ, считавшимъ церковное произведеніе памятникомъ болѣе авторитетнымъ, чѣмъ лѣтопись.

Дополнительныя сообщенія къ лѣтописи въ новомъ житіи: о построеніи церкви въ Корсунѣ св. Василія, объ идолѣ Волосѣ, о восьми дняхъ пребыванія пословъ въ Константинополѣ и о шестимѣсячной осадѣ Корсуня, разъяснены А. И. Соболевскимъ. По поводу двухъ послѣднихъ особенностей нужно только добавить, что они м. б. и не были вымысломъ самого автора. Онъ могъ пользоваться нѣсколько иною, по сравненію съ лѣтописною, редакціею Корсунской легенды, даже особою редакціею лѣтописи [37]). Могло, какъ и на указаніи краткаго житія о Почайнѣ, отразиться вліяніе церковныхъ преданій— устныхъ варіантовъ къ Корсунской легендѣ.

Приписываемое Іакову житіе по своимъ источникамъ является болѣе осложненною компиляціею. Кромѣ Корсунской легенды (съ тѣми же дополнительными сообщеніями, какъ и въ предыдущемъ памятникѣ), редакторъ использовалъ, по объясненію Н. К. Никольскаго, Слово о русской грамотѣ [38]), со словъ: «Оле чюдо, яко 2-й Іерусалимъ», и житійное сказаніе о Б. и Г. Изъ него заимствованы начальныя слова. Въ описаніи смерти Владиміра авторъ пользовался не жит. сказаніемъ, а лѣтописью [39]).

Представлялось бы, конечно, заманчивымъ въ изложеніи Корсунской легенды видѣть воспроизведеніе не лѣтописной, а церковной ея записи, хотя бы и съ подновленіемъ древняго ея текста. Такъ и склонны были смотрѣть преосв. Макарій и Е. Е. Голубинскій, причемъ послѣдній, основываясь на заключительныхъ словахъ памятника, авторомъ житія считалъ грека. Но оба вопроса теперь разрѣшены въ отрицательномъ смыслѣ. Житіе считаютъ русскимъ сочиненіемъ (А. И. Соболевскій, Н. К. Никольскій), по литературному источнику—зависящимъ отъ лѣтописи. А. А. Шахматовъ рѣшительно высказался за зависимость этого памятника и отъ лѣтописно-проложнаго житія [40]). Однако вопросъ о томъ, какою лѣтописью пользовались въ изложеніи Корсунской легенды оба автора, нельзя признать рѣшеннымъ окончательно.

Объ обстоятельствахъ и мотивахъ, вызвавшихъ эту поддѣлку подъ сочиненіе Іакова, я уже говорилъ выше. Старшій списокъ житія былъ извѣстенъ въ ркп. 1414 г. На объясненіи варіанта о болѣзни Владиміра («язвѣ») мнѣ придется подробнѣе остановиться ниже.

Если лѣтописно-проложное житіе послужило источникомъ для псевдо-Іаковова житія, то его нужно отнести къ памятникамъ еще болѣе древнимъ. Мысль составить компиляцію изъ

---

[37]) По извѣстнымъ теперь лѣтоп. редакціямъ легенды, фразѣ: «а Володимеръ стояше» (Лавр., 107), очевидно, недостаетъ словъ: «6 мѣсяць».

[38]) Мат. для повр. списка..., стр. 241. Подробнѣе въ Хр. Чт. за 1902, VI, стр. 102—103, 106: «Къ вопросу объ источникахъ лѣтописнаго сказанія о св. Владимірѣ».

[39]) Ср. по изд. Срезневскаго, стр. 11 и Лавр. лѣт., 127—128, Сборн. Усп. соб., 13.

[40]) Корсунская легенда, стр. 25—27.

проложнаго житія и лѣтописи могла появиться очень рано, однако осуществлена она была не въ кіевской письменности. Наблюденія надъ языкомъ житія, сопоставленія отдѣльныхъ его словъ съ лѣтописными, произведенныя А. И. Соболевскимъ[41]), показываютъ, что въ извѣстномъ теперь видѣ житіе появилось уже въ монгольскій періодъ, значитъ, въ письменности сѣверно-русской. Сравнительно позднее появленіе краткаго проложнаго житія удерживаетъ и отъ предположенія, что лѣтописно-проложное житіе могло имѣть болѣе раннюю, въ спискахъ XV, XVI вв. передѣланную уже въ стилистическомъ отношеніи, редакцію. Въ качествѣ общей хронологической даты нявленія этого житія можно, так. образомъ, взять тотъ же XIV в.

Однимъ изъ наиболѣе раннихъ опытовъ переработки лѣтописно-проложнаго житія является южно-русская редакція, въ Прилож. № 6, по ркп. нач. XVI в. № 207/35130 Ист. музея. А. А. Шахматовымъ указанъ другой списокъ этой редакціи—въ ркп. XVI в. № 105 (199) Вилен. публ. б-ки [42]). По хронологическимъ датамъ списковъ появленіе памятника приблизительно можно опредѣлить второю полов. XV нач. XVI в. Всѣ варіанты этой редакціи совпадаютъ съ текстомъ Ипат. лѣтописи. По источнику переработки я и называю ее южно-русскою. Но возможно, что южно-русскою (юго-западною) она была и по мѣсту своего появленія. Измѣняя текстъ лѣтописно-проложнаго житія по Ипат. лѣтописи, редакторъ сохраняетъ всѣ вставки изъ краткаго проложнаго и дополнительныя сообщенія къ лѣтописи. Нѣтъ лишь о восьми-дневномъ пребываніи пословъ въ Константинополѣ [43]). По вопросу о мѣстѣ крещенія кіевлянъ редакторъ рѣшилъ объединить указанія обоихъ источниковъ: «изыде Вл... на рѣку Почайну и на Днѣпръ». Какъ и въ лѣтописно-проложномъ житіи, лѣтописный текстъ здѣсь подновленъ.

Единственный списокъ западно-русской редакціи, б. м. оригиналъ памятника, въ Чуд. сборн. № 62/264, второй половины XVI в. Редакція эта представляетъ собою переводъ лѣтописно-проложнаго житія на бѣло-русское нарѣчіе, съ нѣкоторыми стилистическими варіантами [44]). Но добавленія внесены и въ содержаніе житія. Въ разсказѣ о Десятинной церкви Анастасъ названъ епископомъ: «постави ж въ ней Анастаса епископа, корсуненина» (39); объ исцѣленіи Владиміра къ обычнымъ словамъ: «и яко возложи руку нань епископъ, и абіе прозрѣ», прибавлено: «отпадоша же отъ очію его, яко и чешюя» (36); Десятинная церковь названа Успенскою (39), холмъ Перуна, гдѣ Владиміръ построилъ церковь Василія,—греческимъ словомъ: *Ликоѳросъ* (38).

О первомъ добавленіи я отложу рѣчь до обзора Плигинской редакціи легендарно-проложнаго житія; тамъ же будетъ подробно разъясненъ и литературный источникъ осложненнаго разсказа о болѣзни Владиміра. Пока для «приведенной фразы достаточно будетъ указать параллель въ разсказѣ Дѣеписателя о крещеніи апост. Павла: «и возложь (Ананія) нань руцѣ..., и абіе отпадоша отъ очію его яко чешуя» (гл. IX, ст. 17, 18), и припомнить, что въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ св. Владиміръ сопоставляется съ апост. Павломъ [45]). Успенскою Десят. церковь называется и въ краткомъ пролож. житіи по списку Ундольск. № 643 (вар. 63, стр. 16).

---

[41]) о. с, стр. 11. См. особенно лѣт.: «тети»—жит.: «бити»; «рѣнь»—«берегъ, гора»; «дружина»—опускается въ житіи.

[42]) Корс. легенда, 29—30.

[43]) См. вар. 25—25, 26—26, 27—27, 45—45, 46—46, 47—47, 51—51, 73—73, 75.

[44]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: съ Анною были отправлены въ Корсунь епископъ, «прозвитеры и дьякони, весь причтъ церковный» (стр. 36); на крещеніе велѣно собраться всѣмъ: «богатъ и убогъ, рабъ и свободь, и мужескъ полъ и женьски, старіи и юніи, юнаша и дѣвы, старци со юнотами, паче же и нищіи» (37); десятина дана «св. церкви на потребу, паче же и служащимъ въ ней» (39). Свои пояснительныя вставки редакторъ любитъ сопровождать фразою: «спроста рещи». «Сниде же (на Почайну) безчислено народа множество, соспроста рещи—весь градъ» (38); «и по селамъ и по всякымъ мѣстамъ повелѣ вся люди—мужа и жены, старыя и юныхъ, спроста рещи—всякъ возрастъ человѣчьскый ко крещенію приводити» (39); въ Десят. церковь было передано все взятое въ Корсунѣ: «иконы и кресты, книги и сосуды церковныа, сьпроста рещи—и всю утварь церковную» (39).

Названіе холма-горы Перуна греческимъ словомъ Ликоѳросъ разъяснено С. П. Шестаковымъ, въ статьѣ: «Къ вопросу о мѣстѣ крещенія св. Владиміра» [46]). Λύκειος—эпитетъ бога Аполлона; онъ перенесенъ на русскаго Перуна, и слово: Ликоѳросъ, представляетъ собою искаженіе греческихъ словъ: Λυκείου θρόνος, или Λυκείου ὄρος (330). Въ употребленіи редакторомъ греческаго слова А. Н. Поповъ (41) хотѣлъ видѣть подтвержденіе мнѣнію Б. Е. Голубинскаго, что распространенное житіе (псевдо-Іаковово) составлено грекомъ. Но такого литературнаго значенія слово «Ликоѳросъ», конечно, не имѣетъ. Это только одна изъ иллюстрацій къ наивной претензіи старинныхъ писателей на ученость. Въ житійной литературѣ о св. князьяхъ съ подобною чертою встрѣчаемся у Нестора въ ж. Б. и Г. [47]); будетъ она отмѣчена и ниже, въ обзорѣ редакцій ж. бл. Довмонта. Иногда, употребивъ греческое слово, писатель не могъ удержаться, чтобы въ переводѣ не обнаружить и размѣра своихъ филологическихъ познаній. Ограничусь однимъ примѣромъ свободнаго перевода съ греческаго. Въ описаніи чуда отъ иконы Б. М. Спасо-Мирожской передается, что въ торжественномъ крестномъ ходѣ съ иконою псковичи «скакаху» отъ радости «и вси глаголюще велегласно: киріелей-сонъ, сирѣчь: слава въ вышнихъ» [48]).

Нѣкоторое сходство по содержанію съ западно-русскою редакціею имѣетъ редакція московская, изданная мною, тоже по единственному списку № 3154 Румянц. музея, перв. полов. XVII в. Я называю эту стилистическую передѣлку лѣтописно-проложнаго житія московскою главнымъ образомъ потому, что въ изложеніи ея отразился тотъ высокопарный стиль, который въ московскихъ памятникахъ конца XVI в. перв. пол. XVII в. былъ доведенъ до крайностей. Нужно полагать, что и по мѣсту своего происхожденія эта редакція принадлежитъ московской письменности, не раньше половины XVI в. Цѣль переработки—приблизить древній разсказъ къ современнымъ (XVI—XVII в.) политическимъ и литературнымъ вкусамъ читателя. Въ «державѣ» благочест. Владиміра все совершается съ соблюденіемъ этикета, или выражаясь языкомъ памятника: «по чину» и «по обычаю». По возвращеніи изъ Константинополя, послы, призванные дать отчетъ, прежде всего «сотвориша по обычаю поклоненіе князю и всѣмъ прочимъ» и затѣмъ стали передавать о своихъ впечатлѣніяхъ. Къ Константину и Василію Владиміръ отправляетъ пословъ съ «написанными глаголы»; въ свою очередь и «благочестивѣйшіе» цари отвѣчаютъ князю «писаніемъ по чину своему». Владиміръ оставляетъ Корсунь, «все разрядивъ» въ немъ по чину и т. п. Вносятся обычныя условности въ опредѣленіе хронологической послѣдовательности отдѣльныхъ событій: «по малѣ же времени», «не по мнозѣ же времени», «по томъ же времени». Къ житію присоединено Похвальное слово Владиміру—передѣлка изъ «Слова» м. Иларіона.

<…>

[45]) Въ тропарѣ: «обрѣлъ еси безцѣнный бисеръ, Христа, избравшаго тя, яко втораго Павла».

[46]) Изв. Общ. арх., ист. и этногр. т. XXIII, в. 5, Казань, стр. 319—339.

[47]) Митр. Іоаннъ изъ Вышгорода: «отъиде въ свою кафоликани иклисиа»,—по изд. Бодянскаго, 17.

[48]) По монаст. ркп. сказаніе издано свящ. А. С. Ляпустинымъ въ I в. Труд. Псков. Церк.-Археол. Комит., см. стр. 100.

<…> дѣлать ее на русскій ладъ. Стояла-ли эта попытка въ связи съ обостренностію отношеній русскихъ къ греческой церкви—нѣтъ прямыхъ данныхъ для положительнаго отвѣта. Но если легендарно-проложное житіе появилось только въ XV в., то въ числѣ мотивовъ внесенія легенды въ житійный текстъ не будетъ ошибкою предположить и послѣдній. Вообще же въ житійной литературѣ о св. Владимірѣ легко замѣтить національный ея характеръ, своеобразно-русское пониманіе и русскую оцѣнку историческихъ событій.

По отзыву акад. М. И. Сухомлинова, св. Владиміра можно назвать главнымъ лицемъ лѣтописи—его подвиги изображены здѣсь съ наибольшею подробностію и съ живымъ сочувствіемъ [49]). Центральное мѣсто Владиміръ занимаетъ и въ эпосѣ. Уже по количеству сохранившихся редакцій житій разнаго времени и разныхъ мѣстностей можно заключить, что такое же мѣсто занималъ св. Владиміръ и въ письменности церковной, и не потому лишь, что съ его жизнію совпало самое важное событіе въ русской церковной исторіи. Не одинъ равноапостольный подвигъ св. князя привлекалъ къ нему вниманіе русскаго общества. Литература всѣхъ типовъ: житійная, лѣтописная, народная, останавливалась на Владимірѣ и какъ на политическомъ дѣятелѣ, котораго «вся страны бояхуся» [50]), котораго «слава и гроза бысть на всѣхъ странахъ» [51]), просто, наконецъ, какъ на человѣкѣ, добродѣтели и слабости котораго (имѣю въ виду языческій періодъ жизни св. князя) были такъ понятны и близки древне-русскому человѣку.

Въ началѣ обзора житій благ. кн. Владиміра отмѣчена близость церковной литературы о св. князѣ къ литературѣ народной—легендарной. Къ сказанному тамъ нужно добавить, что, пользуясь матеріаломъ легендарнымъ, житійная литература въ свою очередь давала матеріалъ и для легендарныхъ сказаній. Ограничусь однимъ примѣромъ—изданнымъ мною «Словомъ о началѣ русской земли» [52]). Въ этомъ баснословномъ памятникѣ значительная часть содержанія заимствована изъ краткаго проложнаго житія Владиміра.

Церковныя сказанія о св. князьяхъ-мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователя сколько разнообразіемъ сохранившихся редакцій, столько же и распространенностію ихъ въ древне-русской письменности—сложностію матеріала для изученія рукописной судьбы этихъ памятниковъ. Одного лишь такъ называемаго житійнаго сказанія,—по старой терминологіи: житія, составленнаго мнихомъ Іаковомъ,—насчитываютъ болѣе 150 списковъ. Въ большомъ количествѣ списковъ сохранились и проложныя житія. Можно сказать, что мы имѣемъ ихъ столько же, сколько извѣстно древнихъ списковъ пролога за вторую, мартовскую, половину года, такъ какъ та или другая редакція проложнаго сказанія о св. братьяхъ въ прологахъ помѣщалась обязательно. При такихъ условіяхъ, одна лишь черновая, подготовительная работа—пересмотръ всего рукописнаго матеріала о житіяхъ св. князей, его группировка по редакціямъ и ихъ разновидностямъ, оцѣнка позднѣйшихъ и мѣстныхъ наслоеній въ первоначальномъ составѣ и текстѣ той или другой редакціи,—могла бы дать тему для отдѣльнаго изслѣдованія. Критическій обзоръ научныхъ взглядовъ и объясненій литературной исторіи житій Б. и Г. въ свою очередь составилъ бы обширный отдѣлъ въ этомъ спеціальномъ изслѣдованіи.

Такихъ широкихъ задачъ, разумѣется, я не могъ поставить себѣ при изученіи этого отдѣла своей темы. Я заботился только о томъ, чтобы ознакомленіе съ рукописнымъ матеріаломъ не приняло характера случайнаго, бѣглаго просмотра того, что попадетъ подъ руку; старался ознакомиться со всѣми типами церковныхъ сказаній о св. братьяхъ, по древнѣйшимъ и болѣе

[49]) О древне-русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, Спб. 1856 г., стр. 119.
[50]) «Память», стр. 6.
[51]) Слово о началѣ рус. землй—въ ркп. Рум. муз. № 358, л. 176.
[52]) Труды Псков. церковно-археол. комитета, в. I; Псковъ 1910 г., стр. 201—202, см, также стр. 193—195.

оригинальнымъ ихъ спискамъ, но ни внѣшней полноты изученія, ни детальности его я не преслѣдовалъ. Равнымъ образомъ и при изученіи научной литературы я останавливался преимущественно на изслѣдованіяхъ новѣйшихъ. Послѣ работъ А А. Шахматова и Н. К. Никольскаго многія изъ старинныхъ изслѣдованій, безусловно, утратили свою цѣнность; для полноты критико-библіографическаго обзора на нихъ, можетъ быть, и полезно останавливаться, для его обстоятельности—едва-ли особенно нужно.

Для изученія рукописной судьбы сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ въ письменности сѣверно-русской очень много сдѣлано Н. К. Никольскимъ. Въ «Матеріалахъ для повременнаго списка» (стр. 253—289, 398—402) помѣщенъ обширный указатель рукописнаго матеріала; въ то же время здѣсь дано наглядное доказательство научной цѣнности этой утомительной работы въ области рукописныхъ разысканій. Почти о каждомъ памятникѣ у Никольскаго находимъ рядъ или новыхъ, цѣнныхъ указаній, или поправокъ къ стариннымъ взглядамъ и объясненіямъ. Недостаточно выясненнымъ у автора остался лишь вопросъ о смѣнѣ редакцій житійнаго сказанія. Н. К. Никольскій не даетъ точной группировки списковъ по редакціямъ, но онъ намѣчаетъ планъ этой дополнительной работы и указываетъ возможные ея результаты. Она прекрасно выполнена С. А. Бугославскимъ. Изслѣдователь, повидимому, поставилъ себѣ задачею изучить весь рукописный матеріалъ о св. мученикахъ-братьяхъ и дать детальное изслѣдованіе литературной исторіи сказаній.

А. А. Шахматовымъ въ его «Разысканіяхъ...» дана совершенно новая постановка вопроса объ отношеніи древнихъ церковныхъ сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ къ сказаніямъ лѣтописнымъ. Путемъ анализа сохранившихся памятниковъ изслѣдователемъ, такъ сказать, созданъ новый матеріалъ для сравнительнаго изученія вопроса—возстановлены утраченныя старинною письменностію первоначальныя редакціи лѣтописныхъ сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ. Характеризовать результаты такой работы нѣтъ нужды. Мнѣ лично кажется, что въ настоящее время легче будетъ найти новые рукописные матеріалы о старинныхъ житіяхъ Б. и Г., чѣмъ дать другую постановку вопроса о первоначальной литературной исторіи житій, по сравненію съ предложенною Шахматовымъ.

Нужно впрочемъ оговориться, что выводы А. А. Шахматова пока не сдѣлались въ наукѣ общепринятыми. Такъ, напр., проф. М. Н. Сперанскій въ своей «Исторіи древней русской литературы», М. 1914 г., по всѣмъ основнымъ вопросамъ въ литературной исторіи пространныхъ житій Б. и Г.: объ авторѣ житійнаго сказанія (стр. 298, 340), о взаимоотношеніи житій Іакова и Нестора (298), находитъ возможнымъ держаться стараго научнаго взгляда. Съ такою же особенностію встрѣчаемся и въ «Лекціяхъ по исторіи русской литературы», ч. 1, в. 2, изд. 3 (литограф.), Спб. 1913 г., проф. И. А. Шляпкина (стр. 98). Къ сожалѣнію, въ этихъ изслѣдованіяхъ нѣтъ ни критическаго разбора мнѣній А. А. Шахматова, ни новой аргументаціи въ защиту стараго научнаго взгляда; по характеру изданій (это университетскіе курсы лекцій) мы, разумѣется, и не въ правѣ претендовать на отсутствіе въ нихъ подобныхъ деталей.—Свой обзоръ церковныхъ сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ я начну съ проложныхъ редакцій, хотя хронологически онѣ и не занимали въ русской письменности перваго мѣста.

Извѣстны двѣ редакціи пролож. житій: древнѣйшая (южно-русское прол. житіе) издана въ Прилож. подъ № 8, и болѣе поздняя (сѣверно-русское житіе) —подъ № 9. Кромѣ житій, въ прологахъ помѣщались еще: подъ 5 сент. статья объ убіеніи Глѣба, подъ 2 и 20 мая замѣтки о перенесеніи мощей мучениковъ.

Оба проложныхъ житія—памятники не оригинальные. Для древнѣйшей редакціи источниками были лѣтопись, въ старшей, чѣмъ извѣстныя теперь, редакціи, и,—по мнѣнію А. А. Шахматова,—Несторово житіе [53]). Но Несторово житіе, какъ можно видѣть и изъ

---

[53]) Н. К. Никольскій, Мат. для повр. сп., 278; А. А. Шахматовъ, Разысканія..., 43. По объясненію Шахматова, прол. житіе представляетъ собою извлеченіе изъ Кіев. Начальнаго свода (44).

сопоставленій у А. А. Шахматова, было источникомъ второстепеннымъ; вліяніе его отразилось лишь на отдѣльныхъ мѣстахъ въ изложеніи, содержаніе же памятника построено на основѣ лѣтописнаго разсказа. Ни въ содержаніи, ни въ изложеніи нѣтъ указаній на знакомство редактора съ житійнымъ сказаніемъ. Наоборотъ, встрѣчаются фразы, которыя читаемъ только въ лѣтописныхъ редакціяхъ сказанія [54]). Изъ извѣстныхъ теперь сводовъ лѣтописи житійный текстъ ближе всего къ тексту въ 1 Новгор. лѣтописи. На непосредственную зависимость житія отъ лѣтописи указываетъ и помѣщеніе текста Похвалы св. Владиміру. Въ сущности, это—совершенно ненужная для житія вставка. Послѣднее сознавали, кажется, и переписчики памятника. Такъ, напр., въ Типогр. прологѣ № 179 Похвала опущена, и сокращеніе текста нисколько не отразилось на плавности разсказа (вар. 19).

Разсматриваемую редакцію нельзя назвать переработкою лѣтописнаго разсказа, это лишь механически произведенное его сокращеніе. Нѣкоторую самостоятельность редакторъ обнаружилъ въ концѣ сочиненія. У него читаемъ, что поверженное въ дубравѣ [55]) тѣло Глѣба убійцы «покрыша, разсѣкше корабль» Глѣбовъ. Эта мелкая деталь могла быть заимствована изъ сохранявшихся въ то время устныхъ преданій, могла быть и просто догадкою редактора, поясненіемъ къ предыдущимъ словамъ: «межи двѣма колодома».

Въ литературномъ отношеніи житіе представляетъ собою неудачный памятникъ. Оно не имѣетъ даже того внѣшняго вида законченности, какой вообще принято было придавать проложнымъ житіямъ: нѣтъ ни Похвалы святымъ, ни молитвеннаго къ нимъ обращенія, ни заключительныхъ строкъ—славословія. Эти недочеты въ литературной формѣ житія затрудняютъ опредѣленнѣе высказаться и объ обстоятельствахъ его составленія. Повидимому, житіе появилось раньше житійнаго сказанія, до 1115 г., и если правильно предположеніе о зависимости житія отъ Кіевскаго Начальнаго свода, то житіе нужно отнести къ памятникамъ южнорусской (кіевской) письменности.

Рукописной исторіи текстъ разсматриваемой редакціи не имѣлъ. И въ пергаменныхъ, и въ бумажныхъ прологахъ житіе переписывалось безъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій и варіантовъ. Объединеніе житійнаго текста съ текстомъ изъ 3 пареміи въ сборникѣ № 1284, XVI в., Публ. б-ки (вар. 72—72), произведено совершенно случайно, внѣшнимъ образомъ [56]). Въ сборникахъ четіяго характера житіе помѣщалось рѣдко.

Вторая проложная редакція (№ 9) встрѣчается въ спискахъ пролога не старше XV в. Къ этому времени (или не раньше, какъ ко второй половинѣ XIV в.) нужно отнести и составленіе памятника; иначе онъ встрѣчался бы и въ спискахъ пролога XIV в. По мѣсту составленія вторая редакція должна быть названа сѣверно-русскимъ житіемъ. Источникомъ ея было житійное сказаніе въ сѣверно-русской его переработкѣ. Послѣднее видно изъ замѣны Пинска (удѣла Святополка) Туровомъ и изъ подробнаго перечня сыновей Владиміра и ихъ удѣловъ, который находимъ только въ болѣе позднихъ, сѣверно-русскихъ редакціяхъ сказанія.

Выше, въ обзорѣ русскихъ статей юго-слав. пролога, я высказалъ предположеніе, что сѣверно-русское проложное житіе Б. и Г. было переработкою, распространеніемъ древняго кіевскаго житія, которое сохранилось только въ юго-слав. письменности. Мотивами переработки могли быть краткость древней редащіи и естественное желаніе использовать для проложнаго житія новый текстъ сказанія житійнаго.

Въ содержаніи сѣверно-русскаго житія нѣтъ ничего оригинальнаго. Сокращая текстъ житійнаго сказанія, редакторъ въ большинствѣ случаевъ буквально воспроизводитъ отдѣльныя

---

[54]) Напр., въ молитвѣ Бориса: «не отъ противныхъ, но отъ своего брага, и не постави ему въ томь грѣха; помолившюся възлеже на одрѣ». Ср. въ Лавр. л., 130—131, I Новг. 78; Сборн. Усп. соб., 16—17.

[55]) Лавр. (134), Ипат. (124): «на брезѣ»; жит. сказ. (Сбор. Усп. соб., 22) и 1 Нов. (81)—«на пустѣ мѣстѣ», Нест. ж.: «въ пустынѣ» (по изд. Бодян., 11).

[56]) Вѣроятно, подъ вліяніемъ парем. чтеній въ Типогр. прол. № 172 (вар. 44) произведена замѣна Святополка Поганополомъ. Ср. въ 3 пареміи: «на безаконаго и гордаго Святополка, паче же реку—Поганополка» (Ркп. № 626/1137 АМИД., л. 346 об.).

мѣста своего источника. Текстъ житія въ спискахъ пролога разныхъ вѣковъ однообразенъ, какъ и текстъ южно-русскаго проложнаго житія. Варіанты находимъ лишь въ описаніи проявленія мощей благов. Глѣба. Въ большинствѣ списковъ кратко передается: «Богъ же показа и (мощи Г.) славно смольняномь, яко древле израильтяномь кости Іосифовы»; въ спискахъ Гум. муз. № 323, Истор. муз. №№ 790, 845 и др., сдѣланы болѣе подробныя разъясненія, въ чемъ именно состояло это чудесное показаніе (вар. 23, 25—25). Детали эти заимствованы изъ тогоже источника—житійнаго сказанія, и, какъ видно изъ приведенныхъ варіантовъ, онѣ внесены въ первоначальный текстъ не одновременно, а въ нѣсколько пріемовъ.

Въ прологѣ XVII в. № 1296 Архива Свят. Синода имѣемъ опытъ передѣлки сѣверно-русскаго проложнаго житія—неумѣлое сокращеніе объема памятника. О пріемахъ и о результатахъ этой переработки можно составить представленіе по помѣщеннымъ варіантамъ. Редакторъ остановился на полпути: ограничился разсказомъ о смерти св. Бориса, хотя и заглавіе (вар. 1), и заключительныя слова (вар. 16) требовали отъ редактора помѣстить текстъ житія обоихъ св. братьевъ.

Въ литературномъ отношеніи сѣверно-русское житіе памятникъ вполнѣ удовлетворительный; въ немъ нѣтъ тѣхъ недочетовъ, какіе отмѣчены въ характеристикѣ южно-русскаго проложнаго житія. Для списковъ пролога XV, XVI вв. новая редакція сдѣлалась обычною. Съ небольшою стилистическою переработкою она воспроизведена и въ прологѣ старо-печатномъ [57]).

Статьи на день перенесенія мощей св. братьевъ составлены по лѣтописнымъ объ этомъ извѣстіямъ и въ разныхъ спискахъ имѣютъ однообразный видъ. Въ пергаменныхъ прологахъ отмѣчаются оба праздника—подъ 2 и подъ 20 мая, въ бумажныхъ обычно одинъ—подъ 2 мая; также и въ старопечатномъ прологѣ.

О проложной статьѣ подъ 5 сентября,—объ убіеніи св. Глѣба, ограничусь сказаннымъ выше (стр. 14—15).

Сложнѣе литературная исторія подробныхъ житій св. Бориса и Глѣба: «Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженую страстотерпцу Б. и Г.» Нестора и «Сказаніе и страсть и похвала святою мученику Б. и Г.»— сочиненіе анонимное.

Сочиненіе Нестора съ лѣтописною редакціею сказанія о Б. и Г., въ извѣстныхъ теперь сводахъ, почти не имѣетъ сходства. Оно написано по другому плану и не только различно, но иногда до противорѣчія иначе передаетъ отдѣльные факты изъ жизни св. братьевъ. Несторъ не ограничивается разсказомъ о мученической кончинѣ святыхъ, онъ пишетъ полное ихъ житіе, но не въ формѣ біографическаго разсказа, а въ рамкахъ той условно-риторической схемы, которая была извѣстна Нестору по агіографическимъ памятникамъ византійскимъ. Она требовала отъ житія внѣшней полноты и законченности, фактическую же обоснованность разсказа не считала существенно-важною. Придерживаясь такого обще-житійнаго плана, Несторъ даетъ рядъ свѣдѣній о святыхъ изъ раннѣйшаго періода ихъ жизни: о воспитаніи св. братьевъ, женитьбѣ Бориса, управленіи имъ удѣломъ, о малолѣтствѣ Глѣба въ моментъ смерти отца и др. Этихъ извѣстій нѣтъ у лѣтописца; но едва-ли нужно для большинства изъ нихъ предполагать опредѣленный историческій источникъ, скорѣе это лишь субъективныя догадки писателя, простое заполненіе недостоющаго біографическаго матеріала агіографическою риторикою.

Одинаковый характеръ имѣетъ и предисловіе къ житію. Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію подготовленія рода человѣческаго къ принятію христіанства, Несторъ подробнѣе останавливается на условіяхъ распространенія христіанства на Руси при св. Владимірѣ. Въ характеристикѣ языческаго періода въ жизни Владиміра можно замѣтить сходство съ «Похвалою кагану» м. Иларіона, но съ лѣтописнымъ изображеніемъ князя-язычника въ житіи нѣтъ

---

[57]) См., напр., Типогр. б-ки № 845, л. 620 об.—621 об., 1686 г.

общихъ чертъ. Владиміръ-язычникъ представленъ Несторомъ съ тѣми качествами праведнаго, милосердаго человѣка, которыя, по объясненію лѣтописца, явились уже результатомъ духовнаго перерожденія князя въ купели крещенія, плодами усвоенія нравственнаго ученія новой вѣры [58]). Получившееся разногласіе въ сочиненіяхъ двухъ древнихъ писателей объясняется не разницею біографическаго матеріала, которымъ пользовался каждый изъ нихъ, а лишь неодинаковымъ пониманіемъ задачъ работы. Лѣтописецъ хотѣлъ дать историческую оцѣнку личности Владиміра, Несторъ—отвлеченно-агіографическую. Первый въ характеристикѣ князя исходилъ изъ конкретныхъ примѣровъ и фактовъ, второй руководился стороннимъ литературнымъ матеріаломъ, заимствованнымъ изъ агіографическаго образца. Такимъ образцомъ для Нестора было житіе св. Евстаѳія Плакиды.

Примѣнительно къ содержанію житія Евстаѳія Несторъ и дѣлаетъ группировку біографическаго матеріала о св. Владимірѣ, въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ біографическомъ матеріалѣ нельзя было найти соотвѣтствующихъ данныхъ для сопоставленія Владиміра съ Плакидою, Несторъ допускаетъ недоговорки, неточности, прибѣгаетъ къ общимъ мѣстамъ, намѣренно затемняя ихъ смыслъ. Въ жизни св. князя Несторъ могъ найти данныя не только для параллелей, но и для протовоположенія Владиміра Евстаѳію. Однако онъ не захотѣлъ использовать литературнаго пріема второго рода, хотя отдѣльные случаи для этого и были. У Нестора, напр., читаемъ: «сему (Вл.) Богъ *спону* нѣкаку створи быти ему христьяну» (3). Подчеркнутое слово А. А. Шахматовъ понимаетъ въ смыслѣ «препятствіе» [59]). Въ обращеніи Евстаѳія къ христіанству, дѣйствительно, никакой «споны» не было, и эту разницу нужно было Нестору объяснить. Но изъ дальнѣйшихъ его словъ: «яко же древле Плакидѣ, тако же и сему Владимеру *явленіе Божіе* быти ему крестьяну створи же» (3), ясно, что и въ этомъ случаѣ Несторъ хотѣлъ провести только параллель Владиміра съ Евстаѳіемъ, а не противоположеніе. Не найдя же въ жизни князя подходящаго для сравненія факта, онъ ограничился общею фразою объ одинаковомъ явленіи Христа и Евстаѳію, и Владиміру. Слово «спона» онъ употребилъ, так. обр., не кстати [60]).

Съ такими же литературными пріемами встрѣчаемся и въ характеристикѣ св. братьевъ Б. и Г.

Несторъ сравниваетъ св. Бориса съ небеснымъ его патрономъ—св. Романомъ; но приведенный для обоснованія этой агіографической параллели конкретный примѣръ нельзя назвать вполнѣ удачнымъ: онъ говоритъ меньше, чѣмъ нужно, и аналогія получается весьма отдаленная. Изъ жизни св. Романа Несторъ указываетъ случай, когда святому, молившемуся въ церкви св. Богородицы и «мало уснувшю», Богоматерь вложила въ руку свитокъ, но діаволъ поспѣшилъ вырвать изъ руки уснувшаго этотъ небесный подарокъ; тогда Богоматерь вторично вручила святому свитокъ. «Тако же и сии блаженъ Романъ (Б.): видя бо врагъ даную ему бдагодать отъ Бога и милосердие ко всѣмъ, и не терпя того врагъ, влѣзе въ брата ему старѣишаго, хотя тѣмь восхватити животъ его отъ земля, яко се по малу скажемь» (5).

Болѣе выдержанными являются библейскія параллели: сравненія Глѣба съ царемъ Давидомъ, обоихъ братьевъ съ Іосифомъ и Веніаминомъ (5, 6); но это слишкомъ общія мѣста, примѣнимыя и къ характеристикѣ другихъ святыхъ.

Отмѣченная тенденціозность въ литературной стройкѣ памятника, несомнѣнно, понижаетъ его историческую цѣнность. Въ тѣхъ случаяхъ, когда біографъ сообщаетъ новыя свѣдѣнія о святыхъ, мы не всегда съ увѣренностію можемъ сказать: заимствованы-ли эти свѣдѣнія непос-

[58]) «Бѣ же мужь правдивъ и милостивъ къ нищимъ и къ сиротамъ и ко вдовичамъ, елинъ же вѣрою» (по изд. Бодянскаго, стр. 3. Во всѣхъ случаяхъ я цитирую это изданіе, въ оттискѣ). Ср. сдѣланныя раньше (стр. 46—47) сопоставленія въ характеристикѣ Владиміра у Иларіона и у Іакова.

[59]) Разысканія..., стр. 69. Авторъ предлагаетъ слѣдующее чтеніе разсматриваемаго мѣста: «сему бо спона нѣкака створися быти ему хрестьяну»— что-то помѣшало быть ему христіаниномъ.

[60]) Подъ «спонoю» Евстаѳію Несторъ, по всей вѣроятности, подразумѣвалъ извѣстный случай съ Евстаѳіемъ въ лѣсу.

редственно изъ древняго источника—письменнаго или устнаго, или въ значительной степени представляютъ собою литературныя догадки; нужно-ли, напр., въ разсказѣ о малолѣтствѣ Глѣба въ моментъ смерти отца видѣть точное историческое извѣстіе, или это только литературное упражненіе на ранѣе приведенный авторомъ библейскій текстъ: «тако же и сии Давидъ мнии бѣ въ братьи своей и унѣй въ дому отца своего» (5). Впрочемъ, я вовсе не хочу умалять историческаго значенія Несторова житія. Наоборотъ, я считаю этотъ памятникъ наиболѣе важнымъ источникомъ для біографіи благов. князей, ставлю его выше всѣхъ другихъ древнихъ о нихъ сказаній.

По опредѣленію А. А. Шахматова (55—56), Несторово житіе написано въ 80-хъ гг. XI стол., черезъ 60—70 лѣтъ послѣ кончины св. братьевъ. Въ это время могли оставаться въ живыхъ современники описываемыхъ Несторомъ событій, во всякомъ случаѣ, не успѣли еще затемниться воспоминанія и разсказы, слышанные отъ современниковъ. Біографъ находился, так. обр., въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для работы и сколько бы онъ ни увлекался литературною стороною дѣла— подражаніемъ чужому, на его риторикѣ должно было отозваться и свое, хотя бы и обезличенное чужою формою—разсказы современниковъ: «елико слышахъ отъ нѣкыхъ христолюбець» (1). Вотъ почему всѣ мелочи біографическаго разсказа и отступленія отъ лѣтописныхъ извѣстій о Борисѣ и Глѣбѣ получаютъ особую цѣнность; они даютъ возможность вѣрнѣе представить причины и обстановку мученической кончины св. братьевъ.

По словамъ Нестора, Глѣбъ, какъ малолѣтній, не получилъ удѣла, жилъ при отцѣ въ Кіевѣ. Видя угрожающую отъ Святополка опасность, онъ пытался спастись отъ нея бѣгствомъ: «восхотѣ отбѣжати на полунощныя страны, сущю иному тамо брату святую» (6),—очевидно, въ Новгородъ, къ Ярославу. Ясно так. образомъ, что Борисъ и Глѣбъ были рождены не отъ языческаго брака съ «болгарынею», какъ сообщаетъ лѣтописецъ, а отъ христіанскаго—съ греческою царевною; что въ этомъ именно была причина и особой любви къ нимъ Владиміра и подозрительной ненависти Святополка. Бориса дважды предупреждали о братоубійственныхъ замыслахъ Святополка (8, 9); онъ зналъ о бѣгствѣ Глѣба (8), имѣлъ подъ рукою восемь тысячъ войска (іЪ.), но не захотѣлъ ни скрываться отъ опасности, ни защищаться силою, предпочиталъ путемъ переговоровъ склонить Святополка къ миру и братскоі любви. Съ этою цѣлью онъ дважды посылалъ къ Святополку «отрока», но тотъ: «емъ отрока, удержа и» (8—9). Изъ случайно оброненной фразы: «мнози бо глаголютъ: в рачѣ [61]) его видѣвше, суща тако, яко же и Ульяна законопреступнаго» (12), видно, что, при желаніи, Несторъ могъбы сообщить любопытныя подробности и о смерти братоубійцы—Святополка. Для научной біографіи св. братьевъ всѣ эти детали въ старинномъ ихъ житіи безусловно цѣнны; въ какой степени онѣ оригинальны, на этомъ вопросѣ я остановлюсь ниже, при разъясненіи отношенія церковныхъ сказаній о Б. и Г. къ лѣтописнымъ [62]).

Вторую часть труда Нестора составляютъ описанія чудесъ, обрѣтенія мощей святыхъ и перваго перенесенія ихъ въ 6580 г. Источникъ этихъ описаній выясненъ А. А. Шахматовымъ [63]). У Нестора были записи чудесъ, веденныя при Вышегородской церкви, въ древней, краткой ихъ редакціи. Этимъ первоначальнымъ записямъ въ житіи дана литературная обработка, а содержаніе ихъ пополнено описаніемъ новыхъ чудесъ, съ которыми біографъ ознакомился отчасти по разсказамъ другихъ лицъ—очевидцевъ исцѣленій (22—23), отчасти и изъ бесѣдъ съ самими исцѣленными: «се же все исповѣда ми сама» исцѣленная, случайно встрѣтившая біографа по дорогѣ въ городъ (22, 21). Въ этой части сочиненія нѣтъ излишнихъ

---

[61]) И. И. Срезневскій, Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, Спб. 1860 г., стр. 21, предложилъ чтеніе: «в мрацѣ».

[62]) Изъ словъ; «таче посла и потомъ отець и на область, Владимеръ, юже ему дасть» (5), заключаютъ, что удѣломъ Бориса, по Нестору, былъ не Ростовъ, а Владиміръ. Но возможно, что въ этой фразѣ сдѣлана лишь неправильная разстановка словъ, что «Владимеръ» относится къ слову: «отець», а не къ слову: «область», т. е. нужно читать: «таче посла и потомъ отець (его) Владимеръ на область»...

[63]) Разысканія..., стр. 56—61.

риторическихъ отступленій отъ разсказа; даже и наставленіе читателямъ о спасительности смиренія передъ Богомъ и покоренія къ старшимъ написано простымъ языкомъ (23).

Сопоставляя содержаніе сочиненія съ заглавіемъ, видимъ, что Несторъ точно выполнилъ намѣченный въ заглавіи планъ: онъ далъ житіе святыхъ, разсказъ объ убіеніи ихъ и описаніе чудесъ. Позднѣйшіе списки, въ томъ числѣ и В. Ч. М., измѣняютъ заглавіе памятника, но неудачно: «Слово на перенесеніе мощемъ св. страстотерп. Б. и Г., нареченныхъ въ св. крещеніи Романа и Давида». Измѣненіе это вызвано тенденціею пріурочить чтеніе Несторова житія къ празднику перенесенія мощей—2 мая; но, какъ видно изъ первоначальнаго заглавія, житіе было написано ко дню памяти святыхъ—24 іюля.

Въ сѣверно-русской письменности Несторово житіе не имѣло ни особой распространенности, ни вліянія на другіе агіографическіе памятники. Н. К. Никольскимъ отмѣчено 25 списковъ памятника [64])—процентъ, по сравненію съ количествомъ списковъ житійнаго сказанія, во всякомъ случаѣ, незначительный. Какъ обычно бывало съ памятниками малораспространенными, текстъ житія не подвергся при перепискѣ переработкѣ; въ спискахъ разныхъ вѣковъ онъ воспроизводится однообразно. Только списокъ В. Ч. М. можетъ быть выдѣленъ въ особую редакцію памятника. Первоначальный составъ житія здѣсь видоизмѣненъ, пополненъ по житійному сказанію. По тому же источнику исправленъ и первоначальный текстъ. Характеръ и объемъ этой переработки детально изучены и установлены еще Бодянскимъ [65]).

Интереснѣе рукописная судьба второго житія Б. и Г.—такъ называемаго житійнаго сказанія. По количеству сохранившихся списковъ это одинъ изъ самыхъ распространенныхъ памятниковъ древне-русской агіографіи. Переработки и стилистическія передѣлки сказанія начались еще въ домонгольскій періодъ русской письменности и продолжались до XVII в. включительно.

С. А. Бугославскій устанавливаетъ девять редакцій памятника; изъ нихъ болѣе первоначальными онъ считаетъ четыре: Чудовскую, Успенскую, Торжественника и сѣверо-западную. Чудовскую редакцію Бугославскій склоненъ признать «если не оригиналомъ, то во всякомъ случаѣ копіей, близкой къ оригиналу» житійнаго сказанія [66]). И. И. Срезневскій не находилъ возможнымъ сближать ни одного изъ списковъ сказанія съ оригиналомъ въ виду того, что переработки памятника начались раньше написанія древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ теперь списковъ [67]).

Предложенное С. А. Бугославскимъ дѣленіе на редакціи можетъ показаться слишкомъ дробнымъ, но для болѣе точнаго установленія рукоп. исторіи памятника эта дробность дѣленія необходима и весьма полезна. Не все даже разнообразіе списковъ обнимается такимъ дробнымъ дѣленіемъ; кромѣ редакцій приходится отмѣчать еще ихъ разновидности,—напр., издан. мною передѣлку редакціи Торжественника, М. Карпинскимъ— западно-русскую редакцію, списки: Чудовскій № 49/251, Софійской б-ки № 1485 и др. По объему памятника списки даже немыслимо подвести подъ опредѣленныя группы. Сказаніе переписывалось

[64]) Мат. для повр. списка, 399—402.

[65]) стр. I—XXVIII (Разнословія). Изъ жит. сказанія сдѣланы добавленія въ разсказѣ объ убіеніи Глѣба, замѣнена первонач. статья о перенесеніи мощей. Случаи исправленія текста по жит. сказ. см., напр., на стран. XIII, строки: 25, 26—27, 28, XVI, 27, XVII, 29, 31 и др.

[66]) Въ цит. «Отчетѣ» семинарія у проф. В. Н. Перетца, стр 9—11, см. также 75—77. Группировка по редакціямъ слѣдующая: Чудовская (издана Бодянскимъ, въ Чт. Общ. Ист. и Древн., 1870 г., кн. I, стр. 1 —15); Успенская (въ Сборникѣ Усп. собора, в. I, М. 1899 г., стр. 12—40); Торжественника (разновидность ея въ Прилож. № 10), сѣверо-западная (по списку Псково-Печер. м-ря издана мною въ 1 т. Трудовъ Псковскаго церк. арх. комитета, Псковъ, 1910 г., стр. 159—175); Степенной книги; первая амплифицированная (Сильвестровская, изд. И. И. Срезневскимъ, Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, Спб. 1860 г., стр. 40—89); Синодальная; средняя—изъ текстовъ Синод. и Торжеств.; вторая амплифицированная—минейная. Я нѣсколько измѣнилъ порядокъ въ перечнѣ С. А. Бугославскаго, чтобы выдѣлить редакціи не изданныя пока.

[67]) «Древнія жизнеописанія русск. князей X—XI в.», въ Историч. чтеніяхъ о языкѣ и словесн. 2 Отд. Имн. А. Н., Спб. 1854 г., стр. 86.

то съ описаніемъ чудесъ, то безъ него; часто и первый отдѣлъ помѣщался не весь—только житіе Бориса и то иногда не полное. Сокращенія послѣдняго рода носятъ совершенно случайный характеръ, и прибавка заключительнаго славословія иногда не только неожиданна, но и неумѣстна.

Я бы предложилъ вмѣсто четырехъ, указанныхъ С. А. Бугославскимъ, первоначальн. редакцій считать три: Успенскую, Сильвестровскую и Торжественника. Отдѣлять Чудовскую редакцію отъ Успенской, по моему мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ побужденій. Текстуальной разницы между Успенскимъ и Чудовскимъ списками—такой, по крайней мѣрѣ, которая бы указывала на значительную стилистическую переработку памятника, нѣтъ. Остается разница въ составѣ памятника; но ее можно объяснять различно.

С. А. Бугославскій придаетъ большое значеніе отсутствію въ Чудовскомъ спискѣ описанія чудесъ; онъ возводитъ эту особенность къ составу оригинала. Старинные изслѣдователи сказанія,—напр., преосв. Макарій, точно также считали описаніе чудесъ болѣе позднимъ добавленіемъ къ сказанію [68]). Заглавіе памятника, въ которомъ не намѣчается отдѣла о чудесахъ, а только «Страсть» и «Похвала», повидимому, подтверждаетъ правильность этого мнѣнія. Но если согласиться съ объясненіемъ А. А. Шахматова, что житійная редакція сказанія представляетъ собою компиляцію изъ лѣтописной редакціи и Несторова житія, то отдѣлъ о чудесахъ правильнѣе будетъ отнести къ первоначальному составу памятника. Маловѣроятнымъ представляется, чтобы компиляторъ, при передѣлкѣ свѣтскаго сказанія въ церковное, не обратилъ вниманія въ житіи Нестора на тотъ отдѣлъ, который для церковнаго сочиненія являлся существенно-важнымъ—на описаніе чудесъ. Хронологическая дата древнѣйшаго списка—Успенскаго, XII—XIII в. показываетъ, что если такая оплошность и была допущена авторомъ, то ее очень рано замѣтили и исправили. По всей вѣроятности, ея и не было допущено. Отсутствіе въ заглавіи указаній на отдѣлъ о чудесахъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія хотя бы и потому, что редакціи заглавія въ разныхъ спискахъ очень разнообразны и по нимъ нельзя опредѣлить, какъ читалось заглавіе сказанія въ его оригиналѣ [69]).Равнымъ образомъ, и въ изложеніи нѣтъ, по моему мнѣнію, данныхъ, которыя мѣшали бы составленіе обоихъ отдѣловъ памятника приписать одному и тому же лицу.

И. И. Срезневскимъ (о. с, XXIII—XXV) изданъ небольшой отрывокъ изъ сказанія по ркп. Публ. б-ки F, 46, XII в. И въ этомъ отрывкѣ не находимъ существенныхъ отличій отъ текста Успенскаго списка. Можно, так. образомъ, сдѣлать выводъ, что въ раннѣйшую пору своего существованія житійное сказаніе не подверглось значительнымъ измѣненіямъ, что редакціонная работа надъ памятникомъ сводилась къ сокращенію его объема (Чудов. сп.) и къ мелкимъ варіантамъ—явленію обычному при перепискѣ почти каждаго памятника.

Однимъ изъ первыхъ опытовъ переработки сказанія является такъ называемая Сильвестровская редакція, въ пергаменномь спискѣ № 53, XIV в., Типогр. б-ки. Оригиналъ этой редакціи древнѣе Сильвестровскаго ея списка. Выдержанность древнихъ грамматическихъ формъ, отсутствіе подновленій текста располагаютъ отнести разсматриваемую редакцію еще къ домонгольскому времени. Но, кажется, это—не южно-русскій памятникъ.

Сильвестровскую редакцію можно назвать переработкою первоначальнаго состава сказанія по лѣтописнымъ извѣстіямъ. Это, такъ сказать, возвращеніе памятника къ его первоисточнику. С. А. Бугославскій точнѣе опредѣляетъ источники переработки: Чудовскій списокъ сказанія, Успенскій—въ описаніи чудесъ, Повѣсть временныхъ лѣтъ—для дополнительныхъ извѣстій о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, Паремія 1271 г.— для иллюстрацій [70]). Судя по тому, что въ дополнительныхъ извѣстіяхъ много мѣста удѣлено событіямъ новгородскимъ,

[68]) «Еще объ Іаковѣ мнихѣ», Истор. чтенія..., стр. 104—105. Пр. Макарій отмѣчаетъ при этомъ, что разсказъ о чудесахъ встрѣчается (въ ркп. Рум. муз. № 434) отдѣльно отъ сказанія.

[69]) См. у Н. К. Никольскаго, о. с, 253—4.

[70]) о, с, 10—11. Въ оригиналѣ иллюстрацій, вѣроятно, не было.

Сильвестровскую редакцію правильнѣе будетъ отнести къ новгородскимъ передѣлкамъ сказанія. Однимъ изъ мотивовъ этой передѣлки было желаніе писателя-новгородца удовлетворить интересы мѣстныхъ читателей, предки которыхъ въ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ принимали самое дѣятельное участіе. Новгородскимъ происхожденіемъ Сильвестровской редакціи объясняется б. м. и выборъ ея для В. Ч. М. м. Макарія. Сравнительно съ другими сѣверно-русскими передѣлками сказанія эта редакція вовсе не была лучшею, она не могла привлечь къ себѣ вниманія редакторовъ В. Ч. М. своими литературными достоинствами.

Въ части общей съ Чудовскимъ и Успенскимъ списками нѣтъ замѣтныхъ редакціонныхъ измѣненій.

По источникамъ дополнительныхъ извѣстій къ древнѣйшей редакціи сказанія, съ редакціею Сильвестровскою имѣютъ сходство: а) отдѣльныя разновидности сказанія, въ которыхъ помѣщено описаніе Любечской битвы, но безъ разсказа о предшествовавшихъ ей событіяхъ новгородскихъ, и б) особая редакція, которую я буду называть по древнѣйшему изъ ея списковъ Патріаршею. Два списка сказанія съ дополнительною статьею о Любечской битвѣ будутъ разсмотрѣны ниже; здѣсь я ограничусь лишь общимъ замѣчаніемъ о мѣстѣ, гдѣ было сдѣлано это дополненіе. Статью о Любечской битвѣ читаемъ и въ западно-русской Чет. Минеѣ XV в., оригиналомъ для которой, какъ думаютъ А. И. Соболевскій и М. Карпинскій, послужила Галицко-Волынская рукопись. Возможно, так. образомъ, что разсматриваемая лѣтописная вставка въ первоначальный текстъ сказанія была сдѣлана въ письменности южно-русской домонгольскаго періода, что это была одна изъ самыхъ раннихъ попытокъ распространенія житійнаго сказанія по лѣтописи.

Патріаршая редакція мнѣ извѣстна по двумъ древнимъ спискамъ: Синод. (Патр.) б-ки № 637 (1459 г.) *л.* 132—149 об., и б-ки Тр. Серг. Лавры № 745, XV в., *л.* 103 об.—121 об. [71]). Отличительную черту этой редакціи составляетъ подробная статья объ Ярославѣ, причемъ, эта статья изложена въ агіографической формѣ. Редакторъ даетъ, напр., слѣдующую житійную характеристику князя: онъ княжилъ 35 лѣтъ, «многи церкви постави и монастыря въздвиже и оброки церковныя и десятины и дани устрои и милостыня многи и безчислены сътвори, и всему общему народу бяше око слѣпыхъ, по Іову, и нога хромыхъ» и т. д. (*л.* 147 об.). Изложивъ по лѣтописи содержаніе предсмертнаго наставленія сыновьямъ (*л.* 149), редакторъ опять въ агіографическомъ тонѣ разсказываетъ о смерти и о погребеніи князя: «и сія изрекъ и предасть блаженную свою душу въ руцѣ Божіи въ лѣто 6562, живъ всѣхъ лѣтъ 76, и положи(та) его въ Кіевѣ въ церкви св. Софья; въ мирѣ и любви и единьствѣ съхрани насъ, Боже, молитвами св. Твоихъ страстотерп. Б. и Г., яко Тебѣ подобаетъ всяка слава, честь и покла(не)ніе О. и С. и св. Д. и н. и пр. и въ вѣкы вѣкомъ, аминь» (*л.* 149 и об.).

Патріаршая редакція не пользовалась Сильвестровскою и по содержанію вообще не имѣетъ съ нею сходства, но появилась она позднѣе Сильвестровской. На позднее составленіе этой редакціи указываютъ подновленія въ текстѣ какъ въ первой части, такъ особенно въ дополненіяхъ. Для первой части ограничусь немногими примѣрами. Ярополка Владиміръ «прогналъ»—въ древнемъ текстѣ: «уби»; отъ Бориса разошлись «бояре вси»—въ др.: «вои»; отрокъ Бориса «вержеся на колѣну его» — въ древ.: «на тѣло»; на розыски тѣла Глѣба Ярославъ послалъ «велможъ нѣколико ко Смоленьску и епископа и архимандриты и презвитеры»—въ древн.: «посла Смолиньску на възисканіе презвутеры» и др. Весь дополнительный разсказъ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей Глѣба производитъ впечатлѣніе компиляціи по позднимъ агіографическимъ сочиненіямъ объ открытіи мощей и святынь вообще: «опрятошя его съ ароматы и съ подобающимъ пѣніемъ вложиша въ корабль и тако повезоша къ Кіеву Днепромь...; и якоже пріиде слышаніе въ Кіевѣ къ великому Ярославу, яко приближается великій мученикъ, въ тъи часъ изиде изъ града вел. Ярославъ въ срѣтеніе за множество поприщъ, съ

[71]) Болѣе поздніе списки см. въ Спискѣ ркп.

нимже изидоша архіепископи и епископи и князи и воеводы, архимандриты и презвитеры и діаконы и иноци и прочій народъ, мужіе и жены, множество безчислено, съ свѣщами и кандилы; и тако привезше, положиша его въ Вышегородѣ, идѣже и братъ его страдалецъ Борисъ положенъ бѣ» (*л.* 146 об.). Принимая во вниманіе эти особенности въ изложеніи, я думаю, что составленіе Патріаршей редакціи не слѣдуетъ относить ко времени ранѣе XV в., другими словами, что списокъ № 637 если и не оригиналъ памятника, то копія хронологически близкая къ оригиналу.

Въ первой части редакціи можно отмѣтить лишь одно добавленіе къ содержанію редакціи древнѣйшей: сравненіе Святополка съ Ламехомъ и Авимелехомъ (*л.* 145 об.). Но и эта деталь не оригинальная—восходитъ къ лѣтописи [72]).

Противоположность Сильвестровской редакціи по задачамъ и пріемамъ переработки редакціи древнѣйшей, представляетъ собою редакція Торжественника. Это—стилистическая передѣлка памятника, почти не затрагивающая первоначальнаго его содержанія. Редакція Торжественника тоже древняя. Раннѣйшій изъ извѣстныхъ мнѣ списковъ— Уваровскій № 613, *л.* 185—197, конца XIV вѣка. Въ общемъ это удачная попытка устранить изъ древняго текста устарѣвшія уже грамматическія формы и обороты рѣчи, сдѣлать его болѣе понятнымъ для читателя позднѣйшаго времени. Передѣдка произведена въ монгольскій періодъ, м. б., въ концѣ XIV в. О мѣстѣ ея нельзя высказаться опредѣленно. Редакція Торжественника встрѣчается въ ркп. разнаго времени и разныхъ мѣстъ. С. А. Бугославскій называетъ ее одною изъ самыхъ популярныхъ, особенно на юго-западѣ Россіи (9). Древнѣйшій (Уваровскій) списокъ—западно-русскій; къ западно-русскимъ относится и списокъ № 102, XV в., Виленской б-ки. Но въ языкѣ памятника, по этимъ спискамъ, не наблюдается западно-русскихъ чертъ; списокъ западно-русской Минеи въ основѣ своей имѣетъ другую редакцію сказанія; среди списковъ XV—XVI вв. найдемъ и московскіе, и новгородскіе.

Дальнѣйшій опытъ подновленія древняго текста, стилистическую переработку редакціи Торжественника представляетъ собою Пискаревскій списокъ сказанія XV—XVI в., *л.* 393—405 об. (Прил. № 10). Въ сборникѣ этомъ, на *л.* 365—388 об., помѣщенъ и первичный текстъ редакціи Торжественника. — Отдѣлъ о чудесахъ въ спискахъ редакціи Торжественника встрѣчается рѣдко; въ архетипѣ, по мнѣнію С. А. Бугославскаго (10), этого отдѣла не было.

Изъ остальныхъ редакцій большаго вниманія заслуживаютъ: сѣверо-западная и Степенной книги.

Въ моемъ изданіи сѣверо-западной редакціи, по списку XV в. б-ки Псково-Печерскаго монастыря, приведены варіанты изъ текстовъ печатныхъ изданій сказанія, въ видахъ наглядного разъясненія особенностей Псково-Печерскаго списка [73]). По причинамъ, не вполнѣ отъ меня зависѣвшимъ, изданіе и сказанія и Слова о погибели русскія земли мнѣ пришлось сдѣлать въ то время, когда я только приступалъ къ изученію княжескихъ житій. Ошибки въ историко-литературной оцѣнкѣ памятниковъ при такихъ условіяхъ были неизбѣжны. При изданіи псковскаго списка сказанія мнѣ хотѣлось установить мѣстныя, псковскія черты въ этой разновидности, но и этого я не могъ тогда сдѣлать [74]). Теперь думаю, что послѣдняго рода попытка по существу дѣла была бы неудачною.

Въ рецензіи на мою книгу [75]) С. А. Бугославскимъ указаны другіе списки сѣверо-западной редакціи: №№ 555 XVI—XVII в. и 556, XVI в. Патр. б-ки; № 850, XVII в., Публ. б-ки (изъ собранія Погодина); № 1 Публич. Рум. музея XVI—XVII в., № 558 Ундольскаго, XVI в., №435 Рум. муз., XV в. Списки эти не даютъ существенныхъ разночтеній къ Псково-Печерскому. Изъ

---

[72]) Ср. *Лавр. л.*, 142.

[73]) Въ 1 в. Трудовъ Псков. церк. археол. комитета, стр. 159—175, въ статьѣ; «Замѣтки и тексты изъ псковскихъ памятниковъ» (по оттиску, стр. 51—67) Буду цитировать «Труды»...

[74]) См. разъяс. на стр. 155.

[75]) Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., 1910 г., т. XV, кн. 3, стр. 333—336.

нихъ старшіе: № 435 и № 556 (дефектный), содержатъ совпадающій съ Псково-Печерскимъ текстъ. Судя по встрѣчающимся въ другихъ статьяхъ сборника № 556 мѣнамъ звуковъ *ш* и *с*, и эта ркп. можетъ быть отнесена къ псковскимъ. Въ остальныхъ спискахъ варіанты имѣютъ характеръ подновленій текста. Псково-Печерскій списокъ, так. обр., не только болѣе древній, но и лучшій сравнительно съ другими. Отдѣла о чудесахъ въ этой редакціи нѣтъ, вмѣсто этого въ спискѣ Ундольскаго къ сказанію присоединены выписки изъ лѣтописи подъ 6580—81 гг. (*л.* 109 об.—110, ср. *Лавр. л.*, 176—8).

Особенностями разсматриваемой редакціи являются: перечень удѣловъ всѣхъ братьевъ (стр. 160); внесеніе въ текстъ описанія внѣшняго вида св. Бориса (162); замѣна въ разсказѣ объ убіеніи Глѣба Волги Угрою (168).

Ненужность первой вставки и искусственность второй бросаются въ глаза при чтеніи. Выраженіе древней редакціи: «и посажа вся по роснамъ землямъ въ княженіи, иже инъде съкажемъ, сихъ же съповѣмы убо, о нихъ же и повѣсть си есть» (Сб. Усп. соб., 12) измѣнено: «и посади я по разднымъ землямъ въ княженьихъ, о нихъ же повѣмы» (159—160). Послѣ замѣчанія, что «взоръ (Б.) бяше унылъ» (162), едва-ли стоило дѣлать вставку изъ дополнительной статьи въ Успенской редакціи (27): «взоромъ свѣтелъ.., веселыма очима» (162). Самая интересная поправка—третья. Повидимому, она сдѣлана подъ вліяніемъ лѣтописныхъ сообщеній о бѣгствѣ Святослава къ Угорскимъ горамъ. Въ Погодинскомъ спискѣ первоначальное чтеніе: «приде на Угру», измѣнено: «пріиде на гору» (*л.* 796 об.). Раньше я хотѣлъ въ замѣнѣ Волги Угрою видѣть попытку редактора установить болѣе прямой маршрутъ для поѣздки Глѣба изъ Мурома въ Кіевъ [76]); но едва-ли топографическія указанія въ текстѣ древней редакціи, вызывающія недоумѣнія у ученыхъ изслѣдователей, могли привлечь къ себѣ серьезное вниманіе и стариннаго книжника.

Въ предшествующей изданію Псково-Печерскаго списка статьѣ отмѣчена мною близость этой редакціи сказанія къ изданной М. Карпинскимъ въ 1 кн. Русскаго Филолог. Вѣстника за 1889 г., по западно-русской Чет. Минеѣ 1489 г. [77]). С. А. Бугославскій называетъ редакцію западно-русской Чети переводомъ редакціи сѣверо-западной (10). Я думаю, что оба редактора пользовались одинаковымъ спискомъ сказанія; но каждая изъ редакцій, сохранивъ первоначальныя черты источника, допустила и рядъ отступленій отъ него, такъ что въ отдѣльности ни по одной изъ нихъ нельзя возстановить состава и текста ихъ оригинала. Матеріалъ для этого получается лишь путемъ сравнительнаго изученія сходныхъ и различныхъ чертъ въ обѣихъ редакціяхъ-передѣлкахъ.

Главнѣйшіе случаи совпаденій въ текстѣ западно и сѣверно-русской редакцій слѣдующіе: описаніе внѣшняго вида Бориса помѣщено въ текстѣ сказанія (РФБ, 90—91, Труды..., 162); о Ламехѣ говорится, что убійство ему было отомщено: «седмерицею» (104; 172) [78]); въ описаніи погребенія Бориса въ обѣихъ редакціяхъ нѣтъ словъ: «въ земли погребоша» (96; 167). Примѣры мелкихъ совпаденій см. въ варіантахъ къ Псково-Печерскому тексту: 40, 49, 134, 138. Эти сходныя мѣста въ текстѣ обѣихъ редакцій нужно возводить къ ихъ общему источнику.—Случаи разницы: въ западно-русской нѣтъ перечня всѣхъ удѣловъ сыновей Владиміра (88); вставленъ разсказъ о Любечской битвѣ (102); вмѣсто Угры, «на Смядыни рѣцѣ (97); Похвала изложена короче (105—106). Въ первомъ случаѣ большую близость къ оригиналу нужно признать за западно-русскою редакціею. Я думаю, что подробный перечень удѣловъ внесенъ въ текстъ сѣверо-западной редакціи подъ вліяніемъ или другихъ сѣверныхъ списковъ сказанія, или даже изъ сѣверно-рус. проложнаго житія. Предположительно къ оригиналу можно возводить и статью о Любечской битвѣ. О третьемъ случаѣ нельзя высказаться болѣе или менѣе

---

[76]) Труды»..., стр. 158.
[77]) стр. 155—156.
[78]) Въ другихъ редакціяхъ «седмьдесятицею», «седмдесятницею» (см. вѣ «Трудахъ»..., стр. 159).

опредѣленно; чтеніе: «на Угру», кажется болѣе древнимъ. Сокращеніе Похвалы сдѣлано западно-русскимъ редакторомъ [79]).

М. Карпинскій характеризуетъ западно-русскую редакцію, какъ переводъ, въ которомъ смѣшаны бѣлорусскій и малорусскій элементы, и, вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ, оригиналомъ рукописи считаетъ Галицко-Волынскій списокъ (86). Несомнѣнно, что переводъ юго-западнаго списка сказанія въ западно-русской Минеѣ сдѣланъ вольный, что текстъ сѣверо-западной редакціи ближе къ оригиналу. Достаточно будетъ сравнить хотя бы описанія внѣшняго вида Б., чтобы убѣдиться въ этомъ.

«Тихъ бысть и кротокъ и смиренъ, всѣхъ милуя и о всѣхъ моля, послушливъ отцю, тѣломъ бысть красенъ, оузрастомъ высокъ, круглымъ лицемъ, очима свѣтлыма, брада мала, веселъ умомъ, младъ убо бысть, свѣтелъ красотою, на ратехъ храборъ, умомъ премудръ, благодать Божія цвѣтяше на немъ» (РФВ, 90—91).

«Тихъ, кротокъ, смѣренъ, взоромъ свѣтелъ, высокъ, тонокъ въ чреслѣхъ, круглымъ лицемъ, веселыма очима, брада мала, усъ младъ еще, свѣтяся царски, въ ратехъ храборъ, въ обѣтехъ (въ совѣтѣхъ) мудръ, всѣхъ милуя и всѣхъ набдя, блага корени, отцу послушливъ предо всѣми, Божія благодать цвѣтяше на немъ» («Труды»..., 162).

Въ сѣверо-западной редакціи имѣются отдѣльныя чтенія, какъ-бы подчеркивающія древность ея текста, большую близость къ оригиналу. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующая деталь въ описаніи молитвы св. Бориса: «самъ же обувъ нозѣ свои и умывъ лице свое и *огнуся коцемъ*» (164). Детали этой нѣтъ ни въ западно-русской, ни въ другихъ редакціяхъ сказанія, но древность ея несомнѣнна. Ниже, въ обзорѣ житій благ. кн. Михаила Черниговскаго, будетъ разъяснено, что слово «коць» казалось не совсѣмъ понятнымъ сѣверно-русскимъ переписчикамъ въ XV— XVI вв.; переписчикамъ же западно-русскимъ оно было непонятно и въ XIV в. Потому, м. б., подчеркнутое выраженіе и опущено редакторомъ западно-русскимъ.

Такимъ образомъ, можно допустить существованіе древней, юго-западной редакціи житійнаго сказанія и двухъ ея передѣлокъ. Первая—въ спискѣ западно-русской Ч. М., произведена въ западной Руси, въ XV в., писателемъ-бѣлоруссомъ, вторая—тоже XV вѣка, въ сѣверной Руси, всего вѣроятнѣе, въ Псковѣ. Въ Псковъ легче, чѣмъ въ другія области, могла проникнуть изъ ркп. западно-русскихъ древняя юго-западная редакція сказанія. Въ XV в. въ псковскихъ церквахъ и монастыряхъ служили и спасались ставленики и постриженики западно-русской церкви. Несомнѣнно, западно-русскимъ духовенствомъ въ мѣстную богослужебную практику и были внесены тѣ католическіе обычаи и обряды (обливательное крещеніе, латинское мvро), за которые осуждалъ псковичей м. Фотій [80]). Вмѣстѣ съ латинскимъ мvромъ западно-русскіе священники несли съ собою на новое мѣсто служенія и богослужебныя книги, по которымъ они привыкли совершать службу; приносили, вѣроятно, и нѣтоторыя четіи книги. По мнѣнію А. А. Шахматова, псковская письменность стояла подъ прямымъ вліяніемъ письменности западно-русской [81]). Но нужно принять во вниманіе, что какъ въ XIV—XV вв., такъ и раньше она находилась и подъ другимъ вліяніемъ—письменности сѣверно-русской, новгородской. Это двухстороннее вліяніе и отразилось на псковской редакціи житійнаго сказанія. Заимствованный при посредствѣ западно-русскихъ ркп. древній юго-западный памятникъ подвергся предварительной частичной передѣлкѣ по ранѣе извѣстнымъ въ Псковѣ сѣверно-русскимъ редакціямъ и спискамъ сказанія. Въ такомъ видѣ я представляю себѣ литературное значеніе псковской редакціи.

[79]) Къ оригиналу можно возвести и слѣдующую деталь въ текстѣ западно-русской Минеи: Святополкъ «прибѣглъ къ Берестію, сталъ конемъ опочивати, яко во дву верстахъ отъ города, и тутъ усхопился» (103).

[80]) Подробнѣе см. въ моихъ Очеркахъ по исторіи псковскаго монашества, стр. 362—363, 311, 243, 233, и др.

[81]) «Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV— XV вв.», въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1909 г., VI, 173, 175. Ср. у Н. Каринскаго, Языкъ Пскова и его области въ XV в., Спб. 1909 г., стр, 198—207.

Редакція сказанія въ Степенной представляетъ собою, кажется, единственный опытъ объединенія текста сказанія съ текстомъ Несторова житія; по крайней мѣрѣ, я не замѣтилъ подобной попытки въ просмотрѣнныхъ мною спискахъ сказанія раньше второй половины XVI в. Но и въ Степенной объединеніе текстовъ двухъ памятниковъ произведено механически, вставки изъ Несторова житія сдѣланы безъ опредѣленнаго плана [82]). Главное вниманіе редакторъ обратилъ на разбавленіе древняго разсказа многословіемъ; для этого ему не нужно было ни историческихъ, ни литературныхъ источниковъ и пособій. Дополнительный разсказъ объ убіеніи Святослава составленъ по лѣтописи. Житійнымъ сказаніемъ составитель Степенной пользовался не въ редакціи В. Ч. Миней, а въ одной изъ версій редакціи древнѣйшей. С А. Бугославскій думаетъ, что въ основѣ лежитъ списокъ, подобный списку № 56 Общ. Ист. и Др. (10). Но текстъ сказанія въ Степенной такъ измѣненъ, что невозможно установить оригиналъ этой передѣлки; списокъ же № 56 не типиченъ, чтобы выдѣлять его изъ другихъ [83]).

Встрѣчаются передѣлки сказанія, не получившія распространенія въ ркп., сохранившіяся въ единственныхъ спискахъ, м. б., въ оригиналахъ. Таковъ, напр., опытъ сокращенія сказанія въ спискѣ XVI в. Румян. музея, № 2517, *л.* 153 об.—166, изъ собранія Попова. Первый отдѣлъ—разсказъ о св. Борисѣ, здѣсь подвергся и сокращенію, и стилистической передѣлкѣ. О характерѣ послѣдней можно судить хотя бы по начальнымъ строкамъ: «Родъ правыхъ благословится, рече пророкъ, и сѣмя ихъ въ благословеніи будеть. Бысть убо во времена та, егда сущу вел. Владимиру самодерьжцю всеа Рускыя земля, сыну Святославлю, внуку же Игореву, иже св. крещеніемъ просвѣти Рускую землю. Той Вл. имѣ сыновъ 12, не отъ единыя жены, но отъ разныхъ»… (*л.* 153). Редакторъ опускаетъ обѣщанія автора «индѣ» подробнѣе разсказать о добродѣтеляхъ Владиміра и о распредѣленіи имъ удѣловъ между сыновьями. Короче описаны сборы Б. на печенѣговъ (нѣтъ текстовъ изъ книги Притчей, *л.* 154) и убійство Бориса (*л.* 158). Опущена большая часть причитаній Б. по отцѣ; по сравненію съ изданнымъ мною Псково-Печерскимъ текстомъ, не хватаетъ 1½ печат. страницъ, вмѣсто этого читаемъ общую фразу: «си блаженому глаголющу со многою тугою и печалію и со слезами иная многая, подобная симъ, множайшая и смиреннѣйшая» (*л.* 155).

Второй отдѣлъ—объ убіеніи Глѣба, почти не подвергся передѣлкамъ, опущены только библейскіе тексты въ разсказѣ о возвращеніи убійцъ къ Святополку. Близко къ древнему тексту и описаніе борьбы Ярослава съ Святополкомъ, но вставленъ разсказъ о Любечской битвѣ (*л.* 164 и об.). Похвалы св. братьямь нѣтъ; послѣ замѣчанія о нетлѣніи мощей св. Глѣба, слѣдуетъ заключеніе: «быша же отъ тѣлесъ святыхъ многи и различны исцѣленіа—слѣпіи прозрѣша, хроміи быстро ходиша, слуціи исправленіе пріяша, бѣсныи отъ духъ нечистыхъ ослабу улучиша, приходящи со страхомъ и вѣрою въ честную ихъ церковь, о Х. Исусѣ, Г. нашемъ, Ему же слава и держава».... (*л.* 166). Для древне-русской письменности, любившей распространять, но не умѣвшей толково сокращать старинныхъ памятниковъ, разсмотрѣнная передѣлка сказанія можетъ быть признана удачною.

Другой опытъ сокращенія, по пріемамъ приближающійся къ разсмотрѣнному, имѣемъ въ спискѣ XVI в. Истор. музея № 207, *л.* 134—137 об.; но редакторъ этой разновидности осторожнѣе

[82]) Изъ Несторова житія заимствованы сообщенія: о бракѣ Бориса (138, по изд. 1908 г.), о любви—Б. къ чтенію божеств. книгъ, Глѣба—къ слушанію читаемаго старшимъ братомъ (ib.); о милосердіи святыхъ къ бѣднымъ и нуждающимся (ib.); о любви къ нимъ Владиміра и о ненависти со стороны Святополка (139); подробности о подстрекательствѣ Свят. на братоубійство діаволомъ (139—140); молитва Б. объ отцѣ (140); предсмертная молитва Б. (144); въ разсказѣ о Глѣбѣ: увѣщаніе слугамъ не сопротивляться убійцамъ (146); отзывъ о поварѣ; предсмертная молитва Г. (ib.). Встрѣчаются случайныя мелкія вставки, напр., указано число войскъ Б.—50 тысячъ (139; у Нест. 8 т., стр. 8); въ отвѣтѣ дружинникамъ: «не прогнѣвайте господина и брата моего Св., егда како сего ради крамолу воздвигнете на вы; уне есть мнѣ единому, нежели мене ради многимъ человѣкомъ погибнути (141, ср. у Нест., 8); ниже: «уне ми есть здѣ умрети, неже во иной странѣ» (142; у Нест., 8); въ описаніи убійства: «копіи (у Нест., 9: сулици) вонзоша нань» (143) и др.

[83]) Варіанты изъ него см. въ изданіи Псково-Печерскаго списка.

обращался съ древнимъ текстомъ, не дѣлалъ слишкомъ большихъ пропусковъ. Такъ какъ характеризовать общіе пріемы старинныхъ переработокъ не столько трудно, сколько скучно, то и здѣсь я ограничусь отдѣльными наглядными примѣрами: «и рѣша ему (Б.) боляре: поиди, сяди на столѣ отни, се бо и вои съ тобою есть. И рече имъ Борисъ: на старѣйшаго брата не иду, его же яко отца имѣю. Се слышавше, воини разыдошася отъ него» (*л.* 136); «и въставъ рано въ св. недѣлю, повелѣ попови заутреню пѣти, и самъ моляшесь Г. Богу прилѣжно; посланіи же отъ Святополка»... (ib.). Разсматриваемый списокъ прерывается на изложеніи предсмертной молитвы св. Бориса, и потому точно опредѣлить размѣры передѣлки нельзя.

Изъ крайне неудачныхъ, позднихъ опытовъ передѣлки житійнаго сказанія остановлюсь на двухъ: въ ркп. Патр. б-ки, изъ Чудов. собранія, № 49/251, XVI в., *л.* 382 об.—395, и въ ркп. Софійской б-ки (ПДАк.) № 1485, XVI—XVII в., *л.* 68—84. Изъ первой ркп. въ Прилож. № 11 напечатано только предисловіе, такъ какъ оно лучше, чѣмъ остальная часть памятника, знакомитъ съ пріемами переработки. Въ предисловіе введены новые разсказы о благ. Ольгѣ и Владимірѣ. Составлены эти разсказы по общеизвѣстнымъ матеріаламъ, въ вульгарной ихъ передачѣ. Съ такими же качествами стиля встрѣчаемся и въ сказаніи о св. братьяхъ,—напр.: «аще зарекосте главы своя положити за мя» (*л.* 386 об.); «и посихъ ляже спать (Б.) и сонъ видѣ (*л.* 386 об.); «въ то время пришла вѣсть отъ Переслава князя ко Ярославу князю» (*л.* 386); въ молитвѣ Глѣба вездѣ: «спаси мя», даже и «спаси мя, брате и вороже Святополче» (*л.* 390). Первоначальный составъ сказанія почти не тронутъ, но кромѣ Альтской битвы разсказывается и о Любечской (*л.* 391 об.).

Одинаково ненужнымъ искаженіемъ стройнаго древняго текста является и вторая передѣлка. Д. И. Абрамовичъ датируетъ Софійскую ркп. XVI вѣкомъ [84]). Но это сборникъ статей, писанныхъ разнымъ почеркомъ и въ разное время. Житійное сказаніе я отнесъ бы къ XVII в. Оно начинается словами: «Во оно время бѣ кн. Владимеръ во градѣ Кіевѣ». Какъ и въ Чудовскомъ спискѣ, передѣлкѣ больше всего подверглось введеніе, дальнѣйшій же разсказъ о св. братьяхъ содержитъ въ себѣ только частичныя измѣненія и отступленія отъ древняго текста. Вотъ нѣсколько примѣровъ этихъ измѣненій: «егда ж услышавъ Борисъ (о смерти Владиміра), и въ томъ часѣ измѣнися лице его и пролія слезы по лицу своему и начатъ вѣщати, глаголя: увы»... и т. д. (*л.* 69 об.); «Борисъ же выскочи вонъ исъ шатра и паде» (*л.* 75); тѣло Б. «возложиша на коня» (*л.* 76); слова Святополка Глѣбу: «прииди, брате, вборзѣ въ малѣ дружинѣ, зоветъ тя отецъ» (*л.* 76 об.); въ причитаніяхъ Глѣба вмѣсто: «спасися»—«миръ ти буди» (*л.* 78 и об.). Въ разсказѣ о Святополкѣ нѣтъ сравненій съ Каиномъ, Ламехомъ (*л.* 81 об.), въ Похвалѣ св. братьямъ—съ Димитріемъ Селунскимъ (*л.* 83); только объ Альтской битвѣ (*л.* 80 и об.); словъ: «въ земли погребоша» (Б.), нѣтъ (*л.* 76).

О другихъ менѣе типичныхъ разновидностяхъ и спискахъ сказанія указанія см. въ концѣ книги, въ Спискѣ ркп. Не останавливаюсь здѣсь на этихъ частичныхъ, случаіныхъ передѣлкахъ глав. образомъ потому, что тѣхъ данныхъ для характеристики сѣверно-русской литерат. работы надъ житійнымъ сказаніемъ, какія извлечены изъ обзора редакцій и разновидностей болѣе типичныхъ, онѣ не могутъ ни пополнить, ни видоизмѣнить. Мелкія передѣлки сказанія только подчеркиваютъ собою неспособность старинныхъ писателей на основѣ древняго памятника создать что-ниб. новое, болѣе или менѣе своеобразное, выходящее за предѣлы простой лишь корректуры оригинала.

Обзоръ рукописной судьбы сказанія закончу общею характеристикою видоизмѣненій его текста въ результатѣ усиленной переписки.

Подъ вліяніемъ частой переписки текстъ житійнаго сказанія въ сѣверно-русскихъ рукописяхъ принялъ разнообразный видъ, но варіантовъ, которые бы указывали на сознательное отношеніе переписчиковъ къ работѣ, подчеркивали бы интересъ ихъ къ содержанію переписываемаго памятника—очень немного. Бо́льшаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе.

---

[84]) Описаніе ркп. Спб. Д. А., Софійская б-ка, в. III, Спб. 1910 г., стр. 342.

Въ лѣтописи подробно разсказывается объ обстоятельствахъ убіенія Владиміромъ старшаго брата, Ярополка. Объ этомъ событіи кратко упоминается и въ житійномъ сказаніи, притомъ дважды—въ предисловіи и въ описаніи размышленій Бориса о суетности земной славы. Въ Успенскомъ спискѣ читаемъ: «Володимиръ же поганъи еще, убивъ Ярополка и поятъ жену его» (12). Псковская редакція забываетъ даже оговорить, что это случилось въ языческій періодъ жизни св. князя: «Володимеръ же Ярополка уби и поятъ жену его» (159). Соотвѣтственно этому и въ передачѣ размышленій Бориса мы въ правѣ бы ожидать такое же ясное чтеніе: «убилъ брата своего Ярополка прежде св. крещенія». Рядъ списковъ разныхъ редакцій и даютъ это чтеніе,—напр., № 804, л. 129 (разнов. древн. ред.), и № 518, л. 307 (Сильв. ред.) б-ки Каз.ДА., № 807, л. 139 об. (Милют. ред.) Патріарш. б-ки и др. Но въ большинствѣ списковъ и редакцій въ данномъ случаѣ встрѣчаемся съ неясностями, намѣренными недоговорками, пропусками, исправленіями. Такъ, напр. незаконченное чтеніе даютъ списки Успенскій, Псково-Печерскій, Торжественника: «прогнати брата моего, яко же и отець мой преже св. крещенія» [85]). Искаженное чтеніе въ Чудовскомъ спискѣ № 53/255, л. 90 об.: «мнози языци пре(вра)тять сердце брата моего, яко ж отца моего»..., какъ будто имѣетъ въ виду вину въ случившемся перенести съ Владиміра на его приближенныхъ [86]). Списки редакціи Патріаршей № 637, л. 134 и (Лавр. б-ки) № 745, л. 108 об., предлагаютъ чтеніе: «яко же отець мой прогналъ Ярополка преже св. крещенія». Та же боязнь употребить слово: «убилъ», заставила переписчика сказанія въ ркп. Ист. музея № 88/34882, л. 62 об., неопредѣленно выразиться: «якоже и отець мой преже св. крещ. своему брату сотвори». Западно-русская Ч. М. намѣренно говоритъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ про другое: «языци многіе превратять сердце мое прогнати брата моего, а отець мой преже св. крещенія, славы ради княженія мира сего, посадилъ насъ по рознымъ землямъ» (стр. 90), хотя во введеніи (87): «Влад. убилъ брата Ерополка». Нѣкоторые переписчики эпизодъ объ убійствѣ Ярополка обходятъ молчаніемъ,—напр., № 2517, л. 153 об., Попова; № 207, л. 134 об., Истор. музея; № 1485, л. 71, Софійской б-ки. Наконецъ, въ одномъ изъ списковъ: № 530, л. 261 об., Пискарева, женитьба Владиміра на вдовѣ брата, красавицѣ-гречанкѣ, представлена дѣломъ естественнымъ и простымъ, не осложнившимся никакимъ трагическимъ прецедентомъ: «Володимеръ же живъ еще, Ярополкъ преставися, и Володимеръ поя его жену». Съ нашей точки зрѣнія всѣ эти поправки совершенно излишни. Разсказъ идетъ о событіи изъ языческой жизни св. князя. По языческому пониманію, убіеніе Ярополка—месть за убійство имъ Олега, со стороны Владиміра были не только похвальнымъ поступкомъ, но и прямою его обязанностію. Но старинные писатели и къ языческимъ событіямъ примѣняли христіанскую оцѣнку и потому имъ не хотѣлось омрачать память о св. князѣ упоминаніемъ о допущенной имъ жестокости въ отношеніи къ старшему брату, тѣмъ болѣе влагать такое обвиненіе въ уста его свят. сына.

Второй случай намѣренной неточности встрѣчаемъ въ названіи удѣла Святополка. По лѣтописи, это былъ Туровъ: «и посади... Святополка Туровѣ» [88]). Но всѣ раннѣйшія редакціи сказанія: Успенская, Сильвестровская, Псковская, замѣняютъ Туровъ Пинскомъ: «сего оканьнааго Святополка въ княженіи Пиньскѣ». Несомнѣнно, что такъ было и въ оригиналѣ памятника. По объясненію А. А. Шахматова [89]), это сдѣлано или изъ-за нежеланія ставить Туровъ, прославившійся чудесами св. мучениковъ, гордившійся монастыремъ ихъ имени, въ какую бы то ни было связь съ именемъ братоубійцы, или въ видахъ не дать хотя бы внѣшняго повода къ аналогіи съ окаяннымъ Святополкомъ туровскимъ современнаго составленію сказанія Святополка II, городомъ котораго былъ тотъ же Туровъ. Сѣверно-русскія передѣлки сказанія даютъ болѣе подробный перечень удѣловъ по лѣтописи, но въ опредѣленіи удѣла Святополка ино-

[86]) Усп. сб., 14, «Труды»..., 162, Прилож. № 10, 34.
[87]) Ср.. въ «Памяти» (стр. 7): «а Ярополка убиша въ Кіевѣ мужи Володимеровѣ».
[88]) Лавр. л., 118.
[89]) Разысканія..., 35, прим.

гда колеблются. Такъ, напр., въ ркп. № 2517 Попова названы оба города: Туровъ и Пинскъ (вар. 23—23, № 10); Виленскій списокъ № 102 ошибочно, какъ разъяснено въ томъ же варіантѣ, Туровъ называетъ удѣломъ Святослава; также ошибочно въ спискѣ Пискаревскомъ № 577 пинскимъ княземъ названъ Вышеславъ (№ 10, стр. 32). Погодинскій списокъ 36 798, *л.* 177, предлагаетъ чтеніе: «Святополка въ Кіевѣ посади»; тоже и спис. Ундольскаго № 590, *л.* 5-52: «въ княженіе Кіевское». Такимъ указаніемъ удѣла Святополка у него какъ-бы отнимается и внѣшній поводъ къ недовѣрію и мстительности св. братьямъ.

Разногласія и ошибки въ обозначеніи удѣловъ другихъ князей-братьевъ объясняются тѣмъ, что въ лѣтописи при полномъ перечнѣ именъ названы удѣлы девяти лишь братьевъ; недостающее приходилось, значитъ, сѣверно-русскимъ переписчикамъ восполнять по догадкѣ [90]). Попытки опредѣлить христіанское имя и удѣлъ 11-го сына Владиміра—Позвизда, также не привели переписчиковъ къ согласію: списки № 207 Ист. муз., *л.* 134 об., и № 3 МДАк., *л.* 680, замѣняютъ имя Позвизда тоже языческимъ именемъ: Брячиславъ, «въ Волынѣ», «въ Лучкѣ»; списокъ № 66, *л.* 203 об., Никольск. Единовѣр. м-ря не дѣлаетъ никакой замѣны и только списокъ Попова № 2517 (вар. 23—23) называетъ Позвизда Валилкомъ (Василькомъ?).

Остальные варіанты случайнаго происхожденія—или принадлежатъ къ числу излишнихъ поясненій, или явились въ результатѣ невнимательнаго отношенія переписчиковъ къ контексту, непониманія древнихъ выраженій, смѣшенія событій разнаго времени и т. п. [91]).

Какое значеніе имѣетъ изученіе списковъ сказанія для выясненія первоначальной литературной исторіи памятника?

Мнѣ кажется [92]), что путемъ этого изученія можно установить только позднѣйшую литературную исторію сказанія, главнымъ образомъ, въ письменности сѣверно-русской, опредѣлить характеръ сѣверно-русскихъ переработокъ кіевской редакціи, постепенное видоизмѣненіе первоначальнаго текста; возстановить же первоначальный составъ памятника, найти въ болѣе позднихъ редакціяхъ и спискахъ копію наиболѣе близкую къ утраченному оригиналу—немыслимо. Какъ можно видѣть изъ сдѣланной характеристики разныхъ редакцій сказанія, въ результатѣ рукописныхъ поисковъ изслѣдователь приходитъ къ убѣжденію, что наиболѣе близкими къ оригиналу памятника и наиболѣе нужными для изслѣдованія являются древнѣйшіе списки сказанія: Успенскій, Чудовскій, отчасти— Сильвестровскій, Псковскій, т. е. та часть очень громоздскаго матеріала, которая давно уже издана и давно служитъ предметомъ научныхъ изслѣдованій и наблюденій. Для разъясненія вопросовъ: объ авторѣ сказанія, о литературныхъ источникахъ его работы, объ условіяхъ и времени появленія памятника, рукописныя разысканія ничего цѣннаго не даютъ. Вслѣдствіе этого по всѣмъ названнымъ вопросамъ приходится ограничиваться мелкими добавленіями къ тому, что сдѣлано уже въ научной литературѣ.

Прежніе изслѣдователи, за рѣдкими исключеніями (Бутковъ, Д. И. Иловайскій), считали житійное сказаніе оригинальнымъ памятникомъ, послужившимъ источникомъ для лѣтописныхъ сказаній о Б. и Г., болѣе древнимъ, чѣмъ Несторово житіе св. братьевъ. Разницу между сказаніемъ и Несторовымъ житіемъ они объясняли литературнымъ соревнованіемъ

---

[90]) Девять удѣловъ и въ спискахъ Псково-Печ. (160), Попова № 2517 (вар. 23—23). Самый полный перечень въ сѣверно-русск. проложн. житіи—11 и въ Пискарев. сп.—12 (но Вышеславъ повторенъ).

[91]) Напр., а) въ Чудов. № 53/255, *л.* 95: «искочилъ (Б.) с шятра, бо не можаше дыхати отъ ранъ»; ИМ, № 207, *л.* 137 об.: «яко искочи раненъ исъ шетра вътрънѣ, такоже и Б. исъскочи, не бѣ бо въ сердце раненъ»; б) ИМ. № 88, *л.* 82 об.: «но отъ гроба (Святополка), идѣже положенъ, смрадъ золъ исходитъ»; Пискар. № 577, *л.* 384 об.: «вси вѣдяху, яко (Глѣбъ) въ Кыевѣ убитъ»; в) № 1485 *л.* 76, Соф. б-ки: «възложиша на коня»; № 88 ИМ., *л.* 72: «и спаде съ коня»; г) № 3 МДАк., *л.* 690 об.: «искаше (Б.) противныхъ татаръ; *л.* 690, у Святополка было безчисленное войско изъ «руси и татаръ», и др.

[92]) Выражаюсь предположительно, такъ какъ я изучилъ сравнительно небольшую часть ркп. матеріала—⅓ общаго числа списковъ, и допускаю возможность возраженій, что не имѣю въ сущности права ставить этого вопроса.

между монахами-писателями Печерской обители и городскихъ-княжескихъ монастырей. Антагонизмъ между двумя этими типами монаховъ не только приводилъ къ игнорированію работъ другъ друга, но отражался и на содержаніи сочиненій, писанныхъ на одну и ту же тему. По мнѣнію И. П. Хрущова (высказавшаго такой взглядъ [93]), Несторъ—не княжой человѣкъ, въ противоположность Іакову онъ не былъ такъ остороженъ въ назиданіи и не имѣлъ въ виду въ своемъ сочиненіи прославлять «весь родъ русскихъ князей». Авторомъ житійнаго сказанія считали монаха Іакова, которому приписывали и рядъ другихъ сочиненій: «Память» и житіе Владиміра, Посланіе къ кн. Дмитрію-Изяславу [94]). Теперь объемъ литературной дѣятельности Іакова въ значительной степени суженъ. Такъ, напр.,послѣ детальнаго изслѣдованія Посланія проф. С. И. Смирновымъ вопросъ о непринадлежности Посланія перу кіевскаго Іакова можно считать окончательно разрѣшеннымъ [95]). Послѣ критическихъ замѣчаній А. И. Соболевскаго, Н. К. Никольскаго очень шаткою представляется и старинная аргументація о написаніи Іаковомъ житійнаго сказанія. Наконецъ, А. А. Шахматовымъ разъяснены компилятивный характеръ этого сочиненія (зависимость отъ лѣтописи и Несторова житія) и болѣе позднее, нач. XII в., его появленіе.

Оба взгляда—и старый, и новый, имѣютъ свои положительныя и отрицательныя качества и ни одинъ изъ нихъ не даетъ разъясненія, исчерпывающаго всѣ сложные въ литературной исторіи церковныхъ сказаній о Б. и Г. вопросы. Мнѣніе о принадлежности сказанія Іакову представлялось бы болѣе вѣроятнымъ, если бы была доказана тождественность лицъ—автора сказанія и упоминаемаго въ лѣтописи Іакова «с Летьца», котораго преп. Ѳеодосій хотѣлъ видѣть своимъ преемникомъ по игуменству; если бы, затѣмъ, не съ такою настойчивостію высказывалась мысль о принадлежности сказанія, «Памяти» и житія Владиміра (псевдо-Іаковова) перу одного и того же писателя. На Альтѣ, мѣстѣ убіенія св. Бориса, была удобная обстановка для появленія сказанія о мученической кончинѣ св. братьевъ. Кажется, съ этимъ именно мѣстомъ соединялись первыя благочестивыя легенды о св. братьяхъ-мученикахъ, съ тою трогательно-поэтическою окраскою случившагося, которая отражается на стилѣ житійнаго сказанія, на общемъ тонѣ его разсказа. Какъ бы мы ни смотрѣли на обстоятельства происхожденія этого памятника, должны признать въ его авторѣ большой писательскій талантъ. Хорошо передѣлать чужое не легче, чѣмъ написать свое, а авторъ житійнаго сказанія далъ такую компиляцію, которая въ литературномъ отношеніи стоитъ выше ея источниковъ. Допустить, чтобы изъ-подъ этого талантливаго пера вышло и такое слабое сочиненіе, какъ «Память» Владиміра, прямо не возможно. Не было-ли въ кіевской Руси двухъ писателей съ одинаковымъ именемъ, но съ разными дарованіями?

Въ научной литературѣ установлено, что первоначальныя сказанія о св. князьяхъ: Александрѣ Невскомъ, Довмонтѣ, благ. Ольгѣ, м. б. и о Владимірѣ, появились независимо отъ лѣтописи и послужили источникомъ для лѣтописныхъ подробныхъ сказаній. По словамъ И. И. Срезневскаго, древняя Русь не настолько была счастлива, чтобы въ своихъ первыхъ лѣтописцахъ могла имѣть и первыхъ жизнеописателей всѣхъ своихъ великихъ людей [96]). Почему же дѣлать исключеніе для жизнеописаній св. Бориса и Глѣба? По крайней мѣрѣ, сохранившіяся редакціи лѣтописнаго сказанія даютъ поводъ усматривать въ нихъ передѣлку существовавшаго уже памятника. Эти редакціи различаются одна отъ другой и по составу, и по изложенію, и стоятъ въ разныхъ отношеніяхъ къ сказанію житійному. Новгородская I лѣтопись содержитъ текстъ болѣе близкій къ житійному, Лаврентьевская—болѣе отдаленный,

---

[93]) О древне-русскихъ историч. повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII ст., Кіевъ, 1878 г., стр. 59, 65.

[94]) См. у преосв. Макарія, Ист. р. ц., т. II, Спб. 1889 г., стр. 133—149, а также статьи: Погодина, Срезневскаго въ Истор. чт. 2 Отд. И. Ак. Н.

[95]) Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины, въ Чт. Общ. Ист. и Др., 1912 г., кн. 3, стр. 431—446.

[96]) Древнія жизнеописанія русскихъ князей X—XI в., въ Истор. чтеніяхъ... 2 Отд. И. А. Н., стр. 76.

краткій; редакція Ипат. лѣтописи занимаетъ среднее мѣсто между двумя первыми. Редакціи Начальнаго и Древнѣйшаго сводовъ—это только предполагаемые памятники, и основанные на нихъ выводы о зависимости древнихъ церковныхъ сказаній о св. братьяхъ отъ лѣтописныхъ всегда будутъ носить лишь предположительный характеръ, не могутъ получить убѣдительной для всѣхъ доказательности.

Слабую сторону стараго взгляда составляетъ слишкомъ буквальное пониманіе отдѣльныхъ выраженій автора сказанія. Такъ, напр., въ словахъ: «прочая же его (Влад.) добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время», хотѣли видѣть опредѣленное указаніе на задуманное авторомъ особое сочиненіе о Владимірѣ—псевдо-Іаковово житіе. Но въ такомъ случаѣ и въ ниже читаемой фразѣ: «посажа вся по роснамъ землямъ въ княженіи, иже инъде скажемъ», тоже нужно видѣть обѣщаніе автора написать особое сочиненіе о всѣхъ сыновьяхъ Владиміра и о распредѣленіи между ними княженій [97]). Едва-ли такая мысль могла появиться у писателя-церковника. Къ тому же, ссылаться на имѣющія еще появиться сочиненія въ древне-русской письменности, кажется, не было принято; старинные писатели (Несторъ, Василій псковскій) упоминали лишь про раннѣйшіе свои труды. Несомнѣнно, что въ обоихъ случаяхъ фраза: «инде скажемъ», имѣетъ значеніе агіографическаго стереотипа, условнаго указанія на намѣренное сокращеніе писателемъ матеріаловъ его работы. Если источникомъ житійнаго сказанія признать лѣтопись, то яснымъ станетъ, что именно опустилъ изъ лѣтописнаго разсказа авторъ. По извѣстнымъ теперь лѣтописнымъ сводамъ сказанію о св. братьяхъ предшествуютъ статья о кончинѣ св. Владиміра и Похвала ему. Этотъ отдѣлъ и опущенъ авторомъ сказанія, въ цѣляхъ не осложнять главнаго разсказа излишними подробностями. Въ зависящемъ тоже отъ лѣтописи кіевскомъ проложномъ житіи, наоборотъ, статья о кончинѣ Владиміра и Похвала, хотя и въ сокращенномъ видѣ, приведены.

Анонимность сказанія во всѣхъ извѣстныхъ теперь спискахъ обязываетъ осторожно высказывать предположенія объ авторѣ, хотя, по моему мнѣнію, она и не имѣетъ такого значенія, какое приписываетъ Н. Е. Никольскій. Аналогичный почти примѣръ имѣемъ въ рукописной исторіи другого популярнаго памятника—Пахоміева житія благ. кн. Михаила Черниговскаго. За исключеніемъ одного поздняго списка, всѣ остальные анонимны; но о принадлежности житія Пахомію Сербу переписчики XV в., конечно, знали. Возможно, что сѣверно-русскій редакторъ «Памяти» поступилъ не совсѣмъ произвольно, приписавъ Іакову-же и составленіе житійнаго сказанія. И въ XIV в. могло еще сохраняться въ литературной средѣ преданіе о принадлежности сказанія какому-то кіевскому писателю, одноименному съ авторомъ «Памяти». Древне-русскіе писатели не всегда оставляли свои имена, но каждое интересное сочиненіе всегда и вездѣ вызывало и вызываетъ у читателя вопросъ: кто его авторъ? заставляетъ или узнать настоящее, или придумать, соотвѣтствующее литературнымъ достоинствамъ сочиненія, имя его составителя.

Объ отношеніи извѣстнаго теперь вида житійнаго сказанія къ сказанію лѣтописному и къ Несторову житію я всецѣло примыкаю ко взгляду А. А. Шахматова. На вопросѣ же о томъ, не было ли въ русской письменности особаго древняго сказанія о св. братьяхъ—церковнаго, которымъ воспользовался лѣтописецъ, нѣтъ смысла останавливаться. Ни въ лѣтописной, ни въ церковной литературѣ о Борисѣ и Глѣбѣ не сохранилось слѣдовъ или намека на существованіе подобнаго памятника.

Спорнымъ, по моему мнѣнію, остается вопросъ объ отноніеніи къ древней лѣтописи Несторова житія св. братьевъ. Если всѣ особенности Несторова разсказа находятъ для себя объясненіе въ содержаніи сказанія о св. братьяхъ въ Древнѣйшемъ сводѣ лѣтописи, то не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ редакторы извѣстныхъ теперь лѣтописныхъ сводовъ

---

[97]) Такъ и истолковалъ эту фразу редакторъ сказанія западно-рус. Ч. М.: «посадилъ ихъ Володимеръ по рознымъ землямъ у княженьи..., про тожь хочю вамъ, братья, иная многая сказати» (стр. 88).

такъ легко разошлись съ тождественными указаніями двухъ древнихъ источниковъ—церковнаго и лѣтописнаго? Передѣлка древняго лѣтописнаго сказанія о св. Владимірѣ не обошлась безъ полемическихъ выпадовъ позднѣйшаго лѣтописца противъ несогласныхъ съ нимъ «несвѣдущихъ» людей, статья же о кончинѣ Владиміра и Похвала крестителю Руси, какъ замѣчено уже раньше, перешли изъ древней лѣтописи въ позднѣйшія, повидимому, безъ значительной передѣлки. Не нужно-ли предположить, что и въ Древнѣйшемъ сводѣ сказаніе о Б. и Г. иначе, чѣмъ Несторово житіе, излагало отдѣльные эпизоды изъ жизни св. братьевъ, ближе къ содержанію извѣстныхъ теперь лѣтописныхъ редакцій; что въ біографической своей части Несторово житіе было сочиненіемъ оригинальнымъ? Съ агіографической точки зрѣнія разница въ біографическихъ указаніяхъ Нестора отъ лѣтописца была не существенная; въ литературномъ отношеніи сочиненіе Нестора безусловно уступало появившемуся въ нач. XII в., на основѣ лѣтописи, житійному сказанію. М. б., только этимъ объясняется отсутствіе о Б. и Г. въ церковной письменности XII в. сочиненій, аналогичныхъ «Памяти» Іакова, въ которыхъ «несвѣдущіе» люди продолжали-бы отстаивать старую церковную точку зрѣнія на отдѣльныя событія изъ жизни св. братьевъ— Несторову, не во всемъ согласную съ лѣтописью.

Обзоромъ житій благ. кн. Бориса и Глѣба я заканчиваю первый отдѣлъ своей книги: о кіевскихъ княжескихъ житіяхъ и объ ихъ судьбѣ въ письменности сѣверно-русской. Обобщеніе изложенныхъ въ этомъ отдѣлѣ наблюденій отлагаю до заключительной главы.

Глава вторая.

Сѣверно-русская церковная письменность о св. князѣ южно-русскомъ. Церковныя сказанія о мученической кончинѣ благов. князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора.

По жизни и дѣятельности благов. князь Михаилъ Всеволодовичъ принадлежалъ главнымъ образомъ южной, кіевской Руси. Его участіе въ событіяхъ сѣверно-русскихъ было временнымъ и болѣе или менѣе случайнымъ; личные интересы князя и его взгляды всегда влекли его на югъ, къ Кіеву, къ велико-княжескому кіевскому столу. Но кончина благ. Михаила сдѣлала имя этого страдальца-князя священнымъ и близкимъ всей великой Руси, въ полнымъ смыслѣ обще-русскимъ. Она совпала съ наступленіемъ новаго періода въ русской исторіи, съ котораго центръ не только политической, но и литературной жизни окончательно перешелъ на сѣверо-востокъ. Разгромленная татарами Русь не въ состояніи уже была прославить мученическій подвигъ своего князя составленіемъ сказанія о немъ и церковной службы; эту задачу пришлось выполнять церковной письменности сѣверно-русской. Житія благов. кн. Михаила, так. обр., можно бы было отнести въ отдѣлъ сѣверно-русской агіографіи о св. князьяхъ, ихъ можно бы было разсматривать въ числѣ первыхъ опытовъ житійной сѣверно-русской письменности. Однако рядъ соображеній заставляетъ посвятить обзору церковныхъ сказаній о св. Михаилѣ особую главу.

Прежде всего, рукописный матеріалъ объ этихъ сказаніяхъ весьма обширенъ и въ научной литературѣ недостаточно еще изученъ. До сихъ поръ нѣтъ спеціальнаго изслѣдованія сказаній о св. Михаилѣ, даже не установлено точно, какой матеріалъ сохранился для этого изслѣдованія въ рукописяхъ. Въ мою задачу и входитъ разъясненіе послѣдняго вопроса. Я старался собрать то, что осталось о св. князѣ въ старинныхъ и болѣе позднихъ богослужебныхъ и четіихъ книгахъ, и издать въ своихъ Приложеніяхъ. Не думаю, чтобы мнѣ удалось эту подготовительную для изученія древнихъ сказаній о св. Михаилѣ работу вполнѣ закончить. Дальнѣйшія рукописныя разысканія дадутъ не только новые списки и новыя редакціи изданнаго мною, но м. б. и новые памятники. Результаты рукописныхъ поисковъ обычно носятъ случайный характеръ, и никогда нельзя съ увѣренносью сказать: все главное мнѣ уже извѣстно.

Всетаки мнѣ думается, что собранное мною представляетъ собою матеріалъ вполнѣ достаточный для разъясненія литературной и рукописной исторіи сказаній о черниговскихъ мученикахъ, если и не всегда свѣжій, то въ отдѣльныхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ мало до сихъ поръ извѣстный. Разнообразіе матеріала и располагаетъ изслѣдованіе его выдѣлить въ особую главу. Затѣмъ, не нарушая принятаго мною принципа дѣленія памятниковъ по мѣсту ихъ написанія, я и не могъ бы изслѣдованія житій св. Михаила отнести въ одинъ изъ главныхъ отдѣловъ своей книги—къ кіевскимъ житіямъ или сѣверно-русскимъ. Старинную

работу по составленію этихъ житій нельзя пріурочить къ одной какой-либо мѣстности по преимуществу. Въ предѣлахъ сѣверной Руси она была работою обще-русскою; нерѣдко выходила даже и изъ этихъ широкихъ предѣловъ. Въ числѣ списковъ и передѣлокъ древнихъ редакцій встрѣтимъ принадлежащія западно-русскимъ писателямъ; м. б., были передѣлки и южно-русскія. По крайней мѣрѣ, въ обзорѣ научной литературы придется остановиться на мнѣніи, считающемъ авторомъ первоначальнаго сказанія о св. Михаилѣ черниговца—или духовника князя, или даже современнаго его кончинѣ черниговскаго епископа. Но и независимо отъ этого, вопросъ о возможномъ участіи южно-русскихъ писателей въ составленіи житій св. князя заслуживаетъ особаго вниманія потому уже, что значительная часть раннѣйшихъ сѣверно-русскихъ памятниковъ вообще принадлежала перу случайныхъ сѣверно-руссовъ—кіевскихъ пришельцевъ. Достаточно припомнить имена Симона и Серапіона владимірскихъ, кіевлянина Кузьмы, предполагаемаго автора сказанія объ убіеніи Андрея Боголюбскаго и др. То же самое могло случиться и при составленіи на сѣверо-востокѣ сказаній о мученической кончинѣ южно-русскаго князя; сѣверно-русскими эти сказанія могли быть только по мѣсту ихъ написанія.

Разнообразный житійный матеріалъ о черниговскихъ мученикахъ можно подраздѣлить на слѣд. четыре группы: а) проложныя записи о святыхъ, б) краткія проложныя житія, в) распространенныя проложныя сказанія и г) подробное (Пахоміево) житіе съ его разновидностями и передѣлками.

Проложныхъ записей было, кажется, немного. Могу указать только двѣ: болѣе древняя и болѣе распространенная въ ркп. издана въ Прилож. подъ № 14, вторая, сравнительно поздняя, по единственному ея списку XVI в.—подъ № 13. Иногда, но тоже рѣдко, въ прологахъ помѣщалась лишь память святыхъ, безъ біографической о нихъ замѣтки [98]). По распространенности въ богослуж. книгахъ списковъ службы святымъ и въ четіихъ сборникахъ сказаній о ихъ кончинѣ мы въ правѣ бы ожидать, что въ бумажныхъ русскихъ прологахъ сказанія о святыхъ, въ той или другой редакціи, займутъ такое же обязательное мѣсто, какъ житія благ. Владиміра или сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Но этого нѣтъ. Бо́льшій процентъ списковъ пролога совсѣмъ не упоминаетъ о черниговскихъ мученикахъ; и обстоятельство это, очевидно, нужно поставить въ связь съ отмѣченною раньше общею чертою въ исторіи славяно-русскаго пролога—съ консервативнымъ отношеніемъ переписчиковъ къ составу древняго пролога.

Краткія замѣтки о смерти св. Михаила и Ѳеодора помѣщены и въ древнихъ сводахъ лѣтописи. Здѣсь онѣ предшествовали сказаніямъ подробнымъ, были записями, сдѣланными современниками событія. Образцомъ первоначальной лѣтописной замѣтки можетъ служить читаемая въ 1 Новгор. лѣтописи: «въ лѣто 6753, уби царь Батый въ Ордѣ князя Михаила Черниговьскаго и воеводу его Феодора, мѣсяца септября въ 18» (стр. 263). Къ этой первоначальной записи прибавлено затѣмъ подробное сказаніе (передѣлка церковнаго); но редакторъ не позаботился даже согласовать дату о днѣ смерти мучениковъ сказанія съ хронологическою датою старой записи. У него читаемъ: «бысть убіеніе ею мѣсяца септября въ 20 день» (стр. 270). Въ разрядъ краткихъ замѣтокъ можно отнести и разсказы о св. Михаилѣ въ двухъ другихъ лѣтописныхъ сводахъ: Лаврент. лѣт. (447-8) и Ипатьев. (795),—особенно первый. Оба лѣтописныхъ разсказа не зависятъ отъ церковныхъ сказаній; они древни и оригинальны—Ипатьевскій, безусловно.

Ни объ оригинальности, ни, тѣмъ болѣе, о первоначальности проложныхъ замѣтокъ не можетъ быть и рѣчи. Въ проложной литературѣ о св. мученикахъ онѣ не занимаютъ перваго мѣста хронологически и особаго мѣста по своему содержанію. Вторая запись принадлежитъ, несомнѣнно, переписчику этого пролога; первая появилась не позднѣе XIV в., но послѣ уже составленія проложнаго житія святыхъ. Обѣ записи, безразличныя для начальной литературной исторіи житій св. мучениковъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ показатель

[98]) Напр., въ прол. № 448 Ист. муз., л. 79, подъ 20 сент.

общеизвѣстности житійной литературы о св. Михаилѣ въ XIV—XVI вв., какъ одна изъ иллюстрацій къ отмѣченному раньше факту въ исторіи русскаго пролога—невольному нарушенію переписчиками установившейся традиціи не измѣнять состава переписываемаго оригинала.

На первомъ мѣстѣ въ обзорѣ сказаній нужно поставить краткія житія. Въ Приложеніяхъ изданы три редакціи краткаго житія: а) ростовская (№ 15), б) обще-русская (№ 16) и в) особая, позднѣйшая (№ 17). Всѣ редакціи встрѣчаются только въ спискахъ пролога. Ростовское житіе представляетъ собою первый опытъ церковнаго сказанія о св. Михаилѣ вообще.

По количеству сохранившихся списковъ [99]), ростовское житіе нельзя отнести къ памятникамъ въ ркп. особенно распространеннымъ, но неправильно было бы назвать и малоизвѣстнымъ [100]). По содержанію своему ростовское житіе раздѣляется на краткую, общежитійную характеристику личности св. князя, такую же краткую замѣтку о событіяхъ татарскаго нашествія, болѣе подробный разсказъ объ обстоятельствахъ поѣздки Михаила въ Орду и о смерти здѣсь обоихъ святыхъ, наконецъ, сообщенія объ установленіи празднованія мученикамъ—20 сентября и о построеніи въ Ростовѣ церкви во имя ихъ; заканчивается житіе молитвеннымъ обращеніемъ ко святымъ. Житіе составлено по общему плану проложныхъ житій, хорошо выдержанному авторомъ. Оно имѣло всѣ права занять въ русскомъ прологѣ соотвѣтствующее своимъ литературнымъ качествамъ мѣсто.

Заключительная часть въ содержаніи памятяика даетъ возможность выяснить время и мѣсто его написанія, предположительно—и источники. Здѣсь читаемъ: «вложи Богъ въ сердце благочестивыма и правовѣрныма *нашема* князема, внукома его Борису и Глѣбу, брату его, и матери ихъ Маріи и создаста церковь во имя ею (М. и Ѳ.), и уставиша праздновати мѣсяца семтября въ 20 день..., вонь же день пострадаша Христа ради». Подчеркнутаго слова нѣтъ въ пергамен. спискахъ пролога Спасо-Прилуцкаго м-ря и № 161/354 Типогр. б-ки; опущено оно и въ бум. спискѣ Ист. муз. № 2313 (см. вар. 76, 77). Но въ оригиналѣ слово: «нашема», несомнѣнно, было; повторяется оно и въ прологахъ бумажныхъ. Кромѣ отмѣченнаго въ вар. 77 списка Публ. б-ки, изъ собр. Титова, XVI в., сошлюсь еще на списокъ того же вѣка б-ки Костромской духов. семинаріи, № XII/121, л. 49 об.—50 об. Изъ извѣстія этого видимъ, что родственная любовь ростовской княгини и ея сыновей къ отцу и дѣду подвигла ихъ на установленіе церковнаго празднованія блаженной кончины св. Михаила; она же, вѣроятно, повліяла и на составленіе перваго житія мучениковъ. Біографъ передаетъ, что празднованіе св. Михаилу было установлено не сряду послѣ его кончины: «на нѣколико же лѣтъ не бысть памяти има». Княгиня Марія Михаиловна скончалась въ 1271 г.; черезъ шесть лѣтъ умеръ и Борисъ Васильковичъ [101]). Житіе было написано вскорѣ послѣ построенія церкви, м. б. даже ко дню ея освященія, во всякомъ случаѣ, гораздо раньше 70-хъ гг. XIII в. Авторъ не былъ очевидцемъ страданій св. князя, но онъ имѣлъ возможность описать это событіе по разсказамъ такихъ очевидцевъ, какъ бояре ростовскіе и самъ кн. Борисъ. Принимая во вниманіе эти внѣшнія условія происхожденія памятника, я полагаю, что въ текстуальномъ совпаденіи нѣкоторыхъ разсказовъ ростовскаго житія съ распространенными проложными сказаніями о бл. Михаилѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ усматривать со стороны ростовскаго біографа пользованія уже существовавшимъ церковнымъ сочиненіемъ, что отношеніе между этими сходными памятниками было обратное: ростовское житіе послужило источникомъ для проложныхъ сказаній.

---

[99]) Перечень ихъ см. въ Спискѣ ркп.

[100]) Раньше ростовское житіе было издано проф. И. Некрасовымъ, въ книгѣ: Пахомій Сербъ, писатель XV в., Одесса 1871 г., стр. 64—6 (тоже по Тип. прол., не вполнѣ исправно—съ пропускомъ одной строки и неточностями въ передачѣ орѳографіи подлинника) и проф. А. И. Пономаревымъ, въ Памятн. др. рус. учит. лит., в. 2, Спб. 1896 г., стр. 172—173, по прол. XIII в. Спасо-Прил. м-ря, рус. шрифтомъ.

[101]) Въ лѣто 6785, преставися Борисъ Василковичь в Татарехъ»; «въ лѣто 6779, преставися княгини Марья Василкова, декабря 9, в Зачатье, въ день обѣдню поють, ту сущу сыну ея Борису съ княгинею и з дѣтми, и положиша ю у св. Спаса въ своемъ манастыри» (Лавр. л., 498, 497).

Ростовское житіе подверглось позднѣе переработкѣ, въ результатѣ которой появилась новая проложная редакція—обще-русское проложное житіе. Оно встрѣчается въ прологахъ только XVI в., м. б. и оригиналъ житія принадлежитъ тому же вѣку или XV. Новая редакція по объему меньше древней. Изъ древней безъ измѣненія приведена только характеристика князя, дальнѣйшіе же разсказы: о нашествіи татаръ и о смерти мучениковъ, составлены по распространенному проложному сказанію. По приведенной фразѣ: «яко же при Нои и при Лотѣ казнь Божія на землю нахожаше, такоже и въ послѣдняа времена сіа наведе Богъ руку свою на землю рускую», нужно заключить, что изъ редакцій пролож. сказаній авторъ воспользовался тою, которая названа въ Приложеніяхъ распространеніемъ редакціи отца Андрея (№ 20). Въ другихъ редакціяхъ этой замѣтки нѣтъ.

Мотивы переработки древней редакціи объясняются характеромъ сдѣланныхъ въ обще-русскомъ житіи ея сокращеній. Новый редакторъ опустилъ изъ своего источника весь мѣстный его, ростовскій элементъ: объ установленіи въ Ростовѣ празднованія святымъ. Эти подробности, дѣйствительно, могли казаться излишними, разъ житіе предназначалось къ чтенію не въ отдѣльной какой-либо мѣстности, а во всѣхъ русскихъ храмахъ. Новаго обще-русское житіе ничего не сообщаетъ. Въ литературномъ отношеніи, какъ опытъ компиляціи изъ двухъ типовъ старинной проложной литературы о св. Михаилѣ: краткаго житія и подробнаго сказанія, обще-русское житіе можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ памятникомъ.

И это житіе въ свою очередь подверглось передѣлкѣ—распространенію, въ редакціи житія печатнаго пролога [102]).

Происхожденіе печатно-проложнаго житія не совсѣмъ ясьо. Проф. Пономаревъ видитъ въ этомъ житіи передѣлку ростовской редакціи. У него читаемъ: «для печатнаго пролога взято приведенное древнѣйшее чтеніе, но оно было нѣсколько измѣнено и дополнено» [103]). Но никакихъ слѣдовъ пользованія ростовскимъ житіемъ въ новой редакціи нельзя указать. И вторая часть въ объясненіи Пономарева можетъ быть принята только съ большими оговорками. Изъ предисловія къ печатному прологу, правда, мы знаемъ, что редакторамъ изданія было вмѣнено въ обязанность пополнить русскій отдѣлъ древняго пролога житіями св. князей: «да и вел. князей русскихъ, которые такожде (какъ святители и преподобные) просіяли въ Рустѣй земли добрыми своими дѣтельми и чюдотвореніи и Х. Б. своему угодили, отъ житій ихъ вкратцѣ сложенныя словеса въ тую же книгу, прологъ, присовокупити и печатнымъ тисненіемъ изобразити» [104]). Ошибочно было бы заключить, что редакторамъ пролога всегда приходилось или составлять вновь краткія житія святыхъ по подробнымъ, или передѣлывать при «тисненіи» старыя редакція, «изображенныя» ихъ предшественниками рукописно. Въ какой степени часто редакціонная работа сводилась только къ перепискѣ готоваго, я не могу сказать, изъ княжескихъ же житій, напечатанныхъ безъ предварительной ихъ передѣлки, укажу, напр., на житія: Александра Невскаго, Петра и Февроніи Муромскихъ, Евфросиніи Суздальской [105]). Значитъ, и переработка обще-русскаго житія бл. кн. Михаила могла быть произведена въ XVII в., при изданіи печатн. пролога, но могла существовать и раньше, напр., въ ркп. XVI в. Въ ркп. прологахъ этой редакціи житія я, впрочемъ, не встрѣчалъ, за исключеніемъ Поморскаго пролога № 78 б-ки Никольск. Единовѣрч. м-ря; но этотъ прологъ, по всей вѣроятности, списанъ уже со старопечатнаго.

---

[102]) Издана проф. Пономаревымъ, въ Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы, в. II, Спб. 1396 г., стр. 10—11. Я пользовался еще печат. прологами Типогр. б-ки: № 844, 1685 г., л. 69—70 об., № 846, 1689 г., л. 70—71 об., № 865, л. 81—83.

[103]) о.с, 175. Пономареву извѣстны были и списки обще-русскаго житія, по ркп. б-ки Спб. Д. А.; но указанія списковъ (стр. 174—175) сдѣланы у него не вѣрныя.

[104]) Прологъ 1643—4 г., см. у Н. Петрова, О происхожденіи и составѣ слав.-рус. печатнаго пролога, Кіевъ 1875 г., стр. 5.

[105]) Ркп. № 397 Рум. м., л. 348 об.—353 об. (Ал. Н.), л. 379 (П. и Фев.), Унд. № 318, л. 24—26 (Евф.).

Въ отличіе отъ обще-русскаго житія, печатно-проложное пользуется и Пахоміевымъ подробнымъ житіемъ [106]). Если разсматриваемая редакція и существовала раньше въ ркп., то при печатаніи она была воспроизведена, несомнѣнно, не со всею точностію, подверглась нѣкоторымъ стилистическимъ измѣненіямъ. Такія выраженія, какъ: «о семъ душею поболѣти», «и бездушнымъ идоламъ пожершыя», по сравненію съ Пахоміевыми: «разгорѣвся душею» и «кланяхуся идоламъ», представляются варіантами поздняго времени.

Интереснѣе особая редакція проложнаго житія, напечатанная въ Прилож. («№ 17) по списку XVI в. Имп. Публ. б-ки (изъ собран. Титова № 871, подъ 19 сентября). Съ ростовскимъ и обще-русскимъ житіями эта редакція не стоитъ въ какой-либо связи; она составлена по Пахоміеву житію, вѣроятно, въ XVI в. Сокращая Пахоміевъ текстъ, редакторъ дѣлаетъ и нѣкоторыя (несамостоятельныя) поясненія къ отдѣльнымъ мѣстамъ своего источника. У него, напр., читаемъ, что кромѣ солнца и огня татары заставляли русскихъ князей покланяться еще: «лунѣ и земли и умершимъ во адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ ихъ», а также «скверныя ихъ волшебныя крови пити»—кумысъ (сн. Ипат. лѣт. подъ 6758 г., стр. 806). Отца духовнаго редакторъ называетъ «Іоанномъ презвитеромъ.» Пытался редакторъ опредѣлить и значеніе слова «куста» и въ общемъ далъ подходящее объясненіе. По сравненію съ Архивскою редакціею Пахоміева житія (№ 22), въ особомъ житіи представлена другая генеологія св. Михаила. Онъ названъ потомкомъ «великаго князя Романа, самодержца всея рускіа земля, побѣдника на поганыя», т. е. Романа Мстиславича, побѣдителя половцевъ и литовцевъ; его и лѣтопись называетъ приснопамятнымъ самодержцемъ всея Руси [107]).

Для русскаго читателя XVI в. особое прол. житіе, благодаря своимъ добавленіямъ, могло казаться памятникомъ не безъинтереснымъ, но въ ркп. и въ частности въ прологахъ оно не получило распространенности, очевидно потому, что житій и проложныхъ сказаній о св. Михаилѣ и безъ новой редакціи было достаточно. Другихъ списковъ, кромѣ Титова, я не нашелъ.

Очень популярны были въ древней Руси распространенныя проложныя сказанія о благ. кн. Михаилѣ. Они встрѣчаются въ ркп. разныхъ вѣковъ и мѣстъ и различнаго состава—въ богослужебныхъ и четіихъ. Текстъ этихъ сказаній весьма разнообразенъ, но варіантовъ, заслуживающихъ вниманія или объясненія, почти нѣтъ. Большое количество списковъ проложныхъ сказаній можетъ быть подраздѣлено на четыре группы: а) редакція съ именемъ отца Андрея, б) съ именемъ епископа Іоанна, и анонимныя въ спискахъ ихъ передѣлки: в) распространеніе первой, г)—сокращеніе второй. Вопросъ, значитъ, лишь въ томъ, которую изъ двухъ основныхъ редакцій—отца Андрея или епископа Іоанна, нужно признать первоначальною?

Древнѣйшіе списки обѣихъ редакцій не даютъ намъ ясныхъ на это указаній, научныя мнѣнія разнорѣчивы ине всегда обоснованы. Издатель редакціи о. Андрея, преосв. Макарій, признавалъ Андрея современникомъ кончины благ. князя [108]). И. И. Срезневскій, наоборотъ, отмѣчаетъ, что сказаніе составлено Андреемъ по слухамъ [109]). Въ немъ, значитъ, нѣтъ ясныхъ указаній на близость автора къ описываемымъ имъ событіямъ и освѣдомленность въ нихъ. В. О. Ключевскій, не останавливаясь подробно на вопросѣ объ авторствѣ Андрея, рѣшительно высказался противъ авторства епископа Іоанна. По его мнѣнію, это только «неловкая догадка писца, прочитавшаго въ переписанной имъ повѣсти, что отецъ духовный, съ которымъ совѣтовался Михаилъ передъ отъѣздомъ въ Орду, звался Іоанномъ» [110]).

[106]) Ср., напр.. фразу: «рекше еще: яко и солнцу не хотѣста поклонитися, нань же недостойна суща и зрѣти» (стр. 11). Ни въ одномъ изъ прол. житій фразы этой нѣтъ.

[107]) См. у И. Н. Жданова, Русскій былевой эпосъ, Спб. 1895 г., стр. 433.

[108]) Ист. рус. ц., т. V, Спб. 1886 г., стр. 143—144. Ср. у проф. П. В. Владимірова, Древняя рус. литература, Кіевъ 1901 г., стр. 371.

[109]) Древніе памятники рус. письма и языка, 2 изд., Спб. 1882 г., стр. 115.

[110]) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, М. 1871 г., стр. 146—147. Ключевскій, повидимому, имѣлъ въ виду позднюю сравнительно дату (1558 г.) извѣстнаго ему списка (№ 805 б-ки КазДА.) съ именемъ еп. Іоанна (ib., прим.).

А. А. Шахматовъ предположительно считаетъ авторомъ сказанія духовнаго отца благ. Михаила—священника Іоанна [111]). Преосв. Филаретъ допускалъ авторство и Андрея, и Іоанна, но съ оговоркою, что о чернигов. епископѣ Іоаннѣ, кромѣ замѣтки въ сказаніи, другихъ свѣдѣній нѣтъ [112]).

Въ спискахъ Іоаннъ не называется черниговскимъ (это лишь подразумѣвается); опредѣленное указаніе на авторство черниговскаго епископа Іоанна находимъ въ заглавіи Чудовской редакціи подробнаго житія: «твореніе господина Іоанна, епископа черниговьскаго» (Прил., № 23).

Предположеніе В. О. Ключевскаго о сравнительно позднемъ появленіи надписанія сказанія именемъ Іоанна теперь, когда извѣстны списки сказанія не только XV (Вил« б-ки № 102), но и XIV в. (Уваров. № 613, 1392 г.), утрачиваетъ свое значеніе, но общая мысль Ключевскаго объ условіяхъ появленія этого ошибочнаго надписанія должна быть принята полностію. У насъ, дѣйствительно, нѣтъ данныхъ увѣренно говорить ни объ авторствѣ, ни даже о существованіи современнаго св. Михаилу черниговскаго епископа Іоанна; ркп. извѣстія объ этомъ стоятъ совсѣмъ одиноко. Съ другой стороны, сопоставленіе списковъ сказанія этой редакціи съ редакціею о. Андрея располагаетъ первоначальность признать не за сочиненіемъ Іоанна.

Сказаніе о. Андрея извѣстно въ болѣе позднемъ, чѣмъ Уваров. № 613, пергам. прологѣ Софійск. б-ки № $^{1365}/_{578}$, который датируютъ XIV—XV в. (вѣроятно, онъ XV в.). Но изъ тѣхъ поправокъ и надписей вверху текста, которыя воспроизведены мною при изданіи памятника, очевиднымъ становится, что Софійскій списокъ сказанія не оригиналъ памятника, а лишь его копія.. Слогъ сказанія указываетъ на древность этой редакціи вообще и на большую древность по сравненію съ Уваров. спискомъ редакціи Іоанна въ частности. Я думаю, что онъ даетъ право отнести появленіе памятника ко времени не позднѣе нач. XIV в., даже ко второй полов. XIII в. Редакцію о. Андрея можно назвать вторымъ хронологически (послѣ ростов. житія) памятникомъ церковной письменности о благ. кн. Михаилѣ.

Кѣмъ и гдѣ составлена эта редакція?

Заглавіе сказанія въ Соф. спискѣ какъ-будто не точное: «Слово... сложено въкратцѣ... отцемъ Андреемъ». Первое изъ подчеркнутыхъ словъ не требуетъ разъясненій: это агіографическій стереотипъ; но два послѣднихъ производятъ впечатлѣніе недоговорки. Почему не названъ санъ отца Андрея, когда въ древней Руси вообще приняты были точныя обозначенія: епископъ, игуменъ, презвитеръ, монахъ и т. п.? Не было-ли въ древнѣйшемъ спискѣ кромѣ указанія на санъ Андрея добавлено еще: «отцемъ его (Мих.) духовнымъ»? Мы знаемъ изъ житія бл. кн. Михаила Тверского, что духовный отецъ сопровождалъ князя въ опасной для него поѣздкѣ въ Орду. Не былъ-ли и отецъ Андрей спутникомъ черниговскаго князя? Неувѣренность сѣверно-русскаго переписчика сказанія не зависѣла-ли отъ того, что по сѣверно-русскимъ спискамъ проложнаго сказанія нач. XV в. духовный отецъ носилъ уже другое имя—Іоанна? Всѣ эти вопросы имѣютъ большое значеніе для опредѣленія мѣста написанія сказанія и его источниковъ, но за отсутствіемъ данныхъ приходится о нихъ говорить, къ сожалѣнію, только по догадкамъ.

Близость біографа ко святому, его участіе или хотя бы личная освѣдомленность въ отдѣльныхъ событіяхъ изъ жизни святаго, всегда отражаются на характерѣ въ изложеніи біографіи святаго, заставляютъ біографа удѣлить то или другое мѣсто передачѣ личныхъ воспоминаній и впечатлѣній, вносятъ въ разсказъ черты непосредственности и живости. Изъ княжескихъ житій достаточно будетъ указать на описаніе кончины благ. кн. Александра Невскаго и на разсказъ объ убіеніи бл. кн. Михаила Тверского. Андрей (или Іоаннъ) точно также долженъ бы въ разсказѣ о мученической кончинѣ своего духовнаго сына и въ его характеристикѣ оставить слѣды своей близости ко св. князю; но этого мы не наблюдаемъ. Составитель сказанія

[111]) «Обще-русскіе лѣтописные своды,» въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1900 г. № 11, стр. 159.

[112]) Обзоръ рус. дух. литер., кн. I, Сиб. 1884 г., стр. 62, ср. въ Черниг. Епарх. Извѣст. 1864 г., № 15, стр. 434.

представляется намъ просто знающимъ описываемыя имъ событія человѣкомъ, знакомымъ съ литературною формою подобныхъ описаній; онъ очень старался выдержать въ своемъ сочиненіи эту условную форму, подражалъ литературнымъ образцамъ. Въ развитіи мысли о причинахъ татарскаго нашествія не трудно замѣтить близость къ лѣтописнымъ и церковнымъ разъясненіямъ о причинахъ Божьяго наказанія вообще и его религіозно-педагогическихъ цѣляхъ. Изъ церковныхъ проложныхъ статей можно для сравненія взять двѣ: о перенесеніи мощей свят. Николая, подъ 9 мая, и прол. житіе св. муч. Димитрія Селунскаго [113]). Фраза о погребеніи св. князя и Ѳеодора нѣкими богобоязненными христіанами буквально почти читается и въ другихъ проложныхъ мученическихъ житіяхъ,—напр., въ житіи муч. Димитрія [114]). Въ увѣщаніяхъ св. князя его бояриномъ авторъ не скупится на удачно подобранные евангельскіе тексты. Описатель-современникъ кончины благ. кн. Александра обходится безъ текстовъ. Трудно примирить съ духовническими отношеніями автора къ князю его отсутствіе при страдальцѣ въ самыя трудныя для того минуты, когда, напр., земная любовь родственниковъ пыталась поколебать рѣшимость бл. Михаила твердо идти по пути къ вѣчной славѣ. Да и въ изложеніи напутственной бесѣды духовника съ княземъ мы въ правѣ бы ожидать меньшей книжности и бóльшей близости къ содержанію устной. Для перваго опыта сказанія о св. Михаилѣ едва-ли были нужны и такія подробности въ описаніяхъ событій татарскаго нашествія, которыя читаемъ во введеніи. Всѣ эти черты въ сказаніи говорятъ о сравнительно позднемъ появленіи памятника и противъ авторства очевидца страданій—духовника князя.

Замѣтное при чтеніи сходство сказанія съ ростовскимъ житіемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже буквальное, ясно указываетъ на связь между двумя этими древними памятниками. Эту связь я объясняю зависимостью редакціи отца Андрея отъ ростовскаго житія.

Древне-русское общество всегда, а въ первое время монгольскаго ига въ особенности съ любовію обращалось къ воспоминаніямъ о мученическомъ подвигѣ благ. князя. Измученное страхомъ отъ неожиданныхъ бѣдствій, а также и продолжавшимися неурядицами въ политической жизни, оно отдыхало на разсказахъ о мужественной кончинѣ св. князя, почерпало изъ этихъ разсказовъ увѣренность, что не все потеряно, что внѣшней силѣ завоевателя можно еще противопоставить силу духа и вѣры, что можно погибнуть, но въ ореолѣ мученика-побѣдителя. Неудивительно, если краткій разсказъ ростовскаго житія не удовлетворялъ собою любознательности русскихъ читателей. Существовали, несомнѣнно, болѣе подробные устные разсказы и воспоминанія современниковъ мучен. кончины бл. Михаила; этими деталями изъ устныхъ разсказовъ и преданій отецъ Андрей и рѣшилъ пополнить ростовское житіе. Такъ какъ на сѣверо-востокѣ, въ частности въ Ростовѣ, не только не меньше интересовались, но и не меньше знали о кончинѣ св. князя, чѣмъ въ южной Руси, то, при отсутствіи прямыхъ указаній въ содержаніи сказанія, нѣтъ нужды пріурочивать редакцію отца Андрея къ черниговскимъ памятникамъ. Я думаю, что отецъ Андрей былъ писателемъ сѣверно-русскимъ. Возможно, впрочемъ, что по преданію сохранилось имя духовника св. князя—Андрея, и переписчиками сказанія такъ же произвольно, какъ и именемъ черниговскаго епископа Іоанна, была названа именемъ отца Андрея разсматриваемая сѣверно-русская редакція. По добавленіямъ въ описаніи мученической кончины св. Михаила и по источникамъ этихъ добавленій редакція отца Андрея должна быть признана однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ памятниковъ для изображенія жизни и подвига св. князя. Редакція эта сохранилась въ единственномъ спискѣ, потому и текстъ ея изданъ безъ варіантовъ.

Вторая редакція, съ именемъ епископа Іоанна, представляетъ собою незначительную стилистическую переработку редакціи о. Андрея, съ подновленіемъ отдѣльныхъ выраженій въ текстѣ и съ очень рѣдкими пропусками [114]). Наличность списка разсматриваемой редакціи

---

[113]) Пискар. прол. № 529, л. 293 об., Унд. № 225, л. 136. Выписки см. ниже, въ обзорѣ Пахоміева житія.

[114]) «Мечемь главу усѣкоша, скончася, пріимъ небесный вѣнецъ, честныя же его мощи погребены быша вѣрными и богоязнивыми мужи», прол. Унд. № 225, подъ 15 ноября, л. 185 об.

отъ конца XIV в. говоритъ за древность передѣлки редакціи Андрея, но подновленія слога ограничиваютъ эту древность. Я думаю, что редакція еп. Іоанна появилась уже въ концѣ XIV в. О мѣстѣ передѣлки ничего нельзя сказать опредѣленнаго. Изъ 7 извѣстныхъ мнѣ списковъ два древнѣйшихъ: Уваров. № 613 и Вилен. 102, западно-русскіе, одинъ: Глуховскаго м-ря [115]), очевидно, черниговскій, остальные разныхъ мѣстъ: сѣверный—Солов. б-ки № 805, сѣверо-восточные—списки Публ. б-ки. Отрицать возможность передѣлки редакціи отца Андрея въ юго-западной Руси или въ Черниговской области, конечно, нѣтъ достаточныхъ основаній. Возможно также, что въ западно-русскія рукописи эта редакція перешла изъ ркп. юго-западныхъ, что она сдѣлалась извѣстною здѣсь раньше, чѣмъ въ центральной и сѣверной Руси [116]). Присоединяясь къ мнѣнію В. О. Ключевскаго о случайности извѣстія объ авторствѣ епископа Іоанна, считаю нужнымъ добавить, что рукописное преданіе не только настойчиво, но и болѣе или менѣе увѣренно, опредѣленно изъ всѣхъ разновидностей проложнаго сказанія приписываетъ перу Іоанна эту именно редакцію. Просмотрѣнные мною списки разныхъ вѣковъ (XIV—XVII), съ указаніемъ въ заглавіи имени автора, содержатъ однообразный текстъ сказанія.

Редакція еп. Іоанна въ ркп. чаще всего встрѣчается анонимною. Въ этой группѣ ея списковъ (XVI—XVII вв.), какъ можно отчасти судить и по варіантамъ, текстъ нерѣдко видоизмѣнялся. Но эта была работа переписчиковъ, а не редакціонная. Слѣды редакціонной работы можно усматривать только въ разновидности, изданной мною подъ № 21. По отдѣльнымъ фразамъ,—напр.: «и глагола (Мих.) Феодоровѣ: и ты не поклонишися» (нѣтъ въ ред. Іоанна); убійцы били св. князя: «руками» и «пятами» (въ ред. Іоан.: «палицами» и «ногами»); по названію Домана «законопреступникомъ»,—можно заключить, что, сокращая текстъ редакціи Іоанна, новый редакторъ дѣлалъ нѣкоторыя поправки или по редакціи отца Андрея, или по передѣлкѣ (распространенію) послѣдней. Списокъ разсматриваемой разновидности—прологъ XVI в. Я думаю, что типъ рукописи лучше всего объясняетъ и мотивы передѣлки: редакторъ хотѣлъ , сдѣлать сказаніе и по объему болѣе пригоднымъ для помѣщенія въ прологѣ. Так. обр., это—случайная переработка, и едва-ли появленіе ея нужно относить ко времени раньше XVI в.

Весьма древнею является переработка редакціи отца Андрея (№ 20). Раннѣйшіе ея списки XIV—XV вв. Это опытъ распространенія содержанія первоначальной редакціи, не существенная и въ общемъ не вполнѣ удачная литературная ея передѣлка. Разсказъ о кончинѣ благ. князя не подвергся какимъ-либо измѣненіямъ, послѣднія наблюдаемъ только въ предисловіи. Здѣсь внесены въ текстъ библейскія параллели о казни Божіей при Ноѣ и Лотѣ и искусственно вставленъ разсказъ о Калкской битвѣ. Какъ и въ редакціи еп. Іоанна, сдѣланы пропуски въ передачѣ Елдегою приказа Батыя. Днемъ кончины св. мучениковъ названо 23 сентября. Эта редакція (а не о. Андрея, какъ утверждаетъ пр. Филаретъ) вошла въ болѣе поздніе лѣтописные своды. Въ нихъ указанъ тотъ же день (23 сент.) блаженной кончины страдальцевъ. Но въ лѣтописяхъ начало сказанія измѣнено по редакціи ростовскаго житія, а также опущено сообщеніе о Калкской битвѣ. Въ такомъ же видѣ текстъ сказанія воспроизводится и въ четіихъ сборникахъ, напр., № 623 Рум. музея, изъ собранія Ундольскаго (см. вар.), но съ поправкою: 20 сентября. Значитъ, приписывать указанныя измѣненія лѣтописцамъ если и можно, то во всякомъ случаѣ не обязательно.

---

[115]) Опущены, напр., слова Михаила Ѳеодору: «луче намъ есть не покланятись, ему же ся си кланяють», и подробное воспроизведеніе Елдегою приказа Батыя. Сокращены тексты въ увѣщаніяхъ Ѳеодора и т. п. Второй пропускъ понятенъ: воспроизводить указъ царя было бы излишнимъ повтореніемъ сказаннаго. Первыя слова опущены м. б. потому, что послѣ нихъ увѣщанія Ѳеодора въ значительной степени утрачивали бы свою убѣдительность.

[116]) Имѣю въ виду, что сѣверо-восточные и сѣверные списки редакціи— XVI, XVII вв., западно-русскіе—XV и XIV вв.

2) Изданъ въ Черн. Еп. Изв. 1864 г., № 15.

Разсматриваемая редакція получила большую популярность въ русской письменности XVI в., въ результатѣ чего текстъ ея принялъ разнообразный видъ. Необходимо выдѣлить одну разновидность—въ спискѣ Истор. музея № 562. ѣъ Прилож. она названа западно-русскою редакціею. Какъ можно судить по варіантамъ: 6, 26, 41, 64, 84, 85—85, для рукописной судьбы сказаній о св. Михаилѣ въ западно-русской письменности это списокъ болѣе интересный, чѣмъ древнѣйшіе—Уваровскій и Виленскій. Его можно назвать западно-русскимъ переводомъ памятника, можно сопоставить съ западно-минейнымъ сказаніемъ о Б. и Г., или съ западно-русскимъ житіемъ Владиміра. Объ остальныхъ спискахъ ограничусь указаніями, какія сдѣланы въ Приложеніяхъ и въ Спискѣ ркп.—Перехожу теперь къ обзору подробныхъ житій благ. кн. Михаила.

О подробномъ, Пахоміевомъ житіи св. мучениковъ въ научной литературѣ кромѣ мелкихъ замѣтокъ имѣются и болѣе подробныя свѣдѣнія въ сочиненіяхъ, посвященныхъ обзору литературной дѣятельности ритора-серба: у И. Некрасова, Пахомій Сербъ, писатель XV в., Одесса 1871 г., и священ. В. Яблонскаго, Пахомій Сербъ и его агіографическія писанія, Спб. 1908 г.

Устарѣвшая уже книга проф. Некрасова появилась въ то время, когда рукописный матеріалъ по церковной письменности о св. Михаилѣ былъ мало извѣстенъ, потому и литературная исторія Пахоміева житія Некрасовымъ изложена обще, его указанія не всегда точны и правильны. Изслѣдователь утверждаетъ, напр., что Пахомій пользовался проложнымъ сказаніемъ въ редакціи епископа Іоанна (стр. 73), но самъ онъ смѣшиваетъ эту редакцію съ передѣлкою (распространеніемъ) редакціи отца Андрея. Нѣкоторыхъ изъ ссылокъ Некрасова (напр., на раскольн. (sic) прологъ XV в. Троицк. Акад. со статьею о гибели Батыя, стр. 75, прим.) я, по крайней мѣрѣ, не умѣю разъяснить. Ни чѣмъ не доказанное утвержденіе: «составъ кіевскаго пролога завершился сказаніемъ о Михаилѣ черниговскомъ, сохранившимся въ спискѣ XIII в.» (стр. 62, авторъ имѣлъ въ виду ростовское житіе), считаю ошибкою. Наблюденія надъ текстомъ житія ограничиваются въ сущности однимъ спискомъ—№ 518 Солов. б-ки (Каз. Д. А.); разумѣется, они не могли быть полными и точными. Характеристика пріемовъ переработки древнихъ сказаній Пахоміемъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Интереснѣе новѣйшее изслѣдованіе о Пахоміи—свящ. В. Яблонскаго. Изслѣдователь даетъ подробный перечень списковъ (65) житія (стр. 104—105), отмѣчаетъ «значительную стилистическую разницу» между болѣе древними (XV в.) и поздними (XVI, XVII вв.) списками, указываетъ на болѣе точное воспроизведеніе первыми текста проложн. сказанія, пытается установить, какая разновидность житія можетъ быть признана болѣе близкою къ оригиналу. Изъ перечисленныхъ списковъ XV в. о. Яблонскій отдаетъ предпочтеніе двумъ: Солов. № 518 й Погод. № 999. Разновидность, помѣщенную въ В. Ч. М., онъ считаетъ передѣлкою текста этихъ списковъ. «Кѣмъ и когда былъ сдѣланъ пересмотръ Пахом. работы,—замѣчаетъ авторъ,—не извѣстно. Фактъ, что списки ея не восходятъ глубже половины XVI в., можетъ наводить на мысль, что пересмотръ произведенъ во время м. Макарія» [117]). Такія же замѣчанія сдѣланы и о разницѣ въ текстѣ статьи о гибели Батыя: «напечатанное въ В. Ч. М. сказаніе о Батыѣ представляетъ значительные варіанты въ сравненіи съ лучшими списками. Вѣроятно, эти варіанты—результатъ редактированія сказанія при м. Макаріи, вмѣстѣ съ житіемъ Черниговскихъ мучениковъ» (стр. 138). Къ сожалѣнію, эти интересные выводы у автора не сопровождаются наглядными примѣрами—сопоставленіями текстовъ изъ разныхъ списковъ, и вообще для читателя остается не вполнѣ яснымъ, какіе изъ перечисленныхъ списковъ житія были изучены изслѣдователемъ и почему имъ не приняты во вниманіе тѣ изъ списковъ, которые уже по датамъ ихъ написанія могли бы служить болѣе надежнымъ руководствомъ для

[117]) стр. 101—102, прим.

[118]) Опускаю списки: №№ 618 Лавр. б-ки, № 56 Общ. Ист. и Др.—нач. XVI в., № 639 Патр. б-ки, XV—XVI в., такъ какъ второй изъ списковъ м. б. отнесенъ и ко второй половинѣ XVI в., въ датировкѣ третьяго первая половина даты: XV в., безусловно д. б. опущена—это ркп. XVI в.

выводовъ. Такъ, напр., у о. Яблонскаго отмѣчены списки: Пискаревскій (Рум. муз.) № 131/566 и б-ки Троиц. Серг. Лавры № 642, датируемые XV—XVI в. [118]). Въ обоихъ этихъ спискахъ и житіе, и статья о гибели Батыя помѣщены въ минейной разновидности, притомъ, не только нѣтъ «значительныхъ варіантовъ» въ сравненіи съ текстомъ списка В. Ч. М., но и варіантовъ мелкихъ, случайныхъ очень немного. Датировка XV—XVI в., разумѣется, условная; но оба списка написаны раньше В. Ч. М. Можно-ли при такихъ условіяхъ говорить о пересмотрѣ житія и доподнительной къ нему статьи о Батыѣ при митр. Макаріи? По моему мнѣнію, это просто недосмотръ, при изученіи большого числа списковъ памятника—явленіе неизбѣжное.

Рукописная судьба сочиненія Пахомія была сложнѣе, чѣмъ представляетъ ее о. Яблонскій; передѣлки этого сочиненія начались задолго до м. Макарія. Сохранившіеся списки Пахоміева житія могутъ быть подраздѣлены на три группы, которыя я буду называть по древнѣйшимъ и болѣе типичнымъ ихъ спискамъ: а) Соловецкая (№ 518 б-ки КДА.), Архивская (Оболенскаго № 26) и Минейная [119]). Для третьей редакціи я беру не болѣе древній, а лишь болѣе извѣстный изъ ея списковъ. По нему я и буду сравнивать текстъ Архивскаго и Соловецкаго списковъ.

По ркп. разныхъ вѣковъ и разныхъ б-къ редакціи Архивская и Минейная распредѣляются равномѣрно, Соловецкая встрѣчается сравнительно рѣдко: мнѣ она извѣстна въ 6 спискахъ [120]). Какая изъ трехъ редакцій житія м. б. признана болѣе близкою къ оригиналу памятника?

Кромѣ списка № 518 КДА. Соловецкая редакція имѣется въ другомъ древнемъ спискѣ, тоже конца XV в.: № 999 Публич. б-ки (изъ собр. Погодина). Оба списка—безъ дополнительной статьи о Батыѣ. Отличительную черту Соловец. редакціи составляетъ стремленіе редактора оттѣнить участіе во всѣхъ описываемыхъ событіяхъ и второго изъ мучениковъ— боярина Ѳеодора. Въ этихъ видахъ въ предисловіи къ житію и въ разсказѣ о мученіяхъ святыхъ сдѣланы разнаго рода мелкія измѣненія и вставки въ первоначальный текстъ. Ограничусь нѣсколькими примѣрами.

Минейное житіе даетъ характеристику только св. Михаила (1298), Соловецкое (Прил., вар. 4) и Ѳеодора: «такожде и боярина его.... глаголю же обоихъ». Соотвѣтственно этому, минейное выраженіе: «сего и писаніе послѣди... изъявить», здѣсь измѣнено: «*сихъ* писаніе...» (вар. 7—7). Къ словамъ: «разгорѣвся (М.) душею» (1300), добавлено: «купно же и съ бояриномъ своимъ Феодоромъ совѣщався» [121]). Заглавіе житія: «Страсть святыхъ и новоявленныхъ великомученикъ и исповѣдникъ...» (1298), оправдывало указанную тенденцію въ переработкѣ первоначальнаго текста, но едва-ли оно требовало слишкомъ мелкихъ поясненій и измѣненій. Нѣкоторыя изъ поправокъ совсѣмъ не нужны, такъ какъ соучастіе Ѳеодора и безъ нихъ ясно. Такъ, напр., къ словамъ минейнаго текста: «начаша пѣти» (1304), добавлено: «начаша обои пѣти» (вар. 198—198), или: «устремишася изъ дому своего (глаголюще): яко елень» и т. д.— «кождо къ себѣ глаголюще» (вар. 100—100), и др. Поправка: «не устрашися» св. Михаилъ угрозъ Батыя на: «не устрашишася» (вар. 167), въ сущности и не правильна, такъ какъ въ описываемый моментъ Ѳеодору никто еще не грозилъ.

По отзыву проф. Некрасова, Пахомій, пользуясь проложнымъ сказаніемъ о св. Михаилѣ, останавливался главнымъ образомъ на тѣхъ мѣстахъ, «которыя содержатъ въ себѣ много драматизма» [122]). Ту же особенность можно замѣтить и въ нѣкоторыхъ добавленіяхъ къ минейному тексту разсматриваемой редакціи [123]). Въ литературномъ отношеніи эти добавленія очень удачныя; видно, что они сдѣланы не простымъ переписчикомъ, а настоящимъ писателемъ.

---

[119]) Архивская издана въ Прилож., № 22; въ варіантахъ воспроизведенъ текстъ и Соловецкой; Минейная въ В. Ч. М. сент., Спб. 1869 г., стр. 1298—1308.

[120]) Указанія просмотрѣнныхъ списковъ каждой редакціи см. въ Спискѣ ркп.

[121]) вар. 75. См. также вар. 91—91 и стр. 1300, строки 10—12, снизу.

[122]) о. с, стр. 73.

[123]) Ср., напр., вар. 207—207 и стр. 1304, строки 19—16, снизу; вар. 220 и стр. 1305, строки 6—7, сверху.

Но встрѣчаются и неудачныя мелкія детали къ минейному тексту,—напр., названіе татарскихъ волхвовъ—«несвященными священниками» (вар. 108), татаръ—«кровоядцами» (вар. 234—234).» Примѣры излишняго стремленія редактора къ точности указаны въ варіантахъ: 120, 124, 137, 176, 195—195, 203—203, 204, 217 и др. Если исключить отмѣченныя добавленія, то мы получимъ текстъ тождественный съ минейнымъ. Такимъ образомъ, утверждать, что въ соловецкомъ спискѣ, по сравненію съ минейнымъ, мы имѣемъ текстъ болѣе близкій къ проложному, совсѣмъ неправильно. Наоборотъ, отмѣченныя добавленія къ минейному тексту еще болѣе удаляютъ Соловецкую редакцію какъ отъ состава, такъ и отъ текста проложн. сказаній о св. князѣ.

Больше разночтеній къ минейному тексту содержитъ въ себѣ Архивская редакція. Раннѣшій списокъ ея: Оболенскаго № 26, является въ то же время и самымъ древнимъ изъ всѣхъ, извѣстныхъ теперь, списковъ подробнаго житія св. Михаила. Въ Соловецкой редакціи мы наблюдаемъ лишь стилистическія отличія отъ Минейной, въ Архивской разница замѣтна и въ содержаніи. Такъ, въ предисловіе здѣсь внесена генеалогическая справка о св. Михаилѣ—потомкѣ крестителя Руси [124]). Вставочность этой справки очевидна. Для установленія внѣшней связи съ основнымъ текстомъ редакторъ ничего не могъ придумать лучшаго, кромѣ шаблонной житійной фравы: «настоящее же да глаголеться». Понятенъ и мотивъ вставки. Генеалогическія вычисленія обязательно помѣщались въ русскихъ княжескихъ житіяхъ XV—XVI вв.; матеріалъ для нихъ біографы св. князей находили въ лѣтописяхъ.

Вторымъ добавленіемъ, заимствованнымъ изъ того же источника—лѣтописи, является хронологическая дата о взятіи татарами Кіева: «декамвьріа въ 6 день» (72). Къ лѣтописи восходитъ и самый любопытный варіантъ въ текстѣ Архивской редакціи: «канъ же бѣ первый воевода у Батыя, а не отъ роду его» (73). Въ Ипат лѣт., подъ 6748 г., въ описаніи взятія татарами Кіева, передается, что одинъ изъ «сильныхъ воеводъ» Батыя—Кююнь, узнавъ о смерти хана, ушелъ изъ-подъ Кіева: «и бысть каномъ, не отъ роду же его, но бѣ воевода его первый» [125]). По варіантамъ, къ изданнымъ въ Прилож. текстамъ сказаній о св. Михаилѣ, а также Василіевой редакціи житія Александра Невскаго, можно видѣть, какимъ камнемъ преткновенія для переписчиковъ XV и слѣд. вѣковъ являлась фраза древнихъ текстовъ: «канъ и Батый». Они дѣлали разнообразныя замѣны перваго слова: къханъ, къхановъ, каинъ; писали: каменеви, нар. Каму (см. у В. Мансика, 172), къ кановичемъ, даже: «иванновичемъ» (№ 31, стр. 134); совсѣмъ пропускали титулъ далекаго отъ Руси, номинальнаго ея властителя (№ 23, стр. 83); ставили Батыя выше хана: «Батыевѣ и кохановѣ»; еще чаще отождествляли его съ ханомъ (№ 22, вар. 57—57), называли Батыя царемъ и т. д. Нашъ редакторъ хотѣлъ, повидимому, избѣжать подобной путаницы; онъ попытался разъяснить разницу, но допустилъ при этомъ грубую ошибку: сказанное лѣтописцемъ о ханѣ Кююнѣ онъ перенесъ на хана вообще.

Сравнивая минейный и архивскій тексты съ проложнымъ, замѣчаемъ большую близость къ послѣднему архивскаго [126]). Но и этотъ фактъ не говоритъ о первоначальности Архивской разновидности. Близость къ тексту прол. сказанія здѣсь искусственная, она получилась въ результатѣ исправленія текста Пахоміева житія по проложному. Легко понять и мотивы такой стилистической переработки первоначальнаго текста подробнаго житія.

Списки подробнаго житія, въ томъ числѣ и списокъ Оболенскаго, въ ркп. очень часто помѣщаются вслѣдъ за службою св. мученикамъ. Какъ можно судить по списку Вилен. б-ки № 102, раньше на ряду со службою переписывалось проложное сказаніе о св. Михаилѣ. Въ богослужебныхъ рукописяхъ подробное житіе заняло, значитъ, мѣсто этого древняго сказанія. Но

[124]) Прилож., № 22, стр. 71. Дальше, какъ и обычно, я буду ставить только цифру, указывающую страницу изданія текста.

[125]) Ипат. л., стр. 785. Къ 6748 г. отнесено въ Архив. житіи и прибытіе пословъ татарскихъ къ Михаилу, но по лѣтописи оно было въ 6745 г. (стр. 782).

[126]) Ср. особенно разсказъ о мученіи князя.

русскіе читатели и переписчики привыкли къ популярному въ русской письменности проложному сказанію, и неудивительно, если у одного изъ читателей Пахоміева труда появилось желаніе, сохранивъ интересныя добавленія къ проложному разсказу подробнаго житія, сблизить его текстъ съ текстомъ его литературнаго источника. Так. образомъ, и Архивскую разновидность ни по содержанію, ни по стилистическимъ ея особенностямъ нельзя признатъ оригинальнымъ памятникомъ. Это уже передѣлка первоначальной редакціи подробнаго житія, произведенная въ болѣе широкихъ размѣрахъ, по сравненію съ передѣлкою Соловецкою. Первоначальною редакціею—основою обѣихъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ редакцій, нужно считать Минейную разновидность житія. Непосредственная зависимость Соловецкой редакціи отъ Минейной очевидна. Выше разъяснены мотивы и пріемы этой стилистической переработки минейнаго житія. Дата древнѣйшаго списка приблизительно опредѣляетъ намъ и время появленія Соловецкой редакціи—конецъ XV в. Остается сдѣлать разъясненіе о мѣстѣ ея появленія.

Въ собраніи соловецкихъ рукописей б-ки Кз.ДА. всѣ три списка житія св. Михаила воспроизводятъ текстъ этой редакціи; ни Архивской, ни Минейной редакцій въ казанскихъ спискахъ нѣтъ. Естественно возникаетъ вопросъ: нельзя-ли и составленіе Соловецкой редакціи пріурочитъ къ Соловецкому монастырю?—Обитель эта для отдаленнаго Сѣвера была не только главною мѣстною святынею, но и литературнымъ центромъ, изъ котораго шли рукописи въ сѣверный, Поморскій край. Въ монастырѣ имѣлась въ общемъ разнообразная библіотека изъ книгъ богослужебныхъ и четіихъ, какъ можно судить по содержанію ркп., поступившихъ въ б-ку Кз.ДА. Хотя и съ помощью чужихъ рукъ и чужихъ людей, здѣсь составлялись и новые агіографическіе памятники,—напр., житія и Похвальныя слова соловецкимъ преподобноначальникамъ. Пахоміево житіе бл. кн. Михаила, нужно полагать, вскорѣ послѣ своего появленія сдѣлалось извѣстнымъ въ Соловкахъ, вѣроятно, изъ ркп. новгородскихъ. Съ Новгородомъ у монастыря были непрерывныя сношенія, а у новгородцевъ были прочныя связи и съ Пахоміемъ, біографомъ новгородскихъ владыкъ. Но въ монастырь житіе Пахоміево проникло не въ разсматриваемой редакціи. По крайней мѣрѣ, въ собраніяхъ новгородскихъ рукописей б-ки ПДА.—Софійскомъ и Кирилловскомъ, списковъ Соловецкой редакціи нѣтъ; очевидно, редакція эта была составлена не въ Новгородѣ. Нѣтъ ркп. указаній и на московское ея происхожденіе. Въ главномъ хранилищѣ сѣверо-восточныхъ русскихъ ркп.— въ библіотекѣ Троице-Сергіевой Лаврьт, тоже нѣтъ списковъ Соловецкой редакціи. Отсутствію списковъ этой редакціи въ другихъ московскихъ библіотекахъ; Патріаршей, Румянц. и Ист. музеевъ, АМИД., я не придаю значенія, такъ какъ эти собранія носятъ характеръ случайнаго подбора ркп. изъ разныхъ мѣстъ. Два списка Имп. Публ. б-ки не исключаютъ возможности соловецкаго ихъ оригинала. Они принадлежатъ Погодинскому собранію. Послѣднее составлено въ Москвѣ, а на московскій книжный рынокъ больше всего ркп. поступало съ Поморскаго раскольничьяго края. Такимъ образомъ, возможно, что Соловецкая редакція, представляющая собою легкую стилистическую передѣлку Минейной, появилась въ Соловецкомъ монастырѣ. Она могла быть работою какого-ниб. временно проживавшаго въ монастырѣ монаха-писателя [127]). Въ такомъ случаѣ понятнѣе становится и однообразіе пяти сѣверныхъ списковъ житія св. Михаила. И соловецкіе монахи, и, по ихъ примѣру, поморскіе грамотеи предпочитали переписывать свою, монастырскую редакцію житія благ. князя. Но шестой списокъ Соловецкой редакціи— № 372 XVI в. б-ки МДА., подрываетъ кажущуюся цѣнность этихъ рукописно-статистическихъ дан-

[127]) Нужно при этомъ припомнить, что имѣются положительныя свидѣтельства объ участіи (не непосредственномъ) Соловецкой обители въ литературной работѣ по прославленію подвига черниговскихъ мучениковъ. Въ XVI в., по предложенію Соловецкой братіи, сербъ Левъ Филологъ написалъ, между прочимъ, и Похвальное слово Михаилу и Ѳеодору. См. у В. О. Ключевскаго, Др. р. ж. св., 269, у пр. Макарія, Ист. р. ц., т. VII, 385—386. У Ключевскаго см. еще о Зиновіи, стр. 266—8. Въ Солов. спискѣ № 814 вслѣдъ за житіемъ помѣщено Слово Зиновія, л. 14—24.

[128]) Два друг. списка Волок. б-ки: №№ 577 и 645, содержатъ текстъ Минейной редакціи; тоже и № 88 Фунд. б-ки.

ныхъ. Онъ принадлежалъ б-кѣ Волоколамскаго монастыря, и въ ркп. этой нѣтъ указаній, чтобы она поступила въ монастырь съ отдаленнаго сѣвера [128]). Да и вообще обосновать мнѣніе о мѣстѣ происхожденія того или другого памятника, принимая во вниманіе одну лишь группировку его списковъ по стариннымъ монастырскимъ собраніямъ ркп., разумѣется, невозможно. Въ настоящее время большинство этихъ собраній представляютъ собою только часть того, что когда-то имѣлось въ монастырскихъ библіотекахъ. Незначительную, вѣроятно, часть изъ прежняго представляетъ собою и казанское собраніе соловецкихъ рукописей. Въ XV—XVI вв. въ монастырской библіотекѣ могло быть больше списковъ житія св. Михаила, могли быть и разныя его редакціи. Соловецкое происхожденіе разсматриваемой редакціи, значитъ, только болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе.

О мѣстѣ составленія Архивской редакціи списки ея не даютъ указаній даже и для предположеній. Она одинаково часто встрѣчается какъ въ сѣверныхъ—новгородскихъ ркп., такъ и въ сѣверо-восточныхъ—московскихъ. Появилась Архивская переработка приблизительно тогда же, когда и Соловецкая: во второй половинѣ въ концѣ XV в. Русское происхожденіе этой редакціи, по моему мнѣнію, несомнѣнно. Это видно уже изъ источника сдѣланныхъ въ ней добавленій къ первоначальному тексту житія—лѣтописи. Дополнительныя справки въ лѣтописи могъ сдѣлать, конечно, и Пахомій, и тѣмъ легче, что онъ, какъ думаютъ [129]), работалъ и въ области русскаго лѣтописанія. Однако общіе пріемы литературной переработки Пахоміемъ русскихъ житій и его взглядъ на задачи агіографической работы говорятъ скорѣе противъ этой возможности. Пахомій считалъ себя слишкомъ опытнымъ стилистомъ, чтобы при передѣлкѣ старинныхъ русскихъ житій тратить время еще и на черновую работу по собиранію новыхъ данныхъ о жизни святыхъ. Обычно онъ ограничивался стилистическою переработкою извѣстнаго уже біографическаго матеріала. Трудно бы было, затѣмъ, понять, по какимъ побужденіямъ русскіе редакторы Пахоміева сочиненія выпустили изъ первоначальнаго текста генеологическую справку о св. князѣ. Наоборотъ, какъ разъяснено уже выше, они должны бы дорожить такою біографическою деталью, должны бы пополнить генеалогическія справки о святомъ Пахомія. У высокопарнаго ритора нельзя, наконецъ, отнять извѣстной доли литературнаго вкуса. Для татарскихъ волхвовъ онъ сумѣлъ бы придумать болѣе книжный эпитетъ, чѣмъ «несвященныя священники»; далъ бы если и столько же ошибочное, то не такое наивно-простое разъясненіе отношеній Батыя къ хану.

За принадлежность перу Пахомія Минейной редакціи житія говорятъ и нѣкоторыя стилистическія поправки къ проложному тексту, отличающія Минейную разновидность отъ Архивской. Поправокъ этихъ, правда, немного и не всѣ онѣ характерны. Проложное и архивское чтенія: «да прельстятъ ихъ (князей) славою свѣта сего», въ минейномъ житіи измѣнено: «да прельстять ихъ еже отступити отъ вѣры» [130]). Болѣе своеобразная замѣна сдѣлана въ разсказѣ о судьбѣ татарскихъ пословъ ко св. Михаилу: «повелѣ (Мих.) я избити» (Прил., 64, 72)—«абіе тѣхъ повелѣваеть отъ среды сотворити, еже и бысть» (1299). Подчеркнутая фраза болѣе напоминаетъ намъ стиль Пахомія, вообще любившаго торжественно-невразумительные обороты рѣчи. Особое же значеніе я придаю измѣненію проложнаго и архивскаго чтенія: «соима *коць* свой,» въ: «снемь *мечь* свой» (1302).

Слово: «коць», въ спискахъ сказаній о св. Михаилѣ имѣло свою любопытную исторію; очень не скоро, только въ минейномъ житіи, оно было замѣнено словомъ; «мечъ». Сѣверо-восточные переписчики сказаній въ XIV—XV вв. писали слова: «коць»—«кочь,» увѣренно; очевидно, они

---

[129]) А. А. Шахматовъ приписываетъ Пахомію составленіе обще-русскаго лѣтописнаго свода и первоначальной редакціи хронографа. Но, кажется, это спорный пока вопросъ. См. у проф. Е. В. Пѣтухова, Русская литература..., 2 изд., Юрьевъ 1912 г., стр. 103—104, 121.

[130]) В. Ч. М., 1300. Ср. въ Прил., стр. 73, 56, 60, 64, 69, 52; въ ростов. житіи (50): «и прельстиша многи славою пустошною міра сего». Архивское чтеніе, т. обр., нужно признать общеупотребительнымъ русскимъ, минейное—исключеніемъ. Считаю нужнымъ пояснить здѣсь, что какъ въ этомъ случаѣ, . такъ и во всѣхъ приводимыхъ дальше, Соловецкая редакція совпадаетъ съ Минейною (см. въ Прил. № 22, вар. 42—42, 71—71, 156—156).

понимали его значеніе. Слово это употреблялось въ XIV, напр., вѣкѣ. У И. И. Срезневскаго оно отмѣчено въ Духовной вел. кн. Ивана Калиты: «а Ивану, сыну моему...., коцъ великии з бармами» [131]). Выше мною указанъ другой случай употребленія слова:, «коць», въ агіографической литературѣ—въ Псковской редакціи сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ: «и огнуся (Б) коцемь». Какъ показываетъ Уваровскій списокъ проложной редакціи епископа Іоанна, западно-русскимъ переписчикамъ еще въ XIV в. слово это было непонятно. Въ этомъ спискѣ сдѣлана безсмысленная замѣна словомъ: «конець»; повторена она и въ сокращеніи редакціи епископа Іоанна [132]). Въ XV—XVI вв. въ западной Руси писали вмѣсто: «коць»— «вѣнець» [133]). Съ того же приблизительно времени значеніе слова: «коць» становится неяснымъ и переписчикамъ сѣверо-восточной Руси. Они пишутъ его различно: «кооць», «коочь», коучь»; дѣлаютъ разнообразныя замѣны: «вѣнець», «конець», «гривну златую» (№ 19, вар. 79); въ выноскѣ поясняютъ: «мечь» [134]) и т. п. Было-ли понятно слово: «коць», сербу Пахомію? Изъ славянскихъ языковъ слова: «коцъ», «кочъ», извѣстны теперь польскому и болгарскому, но не въ значеніи названія княжеской одежды. По-польски: koc—полсть, попона, kocz—коляска [135]). Въ современномъ болгарскомъ языкѣ слово «коцъ» имѣетъ совсѣмъ неподходящее къ разсматриваемому случаю значеніе [136]). Чешскій [137]) и сербскій [138]) языки этого слова, кажется, не знаютъ. Впрочемъ, у Срезневскаго (о. с.) отмѣчены хорватскія слова: kôca, kóc, kocur. У Миклошича приведена выдержка изъ текста сербской редакціи Александріи: «на главе его бѣ перьсидьска коучьма..., и на кочьме веньць» [139]). Въ житіи бл. кн. Өеодора Ростиславича тоже передается о восточномъ обычаѣ носить царскій вѣнецъ. Тесть св. князя: «царскій вѣнецъ свой по вся дни полагаше на главу» Өеодора [140]). «Коучьма» въ сербскомъ языкѣ и «коць»—«кучь» въ русскомъ—слова одного корня, по происхожденію своему не были-ли они восточными словами? Въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблено слово: «коць», въ русскомъ сказаніи о св. Михаилѣ, Пахомію оно могло быть непонятно, такъ какъ на родинѣ его или совсѣмъ не знали этого слова, или если и употребляли его, то въ другомъ, не подходящемъ къ данному случаю, значеніи: «попона», «полсть». Онъ и замѣнилъ словомъ: «мечъ». Позднѣйшіе переписчики различно относились къ этой поправкѣ Пахоміемъ древняго текста: бóльшая часть приняла ее и вводила иногда и въ текстъ Архивской редакціи; другіе придерживались стараго чтенія, наконецъ, нѣкоторые предпочитали, не дѣлая выбора между старымъ и новымъ, совсѣмъ опускать изъ житійнаго текста эпизодъ о бросаніи св. княземъ коца-меча [141]). Поправкѣ этой,— какъ раньше замѣчено,—я придаю болѣе важное значеніе изъ всѣхъ варіантовъ минейнаго текста, но правильно-ли я выяснилъ происхожденіе самого слова: «коць,» къ сожалѣнію, не могу сказать [142]).

[131]) Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, т. I, Сдб. 1893 г., стр. 1305.

[132]) Прил. № 19, стр. 62, № 21, стр. 70.

[133]) Вилен. сп. № 102 (Прил. № 19, вар. 79), Ист. муз. № 562 (ib., № 20, вар. 70—70).

[134]) Ркп. № 1361, л. 11, Соф. б-ки; ср. № 466, л. 235 об. Лавр. б-ки.

[135]) Z. Szczawiński, Nowy dokładny polsko-rossyjski słownik, Warszawa, 1913, 71. Срезневскій, о. с.

[136]) Л. А. Мичатекъ, Диффер. болгарско-русскій словарь, Спб. 1910 г., стр. 244: «коцъ—отх. мѣсто».

[137]) J. Rank, Česko-ruský slownik, v Praze, 1902.

[138]) Цит. раньше «Рјечник» В. Караджича, и Дифф. сербско-русскій словарь Мичатека, Спб. 1903 г. Срезневскій, о. с.

[139]) Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, Vindobonae, 1862—5, 325.

[140]) Степ. кн., 310. Замѣна слова: «коць», словомъ: «вѣнець», въ спискахъ сказаній о св. Михаилѣ очень распространена, чтобы считать ее совершенно случайною.—См. также въ русской редакціи Александріи: «въложивши вѣнець на главу его (Ал.), поводиша и по всей Македоніи и по всей области его» (В. М. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ, Прил., стр. 15); въ Повѣсти Іосифа Флавія о разореніи Іерусалима: Титъ «възложь нань (на одного изъ храбрецовъ) вѣнець златъ и гривну злату» (Е. В. Барсовъ, Слово о полку Игоревѣ..., М. 1887 г., т. I, стр. 240); по былинѣ, Владиміръ: «возложи нань (на Алешу Поповича) гривну злату» (у В. С. Иконникова, Опытъ рус. исторіографіи т. II, кн. I, Кіевъ 1908 г., стр. 267).

[141]) Ркп. № 3 МДАк., л. 48 об.

[142]) Предложенныя справки не полны и пособія м. б. недостаточно авторитетны. То и другое объясняется отчасти и внѣшними затрудненіями, какія испытываешь при желаніи ознакомиться съ южно-славянскою научною литературою, даже и живя въ Москвѣ—такъ сказать, въ культурномъ центрѣ славянства. На записки съ

За первоначальность Минейной редакціи Пахоміева житія говоритъ отчасти и составъ памятника по древнѣйшимъ (XV—XVI в.) его спискамъ. Въ ркп. Пискарева № 566 и Лаврск. б-ки № 642 на ряду съ житіемъ помѣщена и статья о гибели Батыя. Съ этою дополнительною статьею минейное житіе встрѣчаемъ и въ большинствѣ списковъ XVI в. Наоборотъ, списки XV и XVI вв. Соловецкой и Архивской редакцій не имѣютъ статьи о Батыѣ. Принадлежность этой статьи перу Пахомія въ научной литературѣ общепризнана. Полагаютъ, что Пахомій воспроизвелъ здѣсь народный юго-славянскій разсказъ, м. б. даже южно-славянскую пѣсню о Батыѣ [143]).

Нужно думать, что статья эта составлена Пахоміемъ одновременно съ житіемъ. Пахомій понималъ, какое значеніе для читателя будетъ имѣть этотъ дополнительный къ житію св. князя разсказъ, какъ назидательно будетъ узнать читателю, что жестокій поступокъ язычника не остался не наказаннымъ свыше. Потому именно въ основу статьи и положенъ библейскій текстъ: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ». Въ повтореніи списками Минейной редакціи на ряду съ житіемъ св. Михаила и статьи о гибели Батыя можно, так. обр., видѣть прямое указаніе на особую близость этой редакціи къ оригиналу памятника.

Нельзя, наконецъ, совершенно игнорировать и рукописнаго преданія о томъ, какая изъ трехъ редакцій принадлежитъ перу Пахомія. У о. Яблонскаго читаемъ: «въ нѣкоторыхъ спискахъ заглавія прибавляется: твореніе еромонаха Пахомія св. Горы, хотя чаще этой приписки нѣтъ» (103). Также неопредѣленно выразился и преосв. Макарій [144]). Если не ошибаюсь, извѣстенъ всего одинъ списокъ съ указаніемъ въ заглавіи на авторство Пахомія: № 565, XVI в., изъ собр. Ундольскаго; остальные—анонимны [145]). Въ спискѣ Унд. памятникъ помѣщенъ въ томъ же составѣ, какъ въ ркп. Пискарева № 566, Лавр. б-ки № 642 (житие и статья о гибели Батыя); текстъ минейнаго житія здѣсь совершенно сходенъ съ изданнымъ въ В. Ч. М.

Объ условіяхъ составленія Пахоміемъ житія черниговскихъ мучениковъ ограничусь краткими замѣтками, такъ какъ все существенное уже разъяснено въ изслѣдованіяхъ: м. Макарія, арх. Филарета, проф. Некрасова, свящ. В. Яблонскаго, особенно—у В. О. Ключевскаго.

По отзыву Ключевскаго [146]), Пахоміево житіе «почти не прибавляетъ новыхъ историческихъ чертъ къ древней повѣсти о томъ же событіи»; это—«легкій перифразъ Андреева разсказа, мѣстами украшающій его реторическими распространеніями, иногда вводящій въ него новыя фактическія черты сомнительнаго свойства». Преосв. Макарій самостоятельными отдѣлами въ житіи признаетъ лишь введеніе («неискусный приступъ») и заключительныя строки—краткое молитвенное обращеніе къ мученикамъ; въ остальномъ «отъ начала до конца, почти безъ всякихъ перемѣнъ пересказывается... повѣсть отца Андрея» [147]). Взглядъ проф. Некрасова уже отмѣченъ раньше. У остальныхъ изслѣдователей нѣтъ чего-либо новаго. Историческаго значенія сочиненіе Пахомія, значитъ, не имѣетъ; подробное житіе нужно разсматривать только, какъ памятникъ литературно-агіографическій.

книгами (вышедшими сравнительно въ недавнее время) болгарскихъ и сербскихъ ученыхъ, въ б-кахъ Румянц. и Истор. музеевъ приходилось почти всегда получать одинъ и тотъ же отвѣтъ: «не имѣется». Московскіе магазины иностр. книгъ на просьбу выписать ту или другую южно-слав. книжку даютъ обычно такой же неутѣшительный отвѣтъ: «съ южно-слав. странами книжныхъ сношеній не имѣемъ». Хотѣлось бы вѣрить, что это лишь досадная случайность, но вовсе не показатель непопулярности у насъ южно-славянской научной литературы.

[143]) См. у В. О. Ключевскаго, Древне-русскія житія святыхъ, какъ истор. источникъ, М. 1871 г., стр. 147.— По поводу упоминаемаго мраморнаго столба въ память о Владиславѣ можно припомнить слѣдующую деталь изъ сербскихъ разсказовъ о Коссовской битвѣ. По указанію одной ркп. XVI в., объ этой битвѣ была запись «на стльпу мраморѣну на Косову» (А. Гильфердингъ, Собраніе сочиненій, т. III, Спб. 1873 г., стр. 193).

[144]) Ист. рус. ц. т. VII, Спб. 1891 г., стр. 157: «въ нѣкоторыхъ рукописяхъ называется твореніемъ іеромонаха Пахомія св. Горы».

[145]) С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи...., цит. изд., кн. I, стр. 1319, прим.) указываетъ ркп. Унд. № 300; но, очевидно, это старый номеръ названнаго сейчасъ списка.

[146]) о. с, 146—147.

[147]) Ист. р. ц., VII, 157, 158.

Литературный источникъ Пахоміева житія у В. О. Ключевскаго и у пр. Макарія опредѣленъ не совсѣмъ точно. Проложнымъ сказаніемъ Пахомій пользовался не въ редакціи отца Андрея, а въ ея передѣлкѣ (распространеніи). Только изъ этой редакціи онъ могъ, напр., заимствовать извѣстіе о татарскихъ послахъ ко св. Михаилу; ни у о. Андрея, ни у еп. Іоанна, ни въ краткихъ пролож. житіяхъ этого извѣстія нѣтъ[148]). Съ текстомъ указанной редакціи можно замѣтить сходство и въ тѣхъ отдѣлахъ Пахоміева житія, за которыми пр. Макарій признаетъ самостоятельность. Во введеніи къ житію, при разъясненіи религіозно-нравственнаго значенія бѣдствій, встрѣчаемъ не только одинаково обильный подборъ библейскихъ текстовъ, но и повтореніе одного и того же текста: изъ 1 гл., 19—20 ст., книги пророка Исаіи; въ одинаковыхъ чертахъ изображены и опустошительность татарскаго нашествія, а также невозможность сопротивленія этой неожиданно нагрянувшей бѣдѣ[149]). Въ молитвенномъ обращеніи къ мученикамъ опять встрѣчаемъ сходныя мысли и слова съ заключительными строками проложныхъ сказаній[150]). Во всѣхъ отмѣченныхъ случаяхъ краткій текстъ своего источника Пахомій распространилъ съ помощью общихъ агіографическихъ мѣстъ[151]).

Передавая проложный разсказъ, Пахомій дѣлаетъ разъясненія къ отдѣльнымъ его извѣстіямъ и распространяетъ тѣ мѣста, которыя, какъ справедливо замѣтилъ проф. Некрасовъ, заключали въ себѣ много драматизма. Образцомъ интерполяціи древняго текста можетъ служить слѣдующая замѣтка объ очистительномъ огнѣ: «и не мню, яко сей огнь бяше дѣйстовный, нъ инъ нѣкій влъшвеніемъ устроенъ» (1300). Изъ распространеній слѣдуетъ указать на подробности въ изложеніи богословскаго спора св. князя съ Елдегою и въ описаніи мужественнаго перенесенія св. Михаиломъ страданій. Страдалецъ не испустилъ ни одного стона или «нѣкоего гласа, якоже обычай есть стражющимъ»; онъ повторялъ только: «я христіанинъ»; съ этими словами и умеръ. Оба эти добавленія къ проложн. разсказу очень удачны.

Не совсѣмъ понятно—случайно или намѣренно при передачѣ увѣщаній бл. князя Борисомъ и ростовскими боярами опущено обѣщаніе послѣднихъ за вынужденный грѣхъ князя понести епитимію всею областію. М. б., аѳонскому монаху эта черта въ русской покаянной дисциплинѣ показалась не совсѣмъ правильною и потому онъ не захотѣлъ говорить о ней въ памятникѣ, разсчитанномъ на широкій кругъ читателей.

Так. обр., ограничивать работу Пахомія однимъ лишь легкимъ перифразомъ проложнаго сказанія едва-ли будетъ правильно. Мы видимъ, что Пахомій не только распространялъ проложный разсказъ, но и болѣе или менѣе внимательно исправлялъ его[152]). Безразличное въ историко-біографическомъ отношеніи, сочиненіе Пахомія для древне-русской агіографіи, несмотря даже на обиліе въ ней сказаній о св. Михаилѣ, было совсѣмъ не лишнимъ. Рукописная судьба Пахоміева житія и показываетъ, что, не вытѣснивъ собою старинныхъ сказаній о св. князѣ, эта новая біографія заняла въ русской письменности одинаково почетное съ ними мѣсто, получи-

---

[148]) В. О. Ключевскій (147) считалъ это извѣстіе добавленіемъ самого Пахомія.

[149]) Ср.: «пришедше татари, брани побѣждающіи и грады разоряющи, никому же могущю противитися (В. Ч. М., 1299, сн. 1306); въ Прил. № 20, стр. 64: «съкрушая грады и побѣжая брани...., изиде (Мстиславъ) противу имъ, и ничтоже успе». Я думаю, что Пахомій намѣренно опустилъ прол. извѣстіе о Калкской битвѣ, оттого въ этомъ мѣстѣ у него и вставлена ненужно-некрасивая фраза: «и поне якоже предрекохомъ» (1299).

[150]) 1305: «и намъ обрѣсти милость и оставленіе грѣховъ въ день суда отъ Г. н. І. Х., Ему же...»; Прил. № 20, стр. 68: «ею же моленіемъ достойни будемь вси обрѣсти милость и отпущеніе грѣховъ отъ Г. н. І. Х.».

[151]) Ср., напр., стр. 1298 (fin.)—1299 (in.) и въ прологѣ № 529 Пискарева, л. 293 об., въ статьѣ на перенесеніе мощей свят. Николая: «понеже за умноженіе грѣховъ нашихъ попущающю Богу на крестьяны казни—овогда гладомъ, овогда шествіемъ иноплеменникъ, яко же бѣ въ земли моурьстей»; въ прологѣ № 225 Ундольск., л. 136, въ житіи Димитрія Селунскаго: «попущающю Богу на крестьяне за грѣхы наша—ово поганыя наводяще, ово пожаромъ, ово гладомъ страшны(мъ) отлучити отъ грѣхъ и наказати яко отець чада; и сича убо бысть за грѣхы наша: нашедшимъ поганымъ на градъ Селунь...» — Начальныя слова житія встрѣчаются и въ проповѣднич. литературѣ (въ Словѣ Златоуста на Воздвиженіе), и въ богослужебной (канонъ Всеволоду Псковск.).

[152]) Встрѣчаются, правда, и недосмотры. Такъ, напр., въ разсказѣ о возвращеніи ск. князя въ Кіевъ Пахомій говоритъ и о «предипомянутомъ бояринѣ Ѳеодорѣ» (1299); но о немъ не было «предпомянуто».

ла такое же распространеніе и въ богослужебныхъ, и въ четіихъ книгахъ. Самостоятельная же часть въ сочиненіи Пахомія—статья о смерти Батыя, для русскихъ читателей являлась и совсѣмъ новинкою, настолько интересною, что ею, какъ увидимъ, не преминули воспользоваться при составленіи другихъ сказаній о событіяхъ той же эпохи татарскаго нашествія.

О мѣстѣ и времени написанія Пахоміева житія нѣтъ указаній ни въ этомъ памятяикѣ, ни въ другихъ сочиненіяхъ ритора. Пахомій такъ часто кочевалъ изъ Москвы въ Новгородъ и обратно [154]), что нельзя опредѣлить, въ которомъ изъ этихъ городовъ онъ написалъ житіе черниговскихъ мучениковъ. По всей вѣроятности—въ Москвѣ, такъ какъ иниціативу составленія памятника правильнѣе будетъ приписать московской свѣтской или духовной власти, а не новгородскимъ владыкамъ; послѣдніе больше интересовались работами Пахомія по составленію новгородскихъ святыхъ и въ частности новгородскихъ св. владыкъ. —Принимая во вниманіе, что сочиненіемъ Пахомія пользовался біографъ бл. кн. Ѳеодора Ростиславича, составленіе памятника относятъ не позднѣе какъ къ 70-мъ гг. XV в.

Архивская и Соловецкая редакціи Пахоміева житія интересны главнымъ образомъ хронологическою датою ихъ появленія—кон. XV в. Едва ли біографъ допускалъ какую-либо нужду, даже самую возможность такого ранняго появленія передѣлки его сочиненія. Не совсѣмъ обычнымъ литературнымъ фактомъ представляются эти передѣлки и изслѣдователю древне-русской агіографіи, привыкшему наблюдать у старинныхъ писателей весьма осторожное обращеніе съ сочиненіями общепризнанныхъ литературныхъ авторитетовъ.

Такъ какъ Архивская редакція была столько же извѣстна древне-русскимъ переписчикамъ, какъ минейное житіе, то естественно было бы ожидать опытовъ объединенія текста обѣихъ популярныхъ редакцій, составленія сводной редакціи житія. Попытки въ этомъ направленіи, кажется, дѣлались. Какъ примѣръ, укажу на списокъ житія въ ркп. б-ки Никольск. Единов. м-ря, изъ собранія Хлудова, № 213, л. 188 об.—202, XVI в. Здѣсь помѣщенъ минейный текстъ, но изъ текста Архивской редакціи внесена генеологическая справка о св. князѣ (л. 189).

Болѣе обширныя передѣлки Пахоміева житія были произведены въ XVI в.; въ результатѣ этихъ передѣлокъ появилось двѣ новыхъ редакціи памятника: житіе въ Степенной книгѣ и чудовское житіе, изданное въ Прилож. подъ № 23. О житіи въ Степенной ограничусь общими замѣчаніями.

Редакторъ Степенной пользовался Минейною редакціею житія и отчасти лѣтописными извѣстіями о благ. кн. Михаилѣ. Изъ лѣтописи у него заимствовано, напр., извѣстіе о посылкѣ св. Михаиломъ сына въ Угры и о взятіи татарами Кіева (стр. 268). Не внося въ содержаніе Пахоміева житія какихъ-либо новыхъ данныхъ о жизни св. князя, редакторъ особенное вниманіе обращаетъ на выясненіе церковно-историческаго значенія мученическаго подвига князя, даетъ искусственную комбинировку отдѣльныхъ событій, односторонне-предвзятую ихъ оцѣнку. По его разъясненіямъ, Батый хотѣлъ замѣнить христіанскую вѣру въ Руси своею персидскою лестью, готовъ былъ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ: «послати мучителя», но испугался сопротивленія, «понеже велику сущю и многочеловѣчьну царству Руськыя земьли» (269). Тогда онъ придумалъ хитрый планъ—привлечь къ своей вѣрѣ русскихъ князей «любовластія саномъ, яко удицею льщенія». Этотъ планъ легко могъ бы осуществиться, такъ какъ, по своеобразному объясненію редактора, благочестивые русскіе князья не поняли опасности, къ какой вело Русь ихъ безпрекословное выполненіе въ Ордѣ языческихъ обычаевъ и обрядовъ [154]). Батый так. обр. могъ торжествовать побѣду, но мучен. подвигъ благ. кн. Михаила разстроилъ весь этотъ

---

[153]) Указанія см., напр., у Е. В. Пѣтухова, Русская литература, стр. 120—121.

[154]) Но ниже и самъ редакторъ указываетъ, что не всѣ изъ русскихъ князей были такъ наивно-близоруки. Пятнадцатилѣтній внукъ Михаила, Борисъ Ростовскій, не только понималъ замыслы Батыя, но совѣтовалъ и дѣду употребить то же торужіе—перехитрить Батыя, наружно исполнивъ его требованія: «тако бо прехитряя царя, многа благая и полезная сотворшни земьли своей» (273). Однако св. кніязь не пошелъ на копромиссъ съ совѣстію; наружному отреченію отъ христіанства онъ предпочелъ муки и смерть.

хитро придуманный планъ. Св. Михаилъ поѣхалъ въ Орду «братися о церкви Божіи» съ діаволомъ-Батыемъ и побѣдилъ его (270). «Не туне убо черниговскій именовася: почерняя же безстыдная татарская лица и безбожьное ихъ велѣніе омрачая и нечестіе ихъ попаляя» (271). Если бы не св. Михаилъ, Батыю м. б. и удалось бы упразднить на Руси св. вѣру и церковь (269, 275). Такую ненужно-преувеличенную оцѣнку подвига черниговскихъ мучениковъ даетъ редакторъ. Въ остальномъ новая редакція не представляетъ собою никакого интереса; это обычное разбавленіе стараго житійнаго разсказа пустословіемъ [155]).

Гораздо интереснѣе вторая переработка Пахоміева житія—чудовское житіе. Въ рукописи оно названо «твореніемъ господина Іоанна, епископа черниговьскаго». Умолчавъ о своемъ имени, редакторъ имѣлъ нѣкоторыя основанія выпустить свою компиляцію подъ такимъ титуломъ. Проложнымъ сказаніемъ о св. князѣ онъ воспользовался въ редакціи епископа Іоанна и воспроизвелъ текстъ этой редакціи со всѣми ея особенностями и отступленіями отъ текста другихъ проложныхъ редакцій. Въ послѣднемъ легко убѣдиться при сравнительномъ чтеніи чудовскаго житія и проложныхъ сказаній еп. Іоанна и о. Андрея.

Вторымъ источникомъ для чудовскаго житія было Пахоміево житіе— Минейная редакція. Но къ этому источнику чудовскій редакторъ отнесся свободнѣе своихъ предшественниковъ—соловецкаго и архивскаго. Онъ не только сдѣлалъ рядъ измѣненій и сокращеній въ текстѣ минейнаго житія, но и внесъ новые разсказы. Цѣлые отдѣлы у него заимствованы изъ другихъ источниковъ и не имѣютъ прямого отношенія къ біографіи святаго. Изъ первой группы измѣненій я остановлюсь только на отдѣльныхъ примѣрахъ, главное же вниманіе обращу на вторую группу—самую интересную часть въ новой редакціи.

Татарскіе послы приходятъ къ Михаилу не въ Кіевъ, а въ Черниговъ; благ. князь «изгна ихъ отъ среды» (№ 23, стр. 81, ср. Пахом.: «повелѣваетъ отъ среды сотворити»); въ Миграхъ Михаилъ пробылъ «долго время» (82)—у Пахомія: «нѣколико»; Батый, узнавъ о чудесныхъ явленіяхъ надъ тѣлами мучениковъ: «убоявся и повелѣ тѣлеса ихъ взяти христіаномъ» (86) и т. п. Сокращенія мы наблюдаемъ главнымъ образомъ въ описаніи событій въ Ордѣ. Такъ какъ въ этомъ отдѣлѣ житія передается не Пахоміевъ текстъ, а еп. Іоанна, то правильнѣе будетъ сказать, что работа редактора состояла не въ сокращеніи Пахоміева житія, а въ пополненіи древняго проложнаго разсказа отдѣльными деталями изъ текста минейнаго житія. Вставка изъ него въ пролож. текстъ сдѣлана, напр., послѣ словъ объ огнѣ, мимо котораго рѣшили татары вести свв. Михаила и Ѳеодора: «и не мните же, яко сей огнь дѣйствены, но огнь нѣкимъ волшествомъ устроенъ» (84). Проложный разсказъ о мученіи и смерти св. князя пополненъ двумя фразами изъ Пахоміева житія: «ничто ж изыде изъ устъ его, но токмо глаголаше: христіанинъ есмъ»; «и отрѣза (Доманъ) главу блаж. Михаилу и отверже ю прочь, еще ей глаголюще: крестьянинъ есмь. Глагола же злый Доманъ: не хотяще же солнцу поклонятись, недостойно есть зрѣти нань» (86). Въ бесѣдѣ св. князя съ Елдегою приведенъ изъ подробнаго житія вопросъ татарина: «не хочеши поклонитися солнцу, а хто взыде на безсмертную высоту и освѣщаетъ всю поднебесную?», но обстоятельный отвѣтъ Михаила опущенъ. Вообще въ стилистической переработкѣ источниковъ у редактора не все удачно и много произвольнаго.

Но у него сдѣланы любопытныя добавленія къ содержанію прежнихъ житій. Добавленій этихъ два: одно литературнаго характера, и источникъ его ясенъ. Редакторъ вводитъ въ текстъ житія «Плачъ» княгини по мужѣ, когда та узнала объ отъѣздѣ Михаила въ Орду. Источникомъ «Плача», какъ и другихъ «Плачей» княгинь, служитъ «Плачъ» вел. княгини Евдокіи. Редакторъ произвелъ въ этомъ источникѣ сокращенія и частичную передѣлку, примѣнительно къ описываемымъ имъ событіямъ. Въ числѣ причитаній княгини читаемъ, напр.: «кто ли въ Угры отведетъ мя, егда пакы нашествіе будетъ безбожныхъ агарянъ на отечество твое?» (84). Такъ

155) Редакторъ, какъ бы для разъясненія правильности замѣны слова: «коць», словомъ: «мечъ», добавляетъ: «и прежде сановному поясу хотящю отъяту быти..., самъ снемь съ себе мечь свой и верже»... (274).

какъ княгинѣ приходится оплакивать предстоящую еще ея мужу смерть, то употребляются формы будущаго времени: «напрасно хощеши умрети», «слава твоя измѣнится», «аще получиши дерзновеніе у Бога» и т. п. Чтобы ввести «Плачъ» въ житійный разсказъ, не нарушая его плавности, редакторъ допускаетъ даже передержку; для нея ни въ житіяхъ, ни въ другихъ извѣстіяхъ о св. Михаилѣ онъ не могъ бы указать оправданія. По словамъ редактора, благов. князь ушелъ въ Орду тайкомъ отъ семьи: «егда же кн. вел. М. въ Орду поиде, княини ж своея и дѣтей утаився, мнѣвся, яко на поле поиде на ловы звѣриные; послѣди же разумѣвъ княгини его, яко князь вел. М. въ Орду поиде, и въсплакався горкымъ гласомъ» (83).

Труднѣе опредѣлить источникъ второго дополнеиія. Вслѣдъ за упоминаніемъ объ изгнаніи св. Михаиломъ татарскихъ пословъ, редакторъ переходитъ къ разсказу о тогдашнихъ событіяхъ въ сѣверо-восточной Руси; онъ сообщаетъ слѣдующія подробности о вел. кн. Юріи Всеволодовичѣ, родственникѣ св. Михаилу по женѣ. Князь Юрій по жизни своей былъ весьма недостойнымъ человѣкомъ: жилъ по свински, во мнозѣ калѣ грѣховнемъ, былъ гордъ, властолюбивъ, завистливъ, скупъ, немилосердъ, предавался пьянству и разврату—«воистину скотско житіе живый». Когда до Юрія дошла вѣсть о татарскомъ нашествіи, отъ страха передъ бѣдою у него омертвѣло сердце: «обычай бо есть,—поясняетъ авторъ,—согрѣшающимъ умертвѣвати и немужьственно сердце имѣти». Юрій обѣщалъ покаяться въ грѣховной своей жизни, но только на словахъ. Недоумѣвая, что дѣлать, онъ пошелъ за совѣтомъ къ одному благочестивому пустыннику, который жилъ въ пещерѣ вблизи города. Пустынника этого звали: «Каламирисо». Долго стоялъ князь у вертепа пустынника, въ ожиданіи отвѣта и совѣта; старецъ ничего не говорилъ, только отвращалъ свой взоръ отъ грѣшника-князя. Такъ я ушелъ князь ни съ чѣмъ, въ большомъ унынии. На другой день онъ рѣшилъ послать къ пустыннику свою дочь—Ѳеодору, разсчитывая, что «несквернѣй дѣвицѣ» старецъ все скажетъ. Видя слезы Ѳеодоры, Каламирисо и самъ расплакался и разъяснилъ княжнѣ, что наказаніе Божіе неотвратимо, такъ какъ грѣхи и злоба Юрія преодолѣли Владычнее милосердіе, всѣхъ ждетъ гибель. Услыхавъ отъ дочери объ этомъ, князь еще больше опечалился. Ночью въ четвертомъ часу изъ своей спальни Юрій замѣтилъ странное явленіе: надъ городомъ стоялъ необычный свѣтъ, который князь въ первую минуту принялъ за пожаръ; но когда онъ подошелъ въ окну, то увидѣлъ на воздухѣ образъ Владычній, своими лучами осѣнявшій городъ. Принявъ это за знакъ милосердія Божія, Юрій слезно возблагодарилъ Бога, и на другой день, успокоенный душевно, считая Каламиросовы грозныя предсказанія ошибочными, отправился побесѣдовать съ другимъ старцемъ, жившимъ отъ Владиміра въ 20 поприщахъ. Съ радостію разсказалъ князь старцу о видѣніи, осуждая при этомъ «Каламиросовы словеса»; онъ ожидалъ получить отъ старца подкрѣпленіе своей надеждѣ. Но вышло иначе. Старецъ заплакалъ и разъяснилъ князю, что онъ напрасно радуется, не понимая значенія видѣнія. Наоборотъ, это очевидное знаменіе того, что Господь рѣшилъ очистить оскверненное человѣческими грѣхами мѣсто, излить на него свой праведный гнѣвъ, и потому всѣхъ здѣсь живущихъ ожидаетъ гибель. Так. обр., старецъ подтвердилъ Каламиросовы предсказанія; «князь же великій отъиде тощь».

Подобная вставка разсказа о событіяхъ завоеванія татарами сѣверо-восточной Руси въ житійной литературѣ не представляетъ собою чего-либо необычнаго. О татарскомъ нашествіи ва сѣверо-восточную Русь читаемъ и въ житіяхъ бл. кн. Ѳеодора Ростиславича (въ редакціи іеромон. Антонія), Василія и Константина Ярославскихъ, Александра Невскаго, Михаила Тверского. Житія ярославскихъ князей точно также находились въ зависимости отъ Пахоміева житія бл. кн. Михаила. Чудовскій редакторъ для перехода къ дальнѣйшему разсказу о св. Михаилѣ приводитъ слова, буквально почти сходныя съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ житіи б. кн. Ѳеодора (о разореніи Батыемъ Владиміра, Ярославля и др. городовъ и объ избіеніи русскихъ князей, 82).

Что въ приведенномъ разсказѣ о вел. кн. Юріи Всеволодовичѣ мало достовѣрнаго, этого, конечно, не нужно доказывать и разъяснять; но несомнѣнно и то, что разсказъ не представ-

ляетъ собою сплошного вымысла досужаго книжника XVI в. Въ основѣ разсказа лежитъ народное преданіе о событіяхъ завоеванія сѣверо-восточной Руси татарами, б. м. очень древнее. Аналогичный примѣръ, т. е. такой же отголосокъ народной молвы, наблюдаемъ и въ другомъ агіографическомъ памятникѣ XVI в — въ одной изъ редакцій житія благ. князей Василія и Константина Ярославскихъ. Біографъ этихъ князей сообщаеть, что Батый былъ родомъ изъ Ярославля, изъ веси Черемхи, что онъ пришелъ подъ Ярославль отыскивать своихъ родныхъ. Въ разсказѣ о кн. Юріи нѣтъ ни анахронизмовъ, ни вообще грубыхъ ошибокъ. У Юрія была дочь, погибшая вмѣстѣ съ матерью при взятіи татарами Владиміра [156]). Тверская лѣтопись ее называетъ также Ѳеодорою: «а владыка и княгыни съ снохами и съ дочерью княжною Ѳеодорою... въбѣгоша въ церковь св. Б-цы и затворишася на полатехъ» [157]). Пустынники по вертепамъ въ то время не представляли собою рѣдкости, и общее уваженіе къ нимъ тоже вполнѣ понятно. Сообщаемое редакторомъ имя одного изъ владимірскихъ калугеровъ—Каламирисо, очевидно, искаженное простонародное [158]). Въ характеристикѣ старцевъ сохранены черты народнаго о нихъ преданія;—напр., у старца Каламирисо «власы досязаша до пояса»; оба старца за святую свою жизнь удостоились отъ св. Д. дара «повѣдати вся будущая впреди» и т. д. Можно понять и мотивы отрицательной характеристики личности князя.

Характеристика эта противорѣчитъ не только извѣстіямъ объ Юріи позднѣе появившихся его житій, но и отзывамъ о князѣ его современника—лѣтописца. Въ Лавр. лѣтописи Юрій Всеволодовичъ охарактеризованъ совсѣмъ не такъ, какъ въ чудовскомъ житіи. Лѣтописецъ хвалитъ Юрія за его богоугодную жизнь по заповѣдямъ Божіимъ, за щедрость, милосердіе (445); въ особую же заслугу князю ставитъ, что онъ не побоялся татаръ. Подобно Михаилу Черниговскому, Юрій не обратилъ вниманія на льстивыя предложенія татарскихъ пословъ (445) и далъ татарамъ битву на берегахъ р. Сити. «Брань славна луче есть мира студна»,—какъ бы въ оправданіе этой несчастной битвы замѣчаетъ лѣтописецъ. По словамъ лѣтописца, Юрій съ участіемъ относился и къ борьбѣ съ татарами южныхъ князей. Къ берегамъ Калки онъ отправилъ полкъ подъ начальствомъ Василька Ростовскаго, но «не утягну Василко прити къ нимъ въ Русь» (424, ср. впроч. 478, fin.). Допустимъ, что лѣтописецъ, какъ близкій къ Юрію человѣкъ, тронутый притомъ трагическою смертью князя и его семьи, идеализируетъ Юрія; все-таки въ этой идеализаціи больше правды, чѣмъ въ рѣзко-отрицательномъ отзывѣ о князѣ чудовскаго редактора. Какіе-бы недостатки у Юрія ни были, своею смертію онъ искупилъ ихъ. Его имя должно было перейти свѣтлымъ въ память потомства, и позднѣйшій біографъ долженъ былъ повторить о великомъ князѣ слова біографа Андрея Боголюбскаго: «если при жизни и согрѣшилъ въ чемъ, то мученическою кровію омылъ свои грѣхи». Почему не поступилъ такъ нашъ редакторъ?

Въ событіяхъ разгрома Руси татарами вообще и въ дѣятельности вел. кн. Юрія въ частности, главнымъ же образомъ въ настроеніи простого народа, среди котораго слагались подобныя легенды, были если и не основанія, то поводы къ рѣзкому отзыву о великомъ князѣ, а также къ разнообразнымъ о немъ разсказамъ. Въ обстановкѣ, въ которой редакторъ переработывалъ старые народные разсказы, точно также были условія, располагавшія произносить излишне суровый приговоръ историческому прошлому и его дѣятелямъ.

Историческая и церковная литература, особенно позднѣйшаго времени (XV—XVI вв.), останавливаясь на событіяхъ подчиненія Руси монгольскому игу, значительную часть вины въ случившемся справедливо приписывала князьямъ, ихъ ссорамъ, отсутствію того «крѣпкодушнаго ума», какой проявили, напр., жители Козельска. Юрій Всеволодовичъ, повидимому, не былъ свободенъ отъ такого упрека. Новгородскій лѣтописецъ передаетъ, что Юрій отказалъ рязан-

---

[156]) *Лавр. л.*, 440, 1 Новг., 249.

[157]) Полн. собр. рус. лѣт., т. XV, Спб. 1863 г., стр. 369.

[158]) ср. также названіе князя: «Егоргій», «Егорій» (81), наряду съ книжнымъ: «Георгій» (81, 82).

скимъ князьямъ въ помощи противъ татаръ: «самъ не поиде, не послуша князей рязанскихъ молбы, но самъ хотѣ особо брань имѣти» [159]). Великій князь, значитъ, не умѣлъ понять надвигавшейся на Русь опасности и преувеличивалъ свои силы. М. б. онъ и не хотѣлъ какъ слѣдуетъ ея понять. Въ хронографѣ (на содержаніи котораго сильнѣе могло отразиться вліяніе народнаго пониманія историческихъ событій) мотивъ отказа объясненъ иначе, чѣмъ въ лѣтописи, но—замѣтимъ—сходно со взглядами и толкованіями чудовскаго редактора: «самъ не поиде и силы не посла, занеже страхъ нападе на всѣхъ и трепетъ, являя Божій гнѣвъ, и сего ради поглащена бысть премудрость могущихъ строити ратныя дѣла и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишася» [160]). Отъ помощи рязанскимъ князьямъ удержали Юрія, конечно, не страхъ и трепетъ, б. м. даже не столько самоувѣренность, сколько невѣрный разсчетъ. Ослабленіе рязанскихъ князей татарами Юрій могъ считать для себя выгоднымъ.

Въ 1 Новгор. лѣтописи сохранилось извѣстіе, что о смерти Юрія Всеволодовича ходили разные толки: «Богъ же вѣсть, како скончася, много бо глаголють о немъ иніи» (250). И книжному человѣку, значитъ, не легко было разобраться въ существовавшихъ о вел. князѣ разсказахъ. Вполнѣ, затѣмъ, понятно, если народная мысль не только перепуганная, но и раздраженная переживаемыми несчастіями, сгущала черныя краски въ отзывахъ о предполагаемыхъ виновникахъ случившагося. Могло повліять и время, въ теченіе котораго изъ устъ въ уста передавался первоначальный разсказъ; до книжника XVI в. онъ дошелъ конечно, въ измѣненной уже версіи. Наконецъ, сгущенность красокъ въ отрицательной характеристикѣ Юрія могла зависѣть и отъ самого редактора, отъ того настроенія, въ которомъ онъ перерабатывалъ народный разсказъ.

Въ литературной обработкѣ разсказъ еще больше удалился отъ первоначальнаго своего вида. Редакторъ былъ книжный человѣкъ; народную легенду онъ осложнилъ книжнымъ матеріаломъ—текстами, библейскимн параллелями, назидательными поясненіями. Пещерные старцы, спасавшіеся, вѣроятно, не по книгамъ, у редактора говорягь книжнымъ языкомъ, съ ссылками на «писаніе». Предположительно можно установить и литературные источники, отразившіеся на работѣ редактора.

Я не думаю, чтобы редакторъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Тверской лѣтописи, хотя въ житіи и замѣтны общія черты сходства съ лѣтописнымъ разсказомъ,—напр., въ одинаковомъ названіи княжны Ѳеодорою, въ разсужденіи о невозможности противиться гнѣву Божію [161]). Если бы Тверская лѣтопись была для редактора однимъ изъ основныхъ пособій въ его работѣ, то онъ удѣлилъ бы больше вниманія отдѣльнымъ ея сообщеніямъ. Ему, напр., не было бы нужды говорить о «многихъ» годахъ, проведенныхъ св. Михаиломъ «въ Уграхъ», когда въ лѣтописи опредѣленно указывалось, что св. князь пробылъ тамъ 3 года (388). У тверского лѣтописца, тоже любившаго обращаться къ народнымь разсказамъ и легендамъ, для пополненія древняго лѣтописнаго разсказа о взятіи Владиміра татарами былъ, очевидно, однородный по своимъ источникамъ матеріалъ, какъ и у чудовскаго редактора, но не тождественный.

Опредѣленнѣе можно говорить о вліяніи на редактора чудовскаго житія Повѣсти о паденіи Царьграда. Житійный разсказъ о видѣніи Юріемъ образа очень напоминаетъ слѣдующій разсказъ въ «Повѣсти». Въ ночь на 24 мая осажденные турками греки были свидѣтелями такого чудеснаго явленія: весь городъ освѣтился заревомъ; сначала подумали, что это пожаръ,

---

[159]) 1 Новг. л., 247.

[160]) А. Поповъ, Изборникъ слав. и рус. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы рус. редакціи, М. 1869 г., стр. 39.

[161]) Ср. лѣт.: «но уже бяше Божію гнѣву невъзможно противитися»...(366) отъятъ Господь (у насъ) преже силу, а за грѣхи наша вложи въ насъ грозу и страхъ и трепетъ и недоумѣніе (366—7); жит.: «вел. кн. Михаилъ слыша и видѣ богопускный гнѣвъ и Божіе негодованіе..., и разсудивъ се, яко не противу стати гнѣву Божію, но отъ зла уклонитися» (82); вел. кн. Юрій: смятеся умомъ и страхомъ великымъ объятъ бысть и омертвѣвъ сердцемъ..., въ недоумѣніе впаде» (81).

но потомъ оказалось, что изъ оконъ храма св. Софіи поднялось какъ-бы огромное пламя, окружило церковный куполъ и, обратившись въ «неизреченный свѣтъ», ушло на небо. Патріархъ Анастасій объяснилъ императору видѣніе въ томъ смыслѣ, что это былъ ангелъ Божій, охранявшій св. Софію и городъ. Теперь онъ оставилъ церковь; и это ясное указаніе, что городъ погибнетъ: «и сіе знаменуетъ, яко милость Божія и щедроты Его отъидоша отъ насъ и хощетъ Господь предати градъ сей врагамъ нашимъ, грѣхъ ради нашихъ» [162]). Владимірскіе старцы аналогичное явленіе объяснили такъ же, какъ и патріархъ.

Въ разъясненіи причины Божьяго наказанія и невозможности сопротивляться гнѣву Божіему въ «Повѣсти» не трудно замѣтить общія черты сходства съ чудовскимъ житіемъ и Тверскою лѣтописью, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, напр.: «но что мощно учинити противу таковыя силы, наипаче же противу гнѣву Божія, грѣхъ ради нашихъ» (131). Слѣды знакомства съ Повѣстью о паденіи Царьграда находимъ и въ другомъ памятникѣ-отрывкѣ о вел. кн. Юріи: «Плачѣ Юрія Всеволодовича». Едва-ли случайнымъ совпаденіемъ объясняются слѣдующія, напр., сходныя строки въ этихъ памятникахъ: «и яко услыша царь (Константинъ) глаголы ихъ (о гибели Царьграда), паде на землю, яко мертвъ, и бысть безъгласенъ на многъ часъ, едва отоліяша его ароматными водами» (136); «великій же князь Юря Всеволодовичь отъ великого кричанія (послѣ того, какъ улышалъ о гибели Владиміра?) лежа, яко мертвъ, на земли, и едва отліявше его, носяще по вѣтру, едва отдохнувша его [163]). При чтеніи «Повѣсти» вниманіе чудовскаго редактора могло остановить на себѣ и слѣдующее разсужденіе автора, подкрѣпленное библейскимъ текстомъ: сбылось предреченное премудрымъ Меѳодіемъ Патарскимъ: Константинополь палъ, «зане съгрѣшеніемъ осужденіе судомъ Божіимъ времянемъ бываютъ—злодѣяніе бо, рече, и беззаконіе превратятъ престолы сильныхъ» (142). Они именно, по объясненію чудовскаго редактора, превратили престолъ и владимірскаго князя.

Вторымъ литературнымъ источникомъ для редактора послужила статья Пахомія о гибели Батыя. Сходство съ этою статьею можно отмѣтить какъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, такъ и въ пріемахъ развитія основныхъ мыслей. Разсказъ о бѣдствіяхъ Батыева нашествія въ нашемъ памятникѣ начинается тѣми же текстами, какъ и въ статьѣ Пахомія: «и збысться пророческое слово: Боже, пріидоша языци въ достояніе Твое, оскверниша церковь святую Твою; и пакы: и положиша трупія рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ и плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ [164]). Въ описаніяхъ опустошенія страны: Батый «грады разоряя (у Пахом.: испровергая) и села пожигая и человѣкы погубляя (82, 80; у Пах.: закалаа, но на 1307 стр.: погубляа). Сходныя черты можно наблюдать и въ изложеніи молитвъ Юрія и Владислава; оно и заканчивается въ обоихъ памятникахъ одинаковыми стереотипами: Юрій «и многіа молитвы съ слезами изрекъ», Владиславъ «и ина многа, плача, глаголаше». Характеристика Юрія въ чудовскомъ житіи основана на противоположеніи Юрія Владиславу. Краль Владиславъ, узнавъ о гнѣвѣ Божіемъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней пребывалъ на столпѣ, не вкушая ни хлѣба, ни воды, взывая къ Богу о милосердіи. Слезы неудержимо лились изъ его глазъ и, падая на мраморъ, оставляли на немъ слѣдъ, замѣтный—говоритъ Пахомій—«и до сего дне». Владиславъ былъ утѣшенъ: «рече же нѣкто (невидимо затѣмъ скрывшійся) кралевѣ: сего ради твоихъ слезъ дастъ ти Господь побѣдити царя злочестива». Въ борьбѣ съ Владиславомъ не спасло Батыя и заступничество неожиданной его союзницы—сестры Владислава: «самодержецъ обою (ихъ) погуби». Князь Юрій, видя гнѣвъ Божій, тоже обѣщалъ покаяться, но «токмо словомъ единымъ». Въ страхѣ и недоумѣніи идетъ онъ искать утѣшенія у подвижниковъ-старцевъ, но тѣ не хотятъ и взглянуть на него, предсказываютъ гибель и ему самому, и его землѣ. Не помогло

---

[162]) Полн. собр. лѣт., т. VIII: «о знаменіи церковнемъ у премудрости Божія», стр. 128—144, см. стр. 136.

[163]) Прилож. № 40, стр. 163.

[164]) стр. 81, ср. В. Ч. М., стр. 1306. Текстъ этотъ приведенъ и въ Лавр лѣт., при описаніи взятія Владиміра, стр. 440—441.

и посредничество «прекрасной, нескверной» дочери князя; «злоба» отца погубила и Өеодору, какъ и всѣхъ другихъ. Благочестивый угорскій король побѣдилъ Батыя, и память о немъ хранится «до сего дне»; грѣшный русскій князь, «по прореченію св. старецъ», безславно погибъ отъ Батыя на берегахъ Сити.

Нужно принять во вниманіе время, когда произведена литературная обработка разсматриваемой легенды. Редакторъ жилъ въ XVI в.,. послѣ сверженія татарскаго ига; возможно, что онъ былъ современникомъ покоренія Казанскаго царства, новаго торжества надъ «безбожными агарянами» [165]). Естественно, если при чтеніи статьи о гибели Батыя у него появилось нѣкоторое чувство досады, что и это событіе произошло не на Руси. По аналогіи съ современными событіями, редакторъ имѣлъ основаніе думать, что Батый могъ бы погибнуть не на угорскихъ планинахъ, а на русскихъ, что роль мстителя кровоядцу могъ бы выполнить и тогдашній русскій вел. князь—Юрій Всеволодовичъ. Этимъ раздраженнымъ чувствомъ б. м. и продиктованы излишне рѣзкія строки въ характеристикѣ Юрія.

Современная редактору церковная литература политическіе успѣхи Руси вообще и въ борьбѣ за освобожденіе отъ татарскаго владычества въ частности ставилавъ прямую зависимость отъ правовѣрія и благочестія русскихъ князей. Оцѣнивая же событія и дѣятельность лицъ, современныхъ татарскому нашествію, она прилагала къ нимъ масштабъ своего времени, не хотѣла считаться съ требованіями и условіями тяжелаго прошлаго. Оттого отзывы о дѣятеляхъ этого прошлаго нерѣдко поражаютъ своею неосновательностію,—въ сторону-ли идеализаціи, или рѣзкаго осужденія—безразлично. Для примѣра сошлюсь хотя бы на характеристику кн. Бориса Ростовскаго у біографа его тетки, св. княжны Суздальской Евфросиніи. Свято чтившій память мученика-дѣда, построившій во имя его и Өеодора первый храмъ, такъ трогательно, по проложнымъ сказаніямъ, убѣждавшій благ. Михаила подчиниться необходимости, уступить внѣшней силѣ, кн. Борисъ подъ перомъ инока Григорія превращается чуть-ли не въ преступника; для сниcканія ласки татаръ и ради земныхъ выгодъ онъ готовъ поступиться всѣмъ и вѣрою, и честію. Очевидно, и чудовскій редакторъ принадлежалъ къ числу такихъ же суровыхъ и потому несправедливыхъ судей историческаго прошлаго. По счастью для выраженія своего раздраженнаго чувства онъ нашелъ готовый матеріалъ въ народной легендѣ, и благодаря этому въ содержанш чудовскаго житія можно находить отраженіе дѣйствительныхъ переживаній изъ далекаго прошлаго, а не одно лишь личное настроеніе поздняго описателя этихъ тяжелыхъ переживаній.

По моему мнѣнію, Чудовская редакція подробнаго житія цѣнна не только для литературной исторіи церковныхъ сказаній о св. кн. Михаилѣ, какъ своеобразный въ ней отдѣлъ. Она интересна и какъ памятникъ, пополняющій наши свѣдѣнія о вліяніи народныхъ легендъ и народнаго пониманія историческихъ событій иа древне-русскую житійную письменность вообще. Въ научной литературѣ это вліяніе, правда, уже разъяснено; но каждая новая иллюстрація къ любопытному, хотя бы и обще-признанному, литературному факту, конечно, не безполезна.

Чудовскою редакціею заканчиваю обзоръ церковныхъ сказаній о благ. князѣ Михаилѣ Всеволодовичѣ.

Наряду съ церковными сказаніями въ русской письменности существовали лѣтописныя сказанія о св. князѣ; изъ нихъ позднѣйшія представляли собою повтореніе церковныхъ-проложныхъ, раннѣйшія, какъ уже отмѣчено раньше, были самостоятельны. Авторы церковныхъ житій, за очень рѣдкими исключеніями—составитель Архивской редакціи, не пользовались лѣтописнымъ матеріаломъ, отчасти потому, что онъ былъ слишкомъ краткомъ, не давалъ ничего новаго [166]), отчасти и потому еще, что по характеру своему этотъ свѣтскій матеріалъ не

---

[165]) О вліяніи на Сказаніе о Казанскомъ взятіи Повѣсти о взятіи Царьграда см. у А. С. Орлова, О нѣкоторыхъ особенностяхъ стиля великорус. историч. беллетристики, Спб. 1909 г., стр. 4—11.

[166]) Замѣтки въ 1 Новг. лѣт. и въ Лавр.

подходилъ для церковнаго памятника [167]). Ипатьевская лѣтопись иначе, чѣмъ церковныя сказанія, излагаетъ отдѣльныя событія изъ жизни св. Михаила, дѣлаетъ иногда другіе отзывы и о личности, и о дѣятельности благов. князя. Она, напр., подробнѣе разсказываетъ о планахъ Михаила, связанныхъ съ его бѣгствомъ отъ татаръ въ Угры, и подчеркиваетъ неудачу этихъ плановъ: «король же не вдасть дѣвкѣ своей Ростиславу (Михаиловичу) и прогна ихъ (жениха и его отца) прочь» (стр. 782—3). Послѣ этой неудачной попытки найти союзника для борьбы съ татарами, бл. князю ничего не оставалось, какъ смириться предъ Батыемъ: онъ «еха къ Батыеви, прося волости своея отъ него» (795). По отношенію къ галицко-волынскимъ князьямъ Михаилъ, по отзыву лѣтописца, не всегда былъ правъ: «не показа правды воз-добродѣанье» (789) [168]); въ отношеніи къ татарамъ онъ не обнаружилъ и особой храбрости: «за страхъ татарьскый не смѣ ити Кыеву» (783). Едва-ли подобныя детали нужно было вносить въ житіе святаго. Безъ предварительной критики ихъ даже и нельзя было вносить, такъ какъ южно-русскій лѣтописецъ, сторонникъ галицко-волынскихъ князей, несомнѣнно, не безпристрастенъ въ отзывахъ объ ихъ противникѣ.

По моему мнѣнію, отсутствіе близкой связи церковной литературы о св. Михаилѣ съ лѣтописною не отразилось невыгодно на исторической достовѣрности житій благ. князя. Раннѣйшіе біографы св. князя не отрицаютъ, что въ числѣ побужденій къ поѣздкѣ въ Орду у Михаила было и намѣрепіе просить у Батыя «волости своее»; они лишь не останавливаются на разъясненіи этого несущественнаго мотива [169]). Зато детали житійнаго разсказа находятъ для себя полное оправданіе въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. И по сообщенію Ипат. лѣт., къ Михаилу приходили татарскіе послы со льстивыми предложеніями, которыя св. князь отвергъ (782). Въ оцѣнкѣ мученическаго подвига князя Ипат. лѣтописецъ совершенно согласенъ съ церковными біографами (795). Сообщеніями о сборахъ въ Орду Даніила Романовича—о томъ, какъ Даніилъ совѣтовался съ братомъ, заѣзжалъ въ Выдубицкій монастырь, созывалъ монаховъ и игумена, просилъ у нихъ напутственныхъ молитвъ (806),— лѣтописецъ подтверждаетъ историческую достовѣрность соотвѣтствующихъ этимъ сообщеній о св. Михаилѣ въ его житіяхъ.

Независимость церковныхъ сказаній о бл. кн. Михаилѣ отъ лѣтописи можетъ быть, так. обр., отмѣчена, какъ отличительная черта въ ихъ литературной исторіи. Съ этой стороны житія благ. князя отличаются отъ кіевскихъ княжескихъ житій. Но во внѣшней исторіи сказаній о св. Михаилѣ съ послѣдними, особенно съ церковными сказаніями о св. Борисѣ и Глѣбѣ, очень много сходства. Мы наблюдаемъ ту же широкую распространенность сказаній въ рукописяхъ, такое же разнообразіе редакцій. Можно даже сказать, что, уступая проложнымъ житіямъ и житійному сказанію о Б. и Г. количествомъ сохранившихся списковъ той или другой редакціи, церковныя сказанія о блг. князѣ Михаилѣ превосходятъ ихъ количествомъ редакцій, болѣе широкою постановкою работы по передѣлкѣ стараго. Въ древне-русской агіографической литературѣ о св. князьяхъ это, безусловно, одинъ изъ самыхъ интересныхъ ея отдѣловъ.

---

[167]) Разсказъ Ипатьев. лѣт. М. б. сѣверно-рус. церк. писателямъ Ипат. л. и вообще мало была извѣстна.

[168]) См. у С. М. Соловьева, кн. I, стр. 813, прим.

[169]) Рѣшимость св. Михаила: «братися съ діяволомъ Батыемъ за церковь Божію», въ качествѣ исключительнаго побужденія къ поѣздкѣ, выставляется только позднѣйшими біографами.

Глава третья.

Житія св. князей сѣверно-русскихъ: владимірскія, ярославскія, муромскія, тверскія, псковскія.

Съ раннѣйшими опытами агіографическихъ сочиненій о благов. князьяхъ сѣверно-русскихъ мы встрѣчаемся въ письменности владимірской. Здѣсь еще въ домонгольскій періодъ имѣлось житійное сказаніе объ убіеніи благов. князя Андрея Боголюбскаго, а во второй половинѣ XIII в. была составлена и одна изъ самыхъ замѣчательныхъ сѣверно-русскихъ біографій—житіе благ. князя Александра Невскаго. Но сказаніе о благ. кн. Андреѣ къ владимірскимъ памятникамъ можетъ быть отнесено только по своей темѣ; по мѣсту же написанія, личности составителя, по агіографическимъ образцамъ, подъ вліяніемъ которыхъ написанъ этотъ памятникъ,—сказаніе всецѣло принадлежитъ письменности южно-русской. На южнорусское происхожденіе памятника указываетъ въ частности и древнѣйшій его списокъ. Въ первоначальномъ своемъ видѣ сказаніе вошло въ южно-русскую лѣтопись—Ипатьевскую; въ лѣтописи сѣверно-русской—Лаврентіевской, помѣщена уже передѣлка древней редакціи— опытъ ея сокращенія [170]).

По опредѣленію И. П. Хрущова, сказаніе объ Андреѣ было составлено вскорѣ послѣ смерти князя «и во всякомъ случаѣ до вокняженія Всеволода во Влад.-Сузд. землѣ, слѣдовательно, между 6 іюня 1175 г. и 27 іюня 1177 г.»; оно написапо близкимъ къ князю человѣкомъ, въ моментъ убійства находившимся въ Боголюбовѣ [171]). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ допускалъ, что авторомъ сказанія былъ упоминаемый въ немъ, какъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ Андрею людей, «Кузьмище-Кіянинъ»—духовное лицо [172]). Послѣ смерти Андрея отецъ Кузьма вернулся на родину, м. б. въ кіевскій Вышгородъ, и здѣсь сообщилъ подробности случившагося въ Боголюбовѣ злодѣянія. Въ текстѣ сказанія нѣтъ, однако, никакихъ данныхъ приписать о. Кузьмѣ и самое составленіе памятника, и потому правильнѣе будетъ думать, что сказаніе составлено по разсказамъ о. Кузьмы, но другимъ лицомъ, имѣвшимъ вообще навыкъ въ агіографической работѣ.

Авторъ сказанія—южно-руссъ, какъ и его разсказчикъ, принадлежалъ къ сторонникамъ и почитателямъ благов. князя. Болѣе того. Въ своемъ сочиненіи онъ не скрываетъ желанія выставить Андрея святымъ, мученикомъ, называетъ его страстотерпцемъ (585), угодникомъ (594), обращается къ нему, какъ къ прославленному небесному ходатаю, съ молитвою (594—5);

---

[170]) Ипат. лѣт., 580—595; Лавр., 348—352. Въ обѣихъ лѣтописяхъ сказаніе имѣетъ видъ отдѣльнаго, вставочнаго памятника. См. нач. строки: «Сей благов.» и т. д., и заключительныя: «ныня и присно, в бесконечныя вѣкы, аминь» (Лав.); «во вся вѣки вѣкомъ, аминь» (Ип.).

[171]) О древне-русскихъ историч. повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII ст., Кіевъ 1878 г., стр. 142, 138.

[172]) Русская исторія, т. I, Спб. 1872 г., стр. 27.

словомъ, онъ пишетъ не историческій разсказъ объ убіеніи князя, а житійное сказаніе о мученическомъ подвигѣ святаго. Практическою цѣлію у біографа было, кажется, желаніе видѣть бл. Андрея канонизованнымъ святымъ; этимъ объясняются какъ общая постановка литературной работы автора, такъ и частные пріемы въ ея выполненіи.

Кончину Андрея біографъ сопоставляетъ съ мученическою кончиною Бориса и Глѣба (584, $_{15}$—$_{18}$, 594, $_{18}$—$_{24}$ и др.); изъ житійнаго сказанія о св. братьяхъ онъ пытается заимствовать не только отдѣльныя выраженія, но и самый планъ своего сочиненія [173]). Въ результатѣ этого сказаніе о благ. князѣ Андреѣ принимаетъ характеръ въ полномъ смыслѣ агіографическаго памятника, содержитъ въ себѣ почти всѣ признаки церковнаго житія. Библейскія параллели, тексты, общежитійныя черты и фразы въ характеристикѣ святаго, слѣды вліянія общеизвѣстныхъ въ то время княжескихъ житій наблюдаются въ каждомъ почти отдѣлѣ сочиненія, въ особенности же въ предисловіи къ нему. При объясненіи, напр., замѣтки біографа о созданіи и украшеніи Андреемъ храмовъ во Владимірѣ и Боголюбовѣ, о впечатлѣніи, которое производило это «украшенье церковное» на прозелитовъ христіанства—болгаръ, жидовъ и прочую «погань», нельзя ограничиться только указанною самимъ авторомъ отдаленною параллелью изъ Ветхаго Завѣта—объ устройствѣ Соломономъ ветхозавѣтнаго храма. Ясно, что въ этомъ случаѣ біографъ имѣлъ въ виду и болѣе близкую параллелъ—извѣстія русскихъ источниковъ о построеніи равноапост. Владиміромъ кіевской Десятинной церкви и о впечатлѣніи, полученномъ послами князя отъ красоты св. Софіи и отъ благолѣпія греческой церковной службы. Точно также и деталь въ характеристикѣ милосердія святаго: «веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное болнымъ и нищимъ на потребу», очевидно, навѣяна аналогичнымъ извѣстіемъ тѣхъ же источниковъ о милосердіи Владиміра. Для благов. князя Андрея равноап. Владиміръ былъ въ данномъ случаѣ образцомъ для подражанія; для біографа Андрея лѣтописно-житійный разсказъ о св. Владимірѣ былъ образцомъ для описанія этого подражанія.

Стремленіе точнѣе провести параллель со св. братьями Борисомъ и Глѣбомъ приводитъ иногда біографа Андрея даже къ намѣренньмъ неточностямъ, служитъ причиною излишней идеализаціи въ характеристикѣ князя и односторонняго освѣщенія событій его смерти. По словамъ біографа, Андрей «вражное убииство слышавъ напередѣ..., и ни во что же вмѣни» (584), такъ какъ, подобно св. братьямъ, и онъ больше всего желалъ сподобиться мученической кончины. Но ни разсказъ объ обстоятельствахъ смерти Андрея, ни, въ частности, содержаніе причитаній отца Кузьмы надъ тѣломъ убитаго князя не давали повода для такого предположенія. Изъ словъ Кузьмы: «како еси не очютилъ скверныхъ и нечестивыхъ пагубоубійственныхъ ворожьбитъ..., или како ся еси не домыслилъ побѣдити ихъ» (590), можно было бы сдѣлать скорѣе обратный выводъ. Да благов. князь и не принадлежалъ къ числу ни самоувѣренныхъ, ни, тѣмъ болѣе, такихъ пассивныхъ натуръ, чтобы, «домысливъ», не предупредить злого умысла. Ясно, что параллель Андрея со св. Борисомъ и Глѣбомъ вызвана не столько дѣйствительнымъ сходствомъ отдѣльныхъ событій въ жизни этдхъ святыхъ и въ ихъ кончинѣ, сколько желаніемъ дать одинаковое агіографическое освѣщеніе не совсѣмъ сходныхъ событій, ненужно-преувеличенною оцѣнкою церковно-историческаго значенія Боголюбскаго происшествія [174]).

---

[173]) Ср. напр., 586, $_{4}$; 587, $_{14}$—$_{15}$; $_{27}$, 588 (почти вся стр.), 589— первая половина, и др.

[174]) По житію, бл. Андрей—кроткій, незлобивый человѣкъ—агнецъ, какъ выражается авторъ. Въ дѣйствительности же это былъ мудрый, но суровый правитель, вводившій новый порядокъ жизни не только твердою, но и тяжелою рукою. И тяжесть послѣдней испытывали на себѣ не одни князья—«подручники». Ее одинаково чувствовали и жители старыхъ городовъ, привыкшіе какъ на думу сходиться на вѣче (Лавр., 358) и придававшіе излишне большое значеніе своимъ вѣчевымъ постановленіямъ. И для настроенія облагодѣтельствованныхъ княземъ боголюбовцевъ характерна замѣтка біографа: «горожанѣ же боголюбци (во время отпѣванія князя) розграбиша домъ княжь» (592).

Искусственный подборъ біографическихъ фактовъ въ значительной степени объясняется, затѣмъ, полемическимъ оттѣнкомъ разсматриваемаго сочиненія. Біографъ, кажется, излишне подчеркиваетъ пренебрежительное отношеніе къ убитому князю жителей Боголюбова и безучастное—мѣстнаго духовенства; въ преувеличенномъ видѣ онъ изображаетъ и поступокъ единственно преданнаго князю человѣка—отца Кузьмы. Судьба «Прокопья милостьника» (589) не только боголюбское духовенство, но и отца Кузьму должна была удерживать отъ излишней откровенности въ выраженіи скорби, негодованія о случившемся и сочувствія къ убитому. Трогательно-драматическая роль отца Кузьмы могла быть въ значительной свой части присочиненною. По крайней мѣрѣ, сѣверно-русскій лѣтописецъ совсѣмъ ее опускаетъ, хотя у него и не было тенденціи дѣлать черное во что бы то ни стало бѣлымъ [175]). Въ остальномъ разсказъ южно-русскаго панегириста князя заслуживаетъ полнаго довѣрія, и съ литературной стороны житійное сказаніе должно быть отнесено въ разрядъ очень удачныхъ памятниковъ южно-русской письменности. Оно появилось въ видѣ отдѣльнаго сочиненія и въ Ипат. лѣтоп. внесено безъ какихъ-либо измѣненій. Въ домонгольскій періодъ въ кіевской Руси, по всей вѣроятности, имѣлись и отдѣльные списки сказанія, но въ письменности сѣверно-русской распространенности оно не получило. Причины послѣдняго понятны. Для письменности владимірской южно-русская біографія Андрея была не вполнѣ пригодна вслѣдствіе отмѣченной уже односторонности взглядовъ ея автора; для письменности новгородской это былъ ненужный памятникъ, такъ какъ современные благ. князю новгородцы не могли вполнѣ согласиться съ біографомъ въ оцѣнкѣ личности князя и у нихъ были свои побужденія если не отрицательно, то безразлично относиться къ вопросу о канонизаціи Андрея (событія 1169 г.). Ограничиваюсь Владиміромъ и Новгородомъ, такъ какъ въ разсматриваемое время они были главными центрами сѣверно-русскаго просвѣщенія.

Сторонникъ Андрея, такимъ образомъ, не достигъ своей цѣли. Въ сѣверной Руси благ. князь почитался и почитается только какъ мѣстный святой. Не былъ онъ канонизованъ и въ кіевской Руси. Въ проложныхъ статьяхъ о Кириллѣ Туровскомъ и объ обрѣтеніи мощей св. Леонтія Ростовскаго благов. князю Андрею не усвояется эпитета: «святой». Въ результатѣ этой неудачи біографа церковной переработки его сказанія, превращенія памятника въ строгомъ смыслѣ въ житіе въ домонгольскій періодъ не было произведено ни на югѣ, ни на сѣверѣ; появилась лишь лѣтописная передѣлка—сѣверно-русская, для лѣтописи Лаврентіевской.

Новая редакція изъ своего источника опускаетъ, прежде всего, излишнія для сѣверно-русскаго памятника детали. Какъ замѣчено уже выше, въ ней нѣтъ упоминаній о Кузьмѣ, иначе представлена роль боголюбскаго духовенства, смягчены рѣзкіе отзывы южно-русса о мѣстныхъ событіяхъ. Значительно сокращенъ, затѣмъ, и агіографическій отдѣлъ южно-русской редакціи. Послѣднее зависѣло не отъ того, что новый редакторъ во взглядѣ на личность благ. князя расходился съ своимъ предшественникомъ. У него повторены всѣ житійные эпитеты южно-русскаго сказанія: «блаженный» (355), «страстотерпецъ» (350), «угодникъ» (352) и т. п. Ниже, въ разсказѣ о мученической кончинѣ Василька Ростовскаго, прямо говорится: «сего бо блаженнаго князя Василка спричте Богъ смерти подобно Андреевѣ, кровью мученическою омывся прегрѣшеній своихъ» (443). Причина пропуска другая. Сѣверно-русскій редакторъ написалъ новое сказаніе не ради прославленія мученика-князя. Лаврентіевская редакція—это политическій трактатъ въ защиту новаго порядка жизни, къ установленію котораго стремились и Андрей, и одинъ изъ ближайшихъ его преемниковъ—Всеволодъ, и которому сочувствовали возвышенные этими князьями, до того времени «мѣзинии» люди—владимірцы. Этотъ политическій трактатъ составленъ спеціально для помѣщенія его въ лѣтописи. Естественно,

---

[175]) См., напр.: «горожане же Боголюбьскыи и дворяне разграбиша домъ княжь» (351); но «веземше и (тѣло князя) на коврѣ клирошане Боголюбьскыи, внесоша и въ божницю, пѣвше надъ нимъ, вложишя и въ гробь каменъ» (350—1, ср. Ипат., 591, $_{2}$—$_{5}$, $_{15}$—$_{16}$).

что при такой задачѣ работы многое изъ житійнаго элемента въ первоначальной редакціи сѣверно-русскому лѣтописцу показалось ненужнымъ.

Въ лѣтописномъ сказаніи имѣется ясное указаніе (352) на составленіе его при жизни Всеволода III, послѣ 1176 г.

Отсутствіе празднованія св. Андрею Боголюбскому повліяло и на дальнѣйшую судьбу обоихъ видовъ сказанія: южно-русскаго—житійнаго и сѣверно-русскаго—лѣтописнаго. Въ рукописныхъ сборникахъ я, по крайней мѣрѣ, не встрѣтилъ ни одного списка той или другой редакціи. Чаще попадаются списки сказанія изъ Степенной, рѣже—изъ болѣе позднихъ, XV—XVI вв., сводовъ лѣтописи. Но въ лѣтописныхъ сводахъ помѣщался варіантъ древняго разсказа только объ убіеніи князя, житійное же предисловіе къ нему опущено. Въ результатѣ этого памятникъ въ значительной степени утратилъ тотъ агіографическій характеръ, съ какимъ онъ появился въ южной Руси. Впрочемъ, если не вездѣ, то во Владимірѣ сознавалась необходимость и въ спеціально-церковномъ разсказѣ о св. князѣ [176]). Въ этомъ нетрудно убѣдиться по нѣкоторымъ особенностямъ въ текстѣ изданной въ Прилож. № 24 церковной передѣлки лѣтописнаго сказанія (въ редакціи, кажется, 1 Софійской лѣтописи). Несомнѣнно, что поправки и вставки въ лѣтописный текстъ сдѣланы здѣсь церковникомъ и подъ вліяніемъ текста житійнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ. На послѣднее указываютъ, напр., варіанты: 31—31, 39—39, 40—40, 44—44, 54—54, 60—60, 62—62 и др. Церковный характеръ передѣлки также очевиденъ. Названія: «блаженный», «благовѣрный», здѣсь встрѣчаются чаще, чѣмъ въ лѣтописномъ разсказѣ. Заглавіе сказанія совершенно церковное—проложное, и въ немъ благов. князь прямо называется святымъ (вар. 2).

Гдѣ и кѣмъ была произведена разсматриваемая передѣлка?

Всего естественнѣе было-бы отнести ее къ владимірскимъ памятникамъ, но и источникъ передѣлки и единственный ея списокъ—новгородскіе [177]). Хронологическія даты Соф. лѣтописи и разсматриваемаго списка сказанія указываютъ, что переработка могла быть произведена или въ концѣ XV в. или—что правдоподобнѣе—въ первой половинѣ XVI. Возможно отсюда, что она была произведена хотя и въ Новгородѣ, но не настоящимъ новгородцемъ—переселенцемъ изъ низовыхъ городовъ, напр., изъ того-же Владиміра. Варіантъ 65—65 не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что редактору былъ извѣстенъ и текстъ сказанія въ Лаврентіевской лѣтописи [178]).

Владимірской письменности принадлежитъ и житіе одного изъ сыновей Андрея Боголюбскаго—бл. князя Глѣба.

Любопытны внѣшнія условія происхожденія этого памятника. Въ 1701 году были открыты мощи св. князя, установлено ему мѣстное празднованіе, и это послужило поводомъ къ составленію службы и житія новоявленнаго святаго [179]). Біографу пришлось, такимъ образомъ,

[176]) Для болѣе поздняго времени доказательствомъ можетъ служить особая редакція краткаго сказанія объ Андреѣ («Листъ» надъ гробомъ вел. кн. Андрея Боголюбскаго), извѣстная мнѣ по списку № 364, XVII—XVIII в., Рум. музея, л. 228 об.—229 об. Она составлена на основѣ житія въ Степенной, но съ нѣкоторыми измѣненіями,—ср., напр., замѣтку въ Степ. о принесеніи Андреемъ иконы Б. М. изъ Вышгорода, и разъясненіе въ этой редакціи, что Ан. перенесъ икону «по ревности сердечной». Начинается «Листъ»: «Сей святый страстотерпецъ благов. и христолюб. вел. кн. Андр.» Въ рукоп. № 787 Рум. Публ. музея, послѣ службы князю помѣщено сказаніе (л. 136—140 об.) въ редакціи Степенной. И въ заглавіи, и въ текстѣ Андрей называется святымъ. См. также въ Иконоп. подлинникѣ изъ собранія ркп. гр. А. С. Уварова, № 967 (у арх. Леонида, Описаніе.... ч. II, стр. 526, 527), подъ 29 іюня: «убіеніе святаго бл. кн. Андрея Боголюбскаго, владимірскаго чюдотворца»; подъ 28 іюля: «святаго благ. кн. Андрея Боголюбскаго».

[177]) Разъясненіе см. въ Спискѣ ркп.

[178]) Сн. Лавр. л., 351 и ср. Ипат., 593.

[179]) Ркп. Патр. б-ки № 858, л. 108 об., въ Описаніи соборной Успен. церкви во Владимірѣ: «сей св. Глѣбъ во плоти нетлѣненъ, пренесенъ въ предѣлъ и вчинися празднество въ прошломъ, ѱа-мъ году».

писать о святомъ, о которомъ не сохранилось никакихъ древнихъ извѣстій и со времени кончины котораго прошло болѣе 500 лѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ могъ дать только условно-агіографическую характеристику святаго, скорѣе литературную компиляцію изъ сторонняго житійнаго матеріала, чѣмъ церковно-историческую біографію. Житіе благ. Глѣба дѣйствительно и страдаетъ этими именно недочетами.

Изъ трехъ списковъ житія: б-ки Каз.ДА. № 888, Общества любит. древн. письмен. № XCI (1983) и Уваровск. № 445 (Царск.)—всѣ XVIII в., я пользовался двумя первыми. Разница между ними только въ объемѣ памятника. Казанскій списокъ—не полный, прерывается на описаніи погребенія князя; въ спискѣ ОЛДП. кромѣ житія помѣщено еще описаніе четырехъ чудесъ. Житіе озаглавлено: «мѣсяца іюня въ 20 день житие и жизнь св. благов. великаго князя Глѣба Андреевича, Владимирскаго и всеа Россіи чюдотворца». Послѣ небольшого предисловія, содержащаго въ себѣ обычныя въ житіяхъ общія разсужденія о распространеніи христіанства и о вліяніи христіанскаго ученія на человѣчество вообще и на душу Глѣба въ частности [180]), дается общежитійная характеристика добродѣтелей святаго, затѣмъ описывается его смерть, погребеніе, плачъ по умершемъ князѣ его отца, жителей Владиміра, проживавшихъ тамъ иностранцевъ, и въ заключеніе дѣлается общее указаніе на чудотворенія отъ мощей святаго: «быша же тогда (т. е. при погребеніи) отъ многоцѣлебныхъ мощей его многое исцѣленіе вѣрою приходящимъ даже до сего дне» (ОЛДП., л. 33 об.).

Ни одной, хотя бы и мелкой, индивидуальной черты въ этой біографіи-характеристикѣ мы, разумѣется, не найдемъ; нѣтъ и ни одного болѣе или менѣе точнаго извѣстія, въ основѣ котораго могло бы быть древнее мѣстное преданіе о святомъ. И описаніе чудесъ касается фактовъ исключительно современныхъ составленію житія [181]). Но біографъ не хотѣлъ ограничиться одною литературною компиляціею; онъ пытался сколько-нибудь обосновать свой разсказъ о святомъ, сообщить отдѣльные, болѣе точные факты, даже детали изъ его жизни. Цѣнность этихъ біографическихъ деталей, конечно, очень небольшая, но правдоподобность за ними нужно признать. Въ житіи перечислены братья св. Глѣба: Владиміръ, Изяславъ, Мстиславъ и Юрій, замѣчено, что всѣ они умерли раньше Глѣба, что Глѣбъ прожилъ 20 лѣтъ, что въ моментъ его смерти Андрей Боголюбскій былъ въ Суздалѣ, указанъ годъ смерти Глѣба: «въ лѣто 6683».

Пользуясь готовымъ матеріаломъ изъ другихъ княжескихъ житій, біографъ старался обнаружить если не самостоятельность, то хотя бы извѣстное чувство мѣры въ отношеніи къ своимъ источникамъ. Для иллюстраціи достаточно будетъ сдѣлать выписку изъ описанія Плача Андрея по рано умершемъ сынѣ: «И паде на перси его, со слезами вопіяше и рече: о чадо мое преблаженое и возлюбленое, свѣте очію моею, почто мя тако оставилъ еси, рождьшаго отца своего? о сыне мой сладкій и любезнѣйшій, драгій свѣте очію моею, благій наказателю ко спасенію: азъ тебе всегда зря, веселяхся, яко ангела Божія, свѣтлыя красоты лица твоего; нынѣ же кто мя утѣшитъ многосѣтованную скорбь сердца моего сладкія и неизреченныя любве твоея; ктому бо уже не узрю тебе, рожденія своего благаго и любимаго лица твоего и ниже насыщуся красныя твоея бесѣды, яко не услышу уже тихаго словесе ко спасенію и благаго твоего гласа» [182]).

Въ приведенномъ отрывкѣ Плача очень мало, конечно, поэзіи, и самый наборъ словъ въ значительной степени представляеіъ собою лишь повтореніе чужого; но въ немъ нѣтъ излишняго многословія. Житіе вообще написано кратко, старинный стиль въ большинствѣ случаевъ выдержанъ, и потому этотъ памятникъ не носитъ характера поздней искусственной поддѣлки

---

180) Ср., напр., въ Несторовомъ житіи Бориса и Глѣба.

181) Описаны слѣд. 4 чуда: а) надъ женою влад. кузнеца—разслабленного Анною, б) надъ разслабл. отрокомъ Тютчева, в) надъ ослѣпшего женою дворянина Иноземцева и г) надъ умоизступленнымъ служкою влад. Спасскаго м-ря Өедоромъ Стенановымъ.

182) Каз. сп., л. 159 об.—160.

подъ старину. Если бы въ содержаніи житія не было указаній на составлеиіе его уже въ XVIII в., то мы затруднились бы относить его къ такимъ позднимъ памятникамъ, опредѣлили бы время появленія житія, по крайней мѣрѣ, XVII в. Для мѣстныхъ читателей житіе Глѣба могло имѣть нѣкоторый интересъ.

Въ ркп. XVIII в. Румянц. (Публ.) музея № 787, л. 141—157, помѣщена служба Глѣбу. По содержанію и отдѣльными фразами она близка къ житію, и потому составленіе обоихъ памятниковъ можно будетъ приписать одному и тому же лицу. Списокъ этой службы относится ко времени императрицы Елизаветы Петровны.

Къ позднимъ сравнительно памятникамъ владимірской письменности нужно отнести и житіе благов. князя Юрія Всеволодовича. Оно составлено въ половинѣ XVII в., повидимому, послѣ 7153 г. [183]).

Для составленія церковной біографіи бл. князя Юрія въ XVII в. имѣлся обширный и довольно разнообразный матеріалъ: извѣстія древней (Лаврент.) лѣтописи, свѣтскія сказанія о татарскомъ нашествіи и въ частности о благ. князѣ (Плачъ Юрія Всеволодовича), мѣстныя церковныя и народныя преданія, даже—какъ показываетъ разсмотрѣнная выше Чудовская редакція житія благ. кн. Михаила Черниговскаго—своеобразные народные разсказы. При такихъ условіяхъ не трудно было бы составить весьма обстоятельную компилятивную біографію святаго, которая имѣла бы и нѣкоторую научную цѣнность. Затѣмъ, сводка лѣтописнаго матеріала о бл. князѣ была произведена еще въ предыдущемъ вѣкѣ, редакторомъ Степенной; это точно также облегчало владимірскому біографу процессъ подготовительной работы. Наконецъ, если не личность святаго, то по крайней мѣрѣ современныя его жизни и кончины историческія событія и обрывки мѣстныхъ преданій о нихъ должны были бы отразиться на самой постановкѣ біографической работы, придать этой поздней біографіи субъективно-легендарную окраску въ изложеніи и въ оцѣнкѣ историческаго прошлаго, а также повліять и на подборъ историко-біографичеекихъ фактовъ. Подобная черта уже отмѣчена при сопоставленіи характеристики Юрія Всеволодовича въ древней лѣтописи и въ Чудовскомъ житіи бл. кн. Михаила.

Ничего похожаго на это мы не встрѣчаемъ во владимірскомъ житіи Юрія. Ни внѣшней обстоятельности разсказа, ни, тѣмъ болѣе, оригинальности въ житіи нѣтъ. Какъ и въ большинствѣ позднѣйшихъ житій, здѣсь встрѣчаемся, съ одной стороны, съ ненужнымъ для дѣла нагроможденіемъ мелкихъ фактовъ и деталей, второстепенныхъ для біографіи святаго и общеизвѣстныхъ, съ другой—съ излишнею привязанностію автора къ готовымъ, еще болѣе общеизвѣстнымъ, агіографическимъ формуламъ и оборотамъ, безъ которыхъ, при наличности обширнаго историко-біографическаго матеріала, кажется, такъ легко бы было обойтись. Не добавляя ничего новаго къ извѣстіямъ своихъ источниковъ, біографъ подробно передаетъ сообщенія древней лѣтописи и Степенной книги о родителяхъ благ. князя, его «братѣ и невѣсткѣ, о современныхъ Юрію владимірскихъ епископахъ, объ обстоятельствахъ татарскаго нашествія и т. п., излагаетъ все это отрывочно, въ большинствѣ случаевъ чужими, готовыми словами. Въ такомъ же видѣ переданы у него и отдѣльные факты изъ жизни благ. князя. Въ изложеніи авторъ пользуется слишкомъ извѣстными агіографическими образцами и не заботится варьировать заимствованный изъ нихъ текстъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ характеристикѣ личности святаго читаемъ: «кротокъ и смиренъ, всѣхъ милуя и снабдѣвая и милостыню любя и церковное устроенье..., чтяше же священнич. и монаш. чинъ..., бѣ бо св. кн. Георгій, воистину, по Іову, око слѣпыхъ и нога хромыхъ и рука неимущихъ свѣта, и всѣхъ любя, нагія одѣвая, трудныя упокоевая..., воистинну бо одарова его Богъ кротостію Давидо-

---

[183]) Въ концѣ житія читаемъ: «нынѣ же въ лѣто 7153 генваря въ 22 день превесены честныя его мощи изъ предѣла въ соборъ у столпа посреди церкви и положены въ сребренѣ рацѣ» (ркп. Рум. муз. № 364, л. 228. Дальше я буду цитировать житіе Юрія по болѣе исправному списку: № 787 Рум. Публ. муз., л. 159—179 об.).

вою, мудростію же Соломоновою» и т. д. [184]). Въ описаніи Плача Юрія по матери находимъ слѣдующую выписку изъ житійнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ: «зряше же уже матерь свою при отшествіи свѣта сего, нача тѣломъ утерпати и лице его все слезъ наполнися и слезами разливаяся, паде на перси ея и начатъ глаголати и отъ сердца вѣщати: увы мнѣ, свѣте мати моя, увы мнѣ, госпоже моя, къ кому воззрю или къ кому прибѣгну, и гдѣ ли насыщуся таковаго благаго ученія твоего и наказанія разума твоего; увы мнѣ, сіяніе заре лица моего, браздо юности моея, увы мнѣ, камо отходиши мати моя». Выписка изъ тогоже источника продолжена и въ описаніи Плача Константина Всеволодовича, который въ моментъ смерти благ. кн. Маріи находился въ Новгородѣ: «увы мнѣ, мати моя, свѣте очію моею, увы мнѣ, не сущу ми ту, да быхъ понеслъ самъ честное тѣло твое и своима бо рукама спряталъ и гробу предалъ рождшую мя; ни понесохъ красоты тѣла твоего, ни сподобленъ быхъ цѣловати добролѣпныхъ устъ твоихъ и медоточивыхъ. Но сердце ми горитъ и душа ми смыслъ смущаетъ, и не вѣмъ, х кому обратитися или х кому сію горкую печаль простерети—къ брату ли которому, но далече отъ мене; и тако слезами разліяшеся, хотя удержатися, и не можаше» [185]).

Оъ такого же рода компиляціею, переходящею въ простое списываніе, встрѣчаемся и въ другихъ отдѣлахъ житія,—напр., въ описаніи всенароднаго плача при погребеніи Юрія и въ молитвѣ, обращенной ко св. князю (*л.* 179 об.—буквальныя выписки изъ *Лавр. лѣтоп.*, стр. 444—5, сн. 421— 2); въ предсмертномъ наставленіи дѣтямъ благ. кн. Маріи (*л.* 162, 163—4—составлено, съ помощью древней *лѣт.* и Степенной, по *лѣтоп.* изложенію наставленія Ярослава I сыновьямъ и по Поученію Владиміра Мономаха); въ описаніи событій смерти Владиміра Юрьевича (*л.* 173 и об.— обличенія скверной вѣры татаръ и ихъ жестокости переданы буквально сходно съ *лѣтоп.* разсказомъ о смерти Василька Ростовскаго) и др.

Придерживаясь *Лаврент. лѣтописи* и Степенной, біографъ игнорируетъ другіе источники, полезные для составленія біографіи св. князя, узко понимаетъ задачи подготовительной работы. Незамѣтно у него знакомства ни съ свѣтскими сказаніями о татарскомъ нашествіи и съ «Плачемъ» Юрія, ни съ сохранявшимися мѣстными преданіями объ описываемыхъ въ житіи событіяхъ. Изъ одной владим. передѣлки ж. Александра Невскаго мы узнаемъ, напр., что во Владимірѣ существовала слѣдующая легенда о смерти Юрія: «нѣкій бо татаринъ скачуща его на конѣ посѣче саблею и тольма прытко, яко не подержася святая глава его, отпаде далеко, тако же и тѣло отомча конь далеко отъ того мѣста и сверже на землю далеко отъ главы» [186]). Этой детали біографъ не отмѣчаетъ въ разсказѣ о смерти Юрія. Варьировались въ устной передачѣ и подробности объ обрѣтеніи мощей князя и о погребеніи, но біографъ Юрія не останавливается и на этомъ, онъ ограничивается буквальною передачею текста Степенной (*л.* 177 об.—178). Словомъ, во владимірскомъ житіи Юрія очень много историко-литературныхъ недочетовъ и недосмотровъ. Но отъ такихъ недочетовъ не свободны и другія владимірскія житія этого времени, въ частности, мѣстныя передѣлки самаго замѣчательнаго памятника сѣверно-русской агіографіи—житія благ. кн. Александра Невскаго. По житію Юрія мы можемъ составить представленіе только объ отрицательныхъ сторонахъ владимірской письменности. Для оцѣнки же ея положительныхъ качествъ мы должны обратиться къ раннѣйшему періоду въ исторіи мѣстной агіографіи—къ первоначальнымъ житіямъ бл. кн. Александра Невскаго. Въ нихъ мы найдемъ совергаенно другой матеріалѣ для характеристики не только владимірской, но и вообще сѣверно-русской письменности.

Обзору редакцій житія бл. кн. Александра Невскаго посвящено спеціальное, недавно вышедшее, изслѣдованіе В. Мансика. Авторъ подробно разсматриваетъ сохранившійся въ

[184]) *л.* 168 и об. Древній *лѣтописецъ* тоже пользовался стереотипными фразами, но онъ умѣлъ въ характеристикѣ каждаго князя отмѣтить какую-н. оригинальную черту. Ср. характ. Всеволода (Лав., 415), Константина (420—421), Василька (444) и того же Юрія (445).

[185]) *л.* 163 и об.; *л.* 165,—ср. въ Прилож. № 10, стр. 33, 12—23 строки.

[186]) у В. Мансика, цит. ниже сочин., стр. 206.

рукописяхъ матеріалъ о житіяхъ святаго и въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію даетъ тексты всѣхъ почти редакцій и отдѣльныхъ ихъ разновидностей. Ознакомившись «съ изслѣдованіемъ г. Мансика, я рѣшилъ значительно сократить этотъ отдѣлъ въ своей работѣ, опустить въ обзорѣ житій бл. князя всѣ вопросы, на которые обстоятельный отвѣтъ найдетъ читатель въ упоминаемомъ спеціальномъ изслѣдованіи. Взамѣнъ этого попытаюсь дать общую оцѣнку новаго ученаго труда.

Новыхъ вопросовъ изъ литературной исторіи житій благ. князя Александра В. Мансика въ своей книгѣ почти не затрагиваетъ. Его вниманіе обращено главнымъ образомъ на пересмотръ вопросовъ старыхъ, на провѣрку, пополненіе и обоснованіе общеприиятыхъ въ наукѣ взглядовъ и мнѣній. Путемъ сравнительнаго изученія текстовъ житій благ. князя по разнымъ ихъ спискамъ и чрезъ сопоставленіе содержанія житій съ другими памятниками многое изъ того, что раньше высказывалось лишь въ предположительной формѣ, автору удается представить въ видѣ точно обоснованныхъ литературныхъ фактовъ. Такъ, напр., къ тексту лѣтописной редакціи житія бл. Александра В. Мансика очень тщательно сдѣланъ подборъ библейскихъ текстовъ и параллелей (18—26); послѣ этихъ сопоставленій не остается уже никакого сомнѣнія въ искусственно-агіографическомъ характерѣ этой редакціи и въ церковномъ ея назначеніи.

Также внимательно произведены (по плану, намѣченному Е. В. Барсовымъ) сопоставленія отдѣльныхъ мѣстъ изъ житія и изъ Повѣсти о разореніи Іерусалима, написанной Іосифомъ Флавіемъ, и разъяснено вліяніе Повѣсти на житіе (26—32). По моему мнѣнію, въ вопросѣ о размѣрахъ вліянія Повѣсти на лѣтописное житіе авторъ обнаружилъ даже излишнюю осторожность. Онъ говоритъ: «*повидимому*, авторъ житія, который довольно подробно зналъ обширную Повѣсть, воспользовался ими (отдѣльными эпизодами и выраженіями) при составленіи своего произведенія» [187]). Это положеніе можно бы было высказать и безъ ограничительной оговорки, особенно, если принять во вниманіе другія, мелкія детали сходства, вскользь отмѣченныя Е. В. Барсовымъ [188]). Не только о «частичной, внѣшней связи» [189]) житія съ Повѣстію, но и о «тѣсной внутренней съ нею связи» [190]), безусловно, можно говорить. Вопросъ только въ томъ, чѣмъ объяснить отрывочность получившихся параллелей.

Внимательно подобраны и обще-агіографическія параллели къ тексту житія, точно установлена, затѣмъ, зависимость житія отъ паремійнаго чтенія Б. и Г. (33—46), съ подробностію, доходящею иногда даже до излишней детальности, изложена исторія житійнаго текста въ лѣтописяхъ (75—82, 87—88).

Симпатія автора къ деталямъ въ излѣдованіи особенно выгодно отражается на содержаніи второго отдѣла его книги—въ обзорѣ житій благ. Александра, составленныхъ въ XVI, XVII вв. Обстоятельно изслѣдована литературная исторія минейнаго житія (Похвальнаго слова, 111—126); подробно разъясненъ вопросъ о литературныхъ источникахъ Василіевой редакціи житія и дана вѣрная оцѣнка этого памятника (126—142). Такой же отзывъ нужно сдѣлать и объ отдѣлахъ, посвященныхъ изученію редакцій ж. въ Степенной (143—165) и Іоны Думина (177—200). Заслуживаютъ вниманія критическія замѣчанія автора по вопросу о принадлежности минейнаго житія монаху Михаилу (121—122) и предположеніе о пользованіи со стороны редактора Степенной Василіевымъ житіемъ св. князя (160, сн. 162). Совершенно новыя свѣдѣнія сообщаетъ В. Мансика о характерѣ передѣлки-переписки Василіевой редакціи Титомъ (165—170), о передѣлкѣ-варіантѣ редакціи Іоны въ сборникѣ Имп. Публ. б-ки Q XVII, 24 (203—217) и др. Въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію наряду съ общеизвѣстными уже текстами помѣщены и новые, очень цѣнные для разъясненія первоначальной литературной исторіи

[187]) Стр. 32. Курсивъ мой.

[188]) Слово о полку Игоревѣ, какъ художеств. памятникъ Кіевской дружинной Руси, т. I, М. 1887 г., 232—259, 261, 263 и раньше.

[189]) В. Мансика, 32.

[190]) Е. В. Барсовъ, 217.

житія благ. Александра (см. стр. 11—14 и особенно 125—137). Вообще излѣдованіе В. Мансика представляетъ собою во многихъ отношеніяхъ полезную книгу.

Есть, разумѣется, въ этой книгѣ и недочеты. Они зависятъ, главнымъ образомъ, отъ пріемовъ изслѣдованія—отъ излишней склонности автора къ деталямъ въ ущербъ болѣе важнымъ сторонамъ изслѣдуемыхъ вопросовъ, отъ предпочтенія описанія памятниковъ ихъ изслѣдованію-характеристикѣ и отъ недостаточно внимательнаго отношенія къ работамъ предшественниковъ.

Не выясненными остаются у В. Мансика условія происхожденія лѣтописной редакціи житія. Авторъ знаетъ, что лѣтописную редакцію нельзя назвать первымъ опытомъ біографіи князя, что это уже передѣлка ранѣе существовавшаго памятника, но какого?—этотъ вопросъ какъ-будто не интересуетъ автора. Въ зависимости отъ этого авторъ не могъ дать надлежащей оцѣнки такъ называемой особой редакціи лѣтописнаго житія, разъяснить причины сходства ея съ житіемъ въ 1 Софійской лѣтописи, въ сборникѣ Н. П. Лихачева и съ лѣтописною редакціею житія благов. Довмонта. Существенно-важный для разъясненія первоначальной исторіи сказаній о бл. кн. Александрѣ вопросъ о хронологическомъ порядкѣ появленія особой редакціи и житія Довмонта остался не разъясненнымъ. Не находимъ яснаго отвѣта и о причинахъ разницы въ составѣ лѣтописнаго житія въ Лаврен. и во 2 Псковской. лѣтописяхъ. Помѣщенныя во введеніи замѣчанія объ отношеніи къ житію Слова о погибели Русской земли слишкомъ общи и неопредѣленны. Попытка ввести сказанія о бл. кн. Александрѣ въ кругъ однородныхъ имъ церковныхъ и въ частности агіографическихъ сочиненій (во введеніи, 2—11) и опредѣлить вліяніе житій Александра на другіе памятники древне-русской письменности (въ заключительной главѣ, 218—225) вышла совсѣмъ неудачною, такъ какъ въ этомъ случаѣ нельзя было ограничиться случайнымъ подборомъ литературныхъ фактовъ.

Въ монографической работѣ желательно было бы найти тщательно составленный обзоръ научной литературы по изслѣдуемому вопросу, не въ видѣ, конечно, библіографическаго перечня *всего*, что когда-ниб. и кѣмъ-либо было написано, а лишъ того, что не утратило интереса и теперь и даетъ возможность составить представленіе о научной любознательности, о вниманіи нашихъ ученыхъ изслѣдователей къ замѣчательнымъ произведеніямъ нашей древности.

Такимъ образомъ, и послѣ спеціальнаго изслѣдованія г. Мансика въ литературной исторіи житій благ. кн. Александра, особенно въ исторіи первоначальной, остается немало вопросовъ, почти не выясненныхъ. На нихъ, главнымъ образомъ, и попытаюсь я остановиться въ своемъ обзорѣ житій св. князя.

Раннѣйшимъ изъ извѣстныхъ теперь агіографическихъ памятниковъ о жизни бл. кн. Александра Невскаго является такъ называемая лѣтописная редакція его житія. Всѣ разновидности текста этой древнѣйшей редакціи могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ группамъ: редакціи въ Лаврент. лѣтописи, XIV в., и во 2 Псковской, XIV—XV вв. Кромѣ лѣтописей, житіе сохранилось еше въ четіихъ сборникахъ разныхъ вѣковъ: XV, XVI, XVII; помѣщалось оно, хотя и крайне рѣдко, и въ прологахъ болѣе поздняго (XVI—XVII вв.) времени, подъ 23 или подъ 14 ноября. Отдѣльные списки лѣтописнаго житія въ прологахъ и въ сборникахъ не заключаютъ въ себѣ значительныхъ варіантовъ по сравненію съ текстами лѣтописными и потому легко могутъ быть подведены подъ тѣ же двѣ, указанныя сейчасъ, группы. Они не осложняютъ своимъ матеріаломъ изслѣдоваія памятника, даютъ возможность изслѣдователю сдѣлать свободный между ними выборъ. При такихъ условіяхъ всего естественнѣе было бы въ выборѣ списковъ руководиться только хронологическою ихъ цѣнностію, къ изученію памятника привлечь главнымъ образомъ раннѣйшіе списки обѣихъ его разновидностей. Но этому мѣшаетъ одно внѣшнее обстоятельство.

Оба древнѣйшихъ списка—въ Лавр. лѣт. и въ Псково-Печерскомъ сборникѣ XV в., дефектные: въ одномъ текстъ житія прерывается на половинѣ, въ другомъ сохранились только на-

чало и конецъ, но недостаетъ по крайней мѣрѣ ⅔ продолженія памятника. И объединивъ текстъ этихъ дефектныхъ списковъ, полнаго житія мы всетаки не получимъ: недостающее должны будемъ восполнять по болѣе позднимъ спискамъ. Кромѣ того, въ Псково-Печерскомъ спискѣ въ связи съ житіемъ, въ качествѣ введенія къ нему, помѣщена особая статья, подъ заглавіемъ: «Слово о погибели Рускыя земли»; она не повторяется въ другихъ спискахъ лѣтописнаго житія, но не встрѣчается отъ него и отдѣльно, въ связи съ друтимъ какимъ-ниб. памятникомъ. Естественно, поэтому, у изслѣдователя житій благ. князя прежде всего возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣть на это сосѣдство двухъ интересныхъ памятниковъ: дѣйствительно ли «Слово о погибели» имѣло какое-либо отношеніе къ житію и его нужно принимать во вниманіе при изслѣдованіи древне-русской письменности о благ. князѣ, или въ Псково-Печерскомъ спискѣ житія «Слово» помѣщено только по недоразумѣнію и можетъ быть игнорировано изслѣдователемъ, какъ случайный, ненужный привѣсокъ къ житію?

Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ я уже имѣлъ случай высказать въ своей статьѣ: «Слово о погибели Русскія земли и Слово о началѣ Русскія земли (два памятника, сохранившіеся въ псковскихъ спискахъ XV в.)», въ I в. Трудовъ Псковскаго церковно-археологич. комитета [191]). Статья моя вызвала нѣсколько замѣтокъ, изъ которыхъ особенно цѣнною для меня была рецензія С. А. Бугославскаго, отрицательно отнесшагося къ предложенному мною толкованію «Слова» [192]). При дальнѣйшемъ изученіи вопроса, принявъ во вниманіе замѣчанія С. А. Бугославскаго и, такъ сказать, провѣривъ себя, я пришелъ къ выводу, что не могу ни согласиться съ правильностію возраженій рецензента, ни, тѣмъ болѣе, отказаться отъ высказаннаго мною взгляда. Но частности вопроса объ отношеніи «Слова» къ житійной литературѣ о благ. кн. Александрѣ мнѣ представляются теперь нѣсколько въ иномъ, чѣмъ тогда, видѣ, и потому, повторяя здѣсь содержаніе своей статьи, я внесу къ ней нѣкоторыя поправки и дополненія. Попутно разсмотрю и высказанныя въ рецензіи С. А. Бугославскаго возраженія.

«Слово о погибели Русскія земли» было открыто и издано въ № LXXXIV Памятниковъ древней письменности Х. М. Лопаревымъ въ 1892 г., стр. 1—27. Публикаторъ этого интереснаго памятника изданіе его текста сопровождаетъ обстоятельнымъ, весьма цѣннымъ въ научномъ отношеніи подстрочнымъ комментаріемъ, а въ предисловіи къ изданію разъясняетъ литературную исторію «Слова» и опредѣляетъ его значеніе и мѣсто среди другихъ, однородныхъ съ «Словомъ», древне-русскихъ сочиненій. По мнѣнію Х. М. Лопарева, «Слово», соединенное въ Псково-Печерскомъ спискѣ съ житіемъ Александра Невскаго, представляетъ собою отрывокъ поэмы, историко-литературной трилогіи, въ составъ которой входили три отдѣльныхъ статьи: «Слово о погибели Русскія земли» (поэма XIII в., оплакивающая гибель Руси, съ предварительнымъ прославленіемъ ея красоты и славы), «О смерти вел. кн. Ярослава» и «О житіи вел. кн. Александра». Написана эта трилогія въ предѣлахъ владиміро-суздальской Руси, м. б. однимъ авторомъ, но въ разное время. Первая часть появилась не позднѣе 1238 г., «въ годину татарскаго нашествія», судя по замѣткѣ о вел. кн. Юріи Всеволодовичѣ. Позднѣе всѣ эти три статьи Слова объединены были переписчиками общимъ заглавіемъ. У переписчика псковской ркп. былъ неполный текстъ трилогіи—безъ второй статьи и безъ конца первой

---

[191]) Стр. 176—202; въ оттискѣ: «Замѣтки и тексты изъ псковскихъ памятниковъ», М. 1910 г., стр. 45—67. Буду и здѣсь, какъ раньше, цитировать «Труды»... Выше я уже говорилъ, что двѣ послѣднихъ статьи «Замѣтокъ»... я напечаталъ раньше, чѣмъ это было можно. По обязанностямъ редактора «Трудовъ» я долженъ былъ выпустить книгу къ опредѣленному сроку, но матеріала для нея не хватило и некогда было выбрать другую какую-н. тему для статьи.

[192]) Изв. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. 1910 г., т. XV, кн. 3, стр. 335—337.—Изъ другихъ замѣтокъ мнѣ извѣстны: акад. А. И. Соболевскаго, въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1910 г., кн. XI, стр. 206—208; проф. Е. В. Пѣтухова и М. Н. Сперанскаго (въ курсахъ Ист. рус. лит., см. о нихъ ниже). При обсужденіи въ Моск. Арх. Обществѣ реферата Н. Н. Кононова о первомъ изд. книги Е. В. Пѣтухова, г. Некрасовъ указалъ, что раньше меня «тѣ же выводы о данномъ памятникѣ дѣлалъ А. И. Соболевскій» (Древности…, т. V, М. 1911, Протоколы, стр. 65). Объ этомъ я не зналъ.

(9—11).—Житіе Алекеандра Невскаго въ Псково-Печер. ркп. по составу и тексту не отличается отъ лѣтописныхъ списковъ, потому Х. М. Лопаревъ ограничился изданіемъ только «Слова» (въ фотот. воспроизведеніе вошелъ, впрочемъ, и листокъ изъ текста житія, стр. 27).

Въ 1909 г., во время второй своей научной поѣздки въ Псковъ, Х. М. Лопаревъ нашелъ въ б-кѣ Печерскаго монастыря новый памятникъ, касающійся тѣхъ же событій татарскаго нашествія, и высказалъ предположеніе, что этотъ отрывокъ, сходный съ разсказомъ въ суздальской лѣтописи, могъ входить въ составъ затеряннаго «Слова о погибели» [192]).

Можно бы было ожидать, что новый памятникъ если не своимъ содержаніемъ, то по своему значенію и мѣсту въ древне-русской письменности, вызоветъ въ научной литературѣ оживленный обмѣнъ мнѣніями, разностороннюю оцѣнку сдѣланнаго открытія. Но этого не случилось. За рѣдкими исключеніями, появившіяся въ научной литературѣ замѣтки о «Словѣ» не выходили изъ рамокъ повторенія предложенкаго Х. М. Лопаревымъ объясненія и детальныхъ къ этому объясненію добавленій и поправокъ.

Изъ замѣтокъ библіографическаго характера большаго вниманія заслуживаетъ статья проф. Грушевскаго: «Нововидані памятки давного письменства руського», въ V т. (І кн. за 1895 г.) Записокъ наукового товариства імени Шевченка, у Львові, стр. 1—18 [193]). По вопросамъ объ объемѣ и характерѣ памятника, о времени и мѣстѣ его написанія проф. Грушевскій согласенъ въ общемъ съ Х. М. Лопаревымъ. Его замѣчанія касаются главнымъ образомъ деталей въ объясненіи и въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ выраженій текста. Предлагаемыя рецензентомъ частичныя поправки къ комментарію Х. М. Лопарева и интересны, и цѣнны. Такъ, напр., Грушевскій не согласенъ съ объясненіемъ у Лопарева словъ: «до *нынѣшняго* Ярослава»; въ этихъ словахъ онъ видитъ простое подражаніе автору Слова о полку Игоревѣ, видоизмѣненіе выраженія: «отъ стараго Владимера до *нынѣшняго* Игоря». Но за дальнѣйшими словами: «и до брата его Юрья, князя Володимерскаго», и Грушевскій не отрицаетъ значенія даты для опредѣленія времени написанія «Слова». Грушевскій опредѣленнѣе высказывается за возможность вліянія на «Слово о погибели» Слова о полку Игоревѣ. Въ похвалѣ древне-русскимъ князьямъ, въ перечнѣ подвластныхъ имъ народовъ, въ приведенномъ сейчасъ выраженіи о нынѣшнемъ Ярославѣ, въ самомъ, наконецъ, заглавіи памятника Грушевскій усматриваетъ прямое подражаніе соотвѣтствующимъ мѣстамъ и заглавію Слова о полку Игоревѣ. Художественное значеніе за этимъ отрывкомъ старинной поэмы онъ почти отрицаетъ. «3 погляду артистичного «Слово» не заслугуе великой хвали»; это риторическое, холодное подражаніе Слову о п. И., болыле напоминающее по своему слогу Задонщину, чѣмъ произведеніе кіевскаго пѣвца. Въ историко-литературномъ отношеніи «Слово о погибели» цѣнно между прочимъ потому, что отражаетъ въ себѣ содержаніе раннѣйшей редакціи Мономаховой легенды.

Самыя цѣнныя замѣчанія о «Словѣ» находимъ въ книгѣ академнка И. Н. Жданова: Русскій былевой эпосъ, Спб. 1895, стр. 95—96. Съ внѣшней стороны эти замѣчанія носятъ случайный характеръ; они изложены въ краткомъ, отрывочномъ видѣ, главнѣйшая изъ замѣтокъ помѣщена даже не въ текстѣ изслѣдованія, а въ примѣчаніи; но въ нихъ затронутъ и интересно поставленъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ дли литературной исторіи «Слова»: былъ-ли этотъ памятникъ извѣстенъ старинным русскимъ писателямъ?

И. Н. Ждановъ отмѣчаетъ сходныя со «Словомъ» мѣста въ предисловіи къ житію благ. кн. Ѳеодора Ростиславича (въ редакціи Андрея Юрьева), въ житіи Александра Невскаго,

[192]) Отчеты о засѣд. Император. Общества люб. др. письменности въ 1907— 10 гг., Спб. 1911 г., стр. 25—26 (сн. въ «Словѣ»..., стр. 10»: «поэма—Слово о погиб. рус. з. представляла изъ себя, вѣроятно, историческое сказаніе о нашествіи Татаръ»).—С. Ѳ. Платоновъ, при обсужденіи реферата, замѣтилъ, что «открытый докладчикомъ отрывокъ долженъ считаться отрывкомъ лѣтописи» (ib.).

[193]) Здѣсь «Слову о погибели» посвящены стр. 2—6. Первая страница содержитъ въ себѣ общее предисловіе къ статьѣ. Въ примѣч., на стр. 2—3, воспроизведенъ текстъ «Слова».—Содержаніе статьи проф. Грушевскаго, съ критическимн замѣчаніями, въ рефератѣ г. Лященко (напеч. въ Отчетахъ о засѣд. Имп. Общ. люб. др, письм. въ 1895—6 г., Спб. 1896 г., стр. 55—60).

помѣщенномъ въ Степенной, въ Родословцѣ русскихъ князей, по списку Погодина № 1423, XV в., и въ сочиненіи Каменевича-Рвовскаго: «Сказаніе о началѣ московскаго рода». На указанныхъ Ждановымъ параллеляхъ подробнѣе придется остановиться ниже, тогда будетъ сдѣлана и оцѣнка этихъ наблюденій покойнаго ученаго; пока я ограничусь частнымъ замѣчаніемъ по поводу ссылки Жданова на житіе Александра Невскаго. Въ данномъ случаѣ Ждановымъ допущенъ недосмотръ: сходное съ текстомъ «Слова» мѣсто, дѣйствительно, есть въ житіи А. Нев., но не въ редакціи Степенной, а въ редакціи архіеп. Іоны. Въ Степенной же книгѣ приведенный Ждановымъ текстъ читается въ статьѣ о вел. кн. Ярославѣ Всеволодовичѣ, а не въ житіи Александра [194]).

Такъ же, какъ и Грушевскій, Ждановъ даетъ отрицательный отзывъ о художественныхъ качествахъ нашего памятника. По его мнѣнію, это лишь одинъ изъ образцовъ агіографической риторики, не отличающійся вообще связностію и послѣдовательностію въ развитіи и изложеніи мыслей. Ждановъ допускаетъ, что сохранившійся отрывокъ не входилъ въ первоначальный составъ сказанія о «погибели русской земли», что къ нему онъ былъ присоедииенъ позднѣе тѣмъ книжнымъ человѣкомъ, который переработалъ житіе Алёсандра Невскаго (96). Къ сожалѣнію, вопросъ объ отношеніи «Слова» къ житію остался у Жданова не выясненнымъ. Утвержденіе В. Мансика (стр. 9) что по предложенію Жданова «Слово» служитъ предисловіемъ къ житію Алексаидра Невскаго, не точно: И. Н. Ждановъ этого не говорилъ.

Независимо отъ проф. Грушевскаго, Ждановъ приходитъ къ одинаковому съ нимъ выводу объ историко-литературномъ значеніи «Слова».

Онъ дѣлаетъ при этомъ любопытное разъясненіе той хронологической ошибки, какую допустилъ составитель «Слова», назвавъ византійскаго императора Мануила современникомъ Владиміра Мономаха. Возможно, что это не личная ошибка автора «Слова». Въ древнерусскихъ хронографахъ, въ статьѣ: «Цари царствующіе въ Константинополѣ православные и еретики», время царствованія Мануила ошибочно опредѣлялось, вмѣсто 1143—1180 гг., 1113—1150 гг. (стр. 98). По такой хронологіи Жюръ Мануилъ дѣйствительно приходился современникомъ вел. князя Владиміра Мономаха (1113—1125 гг.).

Для предположительнаго возстановленія утраченной части трилогіи пытался указать матеріалъ проф. М. Халанскій въ своихъ «Матеріалахъ и замѣткахъ по исторіи древне-русскаго героическаго эпоса» [195]). Здѣсь онъ сближаетъ «Слово о погибели» съ «Плачемъ» вел. кн. Юрія Всеволодовича (въ ркп. XVII в. Имп. Публ. б-ки, № 1578/43) и высказываетъ предположеніе, что «Плачъ» можетъ дать намъ понятіе какъ о первоначальныхъ источникахъ, основахъ и мотивахъ, такъ и объ общемъ содержаніи и характерѣ утраченной части «Слова». Поводъ для сближенія этихъ памятниковъ проф. Халанскій находилъ между прочимъ и во внѣшнемъ ихъ размѣщеніи. По извѣстнымъ теперь спискамъ «Слово» предшествуетъ житію Александра Невскаго, «Плачъ» Юрія—лѣтописнымъ замѣткамъ о дѣятельности Ярослава и Александра Невскаго и о смерти обоихъ этихъ князей. Такимъ образомъ, внѣшняя, историко-хронологическая обстановка для обоихъ памятниковъ переписчиками дана одинаковая.

Я не думаю, чтобы изложенныя наблюденія проф. Халанскаго могли быть приняты безъ существенныхъ оговорокъ. Что «Слово» и «Плачъ» и по своей темѣ, и отчасти по характеру ея развитія памятники однородные—это несомнѣнно. Заглавіе: «*Плачъ* о погибели Русской земли», къ нашему памятнику болѣе подходило бы, чѣмъ слишкомъ неопредѣленный терминъ: «Слово». Но идти дальше этой общей параллели, по моему мнѣнію, рискованно. Въ самомъ дѣлѣ, какія хронологическія данныя имѣются у насъ для сопоставленія «Слова» и «Плача»? Можно-ли по сохранившемуся списку «Плача» опредѣлить первоначальный видъ

194) Степ. книга, по изд. 1908 г., стр. 254, по изд. 1775 г. М., ч. I, стр. 322—323.
195) Извѣст. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. VIII, кн. 2, Спб. 1903 г., стр. 174—176.

этого памятника и вообще сказать, что «Плачъ» Юрія, какъ и «Слово», не книжная придумка позднѣйшаго писателя, а отголосокъ живыхъ, очень тяжелыхъ переживаній современника Юрія Всеволодовича? Въ содержаніи и въ изложеніи теперешней редакціи «Плача» легко замѣтить слѣды поздняго происхожденія этого памятника; также легко опредѣлить и его литературные источники, не только не современные «Слову о погибели», но и вообще не древніе.

Въ Приложеніяхъ (№ 40) текстъ «Плача» Юрія намѣренно отнесенъ мною въ отдѣлъ «Плачей» княгинь, такъ какъ большая половина разсматриваемаго памятника представляетъ собою заимствованіе изъ основного источника «Плачей»—«Плача» вел. княгини Евдокіи, Заимствованіе это сдѣлано неумѣло, общій сторонній литературный матеріалъ недостаточно приспособленъ къ данному, частному случаю. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить хотя бы сравненіе «государей» съ солнцемъ и мѣсяцемъ. Красивое въ «Плачѣ» Евдокіи, въ нашемъ памятникѣ даже и съ грамматической стороны оно является построеннымъ неправильно. При невозможности употребить готовыя формулы олицетворенія (солнце, мѣсяцъ) во множественномъ числѣ, къ словамъ: «господіе», «государи», лучше было бы придумать другія. Не говорю уже о фактической несообразности: великій князь Юрій, по памятнику, оплакиваетъ вообще бѣдствія татарскаго нашествія, а причитаетъ: «многимъ землямъ государи были есте», «кому приказываете меня», какъ-будто рѣчь идетъ о скорби овдовѣвшей княгини или о причитаніяхъ по родителямъ княжича-сироты. Даже такія, повидимому, близкія къ тексту «Слова» выраженія, какъ: «о земле-земле, о дубравы-дубравы, вси плачите со мною», утрачиваютъ непосредственную близость, если одновременно съ этимъ сопоставимъ ихъ и съ однородными выраженіями изъ «Плача» княгинь: «старыя вдовы утѣшите меня, младыя вдовы, поплачите со мною», и обратимъ вниманіе на одинаковый распорядокъ этихъ причитаній въ «Плачахъ» того и другого рода [196]).

Послѣ сдѣланныхъ общихъ замѣчаній объ источникахъ «Плача» вел. кн. Юрія Всеволодовича едва-ли стоитъ подчеркивать разницу съ Плачемъ «Слова о погибели Русской земли». По своей формѣ и этотъ памятникъ, въ значительной своей части, тоже представляетъ собою «Плачъ». Скорбное чувство о гибели страны въ немъ точно также выражено дѣланными, книжными словами, но книжные источники этого «Плача» совсѣмъ другіе. Не имѣетъ особаго значенія и отмѣченная проф. Халанскимъ внѣшняя черта сходства въ рукописной судьбѣ этихъ памятниковъ. Мы знаемъ, что подборъ и расположеніе отдѣльныхъ статей въ русскихъ сборникахъ обычно отличаются полною безсистемностію, но имѣемъ даже и не единичныя рукописи,—особенно изъ поздняго времени—XVI—XVII вв.,—въ которыхъ статьи подобраны переписчиками не только планомѣрно, но и тенденціозно. Что же удивительнаго, если «Слово» и «Плачъ» помѣщались переписчиками въ сосѣдствѣ съ такими памятниками, какъ лѣтописное житіе Александра Невскаго, близкое къ этимъ сочиненіямъ и по содержанію, и по изложенію?

Общую характеристику и оцѣнку «Слова о погибели» находимъ, въ курсахъ по исторіи древне-русской литературы: у А. Н. Пыпина, Исторія рус. лит., Спб. 1898 г., т. I, стр. 214—215, П. В. Владимірова, Древне-русская литература Кіевскаго періода, Кіевъ 1900 г., стр. 367—8, Е. В. Пѣтухова, Русская литература (древній періодъ), Юрьевъ 1912 г. изд. 2, стр. 95—98, М. Н. Сперанскаго, Исторія древней русской литературы, М. 1914 г., стр. 355—6, и о житіи Александра, 357—360. Заключающіяся въ этихъ курсахъ свѣдѣнія о «Словѣ» значительно помогаютъ разъясненію литературной исторіи памятника. Въ нихъ, особенно въ книгѣ А. Н. Пыпина, точно опредѣлено мѣсто изучаемаго памятника въ ряду другихъ, од-

[196]) Ср. также внѣшнее, вѣроятно, не случайное сходство въ непосредствеино слѣдующихъ за этимъ словахъ: «како восплачю или како возглаголю» (Плачъ Евдокіи, № 35, стр. 158)—«како нареку день той и воспишу» (№ 40, стр. 163).

народныхъ съ нимъ, древне-русскихъ сочиненій и прекрасно разъяснено *значеніе* сдѣланнаго Х. М. Лопаревымъ открытія.

Еще И. И. Срезневскій въ предисловіи къ изданному имъ тексту Задонщины высказывалъ мысль, что памятники народнаго творчества, въ родѣ Слова о полку Игоревѣ и Задонщины, не всѣ пока извѣстны, что возможны открытія новыхъ произведеній въ такомъ же духѣ. «Еще громады сборниковъ,—замѣчаетъ Срезневскій,— лежатъ у насъ нетронутыми. Не изъ чего отказываться отъ надежды встрѣтить въ нихъ и такія Слова, какъ о полку Игоревѣ и о Задонщинѣ. Вѣдь наши предки знали: «что ся дѣеть по веременемъ, то отъидеть по веременемъ; а любо грамотою утвьрдять, ино то будеть всѣмъ вѣдомо, и ли кто послѣ живыи останеться». Они знали это и записывали многое для памяти [197]). Предсказаніе знаменитаго ученаго и въ настоящее время, къ сожалѣнію, далеко еще отъ исполненія; однако нѣкоторыя открытія сдѣланы и они относятся главнымъ образомъ къ памятникамъ той же эпохи, когда появилось и «Слово о погибели»—къ татарскому нашествію [198]). Важна здѣсь, разумѣется, не столько количественная сторона въ новыхъ открытіяхъ, сколько качественная ихъ цѣнность—свѣжесть матеріала для характеристики нашей древней литературы монгольскаго періода. Это и разъяснено А. Н. Пыпинымъ.

Страшныя впечатлѣнія отъ татарскаго погрома, когда, по выраженію лѣтописпа: «и хлѣбъ въ уста не идяшеть отъ страха», скорбь о погибели множества людей и о разореніи страны, отвращеніе, ненависть ко врагу и въ то же время надежда на освобожденіе отъ позорнаго ига—все это, по замѣчанію Пыпина, должно было найти для себя выраженіе не только въ тогдашней книжно-церковной письменности, но и въ народномъ эпосѣ, способствовать и оживленію, и видоизмѣненію послѣдняго. Въ «Словѣ о погибели» Пыпиић и видитъ одно изъ доказательствъ вліянія на тогдашнюю письменность народно-поэтическаго творчества, «которое завоевывало себѣ мѣсто и въ книгѣ, несмотря на всѣ осужденія аскетическихъ предписаній» (стр. 219), вносило въ проникнутую аскетическими тенденціями литературу новую, болѣе живую струю. Струею въ полномъ смыслѣ животворящею оно, правда, не могло быть; этому мѣшали и сила установившихся въ тогдашней литературѣ традицій, и, пожалуй, невысокое вообще качество сѣверно-русскаго эпоса по сравненію, напр., съ древнимъ кіевскимъ. Но вліяніе благотворное сказалось даже на агіографической литературѣ этого времени: жж. Александра Невскаго, Довмонта; а съ пережитками этого вліянія мы встрѣчаемся и еще позднѣе— въ агіографическихъ памятникахъ XVI в.: Чудов. редакція ж. Михаила Черниговскаго. Таково литературное значеніе «Слова».

А. Н. Пыпинъ оказалъ нашему памятнику и ту еще услугу, что своими замѣтками и приложеннымъ къ нимъ текстомъ «Слова», въ современной транскрипціи, онъ способствовалъ популяризаціи памятника—сдѣлалъ его не только общепонятнымъ, но и общедоступнымъ сочиненіемъ. Въ обстановкѣ съ современными и однородными «Слову» литературными памятниками оно разсматривается и въ остальныхъ, названныхъ выше, курсахъ древне-русской литературы.

Е. В. Пѣтуховъ даетъ объективную оцѣнку высказанныхъ взглядовъ на «Слово о погибели», отмѣчаетъ трудность выясненія литературной исторіи этого любопытнаго отрывка, не рѣшается опредѣленно высказаться объ отношеніи «Слова» къ сказаніямъ о благ. кн. Александрѣ (95—97). П. В. Владиміровъ относился къ «Слову» съ большимъ вообще скептицизмомъ; онъ склоненъ даже былъ заподозрить принадлежность памятника XIII в. «Начало Слова—читаемъ у Владимірова—вызываетъ сильное сомнѣніе по несоотвѣтствію съ духомъ

---

[197]) Задонщина вел. кн. господина Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича, Чтеніе И. И. Срезневскаго, Спб. 1858 г., стр. 15, 11—12.

[198]) Первый опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ самимъ И. И. Срезневскимъ. См. изд. имъ «Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ», въ Свѣдѣн. и замѣткахъ о малоизв. и неизвѣст. памятникахъ, Спб. 1867 г., стр. 77—94.

древне-русскихъ памятниковъ. Что въ самомъ дѣлѣ значитъ этотъ наборъ словъ съ многознаменательнымъ: «о правовѣрная вѣра христіяньская!» Даже въ вѣкъ татаръ мы не встрѣчаемъ такихъ фразъ, понятныхъ въ устахъ только предубѣжденныхъ полемистовъ, старающихся поддѣлаться подъ ладъ древне-русскихъ сказаній» (367—8). По поводу такой излишней подозрительности автора Е. В. Пѣтуховъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «характеръ и духъ древне-русскихъ памятниковъ вовсе не настолько опредѣленно очерчены, чтобы на основаніи ихъ можно было рѣшать вопросъ о подлинности памятника» (98).

Не вполнѣ согласны оба эти ученые и по вопросу объ отношеніи «Слова о погибели» къ Слову о полку Игоревѣ. П. В. Владиміровъ высказывается почти отрицательно: «произведеніе это мало чѣмъ напоминаетъ Слово о п. И.» (368). Е. В. Пѣтуховъ, наоборотъ, находитъ возможнымъ сопоставлять оба памятника, но онъ не опускаетъ изъ вниманія, что незначительность сохранившагося отрывка «Слова о погибели» даетъ мало матеріала для сопоставленій (95—6).

Проф. М. Н. Сперанскій считаетъ возможнымъ разсматривать «Слово» въ связи съ сказаніями о бл. кн. Александрѣ (355—356). Одновременно съ этимъ онъ даетъ (357—360) оцѣнку лѣтописной редакціи житія, какъ памятника по литературной своей формѣ приближающагося къ типу русскихъ «воинскихъ повѣстей». Въ этомъ сочиненіи сѣверно-русскаго дружинника Сперанскій отмѣчаетъ отраженіе старыхъ, кіевскихъ политическихъ идеаловъ и кіевскихъ литературныхъ традицій. По моему мнѣнію, М. Н. Сперанскимъ дана одна изъ самыхъ цѣнныхъ характеристикъ житія бл. князя Александра.

Академикомъ В. М. Истринымъ высказанъ болѣе опредѣленный взглядъ по вопросу. объ авторѣ «Слова о погибели», сдѣлана попытка устранить анонимность этого памятника.

Еще публикаторъ «Слова», принимая во вниманіе, что слово «ритори» (рыцари) употребляется только въ Моленіи Даніила Заточника и въ житіи Александра Невскаго и что составители этихъ памятниковъ одинаково называютъ себя рабами, одинъ—Ярослава, другой—Александра, готовъ былъ допустить принадлежность «Слова» перу Даніила. Но его удерживала разновременность появленія памятниковъ, такъ какъ «Моленіе» тогда относили къ XII в. Теперь, когда въ наукѣ принято [199]) признавать первоначальность за редакціею «Моленія», адресованнаго на имя Ярослава Всеволодовича, затрудненіе это само собою отпадаетъ, и акад. В. М. Истринъ рѣшительнѣе уже высказывается за принадлежность «Слова» и «Моленія» одному и тому же автору [200]).

Вмѣсто разбора этого мнѣнія лучше будетъ ограничиться повтореніемъ слѣдующихъ словъ проф. Е. В. Пѣтухова: «я полагаю, что далѣе самаго осторожнаго предположенія въ этомъ вопросѣ идти нельзя, потому что о литературной манерѣ автора «Слова» мы знаемъ слишкомъ мало по сохранившемуся отрывку; содержаніе же послѣдняго не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ «Моленіемъ» [201]). Въ литературной формѣ между этими памятниками сходства очень мало. «Моленіе» должно быть отнесено къ памятникамъ древне-русской сатирической литературы, «Слово о погибели» и житіе Александра—лирической. Въ «Моленіи» и въ житіи можно бы указать и другія черты сходства, кромѣ отмѣченныхъ у Х. М. Лопарева. Такъ, напр., заключительныя строки «Моленія»: «подай же имъ, Господи, Сампсонову силу, Александрову храбрость, Іосифовъ умъ, Соломонову мудрость, кротость Давидову», находятъ для себя полное соотвѣтствіе въ текстѣ лѣтописнаго житія благ. кн. Александра; и всетаки эти сходныя мѣста не даютъ, по моему мнѣнію, права сдѣлать выводъ о принадлежности обоихъ памятниковъ одному и тому же писателю. Допустить, чтобы одинъ и тотъ же Даніилъ до татарскаго погрома написалъ «Моленіе», «въ годину татарскаго нашествія» «Слово о по-

---

[199]) Но ср. у И. Н. Жданова, Сочиненія, т. I, Спб. 1904 г., стр. 284, 324—25, 327.

[200]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1905 г. № 8: «Изъ области древне-русской литературы», стр. 267: «не будетъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что авторъ того и другого произведенія одинъ и тотъ же (Даніилъ)».

[201]) о. с, 97.

гибели», послѣ 1263 г. житіе Александра, конечно, возможно; но не покажется-ли эта возможность въ нѣкоторой степени тенденціозною? Не проще-ли будетъ отмѣченныя въ этихъ памятникахъ черты сходства объяснять только тѣмъ, что популярное сочиненіе Даніила было, несомнѣнно, извѣстно автору житія бл. кн. Александра; можетъ быть, оно было извѣстно и автору «Слова о погибели»?

Заслуживаютъ, наконецъ, вниманія замѣчанія о «Словѣ» въ «Опытѣ русской историографіи», Кіевъ 1908 г., т. II, кн. I, стр. 955—6, кн. II, стр. 1783, проф. В. С. Иконникова. Въ этомъ грандіозномъ трудѣ съ обычною для автора обстоятельностію и объективностію подводятся итоги научному изученію и нашего памятника. На этомъ я и прерву пока библіографическій обзоръ научной литературы о «Словѣ» [202]).

Изъ сказаннаго можно видѣть, что въ литературной исторіи «Слова о погибели» многое еще остается неяснымъ, кое-что какъ-будто даже недоговореннымъ. И мнѣ кажется, что такъ и всегда будетъ. Внѣшнія условія, въ которыя поставленъ изслѣдователь «Слова»: незначительный объемъ сохранившагося отрывка «Слова», неисправность текста въ единственномъ спискѣ этого памятника,—мѣшаютъ высказаться опредѣленнѣе. Не только такъ называемаго «послѣдняго», но и вообще болѣе или менѣе безспорнаго слова объ этомъ любопытномъ древне-русскомъ сочиненіи сказать нельзя. Дѣлая съ своей стороны попытку разъяснить нѣкоторые спорные вопросы въ литературной исторіи «Слова», я понимаю ея трудность и далекъ отъ мысли придавать особое значеніе ея результатамъ.

Было-ли въ древне-русской письменности извѣстно «Слово о погибели Рускыя земли» и *въ какомъ видѣ*?

За отсутствіемъ прямыхъ на это указаній, попытаемся разобраться въ косвенньхъ указаніяхъ тѣхъ памятниковъ, которые въ качествѣ параллелей отмѣчены И. Н. Ждановымъ. Я полностію приведу тексты изъ этихъ параллелей.

Изъ Родословца русскихъ князей: Отъ Рюрика начася державство въ Новѣгородѣ, отъ Игоря же, сына его, въ Кіевѣ и до Всеволода Юрьевича державствоваху; отъ нихъ же вси страны трепетаху, ближніи и дальніи, и сами гречестіи царіе вси повиновахуся имъ и дань даяху отъ моря и до моря: Угрове и Чахи, и Ляхи, и Ятвязи, и Литва, и Нѣмцы, и Чюдь, и Корѣла, и Устюгъ, и обои Болгары, Буртасы и Черкасы, Мордва и Черемиса, и саміи Половци дань даяху и мосты мостяху; Литва же тогда бояхуся изъ лѣсовъ выницати, Татарове же тогда ни слухомъ именовахуся [203]).

Изъ Степенной книги: Отъ Рюрика начася державство въ Новѣгородѣ. Отъ Игоря же сына его въ Кіевѣ и до Всеволода Юрьевича державствоваху; отъ нихъ же вси страны трепетаху, ближніи и дальніи; и сами гречестіи царіе вси новиновахуся имъ; и дань даяху отъ моря и до моря: Угрове и Чахи, и Ляхи, и Атвяги, и Литва, и Нѣмцы, и Чюдь, и Корѣла, и Устюгъ и обои Болгары, Буртасы и Черкасы, Мордва и Черемиса; и саміи Половцы дань даяху и мосты мостяху; Литва же тогда бояхуся и изъ лѣсовъ выницати; Татарове же тогда ни слухомъ именовахуся [204]).

Изъ Сказанія о началѣ Московскаго рода: Изъ начала нашего сего, отъ перваго князя Мосоха предначахомъ мы въ Московіи господствовати и зѣло предхрабрствовати, по всему свѣту

---

[202]) Обзоръ этотъ, вѣроятно, покажется читателю не полнымъ, тѣмъ болѣе, что я опускаю даже нѣкоторыя извѣстныя мнѣ замѣтки и статьи. Такъ, напр., я не нахожу нужнымъ останавливаться на разборѣ замѣчаній о «Словѣ» въ упомянутой уже книгѣ В. Мансика (стр. 6—11). Не будучи знакомъ съ моею статьею, В. Мансика пришелъ къ одинаковому почти выводу объ отношеніи «Слова» къ сказаніямъ о бл. кн. Александрѣ (10) и о происхожденіи заглавія этого памятника (11). Но замѣчанія В. Мансика о «Словѣ» носятъ слишкомъ общій характеръ; изслѣдователь не подтверждаетъ своихъ мнѣній литературными данными изъ старинныхъ памятниковъ.

[203]) И. Н Ждановъ, о. с, 95, сн. въ Прилож., 109, $_{8-16}$, $_{9-21}$.—Въ Родословцѣ владим. князей, помѣщенномъ въ ркп. XV—XVI в. № 358 Рум. муз., въ числѣ данниковъ указаны и татары. О Всеволодѣ III читаемъ: «ималъ дань и до Орды на татарахъ» (л. 211 об.). Подъ татарами въ то время разумѣлись вообще поволжскіе инородцы.

[204]) Ст. кн., по изд. 1908 г., стр. 3—4.

бывати и страшны себе надъ всю подвселенную ж всѣмъ человѣкомъ являти и премногими родами и ордами преобладати и подъ власть свою себѣ тѣхъ покоряти и даже отъ моря и до моря владычество предѣла нашего предсодержати и дань свою урочную и выходы и дары превеликія и премногія начаша тогда покорніи наши они намъ даяти москво-россіяномъ. Сіи же суть предреченніи и покорніи намъ роди наши 16 колѣнъ, единаго съ нами племени бывшіи, они: 1) Угры, 2) Чехи, 3) Ляхи, 4) Ятвяги, 5) Литва, 6) Нѣмцы 7) Чюдь, 8) Корѣла, 9) Устьюгъ, 10 и 11) Болгары двои, 12) Буртасы, 13) Черкасы Запорожскіе, 14) Мордва, 15) Черемиса, 16) Половцы. За страхъ же нашъ предбывшій, предгрозный и предвеликій, тогда сущный, Литва вся убо тогда бояхуся и изъ лѣсовъ своихъ вонъ выницати, Татарове же тогда не сказовахуся и ниже слухъ ихъ къ намъ доношашеся и ни именовашеся. Таковъ бо страхъ тогда мы надъ всѣми роды сими и надъ иными предмногими, и силу и славу неисповѣдимую предвеликую и предгрозную храбрость нашу таковую надъ всѣми предсодержахомъ, аминь [205]).

Изъ другихъ памятниковъ свѣтской письменности для сравненія ограничусь только слѣдующею выпискою изъ Задонщины: «вѣсть подаваша порожнымъ землямъ за Волгу, къ желѣзнымъ вратомъ, къ Риму, до Черемисы, до Чаховъ, до Ляховъ, до Устюга, (до) поганыхъ Татаръ, за Дышущимъ моремъ» [206]).

Ясно такимъ образомъ, что Степенная и Сказаніе о началѣ Московскаго рода воспроизводятѣ одинъ и тотъ же древній текстъ Родословцевъ, первая безъ всякихъ измѣненій—въ видѣ буквальной выписки, второе—въ видѣ напыщенно-распространеннаго перифраза; наоборотъ, въ Задонщинѣ мы наблюдаемъ только отдаленное сходство съ текстомъ Родословцевъ: здѣсь источникъ заимствованія какой-то другой. «Слово о погибели» занимаетъ собою какъ-бы середину. Подробностію помѣщеннаго въ немъ перечня подвластныхъ народовъ «Слово» напоминаетъ текстъ Родословца; по изложенію же перечень въ «Словѣ» ближе стоитъ къ тексту Задонщины, а отдѣльными фразами онъ даетъ поводъ къ сопоставленіямъ съ текстами изъ обоихъ памятниковъ [207]). Но никакихъ опредѣленныхъ выводовъ путемъ этихъ сопоставленій мы всетаки не получимъ. Нѣтъ, напр., данныхъ сказать, что въ Родословцы перечень былъ заимствованъ изъ «Слова», или что приведенныя выше строки изъ Задонщины представляютъ собою сокращенный текстъ изъ нашего памятника. Другихъ слѣдовъ знакомства автора Задонщнны съ «Словомъ» нѣтъ, а редакція перечня въ Степенной и Родословцахъ, несомнѣнно, древнѣе редакцій перечня въ «Словѣ и въ Задонщинѣ» [208]). Отдѣльныя фразы въ текстѣ «Слова» (напр., о Дышучимъ морѣ), указываютъ на какой-то особый источникъ разсматриваемаго отдѣла въ «Словѣ». Въ старинной письменности источникъ этотъ былъ достаточно распространенъ. Намеки на знакомство съ нимъ, кромѣ Задонщины, можно находить, напр., въ текстѣ Посланія о раѣ, новгор. архіеп. Василія [209]); раннѣйшіе слѣды вліянія его на русскую литературу замѣтны какъ-будто еще въ текстѣ Слова о полку Игоревѣ [210]).

Въ Степенной приведенный выше текстъ перечня подвластныхъ народовъ повторенъ еще въ 7-ой степени, въ замѣткѣ объ Ярославѣ Всеволодовичѣ. Замѣтка эта представляетъ собою какъ-бы введеніе въ общій отдѣлъ разсказа о событіяхъ татарскаго нашествія. Здѣсь находимъ строки, отчасти напоминающія отдѣльныя выраженія и изъ текста «Слова»— напр.: «и како

[205]) Ркп. патр. б-ки № 954, л. 501 и об.

[206]) По цит. изд. И. И. Срезневскаго, стр. 23.—Другія параллели къ «Слову»—напр., изъ лѣтописи, указаны Х. М. Лопаревымъ (стр. 19), и повторять ихъ здѣсь нѣтъ нужды.

[207]) Ср., напр., съ текстомъ Родословца выраженіе: «а Литва изъ болота на свѣтъ не выникиваху»; съ текстомъ изъ Задонщины: «до Устьюга, гдѣ тамо бяху тоимицы поганіи и *за Дышючимъ моремъ*»; «а Угры твердяху каменыи городы *желѣзными вороты*» (Прилож. № 29, стр. 109).

[208]) Разъясненіе этого см. у А. И. Соболевскаго въ рецензіи на мою статью о «Словѣ» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., № XI, стр. 207—208).

[209]) «На Дышущемъ мори червь неусылающій». Русская хрестоматія Ѳ. И. Буслаева, М. 1894 г., стр. 1-68.

[210]) Ср. взглядъ Грушевскаго на возможность зависимости перечня въ «Словѣ о погибели» отъ соотв. мѣста въ Словѣ о полку Игоревѣ (цит. ст., 4 и у А. Н. Пыпина, 216, прим.).

повсюду бысть въ Рустей земьли православная вѣра христіянская, идѣже бысть всякія божеств. благодати исполненіе и всего земьнаго доброплодія изобилованіе», ср. въ Словѣ: «всего еси исполнена земля роусская, о правовѣрьная вѣра християньская» [211]). Но разумѣется, что и эта параллель не даетъ права предположить, чтобы редакторъ Степенной, повторяя здѣсь перечень изъ Родословца, пополнилъ его по тексту перечня въ «Словѣ». Слѣдовъ непосредственнаго знакомства съ «Словомъ» ни въ Степенной, ни вообще въ старинныхъ памятникахъ свѣтскаго характера мы, так. образомъ, не находимъ.

Успѣшнѣе въ этомъ отношеніи поиски въ области письменности церковной. Ясное указаніе не только на знакомство, но и на пользованіе «Словомъ о погибели» мы имѣемъ въ слѣдующемъ предисловіи къ житію благ. кн. Ѳеодора Ростиславича, въ редакціи Андрея Юрьева: «О свѣтлая и пресвѣтлая русская земле, и преукрашеная многими рѣками и разноличьными птицами и звѣрми и всякою различною тварію потѣшая Богъ человѣка, и сотворилъ сіе вся его ради на потѣху и на потребу разноличныхъ искушеній человѣческаго ради естества, и потомъ подарова Господь православною вѣрою, святымъ крещеніемъ, наполнивъ ю велицими грады и домы церковными и насѣявъ ю боголюбивыми книгами и показуя имъ путь спасенія, имъ же доити пресвѣтлаго свѣта и радости всѣхъ святыхъ и насытитися райскія пищи, неоскудныя Божія благодатіі наполнитися» [212])... Какъ видимъ, это вольный перифразъ начальныхъ строкъ «Слова»; агіографическая перелицевка и безъ того не совсѣмъ свѣтской его лирики; частичныя заимствованія въ церковное житіе изъ мірского сочиненія. Но знакомство редактора именно съ «Словомъ о погибели» не сомнѣнно. Есть нѣсколько данныхъ опредѣлить, и въ какомъ видѣ Андрею Юрьеву было извѣстно «Слово».

Какъ разъяснено будетъ ниже, редакція Андрея Юрьева появилась при не совсѣмъ обычныхъ условіяхъ, и пріемы работы были тоже не обычны. Новый біографъ бл. князя писалъ житіе «безъ книгъ», подъ рукою у него былъ только «перечень»—старинное житіе Ѳеодора Ростиславича. Краткій текстъ этого житія онъ разбавилъ вставками изъ подходящей и совершенно не подходящей къ данному случаю житійной литературы, тѣмъ, что пришло ему на память изъ когда-то прочитаннаго. И въ другихъ случаяхъ литературныхъ заимствованій у Юрьева мы встрѣчаемся съ такимъ же вольнымъ переложеніемъ чужого. Юрьевъ пользовался не только «Словомъ о погибели», но и лѣтописною редакціею житія благ. кн. Александра Невскаго. Кромѣ общихъ сходныхъ мѣстъ въ разсказѣ о предсмертныхъ минутахъ обоихъ князей—въ описаніи ихъ постриженія въ монашество, а также кончины и погребенія,—мы наблюдаемъ нѣкоторое сходство въ самомъ складѣ автобіографическихъ замѣтокъ въ обоихъ памятникахъ. Слова въ житіи бл. кн. Ѳеодора: «Азъ многогрѣшный Андрей Юрьевъ недостойный рабъ... дерзнулъ написати его житіе… надѣяся на его милосердіе и помощи Божія прося и на молитву св. отца надѣяся, и написахъ, елико слышахъ отъ великыхъ малая, елико бысть мощно мнѣ» [213]),—по моему мнѣнію, написаны въ подражаніе словамъ біографа Александра: «Азъ рабъ худый и грѣшный, малосмысленный покушаюся написати житіе св. кн. А…, понеже слышахъ... и радъ быхъ исповѣдати... Аще бо и грубъ есмь умомъ, но молитвою св. Б-ца и св. кн. Ал. начатокъ положу» [214]). Въ обоихъ памятникахъ эти слова поставлены одинаково не на мѣстѣ и не имѣютъ даже внѣшней связи съ контекстомъ. Отсюда и можно допустить, что Андрею Юрьеву, какъ и переписчику Псково-Печерской рукописи, «Слово о погибели» было извѣстно въ связи съ текстомъ лѣтописнаго житія бл. кн. Александра, другими словами: въ томъ же видѣ, въ какомъ оно извѣстно теперь и намъ. О первоначальномъ составѣ памятника отъ писателей XV—XVI вв., очевидно, мы не добыли-бы никакихъ свѣдѣній; онъ имъ былъ неизвѣстенъ.

---

[211]) Ст. кн., стр. 254, Прилож. № 29, стр. 109.

[212]) Прилож. № 26, стр. 93.

[213]) стр. 98—99. Ср. еще переходъ отъ предисловія къ выпискѣ изъ «перечня», т. е. изъ пролож. житія: «Азъ же многогрѣшный повѣдаю доброумію вашему», стр. 95.

[214]) Прилож. № 29, стр. 110, втор. столб.

Почему «Слово о погибели» переписывалось въ связи только съ житіемъ благ. кн. Александра? Куда дѣвались остальныя, болѣе близкія къ сохранившемуся отрывку, части трилогіи-поэмы? Намѣренно онѣ опущены переписчиками-церковниками или затерялись случайно?

Что «Слово о погибели» дошло до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ и не въ томъ сосѣдствѣ, въ какомъ оно стояло въ оригиналѣ, это несомнѣнно. Сомнительно только, чтобы размѣры утраты были такъ велики, какъ принято ихъ опредѣлять, чтобы въ XIII в. въ руской письменности дѣйствительно имѣлась та трилогія-поэма, о которой говоритъ Х. М. Лопаревъ. У насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ литературныхъ указаній на существованіе второй части этой поэмы—Слова о смерти великаго князя Ярослава Всеволодовича. До сихъ поръ не приведено ни одного хотя бы косвеннаго указанія или намека изъ русской письменности на извѣстность въ ней подобнаго сочиненія. Предположеніе о существованіи Слова о смерти Ярослава Всеволодовича основывается только на буквальномъ толкованіи заглавія «Слова о погибели» въ Псково-Печерскомъ спискѣ.

Буквальное пониманіе стариннаго текста, конечно, самое правильное и надежное его толкованіе, но возможно оно тогда лишъ, когда текстъ достаточно ясенъ, не вызываетъ недоумѣній. Въ данномъ случаѣ этого необходимаго условія нѣтъ: заглавіе памятника въ Псково-Печерскомъ спискѣ: «Слово о погибели Рускыя земли, о смерти великаго князя Ярослава», и не полно, и не точно. Прежде всего, почему здѣсь нѣтъ заголовка третьей части трилогіи: о житіи [и о смерти] великаго князя Александра, хотя текстъ этой части въ спискѣ помѣщенъ?

Затѣмъ, старинныхъ русскихъ писателей можно иногда обвинять въ произвольности заглавій, въ тенденціи сообщить памятнцку несоотвѣтствующее его содержанію значеніе, но нужно признать за ними одно достоинство—внѣшнюю обстоятельность. Въ частности, напр., въ заглавіяхъ біографическихъ сочиненій о св. князъяхъ мы всегда встрѣчаемъ болѣе или менѣе точныя разъясненія, о комъ будетъ рѣчь; кромѣ имени называются титулъ князя, его отчество или особенно распространенное названіе (Черниговскій, Невскій и т. п.). Почему же этого нѣтъ въ заглавіи разсматриваемаго памятника? Вѣдь имя Ярослава носилъ не одинъ великій князь, а Ярославъ Всеволодовичъ не былъ въ своемъ родѣ единственнымъ княземъ, чтобы одно упоминаніе его имени дѣлало яснымъ читателю, о комъ хочетъ говорить біографъ. Авторъ (или б. м. только редакторъ) такого популярнаго сочиненія, какъ «Моленіе» Даніила, не забываетъ и въ заглавіи, и въ текстѣ назвать отчество Ярослава. Почему же авторъ статьи о смерти Ярослава Всеволодовича не слѣдуетъ ни общепринятому въ русской письменности правилу, ни этому частному, очень близкому къ его работѣ, примѣру?

По моему мнѣнію, на неполноту и неточность въ заглавіи предполагаемаго памятника изслѣдователями обращается вниманія меньше, чѣмъ нужно [215]). Между тѣмъ неточность въ заглавіи смущала собою и переписчиковъ памятника. Такъ, напр., переписчикъ Псково-Печерскаго сборника пытался сдѣлать какую-то поправку въ заглавіи, но какую именно—не ясно. По мнѣнію Х. М. Лопарева (10), онъ переправилъ выраженіе: «о смерти», на болѣе растяжимое: «по смерти»; проф. Грушевскій допускалъ у переписчика желаніе передѣлать «ѡ» въ «ѿ». В. Мансика первая изъ поправокъ кажется весьма правдоподобною, разъясняющею самое значеніе памятника [216]). Едва-ли это такъ. Въ ркп. для подобныхъ объясненій поправки

---

[215]) Расширяя нѣсколько вопросъ, мы должны, правда, признать, что въ заглавіяхъ старинныхъ памятниковъ встрѣчаются иногда неточности, въ родѣ разсматриваемой. Примѣромъ можетъ служить весьма распространенное въ русской письменности такъ называемое Ѳеодоритово слово о крестномъ знаменіи. Оно подписывалось неодинаково и иногда весьма неточно: архіеп. Ѳеодорита, епископа, митрополита, чаще просто Ѳеодоритово, иногда—Ѳеодора. Но легко объяснить причины какъ неустойчивости въ обозначеніяхъ, такъ и самой ихъ неточности. Въ свое время это былъ, такъ сказать, боевой памятникъ, которымъ пытались пользоваться сторонники обоихъ способовъ перстосложенія; они допускали *намѣренныя* неточности и недоговорки. Послѣднее отражалось и на работѣ переписчиковъ. Но у составителя «Слова о смерти Ярослава Всеволодовича» и у переписчиковъ подобныхъ побужденій говорить намеками, разумѣется, не могло быть.

[216]) o. c., 9.

нѣтъ никакихъ основаній. Тамъ мы читаемъ: ѿ смерти, т. е. нѣтъ ни буквы *п*, ни *т*; стоятъ два знака, напоминающіе собою камору, и затѣмъ надстрочное о. Точно такіе же знаки помѣщены на ѡ и раньше: ѿ погибели[217]). Если бы, затѣмъ, переписчикъ хотѣлъ поправить ѡ на пѡ или ѿ, то ему въ сущности и не нужно было-бы писать вверху о, онъ поставилъ бы только т или п (послѣдняя буква съ удобствомъ помѣстилась бы и въ строкѣ). Очевидно, так. обр., что объясненія требуетъ одно лишь надстрочное о, разъ первые два значка повторяются и въ заглавіи, и въ текстѣ.

По моему мнѣнію, переписчикъ хотѣлъ написать цѣлое слово, и это о представляетъ собою первую букву въ имени Александра Невскаго, которое въ житіи князя иногда пишется черезъ ѡ, но *чаще* черезъ о[218]). Получилась бы приблизительно слѣдующая поправка: ѿ смерти (олександра сна) великого князя ярослава. Содержаніе памятника не только давало переписчику право на такую поправку, оно обязывало ее сдѣлать. Въ болѣе исправномъ спискѣ «Слова» эта часть заглавія читалась, по всей вѣроятности, такъ: ѿ смерти великого князя олександра сна ярославля (или даже безъ слова: сна).

Слово: ярослава, явилось здѣсь въ результатѣ пропуска и представляетъ собою вынужденную этимъ пропускомъ поправку первоначальнаго: ярославля. Возможность такого именно случайнаго недоразумѣнія при перепискѣ подтверждаютъ намъ другіе памятники о томъ же благ. князѣ Александрѣ.

Извѣстны поздніе (XVI—XVII вв.) списки церковной замѣтки о кончинѣ св. князя. Одинъ изъ нихъ—Патр. б-ки № 447, заканчивается словами: «тако бо прослави бгъ угодника своего великаго кнѧзя александра ярославлч» (*Л.* 402 об.). Въ послѣднемъ словѣ надстрочное ч приписано позднѣе, въ видахъ поправки первоначальнаго: ярославля. Въ спискѣ Ундольскаго № 101 читаемъ: «митрополитъ Кирилъ приступль и хотѣ разняти руку его…, стыи же князь ярославъ простре руку свою самъ» (*л.* 154 об.). Здѣсь, значитъ, встрѣчается та же самая ошибка-пропускъ, какую предположительно допустили мы сейчасъ въ заглавіи «Слова».

Эти мои объясненія вызвали возраженія со стороны С. А. Бугославскаго. Онъ замѣчаетъ: «почему же слово: олександръ, не стоитъ послѣ слова: смерти», и «нельзя-ли въ о здѣсь видѣть поправку или надстрочный значекъ по образцу указаннаго уже въ словѣ: ярославлч, и въ текстѣ житія Александра Невскаго въ словѣ: бголюбимо»?—По моему мнѣнію, примѣры, приведенные С. А. Бугославскимъ, мало подходятъ къ разсматриваему случаю, и считать *о* надстрочнымъ значкомъ нельзя. О словѣ: ярославлч только что говорено. Позднѣйшему переписчику древняя форма: ярославля, показалась грамматически неправильною. Затрудняясь исправить ее вполнѣ точно—на «Ярославича», какъ пишется въ другихъ случаяхъ этой статьи, онъ остановился на полупоправкѣ. Въ словѣ: бголюбимо *о* приписано позднѣе, не самимъ переписчикомъ ркп. Это не значекъ, а поправка случайно недописаннаго въ рукописи слова: Боголюбовѣ—Боголюбимомъ. Въ результатѣ поправки измѣнился первоначальный смыслъ текста: вмѣсто простого обозначенія мѣстности, гдѣ произошла встрѣча тѣла князя, получилось разъясненіе характера этой встрѣчи. Съ этою поправкою не лишне будетъ сопоставить чтеніе разсматриваемаго мѣста по списку житія въ прологѣ Рум. муз. № 1772: «срѣтоша съ бголюбіем и съ свѣщами» (Прилож., 119).

Труднѣе отвѣтить на первое замѣчаніе рецензента: почему предполагаемая поправка сдѣлана не на мѣстѣ, не послѣ слова: «смерти»? Если принять предлагаемое мною чтеніе заглавія и имѣть въ виду экономію мѣста, которую долженъ былъ наблюдать переписчикъ, то и этотъ недоумѣнный вопросъ разрѣшается, по меньшей мѣрѣ, на половину. Кромѣ того,

217) Ср. также: ѿпасъ; ѿбителными; ѿ прававѣрьнаго, Прилож., стр. 109.

218) олександра, ѡлександра, ѡлександръ (110), олександръ, олександра (111), олексднрд, олексднрОБоу, олександра, олександровоу, олександру, ѡлександро (112), олександро (118).

нужно обратить вниманіе и на нѣкоторыя особенности въ перепискѣ Псково-Печерскаго сборника; онѣ если и не разъяснятъ, то, по крайней мѣрѣ, сгладятъ кажущіяся странности въ пріемахъ поправки.

Извѣстно, что въ древнихъ ркп. въ текстѣ памятника не принято было исправлять описки и пропуски; поправки и дополненія дѣлались по бѣлегу—внизу или на поляхъ книги. Это было, такъ сказать, общее правило. Но какъ всегда бываетъ съ общими правилами, случались и исключенія. Встрѣчаются и пергаменныя, и бумажныя рукописи съ поправками и помарками въ самомъ текстѣ. Изъ издаваемыхъ въ Приложеніяхъ памятниковъ для ркп. пергаменныхъ примѣромъ можетъ служить Сказаніе отца Андрея о бл. кн. Михаилѣ Червиговскомъ, для бумажныхъ—тотъ же Псково-Печерскій сборникъ. Въ текстѣ житійнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ встрѣчаемъ поправку: **ȣͤдиⷩнⷷоⷹ**[219]). Въ текстѣ житія Александра Невскаго наиболѣе интересна прибавка въ разсказѣ о Веспасіанѣ: переписчикъ вверху текста помѣстилъ два слова: **сн҃ъ єгѡ**[220]). Какъ-будто онъ хотѣлъ замѣнить Веспасіана Титомъ; и такая замѣна, какъ разъяснено будетъ ниже, не была бы въ сущности ошибкою. Поправка эта переписчикомъ сдѣлана тоже не на мѣстѣ. Современный переписчикъ слова: «сынъ его», поставилъ бы не на словахъ: «**а та падоⷹть пристѹпити**», а послѣ: «**иногдѣ**». Поправка характеризуетъ намъ переписчика, какъ человѣка, внимателъно относившагося къ своей работѣ, способнаго даже исправить нѣкоторыя погрѣшности въ оригиналѣ, но не рѣшительнаго. Онъ не исправляетъ, а какъ-бы выражаетъ свои недоумѣнія. Содержаніе памятника *требовало* измѣнить заглавіе, но переписчикъ не рѣшился этого сдѣлать, онъ ограничился робкимъ вопросомъ: не правильнѣе-ли будетъ сказать: «о смерти Олександра» и т. д.?

Но сомнѣніе въ существованіи «Слова о смерти вел. кн. Ярослава» вызывается не столько дефектами въ заглавіи этого предполагаемаго памятника, сколько отсутствіемъ какихъ-либо намековъ въ старинной и болѣе поздней письменности объ Ярославѣ Всеволодовичѣ на возможность существованія особой, теперь утраченной, древней біографіи этого князя.

Историческая заслуга Ярослава Всеволодовича несомнѣнна. Онъ первый понялъ, что единственное спасеніе для Руси заключается въ безусловной покорности передъ страшнымъ завоевателемъ, первый показалъ примѣръ этой покорности: пошелъ въ Орду,—по выраженію Густынской лѣтописи: «подчиняясь Батыю», просить его милости. Преемники Ярослава убѣдились въ правильности его дѣйствій, а князья московскіе кромѣ того убѣдились и въ выгодности такой политики «низости-смиреномудрія». Въ результатѣ этого въ политической и церковной письменности московскаго періода историческая заслуга Ярослава Всеволодовича была не только признана, но и переоцѣнена. Московскіе агіобіографы и редакторы новыхъ лѣтописныхъ сводовъ приписываютъ князю не одно лишь успокоеніе страны, приведеніе всего въ порядокъ послѣ страшнаго разгрома; они отмѣчаютъ при этомъ стойкость князя въ защитѣ національнаго достоинства передъ грубымъ завоевателемъ. На смертъ Ярослава въ Ордѣ они смотрятъ, какъ на мученическій подвигъ за вѣру и за обще-русскіе интересы; излишне идеализируютъ и личность князя—называютъ его святымъ, страстотерпцемъ. Въ дѣйствительности же все было гораздо и проще, и прозаичнѣе.

Я не буду останавливаться на отзывахъ объ Ярославѣ Всеволодовичѣ новгородскихъ лѣтописцевъ. Это свидѣтели—не объективные, у нихъ были свои причины неблагосклонно отзываться о великомъ князѣ[221]). Но самыя отношенія Ярослава къ Новгороду хорошо харак-

---

[219]) Труды, 168.

[220]) Прилож., 111.

[221]) По отзыву В. С. Иконникова, новгородцы считали Ярослава Всеволодовича прямо невозможнымъ человѣкомъ (Опытъ русской исторіографіи, т. II, кн. I, стр. 684—5). Отзывъ объ Ярославѣ псковичей см. въ Пол. собр. рус. лѣт., т. IV, стр. 178. См. также у А. В. Экземплярскаго, Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси, Спб. 1889 г., стр. 13, 29. Не объясняютъ лѣтописцы, почему супруга Ярослава («святая Ѳеодосія») жила въ Новгородѣ съ сыномъ, а не во Владимірѣ съ мужемъ, и скончалась тоже въ Новгородѣ.

теризуютъ намъ личность князя. Это былъ человѣкъ упорный въ своихъ стремленіяхъ, не всегда разбиравшій средства. Ссылка на право для него убѣдительна была тогда лишь, если она опиралась и на силу. Въ минуты неувѣренности Ярославъ обѣщалъ новгородцамъ соблюдать всѣ договоры; какъ только обстоятельства измѣнялись, онъ забывалъ про свои обѣщанія. Онъ понималъ, что Новгороду не обойтись безъ суздальскаго князя, видѣлъ, что попытки новгородцевъ найти себѣ противъ суздальскихъ князей союзниковъ въ лицѣ князей южно-русскихъ ни къ чему не приведутъ. Не обращая поэтому вниманія на отзывы новгородцевъ, чувствуя свою силу, онъ увѣренно шелъ здѣсь своей дорогой. Настойчивость въ достиженіи цѣлей составляла отличительную черту въ характерѣ князя. Но въ отношеніи къ татарамъ эту черту Ярославу приходилось скрывать. Внѣшняя сила была не на его сторонѣ, и онъ подчинился ей безпрекословно, старался лишь объ одномъ—извлечь изъ этой безпрекословной покорности возможно больше выгодъ.

Послѣдняго Ярославъ отчасти и достигъ: «Батый же почти Ярослава великою честью, *и мужи его*, и отпусти ѝ, рекъ ему: «Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ княземъ въ Русскомъ языцѣ». Ярославъ же возвратися въ свою землю, с великою честью»,—говоритъ современникъ-лѣтописецъ [222]). Приближенные князя въ этой великой чести татарской, повидимому, не замѣчали или не хотѣли замѣтить чего-либо унизительнаго; оня смотрѣли на дѣло со стороны только практической. По разсказу южно-русскаго лѣтописца, когда Даніилъ Романовичъ пріѣхалъ на поклонъ къ Батыю, человѣкъ Ярослава (можетъ быть, изъ числа «мужей», почтенныхъ въ 1246 г. Батыемъ) смутилъ Даніила своимъ привѣтствіемъ: «братъ твой Ярославъ кланялся кусту и тебѣ кланятись» [223]).

У Ярослава Всеволодовича были не только сторонники его политики, но и панегиристы, склонные восхвалять такія качества князя, о которыхъ, по тогдашнимъ взглядамъ, удобнѣе было-бы въ похвалѣ промолчать. «Уменъ мужъ не вельми на рати хоробръ бываетъ, но крѣпокъ въ замыслѣхъ»—такой комплиментъ говоритъ Ярославу авторъ «Моленія». И дѣйствительно, «умный» Ярославъ не любилъ рискованныхъ военныхъ предпріятій; его не было на берегахъ Сити; его удачные походы на нѣмцевъ не напоминаютъ намъ изумительныхъ по смѣлости нападеній Невскаго героя на шведовъ и на тѣхъ же нѣмцевъ. Ни героическаго, ни чего-л. поэтическаго, что привлекаетъ къ себѣ умы и сердца современниковъ и служитъ причиною позднѣйшей идеализаціи, поэтическихъ вымысловъ, въ личности Ярослава Всеволодовича совсѣмъ не было. Это былъ заурядный, но по тому времени «мудрый» человѣкъ, полезный политическій дѣятель. Можно даже сказать, что современники Ярослава недостаточно оцѣнили дѣятельность перваго въ монгольскій періодъ великаго князя. «Лѣтописи вообще скупы на похвалу этому князю», замѣчаетъ изслѣдователь лѣтописныхъ извѣстій о сѣверно-русскихъ князьяхъ—г. Экземплярскій [224]). Скупъ на похвалу Ярославу Всеволодовичу въ частности и владимірскій лѣтописецъ. Въ его почтительно-благожелательныхъ отзывахъ о великомъ князѣ мы не встрѣчаемъ и тѣни той теплоты и задушевности, которыми проникнуты разсказы и отзывы лѣтописца о братьяхъ Ярослава—Константинѣ и Юріи, о сынѣ его—Александрѣ или о Василькѣ Ростовскомъ. Особенно это за мѣтно въ описаніи смерти Ярослава: «Тое же осени (1246 г.) Ярославъ князь, сынъ Всеволожь преставися во иноплеменницѣхъ, идя отъ Канович, мѣсяца септября 30, на память св. Григорья» [225]). Вопреки своему обычаю, къ этой оффиціальной замѣткѣ о кончинѣ князя лѣтописецъ не прибавилъ отъ себя ничего; какъ-будто рѣчь идетъ не о великомъ князѣ Владимірскомъ, а о какомъ-ниб. захудаломъ удѣльномъ князькѣ, смерть котораго прошла незамѣтно для всѣхъ, исключая оффиціальнаго лѣтописца! Между тѣмъ, лѣтописецъ зналъ подробности событій

[222]) Лавр. лѣт., 447.
[223]) Ипат. л., 807.
[224]) о. с, стр. 18.
[225]) Лавр. л., 448.

смерти князя [226]), зналъ, что это была не обычная смерть, и если бы была хотя доля правды въ позднѣйшихъ московскихъ извѣстіяхъ о смерти князя, то онъ отмѣтилъ бы это и должнымъ образомъ оцѣнилъ бы. Побужденій замалчивать факты у лѣтописца не могло быть. Татарской цензуры надъ русскими сочиненіями не было, и о самихъ татарахъ русскіе писатели XIII в. отзывались очень свободно и рѣзко. По объясненію С. М. Соловьева, смерть Ярослава была вызвана тѣми же родовыми усобицами, которыя современниками татарскаго нашествія справедливо считались одною изъ главныхъ причинъ гибели Руси [227]). Вотъ причины молчанія владимірскаго лѣтописца: не о чемъ было говорить.

Любопытно, затѣмъ, отмѣтить, что ни въ исторической, ни въ церковной письменности владимірскаго происхожденія не сохранилось объ Ярославѣ Всеволодовичѣ такихъ воспоминаній, какія были о братѣ его Юріи и о знаменитомъ сынѣ. Въ историческихъ сочиненіяхъ стараго времени иногда даже забывали упомянуть о вел. кн. Ярославѣ. Такъ, напр., въ Родословцѣ великихъ князей владимірскихъ, помѣщенномъ въ ркп. XV—XVI в., № 358, Рум. муз., и перечисляющемъ только замѣчательныхъ князей, послѣ Юрія Всеволодовича упоминается прямо Александръ Невскій: «на сего ж Юрья поганый царь Батый приде въ лѣто 6745 и поплѣни всю землю Рускую и уби князя Юрья Всеволожа сына; и по Батыи приде на вел. княженіе изъ вел. Новогорода сынъ Ярославль, внукъ Всеволожь, правнукъ Юрьевъ Долгыа рукы, въ градъ Володимеръ Александръ великой, храбрый» (л. 212 и об.)

Мы знаемъ, наконецъ, что владимірцы заботливо относились къ вопросу о церковномъ чествованіи своихъ князей. Кромѣ Александра Невскаго въ число святыхъ они внесли Юрія Всеволодовича, Андрея Боголюбскаго, его сына Глѣба; составили особыя ихъ житія. Ярославъ Всеволодовичъ и въ этомъ случаѣ представляетъ собою исключеніе. Реставрировать память о немъ пришлось уже московскимъ книжникамъ. У послѣднихъ былъ свой идеалъ князя, и къ этому московскому идеалу Ярославъ Всеволодовичъ во многихъ отношеніяхъ, дѣйствительно, очень подходилъ.

Такимъ образомъ, личность, дѣятельность Ярослава и самая его смерть не могли, по моему мнѣнію, дать ни повода, ни даже соотвѣтствующаго матеріала для составленія особаго сказанія о смерти князя, тѣмъ болѣе съ такою поэтичесвою окраскою, какою отличаются сохранившіяся части предполагаемой трилогіи-поэмы. Нужно отказаться отъ предположенія о существованіи «Слова о смерти вел. кн. Ярослава»; такого памятника въ русской письменности XIII в. не было, а значитъ—не было и самой трилогіи-поэмы. Но что же въ такомъ случаѣ было? Какой первоначальный составъ имѣло «Слово о погибели»?

Несомнѣнно и не тотъ, какой оно имѣетъ теперь въ Псково-Печерскомъ спискѣ. Къ лѣтописной редакціи житія благ. Александра Невскаго «Слово» присоединено позднѣе; ни въ хронологической, ни во внутренней связи съ лѣтописнымъ житіемъ оно первоначально не стояло. Но объединеніе текстовъ двухъ этихъ памятниковъ было произведено старинными писателями не совсѣмъ произвольно. Если не къ лѣтописному житію, то къ его источнику—къ болѣю древнему опыту біографіи благов. князя, «Слово о погибели» могло имѣть прямое отношеніе. Что же это за памятникъ и почему онъ такъ рано былъ утраченъ старинною письменностію?

---

[226]) Объ этомъ зналъ и лѣтописецъ южно-русскій, который, разумѣется, меньше интересовался личностью вел. князя сѣверно-восточной Руси. Въ Ипат. лѣт. (стр. 808) читаемъ: «Ярослава великаго князя Суздальского (татары) зеліемъ умориша». Ср. въ Акад. спискѣ Cузд. лѣт.: «преставися Ярославъ въ татарѣхъ нужною смертью» (стр. 496).

[227]) Исторія Россіи съ др. вр., по изд. Товар. «Общ. польза», кн. I, т. III, стр. 383.—Сравнивая отношенія къ татарамъ Ярос. Всевол. и Михаила Черн., И. Н. Ждановъ замѣчаетъ: «мудрость» не спасла Яр. отъ ордынцевъ. Въ 1246 г. онъ снова попалъ въ орду, но уже не вернулся. Говорятъ, что его отравили... «Мудрый мужъ» (Яр.) погибъ какою-то безвѣстною смертью; «хоробровавшій безъ ума» (Мих. Чер.) скончался смертію мученика» (Сочиненія..., т. I, Спб. 1904 г., стр. 330).

Руководясь сохранившимся въ Псково-Печерской рукописи заглавіемъ, мы могли бы допустить, что это было «Слово о *смерти* вел. князя Александра Ярославича»—свѣтское сочиненіе, написанное современникомъ Александра по случаю его кончины, въ своемъ родѣ «Плачъ» дружинника по любимомъ князѣ. Слѣдующія указанія изъ старинной біографической литературы располагаютъ къ такому мнѣнію.

Изъ церковной письменности о благ. кн. Ѳеодорѣ Ростиславичѣ мы знаемъ, что раньше проложнаго житія св. князя существовала краткая замѣтка-статья о послѣднихъ дняхъ жизни Ѳеодора—о предсмертной болѣзни, постриженіи въ монашество, а также о смерти и погребеніи благ. князя. Замѣтка эта была составлена очевидцемъ описываемыхъ событій въ нач. XIV в., свѣтскимъ или духовнымъ лицомъ—трудно теперь опредѣлить. Она легла въ основу церковныхъ сказаній о благов. князѣ.

Сохранился, затѣмъ, любопытный разсказъ изъ болѣе поздняго времени о кончинѣ Дмитрія Юрьевича Краснаго. Этотъ разсказъ написанъ тоже очевидцемъ смерти князя, какъ можно судить по цѣлому ряду мелкихъ подробностей и по живости изложенія [228]). Есть въ немъ и невѣроятности: князь, напр., умираетъ два раза,—но много и интереснаго, подкупающаго наивною искренностію разсказчика. Конецъ замѣтки показываетъ что авторъ, принимая во вниманіе рядъ чудесныхъ событій и нетлѣніе тѣла князя, склоненъ былъ смотрѣть на умершаго, какъ на святаго.

Изъ древнихъ описаній кончины князей, которыя внесены въ лѣтопись, достаточно будетъ припомнить хотя бы статью въ Ипат. лѣтописи о болѣзни и кончинѣ Владиміра Васильковича [229]).

Кончина благ. кн. Александра еще болѣе должна была остановить на себѣ вниманіе современниковъ, вызвать откликъ на случившееся со стороны тогдашнихъ грамотныхъ людей. Лѣтописно-житійный разсказъ о смерти бл. князя останавливалъ на себѣ вниманіе старинныхъ писателей и болѣе поздняго времени; онъ вызвалъ, какъ отмѣчено выше, компилятивную церковную статью о представленіи и погребеніи князя (Прилож., № 28). И мнѣ думается, что выраженіе лѣтописнаго житія (въ Псково-Печер. спискѣ): «се же бысть *проповѣдано всѣмъ* отъ Кюрила митрополита святителя и отъ иконома его Савастіана», не будетъ большою ошибкою понимать въ томъ смыслѣ, что о смерти и о чудесномъ событіи при погребеніи князя была тогда же, по распоряженію митрополита, составлена особая статья и въ видѣ митрополичьей грамоты была разослана по русскимъ епархіямъ. Благ. князь Александръ былъ солнцемъ не для одной Суздальской земли; его кончину оплакивали на Руси повсюду, и всѣмъ было утѣшительно прочитать о дивномъ знаменіи небеснаго прославленія почившаго князя. Эта церковная статья о смерти и погребеніи князя и могла послужить внѣшнимъ поводомъ къ составленію свѣтской статьи о томъ же— Плача или Слова о смерти великаго князя Александра. Наличность во владимірской письменности такой статьи и ея составъ поможетъ намъ точнѣе опредѣлить анализъ лѣтописной редакціи житія благ. князя. На обзорѣ литературной исторіи этого памятника мы поэтому и остановимся пока.

Я не буду разсматривать текста лѣтописнаго житія по всѣмъ лѣтописнымъ сводамъ. Работа эта уже выполнена спеціальнымъ изслѣдователемъ житій благ. князя—В. Мансика; къ тому же, поздніе лѣтописные тексты не даютъ матеріала для начальной литературной исторіи памятника. По тѣмъ же соображеніямъ не буду разсматривать и поздняго, XVI—XVII в., списка житія въ сборникѣ «№ 208 б-ки МДА. Зависимость Академическаго списка отъ Лаврен.

---

[228]) Духовникъ Дмитрія, чтобы унять кровь, заткнулъ ноздри князя «бумашкою;» отпѣвши канонъ по мнимоумершемъ, духовныя лица за исключеніемъ дьякона Дементія, «испивши меду мало у него и спати легоша»; при перевозкѣ тѣла князя въ Москву, «дважды съ носилъ срониша его» и т. п. (у А. Н. Попова, Изборникъ.., стр. 79—80. Въ хронографѣ 2-й редакціи разсказъ короче, стр. 155—156).

[229]) Ипат. л., стр. 914—918. См. въ Лавр. л., стр. 403—4, о кончинѣ супруги вел. кн. Всеволода—Маріи.

лѣт. установлена еще В. О. Ключевскимъ, характеръ же произведенной въ этомъ спискѣ переработки лѣтописно-житійнаго текста подробно разсмотрѣнъ С. К. Шамбинаго, въ его сочиненіи: Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, Спб. 1906 г., 60—64 [230]).

Выше уже отмѣчены мною двѣ основныхъ группы, къ которымъ легко свести всѣ сохранившіеся списки лѣтописнаго житія: а) редакція въ Лавр. лѣтоп. и б) во 2 Псковской. Списки второй группы въ сборникахъ встрѣчаются крайне рѣдко, кажется, извѣстенъ только одинъ—въ ркп. б-ки гр. Уварова № 1240, по стар. нумер. 279 [231]). Къ этой ли группѣ принадлежитъ и списокъ житія въ Псково-Печерскомъ сборникѣ, трудно сказать. Въ немъ нѣтъ самой нужной для сопоставленія части—разсказа о Невской побѣдѣ; въ сохранившихся же отрывкахъ можно находить чтенія сходныя и съ Псковскимъ лѣтописнымъ и съ Лаврентіевскимъ [232]). Во второмъ отрывкѣ—въ разсказѣ о походѣ на Юрьевъ, Псково-Печерскій текстъ ближе къ тексту Академическаго (значитъ, и Лаврентіевскаго) списка; въ немъ находимъ одинаковое упоминаніе объ участіи въ этомъ походѣ Ярослава. Въ разсказѣ о смерти и погребеніи князя, наоборотъ, онъ расходится съ Академическимъ, но не совпадаетъ и съ Псковскимъ лѣтописнымъ. Впрочемъ, текстъ Румянцевскаго списка № 1772 показываетъ, что изложеніе этой статьи въ спискахъ разнообразилось, да и вообще на текстѣ въ спискахъ болѣе поздняго времени отражалось одновременное вліяніе текста обѣихъ группъ памятника, отчасти даже и другихъ редакцій житія святаго [233]). Так. обр., правильнѣе будетъ Псково-Печерскій списокъ житія не относить къ опредѣленной какой-либо группѣ, и при изученіи памятника пользоваться только двумя лѣтописными версіями житія, восполняя недостающее въ Лаврен. текстѣ по Румянцевскому.

Въ научной литературѣ давно уже установился взглядъ на большую близость къ первоначальной редакціи житія Лаврентіевской версіи. На Псковскую смотрятъ, какъ на передѣлку редакціи первоначальной и главную отличительную особенность этой передѣлки—отсутствіе разсказовъ о 6 удальцахъ, отличившихся въ Невской битвѣ, и о чудѣ за рѣкою Ижорою, объясняютъ, какъ результатъ сокращенія редакціи первоначальной. По моему мнѣнію, вопросъ о причинахъ разницы въ составѣ житія въ Лавр. и 2 Псков. лѣтописяхъ разрѣшается не такъ легко и просто.

Къ предпочтенію Лаврентіевской редакціи житія передъ Псковскою располагаетъ большая древность ея списка—XIV в. Но эта хронологическая близость Лаврент. редакціи къ редакціи первоначальной въ сущности весьма относительный показатель близости и по содержанію. Въ лѣтописи житіе помѣщено подъ 6771 г. Съ предшествующею ему краткою лѣтописною замѣткою о смерти князя житіе связано только внѣшнимъ образомъ: «Того же лѣта преставися великый князь Олександръ, сынъ Ярославль. Скажемъ же мужство и житье его. О Господѣ нашемъ І. Х.» и т. д. (453). Очевидно, житіе появилось въ лѣтописи позднѣе первоначальной замѣтки о смерти князя. Если допуститъ, что оно внесено въ лѣтопись уже въ 70-хъ годахъ XIV ст., при составленіи лѣтописнаго свода, то вопросъ о большей точности воспроизведенія здѣсь редакціи первоначальной не покажется несомнѣннымъ. При внесеніи въ лѣтопись,

---

[230]) См. и у В. Мансика, 56—68. Текстъ напечатанъ на стр. 1—14. Раньше онъ былъ изданъ арх. Леонидомъ въ Памятн. древ. письменности, за 1882 г., 4—12. Издатель исправилъ нѣкоторыя описки въ ркп., но въ общемъ онъ воспроизвелъ текстъ точно. Не понятно только, зачѣмъ о. Леонидъ назвалъ памятникъ сказаніемъ XIII в. Эта передѣлка лѣтописной редакціи относится, вѣроятно, къ XVI в., а Академ. списокъ, по моему мнѣнію, даже къ XVII.

[231]) Спискомъ этимъ, къ сожалѣнію, я не могъ пользоваться, такъ какъ ркп. изъ б-ки гр. Уварова была выслана въ Спб. Свѣдѣнія беру изъ книги В. Мансика (48, 53—55). Г. Мансика при распредѣленіи списковъ по группамъ руководится разницею въ разсказѣ о погребеніи и о чудѣ. Потому ко второй группѣ онъ относитъ, кромѣ Уваровскаго, и списки: Псково-Печер., Румянцевскій. Но въ виду отсутствія разсказа о погребеніи въ Лавр. лѣт. и разницы въ текстѣ списковъ 2-ой группы удобнѣе будетъ при распредѣленіи на группы за руководство взять разницу въ составѣ ламятника по Лаврент. и 2-ой Псков. лѣтописямъ. Съ этой стороны Румянц. списокъ д. б. отнесенъ къ первой группѣ.

[232]) Съ варіантами изъ обѣихъ лѣтописей Псково-Печер. текстъ изданъ мною въ «Трудахъ», стр. 197—200.

[233]) Въ Прилож. № 29, вар. 193—193. Онъ будетъ разъясненъ ниже.

житіе Александра, какъ и житійное сказаніе объ Андреѣ Боголюбскомъ, могло подвергнуться редакціоннымъ измѣненіямъ; нѣкототорыя измѣненія въ первоначальномъ житіи могли произойти и раньше этого, въ теченіе тѣхъ, приблизительно, 60—70 лѣтъ, когда житіе переписывалось въ четіихъ сборникахъ. Редакторъ Лаврент. свода могъ, так. обр., воспользоваться уже видоизмѣненною, болѣе позднею версіею первоначальнаго житія. Съ другой стороны, редакторъ (или, вѣрнѣе, переписчикъ) 2 Псковской лѣтописи, помѣстивпгій житіе Александра отдѣльно, совершенно обособленною отъ лѣтописи статьею, и въ XV—XVI вв. могъ имѣть подъ рукою очень древній списокъ житія, по составу болѣе близкій къ первоначальному его виду. Какъ показываютъ списки Псково-Печерскій и Румянцевскій, въ Новгородѣ и въ Псковѣ житіе А. Н. было распространено не меньше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, въ частности во Владимірѣ. Дальше будетъ разъяснено, что интересъ къ біографической литературѣ о св. князѣ въ новгородско-псковской письменности выразился не въ одной лишь перепискѣ чужого, а въ составленіи и новыхъ біографическихъ опытовъ. Такимъ образомъ, оригиналъ Псковскаго списка житія могъ быть не моложе оригинала Лаврентіевскаго списка (кон. XIV в.), предполагатъ же, что Псковское житіе переписано изъ Лаврентіевской лѣтописи, у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ.

Со стороны изложенія предпочтеніе нужно отдать Лаврентіевскому списку. Въ Псковскомъ житіи текстъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подновленъ, иногда внесены поясненія и поправки мѣстнаго характера. Такъ, напр., въ фразѣ: «и скончавъ (А.) молитву, въставъ, поклонися архіепископу, *епископъ же бѣ тогда* Спиридонъ, благослови его и отпусти», подчеркнутыя слова, очевидно, позднѣйшаго происхожденія [234]) Мѣстнаго, псковскаго происхожденія и поправка, сдѣланная въ передачѣ укоризненныхъ словъ псковичамъ: «*И рече Александръ:* о невѣгласи псковичи» и т. д. Въ другихъ спискахъ подчеркнутой фразы нѣтъ; укоръ псковичамъ тамъ высказывается отъ лица біографа (Прилож. № 29, стр. 116). Но нужно замѣтить, что подобныя измѣненія и стилистическія поправки въ Псковскомъ спискѣ оченъ рѣдки; особенности древняго текста сохранены здѣсь почти такъ же точно, какъ и въ Лаврентіевскомъ [235]). Непервоначальность состава житія въ Псковскомъ спискѣ характеромъ въ изложенін так. обр. вовсе не подсказывается. Для отрицательнаго рѣшенія этого вопроса нужны другія данныя.

Гдѣ и кѣмъ было написано первоначальное житіе благ. внязя, вошедшее затѣмъ въ Лаврентіев. и 2 Псков. лѣтописи?

Автобіографическія замѣтки списателя не даютъ возможности составить вполнѣ отчетливое представленіе о его положеніи и о личныхъ отношеніяхъ къ благ. князю. По обилію въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ житія текстовъ и библейскихь параллелей списателя нужно считать церковнымъ человѣкомъ. Несомнѣнно, онъ былъ владимірець и, вѣроятно, принадлежалъ къ братіи «великой архимандритіи» Рождественскаго монастыря, въ которомъ былъ погребенъ св. князь. Въ отношеніи къ себѣ біографъ примѣняеть монашескіе эпитеты: «худой, многогрѣшный, малосмысленный (недостойный) рабъ [236]). Чтобы біографъ былъ близокъ къ благов. князю, изъ предисловія къ житію этого не видно. Правда, онъ называетъ себя самовид-

---

[234]) Въ Лавр.: «скончавъ молитву, вставъ, поклонися архіепископу, архіепископъ же Спиридонъ благослови его и отпусти» (455)».[235]) При перепискѣ въ XV—XVI в. оригинала XIV в. замѣна устарѣвшихъ оборотовъ и формъ была не избѣжна, но въ Псков. спискѣ и она не представляется сплошною. Отдѣльныя же выраженія, напр.: «малосмысля—малосмысленный»; «покушаюся»; «пыхая» и др., можно призиать даже болѣе древними по сравненію съ соотвѣтствующими имъ въ Лаврен. спискѣ: «недостойный»; «начинаю»; «наполненъ». О непервоначальности подробнаго опредѣленія дня Невской побѣды въ Лавр. спискѣ, по сравненію съ краткимъ въ Псковскомъ, я уже говорилъ раньше (стр. 56—57). Ср. варіанты къ Псково-Печерскому списку изъ обѣихъ лѣтописей въ «Трудахъ».

[236]) Ср.: «азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ» (*Лавр. л.*, 463); «азъ Нестеръ грѣшный..., надѣюся Твоему милосердію и молитвы ради св. мученику Б. и Г., елико слышахъ отъ нѣкихъ христолюбець, то да исповѣде» (у Бодянскаго, стр. 24, 1; сн. послѣсловіе въ житіи преп. Ѳеодосія, у В. Яковлева, Памятники русской литературы XII и XIII в., Спб. 1872 г., стр. LXIII).

цемъ возраста Александра, но здѣсь же говоритъ, что въ біографіи святаго онъ основывается главнымъ образомъ на разсказахъ старшаго поколѣнія: «слышахомъ отъ *отецъ* своихъ». Въ Румянц. спискѣ добавлено: отъ своихъ отецъ домочадецъ»; какъ-будто это указываетъ, что авторъ-монахъ писалъ житіе Александра не по разсказамъ монастырскихъ отцовъ, а по мірскимъ своимъ припоминаніямъ. Так. обр., житіе могло быть написано младшимъ современникомъ князя, монахомъ Рождественскаго м-ря [237]).

Біографъ не былъ участникомъ, очевидцемъ боевыхъ подвиговъ Александра; онъ передаетъ о нихъ со словъ другихъ. Инициатива составленія житія принадлежала, но всей вѣроятности, монастырскому начальству, такъ какъ на мѣстѣ погребенія св. князя должны были особенно заботиться о сохраненіи памяти о святомъ и о прославленіи его составленіемъ церковнаго житія. Въ пору написанія житія и младшихъ современниковъ св. князя оставалось уже немного; это обстоятелъство могло также служить однимъ изъ поводовъ къ письменному изложенію разсказовъ и воспоминаній о жизни князя:

Такимъ образомъ, владимірское церковное житіе появилось не раньше конца XIII в., м. б. оно было написано уже въ началѣ слѣдующаго. По крайней мѣрѣ, отдѣльныя выраженія въ текстѣ житія указываютъ на сравнительно позднее происхожденіе этого памятника. Касаясь событій татарскаго нашествія, біографъ говоритъ: «въ *то* же время *бѣ* царь силенъ на Восточной странѣ;» или: «*бѣ* же *тогда* нужа велика отъ иноплеменникъ». Выраженія: «въ то время»—«въ се время» въ лѣтописяхъ, правда, не всегда имѣютъ значеніе опредѣленныхъ хронологическихъ указаній; все-таки современнику Невской побѣды и нашествія Батыя лучше бы было воспользоваться второю формою.—Разсказъ о рыцарѣ Адріашѣ переданъ не только по слухамъ, неотчетливо, но, какъ разъяснено будетъ, и въ намѣренно невѣрномъ освѣщеніи, къ чему, безъ особыхъ побужденій, рѣдко прибѣгаютъ очевидцы. Однако высказанному предположенію о сравнительно позднемъ происхожденіи житія противорѣчитъ, повидимому, совершенно ясное въ его текстѣ указаніе не только на современность, но и на личную близость біографа ко св. князю. Въ разсказѣ о 6 удальцахъ читаемъ: «си же вся *слышахъ* (вар.: слышахомъ) *отъ господина своего* вел. кн. Олександра и отъ инѣхъ, иже въ то же время обрѣтошася въ той сѣчи». Біографъ, так. обр., бесѣдовалъ съ самимъ княземъ; нужно даже допустить, что онъ принадлежалъ къ числу его слугъ-дружинниковъ.

Вопреки принятому въ научной литературѣ взгляду я думаю, что разсказовъ о шести удальцахъ и о чудѣ за рѣкою Ижорою не было въ первоначальномъ житіи, что Псковскій списокъ въ этомъ случаѣ точнѣе, чѣмъ Лаврентіевскій, передаетъ намъ первоначальный составъ владимірскаго церковнаго житія. Два соображенія побуждаютъ остановиться на такомъ предположеніи. Вопервыхъ, если бы въ Псковскомъ спискѣ мы здѣсь имѣли пропускъ—сокращеніе оригинала, то это неизбѣжно отразилось бы на контекстѣ, нарушило бы плавность и послѣдовательность въ разсказѣ. Однако этого нѣтъ. Неровность въ изложеніи и искусственность связи мы скорѣе замѣтимъ въ Лаврентіевскомъ текстѣ. Для наглядности сдѣлаю сопоставленіе лѣтописныхъ текстовъ.

«И бысть сѣча велика надъ Римляны, и изби ихъ множество безчислено, и самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копіемъ, останокъ же ихъ побѣже и трупіа

Бысть сѣча велика надъ Римляны, и изби множество безчислено ихъ, и самому королеви взложи печать на лице острымъ своимъ копьемъ. *Здѣ же явишася 6 мужь храбрых с самѣмъ съ нимъ ис полку его.* Единъ именемъ... и т. д.—Бысть же въ то время чюдо дивно, якоже во древняя дни при Езекіи цесари, егда приде Сенахиримъ

---

[237]) Такого мнѣнія держался и А. Энгельманъ. См. его книгу: Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи въ XIII— XIV столѣтіяхъ. Спб. 1858 г., стр. 116—117. Спеціальный изслѣдователь Лаврентіевской лѣтописи—г. Тихомировъ, наоборотъ, считаетъ біографа современникомъ и очевидцемъ подвиговъ князя (Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., X, 242).

мертвыхъ своихъ наметаша (три) корабля и потопиша въ мори. Князь же Алесандръ возвратися съ побѣдою» и т. д. (Полн. собр. рус. лѣт., т. V, 3—4).—Въ болѣе позднихъ сообщеніяхъ о Невской битвѣ передается: «и поможе ему (А.) Богъ, и короля уби» (Родосл. Влад. князей, ркп. № 358 Рум. муз., л. 212 об.).

Асурійскій цесарь на Иерусалимъ, хотя плѣнити градъ св. Ерусалимъ, внезапу изыде ангелъ Господень, изби отъ полка Асурійска 100 и 80 и 5 тысящь, и въставше утро обрѣтошася трупія мертвы вся; такоже бысть при побѣдѣ Александровѣ, егда побѣди короля об онъ полъ рѣкы Ижжеры, идеже не бѣ проходно полку Олександрову, здѣ обрѣтоша много множество избьеныхъ отъ ангела Господня. И останокъ побѣже, трупья мертвыхъ своихъ наметаша корабля, истопоша корабля въ мори; князь же Олександръ възвратися съ побѣдою».... (Лавр., 456—457).

Разсказы о 6 удальцахъ и о чудѣ за Ижорою удобнѣе было бы помѣстить ниже, *послѣ* замѣчанія объ «останкѣ,» а для перехода къ этимъ деталямъ слѣдовало-бы придумать что-ниб. лучшее, чѣмъ: «здѣ-же явишася». При теперешней разстановкѣ, сообщеніе объ «останкѣ» явилось оторваннымъ и даже смыслъ его получился не совсѣмъ ясный—останокъ чего? всѣхъ вообще или только спасшихся отъ избіенія ангеломъ?

Вовторыхъ, житіе было написано не для помѣщенія въ лѣтописи, а для церковнаго употребленія. Для церковнаго же памятника разсказъ объ удальцахъ былъ въ сущности излишенъ; позднѣе составленныя церковныя житія: Похвальное Слово, Василіева редакція, этотъ разсказъ, дѣйствительно, опускаютъ. Я думаю, что оба разсказа вошли въ житійный текстъ раньше внесенія житія въ Лаврентіевскую лѣтопись, но вставлены они въ житіе не во Владимірѣ, а по всей вѣроятности въ Новгородѣ. Въ пользу владимірскаго происхожденія разсказа о 6 удальцахъ В. О. Ключевскій [238]) указывалъ между прочимъ на то, что изъ шести героевъ только двое были изъ новгородцевъ. Но, вопервыхъ, очень возможно, что и первый изъ героевъ, судя по крайней мѣрѣ по имени—Гаврило Олексеничь, былъ тоже новгородецъ; вовторыхъ, Невская побѣда по ея результатамъ для новгородцевъ была важнѣе, чѣмъ для низовскихъ жителей; здѣсь, несомнѣнно, больше интересовались ея деталями и дольше хранили ихъ въ памяти. Ради интереса этихъ деталей редакторъ житія новгородецъ легче, чѣмъ владимірскій монахъ, могъ пожертвовать агіографическою неприкосновенностію текста памятника.

Въ рукописной исторіи разсматриваемаго житія мы имѣемъ прямое указаніе, что въ Новгородѣ, какъ и въ Псковѣ, при перепискѣ житія дѣлались вставки мѣстнаго характера. Такъ, напр., въ Румянцевскомъ спискѣ въ передачѣ укора псковичамъ слова первоначальнаго текста: «аще сего забудете и до правнучатъ Александровыхъ», измѣнены: «аще забудете князя Александра и *мужи новгородцовъ* и до правнучатъ Александровыхъ» (Прилож., стр. 116). Контекстомъ рѣчи вставка о мужахъ новгородцахъ ни въ какомъ случаѣ не вызывалась; но у переписчика-новгородца этотъ осложненный упрекъ псковичамъ могъ быть отголоскомъ личнаго раздраженія писателя-новгородца. Съ конца XIV в. отношенія между старшимъ и младшимъ братьями—Новгородомъ и Псковомъ, приняли очень не ровный характеръ; не улучшились они и позднѣе, когда оба «господина» утратили уже свою самостоятельность и не о чемъ, повидимому, было больше спорить. И вообще мы имѣемъ указанія на частичную, мѣстную передѣлку въ Новгородѣ обще-русскихъ сочиненій. Такъ, напр., «Повѣсть… о мужехъ новгородцехъ вел. Новгорода» въ одной изъ редакцій сказанія о Мамаевомъ нашествіи, по предположенію С. К. Шамбинаго, была составлена писателемъ новгородцемъ. Краткое упоминаніе Сказанія о приходѣ къ вел. кн. Дмитрію новгородской силы распространено въ этой «Повѣсти» въ цѣлое сказаніе [239]). Къ новгородскимъ передѣлкамъ, какъ указано раньше, можетъ быть отнесена и Сильвестровская редакція житійнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, тоже съ мѣстными добавленіями.

[238]) Др. рус. жит. св., 67.
[239]) Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, Спб. 1906 г., стр. 320, 319.

Вставка въ первоначальный текстъ житія указанныхъ подробностей о Невской битвѣ могла быть, затѣмъ, вызвана содержаніемъ дальнѣйшаго въ житіи разсказа—о Ледовомъ побоищѣ, стремленіемъ установить соотвѣтствіе въ описаніяхъ однородныхъ событій—двухъ знаменитыхъ побѣдъ.

Въ разсказѣ о Ледовомъ побоищѣ точно также, только безъ обозначенія отдѣльныхъ именъ, передается и о храбрости сподвижниковъ князя, и о чудесной ангельской помощи борцамъ. Оба извѣстія записаны одинаково со словъ очевидцевъ: «се же слышахъ отъ самовидца, иже рече ми, яко видѣхъ полкъ Божій на воздусѣ пришедши на помощь Александрову». У насъ нѣтъ основаній эти детали въ описаніи Чудской битвы считать тоже позднѣйшимъ распространеніемъ житійнаго текста, въ частности, относить ихъ на долю псковской письменности. Разсказъ о Чудской битвѣ въ одинаковой версіи читается по всѣмъ сохранившимся спискамъ лѣтописнаго житія, а писатель-псковичъ едва-ли бы въ своей статьѣ помѣстилъ въ сущности ничѣмъ не вызванный со стороны псковичей, обидный для нихъ упрекъ-предупрежденіе въ возможной неблагодарности ихъ къ благ. князю, въ забвеніи его заслугъ. Псковскій переписчикъ житія, не посмѣвъ опустить эти лишнія для псковскаго памятника строки, постарался сгладить ихъ рѣзкость: слова предупрежденія онъ вложилъ въ уста самого князя.

Когда и кѣмъ былъ составленъ разсказъ о 6 удальцахъ, объ этомъ мнѣ придется говорить ниже, пока же отмѣчу, что второе добавленіе къ житійному тексту—о чудесномъ избіеніи ангеломъ шведовъ за Ижорою, составлено, по всей вѣроятности, самимъ новгородскимъ редакторомъ житія. Что со статьею о 6 удальцахъ это второе добавленіе къ описанію Невской битвы не стояло первоначально въ органической связи, легко замѣтить и изъ самой разстановки. Оно поставлено *послѣ* словъ: «си же вся слышахъ отъ господина своего».... Въ результатѣ такой разстановки получается впечатлѣніе, что источникомъ этого сообщенія были уже не разсказы князя и его сподвижниковъ, а что-то другое. Но какой же это новый источникъ и почему такой важный съ агіографической точки зрѣнія разсказъ поставленъ въ житіи не на первомъ мѣстѣ? Очевидно, источникомъ разсказа была одна изъ новгородскихъ легендъ о Невской битвѣ, помѣщеніе же разсказа на второмъ мѣстѣ вызвано подражаніемъ плану въ описаніи Чудской битвы. Тамъ разсказъ объ ангельской помощи занимаетъ также второе мѣсто. Такимъ образомъ, благодаря этимъ двумъ вставкамъ получилось полное соотвѣтствіе въ планѣ описаній Невской и Чудской побѣдъ. Но въ статьѣ о Чудской побѣдѣ нѣтъ ссылки на бесѣду біографа съ самимъ княземъ. Изложенныя свѣдѣнія біографъ, по его словамъ, получилъ отъ «самовидца»—дружинника князя; а такимъ самовидцемъ могъ быть и одинъ изъ упоминаемыхъ въ предисловіи «отцевъ-домочадцевъ».

При такомъ объясненіи появленія въ церковномъ памятникѣ свѣтскаго разсказа о 6 удальцахъ у насъ не будетъ препятствій принять указанную выше общую хронологическую дату о сравнительно позднемъ появленіи владимірской редакціи житія бл. князя. Другихъ указаній на близость біографа къ благ. князю въ житіи нѣтъ, а разсказы дружинниковъ князя и отцевъдомочадцевъ въ житійной передачѣ утратили по мѣстамъ первоначальный свой видъ, подверглись книжной агіографичёской обработкѣ. Книжные источники, литературныя пособія житія установить не трудно.

Біографъ-церковникъ, прежде всего, использовалъ свои библейскія познанія, свою агіографическую начитанность. Въ его трудѣ часто встрѣчаются библейскія сопоставленія и тексты.

Сравненія бл. князя съ Іосифомъ, Сампсономъ, Соломономъ и ниже, въ описаніи торжественнаго въѣзда въ Псковъ послѣ Чудской побѣды, съ Давидомъ, удачны, но даже и для владимірской письменности XIII в. они не новы. Какъ замѣчено раньше, эти сопоставленія читаются и въ заключительныхъ строкахъ «Моленія» Даніила, біографъ Александра не придумалъ отъ себя ничего новаго къ этимъ общеизвѣстнымъ библейскимъ параллелямъ. Въ цѣляхъ большаго соотвѣтствія описываемыхъ событій съ библейскими, біографъ иногда искажаетъ отдѣльные біографическіе факты, искусственно подгоняетъ ихъ къ ли-

тературнымъ ихъ прототипамъ. Примѣръ этого можно видѣть въ житійномъ разсказѣ о рыцарѣ Андріашѣ.

Авг. Энгельманъ (133) назвалъ этотъ разсказъ сказочнымъ. Нужно полагать, что въ основѣ разсказа лежитъ дѣйствительное событіе, только передано оно біографомъ въ намѣренно-преувеличенномъ видѣ, въ нѣсколько фантастической окраскѣ. «Божьяго слугу» Андріаша біографъ въ началѣ описанія неопредѣлевно называетъ: «нѣкто силенъ отъ Западныя страны». Тотъ же эпитетъ: «силенъ», ниже онъ усвояетъ царю на Восточной странѣ—Батыю. По изысканіямъ Энгельмана (132, 134, 135), во главѣ Ливонскаго ордена въ описываемое время стоялъ Андрей (Andreas) фонъ-Фельвенъ. Самого магистра ордена, повидимому, и ведетъ житіе въ Новгородъ на поклонъ бл. князю. Біографъ, так. обр., не прочь былъ повысить магистра Андріаша въ титулѣ, только бы точнѣе провести параллель съ упоминаемымъ здѣсь библейскимъ событіемъ о приходѣ на поклонъ къ Соломону Южской царицы.

Библейскіе тексты въ житіи распредѣляются весьма неравномѣрно. Въ предисловіи и въ характеристикѣ святаго біографъ пользуется ими систематическй, въ разсказѣ о воинскихъ подвигахъ Александра (начиная съ описанія Невской битвы) онъ прибѣгаетъ къ нимъ рѣже; въ отдѣлахъ: о поѣздкѣ князя къ Батыю, о прибытіи пословъ отъ папы, въ описаніи послѣднихъ минутъ жизни князя, его смерти и погребенія—текстовъ совсѣмъ нѣтъ. Нѣтъ въ этихъ отдѣлахъ и библейскихъ параллелей.

Интереснѣе свѣтскіе источники житія.

Біографъ благ. Александра, несомнѣнно, пользовался Повѣстію о разореніи Іерусалима, Іосифа Флавія—Евреянина, какъ называли Іосифа русскіе писатели. Подъ вліяніемъ «Повѣсти», сдѣлано сопоставленіе бл. князя съ императоромъ Веспасіаномъ, приведенъ разсказъ о случаѣ съ Веспасіаномъ при осадѣ города Іотапаты. Изъ Повѣсти Флавія сдѣланы заимствованія и въ статьѣ о 6 удальцахъ. Вліяніе этого источника на житіе бл. кн. Александра установлено Е. В. Барсовымъ; подробное сопоставленіе сходныхъ мѣстъ дано въ книгѣ В. Мансика [240]), и потому на подробностяхъ вопроса я останавливаться не буду. Ограничусь частнымъ замѣчаніемъ, имѣющимъ отношеніе къ указанной раньше надстрочной поправкѣ въ Псково-Печерскомъ спискѣ житія.

Какъ разъяснено въ книгѣ В. Мансика (27—28), въ описаніи Іосифомъ осады Іотапаты и въ славянскомъ текстѣ этого памятника не приводится факта, тождественнаго съ переданнымъ въ житіи св. Александра. Сходный фактъ находится въ описаніи осады города «Гамалы», и по мнѣнію В. Мансика, біографомъ Александра перепутаны два отдѣльныхъ событія: случай съ Веспасіаномъ при осадѣ «Гамалы» и укоръ его воинамъ, струсившимъ передъ евреями въ одной изъ схватокъ при осадѣ Іотапаты. Пользуясь также свободно «Повѣстью», переписчикъ Псково-Печерскаго сборника легко могъ-бы найти въ ней основаніе и для замѣны Веспасіана «сыномъ его»—Титомъ. По разсказу Флавія, при осадѣ Іерусалима Титъ, оставленный струсившею стражею (600 избранныхъ всадниковъ), чуть-было не попалъ въ руки враговъ. Видя, что все спасеніе только въ личной храбрости, Титъ бросился въ самую толпу непріятеля и проложилъ себѣ дорогу [241]). Повторяется здѣсь и упрекъ Титомъ легіона въ трусости [242]).

Повидимому, біографу Александра Невскаго была извѣстна и повѣсть псевдо-Каллисѳена—Александрія, по древне-русскому заглавію: «житіе и жизнь и дѣяніе и вся бранна (sic) Олександра царя Македоньскаго». По крайней мѣрѣ, читая житійный текстъ, мы не одинъ разъ наталкиваемся въ немъ на отдѣльныя фразы и цѣлыя описанія, которыя напоминаютъ намъ соотвѣтствующія мѣста въ текстѣ Александріи. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

---

240) о. с, 26—32. Сочиненіе Е. В. Барсова уже названо раньше.

241) Іудейская война, сочиненіе Іосифа Флавія, переводъ Л. Л. Чертка, Спб. 1900 г., стр. 388, сн. 391.

242) ib., 390.—У Е. В. Барсова въ выпискахъ изъ «Повѣсти» можно найти цѣлый рядъ сходныхъ съ житійнымъ текстомъ сообщеній и фразъ. Отмѣчу здѣсь нѣкоторыя: «И ста (Титъ), крѣпко ополчився»; «вси вои исполнишася духа браннаго» (261); «И сърѣтоша (Тита) сьпфоріане съ честью и съ похвалами» (237).

По житію, королъ части Римскія, собравъ силу велику пошелъ на А. Н.: «шатаяся безумьемъ»; въ Александріи о сынѣ царя Акарнанскаго Николаѣ читаемъ, что онъ встрѣтилъ Александра Македонскаго: «богатствомъ же и честью шатаяся и плотнѣй силѣ надѣяся», и также былъ посрамленъ за свое высокоуміе [243]). Персидскому царю Дарію, называвшему себя «великимъ богомъ», «смиренный рабъ Божій» Александръ отвѣчаетъ, что, надѣясь на имя Божіе, онъ нисколько не боится угрозъ царя: «ничто же можетъ противу намъ, именемъ Божіимъ надѣяся» (45). Какъ и А. Н., македонскій герой старается ободрить свою дружину, смущенную угрозами Дарія: «и си наченшу прочитати (письмо Дарія) при всѣхъ воихъ и убояшася вси», Александръ же «тѣшаше я, глаголя: мужи воистіи, аще и мало есть число наше, но смыслъ въ насъ великъ» (64). Также успокоивалъ своихъ воиновъ Александръ и передъ битвою съ Поромъ.

Подобно Андріашу, одинъ изъ пословъ Дарія въ слѣдующихъ словахъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ внѣшняго вида Александра: «егда мя послалъ къ Филиппу въ Макидонію, видѣхъ страхъ Александровъ и красоту его и умъ и образъ..., по храброму его дръзновенію образъ есть его, по всему убо львовъ образъ имать» (53). Въ житіи бл. князя, кромѣ отзыва Андріаша, можно сопоставить съ этими словами перса отзывъ біографа о сподвижникахъ А. Нев.: «бяху бо сердца ихъ, акы сердца львомъ».

Настроеніе присутствовавшихъ при смерти Александра Македонскаго передано въ сходныхъ чертахъ съ горестнымъ настроеніемъ описателя кончины бл. кн. Александра. «Въсходяще (въ комнату, гдѣ лежалъ умиравшій) Макидони едини, видяху его и не бѣ, иже не плакаша его, толика царя Александра, на одрѣ лежаща наполы мрътва. Мужь же нѣкый отъ нихъ, видѣніемъ убо красенъ, простецъ же (саномъ—во 2 ред.), пришедъ къ Александрову одру, рече: на добро убо, Александре царю, Филипъ отецъ твой владѣлъ есть, на добро же и ты, царю, ты убо предваряеши насъ, добрѣ же бы и намъ съ тобою умрети, сътворьшему Макидонъ великую свободу. Александръ, прослезився, простре десную руку, явленіе творя молбы» [244]). См также замѣчанія біографа о милосердіи македонскаго героя (179), его заботахъ о раненыхъ (178), о воздержаніи Александра (21-Елл. лѣт.); о страхѣ, который наводилъ Александр на своихъ могущественныхъ враговъ(134), о побѣдахъ его «дерзостію и умомъ», «отъ промысла Вышняго», надъ всѣми странами и т. п. [245]).

Сопоставляя своего героя съ македонскимъ царемъ по «храбрости», «дерзости», непобѣдимости, біографъ благ. князя не могъ бы провести точной между ними параллели только при описаніи внѣшняго вида. Тогда какъ у македонскаго Александра была великая душа въ маломъ тѣлѣ: «малъ бяше тѣломъ» (62), у Александра русскаго величію духа гармонировало и величіе возраста: «възрастъ его паче инѣхъ человѣкъ».

Отмѣченныя сходныя мѣста въ двухъ памятникахъ не даютъ, конечно, права съ такою же опредѣленностію, какъ Повѣсть Іосифа Флавія, въ число свѣтскихъ источниковъ житія Александра Невскаго поставить и Александрію. Но они сообщаютъ вѣроятность предположенію, что біографъ благ. князя былъ знакомъ съ Повѣстію о жизни и бранныхъ подвигахъ одноименнаго съ русскимъ княземъ македонскаго героя, что образъ послѣдняго припоминался ему въ отдѣльныхъ случаяхъ, при описаніи бранныхъ подвиговъ героя Невскаго. Болгарская редакція Александріи сдѣлалась извѣстна въ Россіи не позднѣе половины XIII в., самый же переводъ памятника на славянскій языкъ появился еще раньше; полагаютъ, что въ видѣ

243) В. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ, М. 1896 г., стр. 21, 142 (Прилож.). Дальше при выпискахъ буду ставить только стр. этого изданія. Кромѣ книги Истрина, я пользовался еще коррект. листами изданія Еллинскаго лѣтописца.

244) 103, сн. 240 и Прилож. 118, а также въ Похв. словѣ: «онъ же (А.), зѣло стуживъ си, повелѣ скоро всѣмъ отити, да не мльву, рече, дѣюще, съкрушаютъ ми душу» (у В. Мансика, 26).

245) Не случайно м. б. въ сборникѣ Патріарш. б-ки № 154, XV-XVI в., содержащемъ списокъ 2 Псковской лѣтописи, наряду съ житіемъ Александра Невского воспроизведенъ и текстъ Повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ. См. объ этой ркп. у арх. Саввы, Указатель для обозрѣнія Патр. б-ки, М. 1858 г., стр. 200.

буквальнаго перевода сочиненія псевдо-Каллисѳена Александрія существовала въ XII в.[246]). Древнѣйшій изъ русскихъ списковъ Александріи относится къ 1261 г. Въ XIII же вѣкѣ и во владимірской письменности Александрія была извѣстна. По крайней мѣрѣ, въ «Моленіи» Даніила для прославленія русскихъ князей намѣчаются параллели не только изъ Библіи, но и изъ этого свѣтскаго памятника: «подай же имъ Господи, Сампсонову силу, Александрову храбрость, Іосифовъ умъ, Соломонову мудрость, кротость Давыдову»[247]). Какъ и библейскія параллели, параллель съ Александромъ Македонскимъ біографу благ. князя могла быть, значитъ, подсказана тѣмъ же Даніиломъ. Но въ житійный текстъ біографъ не внесъ этой свѣтской параллели; въ церковномъ житіи благ. киязя она появилась уже позднѣе—въ редакціи XVI в., и была заимствована изъ позднихъ сводовъ лѣтописи.

Приблизительно въ XIV—XV вв., по опредѣленію В. М. Истрина (250), была составлена новая, сербская редакція Александріи. Въ этой редакціи Александръ Македонскій выведенъ уже полухристіанскимъ героемъ, въ идеалѣ: «christlichen Helden und romantischen Ritters», какъ опредѣляетъ dr. Murko[248]). Сербская, христіанизированная Александрія представляетъ Александра образцомъ для всѣхъ держащихъ царскую власть: «и сими добродѣтелми вселеньскый царь наречеся, сице (сего нравы и обычаи—4-ая ред.) подобаеть и всѣмъ царскыя скипетры удержавшимъ ревновати» («и всѣмь царствіямь власть держащимь подражати»—въ 4 ред., 274—5). Эти заслуживающія подражанія добродѣтели македонскаго царя изображены такими чертами, которыя почти безъ измѣненій можно бы было повторить и въ житіи Александра Невскаго[249]). Но позднѣйшіе біографы бл. князя не воспользовались матеріаломъ изъ сербской Александріи.

Въ описаніи скорби о смерти благ. князя читаемъ: «како не упадета ти зѣници вкупѣ съ слезами? како же не урвется сердце твое отъ коренія?»[250]). Ту же фразу находимъ и въ Плачѣ о Псковскомъ взятіи (1510 г.): «а псковичи туто горько заплакали. Како ли зѣницы не упали со слезами вкупѣ? како ли не урвалося сердце отъ корени?»[251]). Въ псковскій Плачъ эти слова, по всей вѣроятности, заимствованы изъ житія благ. Александра, но по своему происхожденію они могли быть народными причитаніями. Однородныя выраженія мы встрѣчаемъ и въ героической повѣсти о прекрасномъ Девгеніи: «Дѣяніе прежнихъ временъ и храбрыхъ человѣкъ о дерзости и о храбрости и о бодрости прекраснаго Девгенія»[252]). Бабка Девгенія, причитая о похищенной царемъ Амиромъ ея дочери, говоритъ: «и урва ми сердечное кореніе» (379). Было бы, разумѣется, совершенно неосновательно въ этой общей двумъ памятникамъ фразѣ усматривать поводъ для сближенія житія Александра Невскаго съ Повѣстію о прекрасномъ Девгеніи. Но, какъ разъяснено будетъ ниже, въ другой біографіи

---

246) См. об. этомъ у проф. И. А. Шляпкина, *Лекціи по исторіи рус. литературы*, ч. I, в. 2, 3-е литогр. изд., СПб. 1913 г. Сходныя съ Александріею мѣста отмѣчаются изслѣдователями и въ текстѣ Слова о полку Игоревѣ. См. у П. В. Владимірова, о. с., 310. Русскій переводъ Александріи Владимировъ относитъ къ XII-XIII в. (87).

247) «Хрестоматія» Ѳ. И. Буслаева, 6 изд., стр. 138.

248) Geschichte der ältern süd-slawischen Litteraturen, Leizig 1908, S. 95—96. О болгар. переводѣ Александріи см. у него, 95.

249) Александрь по-греческы, а по-руски избранъ глаголется. Добродѣтели же его се: непотворяемь языкомь (въ 3 ред.: сладокъ во языцѣ, благоутривь (sic) во бесѣдѣ) и непоколебимъ умомъ и выше мѣры «дароподатливъ ко всѣмъ (3 ред.: дароподатливъ паче мѣри ко всѣмъ) и долготерпѣливъ на согрѣшающая безмѣрно, и сужаше повсегда праведно (3 ред.: въ судѣ праведенъ) и ко укоряющимь его терпѣливъ и клевещущихъ на кого ему не послушаше» (274—275). Сн. въ житіи благ. кн. Александра характеристику личности князя, по пророку Исаіи (Прилож., № 29, стр. 117, строки 5—7, сверху) и выше (стр. 114) отзывъ о св. князѣ: «бѣ бо милостивъ паче мѣры»; въ Похв. словѣ—поученія боярамъ о правосудіи (у Мансика, 18) и о милосердіи къ бѣднымъ (20).

250) Въ Псков. лѣт., стр. 5. Псково-Печерскій списокъ и Академическій измѣняютъ: «како не разсядется сердце отъ горкыя тугы?» (Прилож., 118), а списокъ Румянц. даетъ искаженное чтеніе: «како не увѣрится сердце твое изъ ксенія?» (ib.).

251) По Хрестоматіи Буслаева. стр. 221.

252) Памятн. старин. рус. литер., Кушелево-Безбородко, в. 2, стр. 379—389.

благ. князя, стоящей въ самой тѣсной связи съ разсматриваемымъ житіемъ, имѣются болѣе опредѣленныя указанія на знакомство біографовъ бл. Александра съ Повѣстію о Девгеніи. Вотъ почему, пользуясь отмѣченнымъ случаемъ общаго сходства въ текстѣ двухъ памятниковъ и забѣгая нѣсколько впередъ, я попытаюсь здѣсь опредѣлить, въ какой степени знакомство біографовъ А. Н. съ героическою повѣстію о Девгеніи могло отразиться на строѣ житія бл. князя. Для установленія параллелей я буду пользоваться, кромѣ цитированнаго сейчасъ изданія «Дѣянія», замѣтками объ этомъ памятникѣ и выписками изъ него въ книгѣ акад. В. Ѳ. Миллера: Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, М. 1877 г., 14—48, и статьею Н. С. Тихонравова: Девгеніево дѣяніе, въ I т. его «Сочиненій», М. 1898 г., стр. 256—274.

Время перевода византійской поэмы о Василіи Дигенисѣ на славянскій языкъ и проникновенія этого перевода въ русскую письменность точно не установлено. «Мы не имѣемъ пока никакихъ данныхъ о времени появленія въ древне-русской литературѣ Девгеніева Дѣянія»,— замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ (261). Существовало въ ней два независимыхъ другъ отъ друга перевода съ разныхъ редакцій греческаго Дѣянія—пространной и краткой (273). Самый старшій изъ извѣстныхъ списковъ русскаго перевода—Мусинъ-Пушкинскій, относятъ къ XV или XVI в. (262). Но хронологическая дата этого списка не опредѣляетъ собою время проникновенія въ русскую письменность Повѣсти о прекрасномъ Девгеніи. Повѣсть сохранилась въ русскихъ ркп. почти такъ же случайно, какъ и Слово о полку Игоревѣ (въ томъ же Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ).

А. Н. Пыпинъ склоненъ былъ относить появленіе въ русской литературѣ перевода Повѣсти о Девгеніи къ очень раннему времени—къ XII—XIII в.; онъ полагалъ, что Повѣсть стала извѣстна намъ изъ старой болгарской литературы [253]). В. Ѳ. Миллеръ находилъ возможнымъ сопоставлять съ Повѣстію о Девгеніи Слово о полку Игоревѣ, считать Повѣсть однимъ изъ литературныхъ источниковъ Слова [254]). Сѣверно-русскому писателю конца XIII в. Повѣсть о Девгеніи, значитъ, могла быть извѣстна. Въ текстѣ ея, какъ и въ текстѣ Александріи, мы не найдемъ точныхъ параллелей въ тексту житія благ. кн. Александра, но общее соотвѣтствіе въ характеристикѣ личности обоихъ героевъ и въ отдѣльныхъ разсказахъ о нихъ не трудно установить.

Житійнымъ описаніямъ поѣздки бл. кн. въ Орду къ Батыю, посѣщенія Новгорода Андріашемъ и послѣдовавшихъ за этимъ событій соотвѣтствуютъ слѣдующія мѣста въ Повѣсти о Девгеніи.

Нѣкто бысть царь, именемъ Василій. Слышавъ о дерзости и о храбрости Девгеніевѣ, бысть яростенъ зѣло и желаніе имѣ веліе, како бы его добыти, зане бо Василій царь всю страну Каппадокійскую стерeглъ. И услышавъ Девгеніеву дерзость, яростенъ бысть. Борзѣ нарядилъ послы своя, посла грамоту, написавъ съ ласканіемъ, прелестно сице глагола ему: «Девгеній славный, веліе желаніе имамъ видѣтися, а нынѣ не лѣнись приходити къ моему царству, зане дерзость и храбрость твоя прослыла по всей вселенной и любовь вниде въ мя велія—видѣти хощу юность твою» [255]). Раздраженный отказомъ и отвѣтомъ Девгенія, «царь Василій пріѣха

---

[253]) Исторія славянскихъ литературъ, изд. 2, Спб. 1879 г., т. I, стр. 62, сн. «Очеркъ литерат. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ», Спб. 1857 г., стр. 89. См. также цит. раньше сочиненія: dr. M. Murko, S. 150, 151, и В. Ѳ. Миллера, 56, 37.

[254]) о. с, 14—48. Возраженія Миллеру у Е. В. Барсова (о. с, 308, 320 и др.). Мнѣ думается, что если мы будемъ настаивать на раннемъ, при томъ самостоятельномъ, переводѣ Повѣсти I. Флавія, то тѣмъ болѣе въ правѣ будемъ допустить раннее проникновеніе въ русскую литературу такихъ сочиненій, какъ Повѣсти объ Александрѣ Макед., Девгеніи или о Троянскомъ плѣненіи. Сочиненія I. Флавія могли остановить на себѣ вниманіе славянскихъ писателей своею близостью къ библейской литературѣ, Повѣсти—ихъ міровымъ, общечеловѣческимъ значеніемъ и интересомъ.

[255]) У Тихонравова, 271. По другой версіи, императоръ Романъ посылаетъ Дигенису письмо, которымъ приглашаетъ героя прибыть на свиданіе; онъ хочетъ посмотрѣть на его прекрасное лицо и возблагодарить Творца, давшаго Дигенису силу, храбрость и могущество (ib., 270, сн. въ Прилож. № 29, стр. 116).

ко Ефранту рѣкѣ и постави шатры своя далече отъ рѣки. А царевъ шатеръ велми великъ бысть, червленъ, а верхъ его шитъ сухимъ златомъ». Ср. въ житіи благ. внязя: «шатеръ великій златоверхій», на который наѣхалъ одинъ «отъ молодыхъ людей—Савва.., и посѣче столпъ шатерный» (Прил., 114). По другой редакціи Повѣсти о Девгеніи, судьба и шатра царя Амира была та же самая: «и прискочиша къ шатру Амира царя, и шатеръ его на копья своя подняша» [256]).

Девгеній не испутался ни угрозъ, ни многочисленныхъ войскъ Василья: «аще ты надѣешися на свою великую силу, азъ же имамъ упованіе на создавшаго Бога: не имать уподобитися сила твоя Божіи силы» (у Тихонр., 272). Библейскимъ текстомъ: «помянемъ пѣснослоца: сіи въ оружіи, а сіи на конихъ, мы же во имя Г. Б. нашего призовемъ», и словами народной мудрости: «не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ» (Прил., 112), біографъ благ. князя выражаетъ въ сущности одну и ту же мысль, изображаетъ точно такое же настроеніе и у своего героя.

Но и авторъ Повѣсти о Девгеніи не чуждается болѣе выразительнаго библейскаго языка и при характеристикѣ второстепенныхъ персонажей «Дѣянія» употребляетъ сходные съ житіемъ тексты и фразы. «И сѣдше братаничи на кони своя, и вопіяша пѣснь ангелскую велегласно ко Господу: благословенъ Г. Б. нашъ, научая руцѣ мои на ополченіе и на брань. И рече они между собою: «попомнимъ, братіе, слово и приказъ матери своя..., и главы своя положимъ за сестрицу свою» (Памятн., 381). Ср. въ житіи: «въспріемъ ж псаломскую пѣснь, рече: суди, Г., обидящимь мя и возбрани борющимся со мною,пріими оружіе и щитъ и стани въ помощь мнѣ» (Прил., 112); «княже нашь честный и драгій, нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя» (ib., 115).

Боевые подвиги Девгенія и другихъ выводимыхъ въ Повѣсти лицъ описаны сходно съ подвигами бл. кн. Александра и его дружинниковъ.

Въ битвѣ съ Филиппаномъ Девгеній «нагна Филиппану самаго и удари ево копьемъ, тупымъ концемъ, межь плечь, и сверже его съ коня на землю» (Памятн., 385—6); по другой версіи: «и стратига нагна, удари его рогвицею тихо сверхъ шелома и съ коня сверже» (у Тихонр. 268). По обѣимъ версіямъ, Девгеній хочетъ возложить побѣжденному: «знаменіе на лице протчаго ради времени» (386; 268).—Дяди Девгенія: «поскочиша на Амировыхъ стражей и начаша ихъ бити, яко добрые косцы траву косити, овіихъ изсѣкоша, а овіихъ связаша и приведоша на гору высоку, и гнаша ихъ передъ собою» (Памятн., 380).—Послѣ побѣды надъ Леандромъ Девгеній не преслѣдуетъ обратившихся въ бѣгство соратниковъ Леандра: «я всегда—говоритъ онъ—имѣлъ состраданіе къ тѣмъ, которые бѣгутъ» (у Тихонр., 273).—Всюду распространился страхъ имени Девгенія въ результатѣ такихъ славныхъ побѣдъ (у Миллера, 24). Ср. съ приведенными эпизодами соотвѣтствующія мѣста изъ житія благ. князя въ описаніяхъ Невской битвы и Ледового побоища,—напр.: «и самому королеви взложи печать на лице острымъ своимъ копьемъ» (Лавр. л., 456); «множество князій ихъ изби, овыхъ рукама изыма, слуги же его ругающеся, вязаху я къ хвостомъ коній своихъ; начаша блюстися имени его» (Прил., 116); «бяше же множество полоненныхъ въ полку его, ихъ же ведяху босыхъ подлѣ коней» (ib., 115);. «а самѣхъ извѣша, а овѣхъ съ собою поведе, а иныхъ помиловавъ, отпусти, бѣ бо милостивъ паче мѣры» (ib., 114).

Подобно отзывамъ Батыя и Андріаша объ Александрѣ [257]), въ отзывахъ очевидцевъ о Девгеніи замѣчаемъ то же восторженное отношеніе къ герою. «Никто не можетъ рядомъ стать съ Дигенисомъ Акритомъ»; «о если бы небо внушило твоему отцу взять его въ зятья, ибо прекраснѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ» — говоритъ дочери Дуки—Евдокіи ея кормилица» [258]).

---

[256]) Памят. стар. рус. литер., 381.

[257]) «Воистину ми сказаша, яко нѣсть сему подобна князя» (Прил., 116); «прошедъ страны языкъ, не видѣхъ таковаго ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя» (ib., 111).

[258]) У Миллера, 23, 25. Ср: также слова Максимьяно, дочери Филиппана: «пріѣхали мы юности твоей видѣти» (Памят., 385),—и: «о свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгенію» (у Миллера, 54).

Одинаково, во вкусѣ народнаго представленія красоты и величія, біографы бл. князя и Девгенія рисуютъ намъ внѣшній обликъ своихъ героевъ: «возрастъ его (А.) паче инѣхъ человѣкъ, гласъ его, акы труба въ народѣ» (Прил., 111); «бѣ бо юноша (Д.) возрастомъ вельми лѣпъ паче мѣры, а власы имуще кудрявы и очи веліи (очи же его велми великіе, яко чашы—Памятн., 384) гораздо (пристрашно—Пам., ib.) нань зрѣти, перси жъ его сажени шире» (у Тихонр., 266). Наконецъ, начальныя строки 10-ой пѣсни о кончинѣ Девгенія:

«Начнемъ теперь повѣствовати Дигениса кончину.
Начнемъ разсказъ, исполненный слезами и печалью»
(у Миллера, 33),

близко, по своей выразительности, стоятъ къ вступительнымъ строкамъ въ житійномъ Плачѣ о кончинѣ благ. кяязя Александра (Прил., 118) и въ другихъ русскихъ сочиненіяхъ, тоже «плачевнаго» характера: «Хощу рещи, о друзи, повѣсть, иже и самѣхъ безсловесныхъ можетъ подвигнути на плачъ, и глаголати: горе и увы»; или: «хощу глаголати повѣсть, еже не точію человѣкы, но и нечювьственное каменіе и самыа стихіа творитъ плакати и глаголати и рыдати: горе и увы» [259])

Так. обр., въ церковномъ житіи бл. князя можно находить общіе съ Повѣстію о Девгеніи сюжеты и черты сходства въ ихъ изложеніи.

Изъ переводныхъ сочиненій агіографическихъ біографъ бл. Александра пользовался житіемъ св. Алексія человѣка Божія въ описаніи чуда при погребеніи князя. Въ этомъ житіи [260]) точно также разсказывается о чудесной передачѣ умершимъ хартіи архіепископу-патріарху и царямъ (*л.* 304 об.—305) и въ одинаковыхъ выраженіяхъ описывается религіозное усердіе, съ которымъ множество народа проводило тѣло преп. Алексія до могилы. Авторъ сказанія о Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, писавшій подъ вліяніемъ лѣтописнаго житія благ. кн. Александра, въ данномъ случаѣ прямо и дѣлаетъ ссылку на житіе св. Алексія: «и тако съ великою нуждою утѣсненія, якоже нѣкогда Алексѣя человѣка Божія..., положиша среди церкви у арх. Михаила» [261]). На описаніи однородныхъ чудесныхъ событій при погребеніи ростовско-владимірская письменность останавливается и въ житіяхъ другихъ мѣстныхъ святыхъ [262]).

Вопросъ о русскихъ книжныхъ источникахъ, которыми могъ пользоватъся біографъ, такъ обстоятельно рассмотрѣнъ въ книгѣ В. Мансика (38—48), что останавливаться на немъ нѣтъ смысла.

Къ какому типу литературныхъ произведеній нужно отнести церковно-лѣтописное житіе благ. кн. Александра?

У В. О. Ключевскаго въ прекрасной характеристикѣ этого памятника отмѣчено исключительное вообще положеніе лѣтописнаго житія бл. князя въ ряду другихъ древне-русскихъ агіографическихъ сочиненій. «Изложеніе не чуждо книжной искусственности, хотя очень далеко отъ изысканнаго до невразумительности «доброслові» позднѣйшихъ книжниковъ»; «авторъ знакомъ и съ божественнымъ и съ человѣческимъ писаніемъ», онъ умѣетъ пользоваться библейскими текстами и примѣрами, знаетъ, что пишетъ житіе, однако не выдерживаетъ элементарныхъ пріемовъ житія, изображаетъ главнымъ образомъ земныя доблести князя, не отмѣчаетъ ни одной иноческой добродѣтели святаго; онъ совсѣмъ не умѣетъ писат житія—сказалъ бы про біографа Александра писатель изъ школы Пахомія

[259]) О Батыевомъ нашествіи на Русь; о взятіи Турками Царьграда, см. у А. Н. Попова, Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, М. 1869 г. стр. 39; 83.

[260]) Пользуюсь имъ въ ркп. АМИД № $^{797}/_{1363}$, *л.* 297—307 об.

[261]) у А. Н. Попова, о. с., 385.

[262]) Въ проложн. житіи св. Игнатія Ростовскаго: «егда вложиша и во гробъ и даша ему свиткы (ставлениковъ)..., простеръ руку, пріаше, яко живъ, и видѣвше... чюдо, во ужасти бывше и возрадовашася» (Прологъ Рум. муз. изъ собр. Пискарева, № 529, *л.* 357 об.).—«Еще же и рука его (Юрія Всеволодовича) десная выспрь бяше воздѣяна видѣти, ею же, яко живъ показуя подвигъ своего совершеніе» (Степ. кн., 265).

Логоѳета[263]). «Древнѣйшіе житіе А. Нев. есть исключительный, своеобразный опытъ житія, не повторившійся въ агіобіографіи»[264]).

По отзыву С. А. Бугославскаго, въ житіи А. Н. мы встрѣчаемся съ типичными пріемами агіографа. Вступленіе выдаетъ церковника, помнящаго о Богѣ прежде всего, затѣмъ о своемъ смиреніи и «малосмысленности». Историческое преданіе закрѣпляется текстами Св. Писанія, даются параллели изъ него, въ уста историческаго лица влагаются молитвы. Ясна тенденція—прославить святаго, указать его христіанскія добродѣтели. С. А. Бугославскій рѣшительно высказывается противъ возможности сопоставлять съ житіемъ «Слово о погибели», считаетъ эти памятники со стороны изложенія сочиненіями противоположными[265]).

Несмотря на доходящую почти до противоположности разницу въ оцѣнкѣ памятника, оба отзыва—Ключевскаго и Бугославскаго, можно признать правильными,—второй, впрочемъ, съ оговоркою. Несомнѣнно, что біографъ-церковникъ, Рождественскій монахъ, имѣлъ въ виду дать церковное житіе св. князя и кое-что онъ успѣлъ сдѣлать въ этомъ направленіи. Предисловіе къ житію написано имъ въ строго-агіографическомъ тонѣ. Хотя и не равномѣрно, агіографическіе пріемы изложенія, какъ отмѣчено уже выше, отражаются и въ другихъ отдѣлахъ памятника. И все-таки *житія* не получилось; получилась какая-то смѣсь агіографическаго и свѣтскаго элементовъ, съ очевиднымъ перевѣсомъ въ сторону послѣдняго. Почему же такъ случилось?

Я думаю, что можно игнорировать приведенныя выше параллели къ житійному тексту изъ Александріи и изъ Повѣсти о прекрасномъ Девгеніи, отрицать какую-бы то ни было связь, тѣмъ болѣе вліяніе этихъ памятниковъ на житіе; но нужно согласиться, что по своему характеру церковно-лѣтописное житіе и эти повѣсти—памятники однородные, что и житіе относится къ тому же разряду героическихъ повѣстей, какъ Александрія и Дѣяніе Девгеніево. Съ своими агіографическими познаніями, повидимому, вполнѣ достаточными для обычной агіографической работы, біографъ бл. князя оказался не въ состояніи произвести агіографическую переработку свѣтскаго біографическаго матеріала; національнаго героя, почти богатыря былинъ, онъ не сумѣлъ подвести подъ общій агіографическій типъ святаго подвижника-князя. Не въ личныхъ качествахъ писателя, въ частности не въ излишкѣ поэтическаго воодушевленія, съ которымъ онъ работалъ надъ составленіемъ біографіи князя, лежитъ причина этой агіографической неудачи. Начальныя, самостоятельныя строки въ житіи рисуютъ намъ біографа, дѣйствительно, типичнымъ церковнымъ писателемъ, для котораго дороже всего писаніе «божественное». Если бы ему пришлось имѣть дѣло только съ *устными* разсказами «отцевъ и самовидцевъ», онъ, несомнѣнно, сумѣлъ бы сдѣлать изъ нихъ нужный для церковнаго житія выборъ, подчинить «человѣческое» писаніе «божественному». Причина неудачи кроется въ томъ, что у біографа былъ *письменный* источникъ для работы, готовая біографія князя, непригодная для церковнаго житія, не поддававшаяся вообще агіографической передѣлкѣ. Слѣды этого источника, его составъ и литературную форму если и не вполнѣ точно, то приблизительно можно установить по церковно-лѣтописному житію. Болѣе цѣнныя для этого указанія мы находимъ въ предисловіи къ описанію кончины благов. князя, въ поэтическихъ строкахъ, выражающихъ собою горестное настроеніе писателя-современника.

«Горе тобѣ, бѣдный человѣче! како можеши написати кончину господина своего? како не упадета ти зѣници вкупѣ съ слезами? како же не урвется сердце твое отъ коренія? Отца бо оставити человѣкъ можетъ, а добра господина немощно оставити, аще бы лзѣ, и въ гробъ бы лѣзлъ съ нимъ».

[263]) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, М. 1871 г., стр. 69, 70.

[264]) В. О. Ключевскій, біографическій очеркъ, рѣчи и проч., М. 1914 г., стр. 68—«Диспутъ [магистерскій] г. Ключевскаго». По мнѣнію С. М. Соловьева, ж. Ал. Нев. не относится къ литературѣ житій святыхъ (ib., 67).

[265]) Извѣст. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., 1910 г. т. XV, кн. 3, стр. 336.

Едва-ли эти строки могли вылиться изъ подъ пера «худого, многогрѣшнаго, малосмысленнаго, недостойнаго раба» Божія, какъ называетъ себя біографъ. Съ церковной, аскетической точки зрѣнія такая скорбь по умершемъ въ сущности предосудительна. Она такъ противорѣчитъ наставленію Апостола: «не скорбите объ умершихъ, какъ прочіе, не имѣющіе надежды» (1 Солун. IV, 18). Но по народному представленію, громко выраженная, хотя бы и не совсѣмъ искренняя скорбь при гробѣ умершаго умѣстнѣе неподдѣльнаго, но ушедшаго въ себя, молчаливаго горя. Въ житіи разсматриваемыя строки написаны, несомнѣнно, искренне, близкимъ къ благов. князю человѣкомъ, однимъ изъ его дружинниковъ. Кажется, онъ не былъ сподвижникомъ князя на полѣ брани и не сопровождалъ его въ послѣднюю поѣздку въ Орду; но тяжесть утраты онъ чувствовалъ такъ же глубоко, какъ и окружавшіе князя въ предсмертныя его минуты. Не въ церковно-житійномъ стилѣ, а скорѣе въ формѣ народнаго причитанья выражены въ житіи и чувства митрополита, а также «всихъ людей» при полученіи во Владимірѣ вѣсти о кончинѣ князя: «заиде солнце землѣ Сужьдолской» [266]); «уже погыбаемъ».

Этотъ отдѣлъ церковно-лѣтописнаго житія полностію нужно перенести въ составъ предполагаемаго свѣтскаго его источника [267]). Была-ли въ немъ и замѣтка о чудѣ при погребеніи или же въ теперешнемъ текстѣ конецъ его, со словъ: «бысть же тогда чюдо дивно»... (Прил., 120), является добавленіемъ біографа-церковника, трудно сказать. При разборѣ другой біографіи благ. князя, мы найдемъ нѣкоторыя указанія на отсутствіе этого разсказа въ текстѣ свѣтской біографіи.

Въ составъ предполагаемой біографіи входила, затѣмъ, и статья о шести удальцахъ. Она написана біографомъ по разсказамъ самого господина князя и другихъ участниковъ Невской битвы: «си же вся слышахъ отъ господина своего великого князя Олександра и отъ иныхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той сѣчи» (*Лавр. л.*, 456). Какъ разъяснено выше, при передѣлкѣ біографіи въ церковное житіе эта статья была опущена, но затѣмъ переписчикомъ новгородцемъ она была внесена въ церковное житіе и пополнена новымъ, житійнымъ уже разсказомъ о чудесномъ происшествіи за рѣкою Ижорою. Въ свѣтской біографіи благ. князя разсказа о случившемся за Ижорою, вѣроятно, не было.

Текстъ лѣтописнаго житія даетъ право предположить, что въ составъ свѣтской біографіи входила большая часть теперешняго содержанія житія, что новый біографъ-церковникъ исключилъ изъ своего источника только то, что совершенно не укладывалось въ рамки памятника, предназначеннаго для церковно-назидательнаго чтенія. Оставленное онъ мало видоизмѣнялъ, только разбавлялъ по мѣстамъ вставками агіографическаго характера. Къ содержанію свѣтской біографіи принадлежало, напр., и сообщеніе о послахъ къ благ. князю отъ Римскаго папы. «Князь же Александръ, здумавъ съ *мудрецы своими* восписа к нему» и т.д. (Прил., 117). Подчеркнутая фраза странно бы звучала въ устахъ писателя-церковника. Въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ предложеніе папы заключить унію съ Римскою церковію, благ. князь не могъ обойтись безъ совѣтовъ съ духовными лицами, въ томъ числѣ и съ монахами. А такихъ совѣтниковъ князя біографъ-монахъ не назвалъ бы «мудрецами»—философами;

---

[266]) Эти слова такъ близки къ обычному причитанью по умершему: «закатилось красно солнышко». Ср. въ «Плачѣ» княгини: «о солнце мое пресвѣтлое, рано заходиши»; «почто азъ преже тебе не умрохъ, да быхъ не видѣла смерти твоея и своея погибели» (Прил., № 35, стр. 157).

[267]) Возможно, но не несомнѣнно, что дополнительное разъясненіе къ замѣткѣ о постриженіи князя въ монашество: «бѣ бо желаніе его паче мѣры ангельскаго образа, сподоби же его Богъ болшій чинъ пріяти—схиму» (Прил., 119), сдѣлано уже біографомъ-церковникомъ. Переписчики житія вообще дѣлали мелкія измѣненія въ первоначальномъ текстѣ этой статьи. Такъ, напр., народное выраженіе: «како же не урвется сердце твое отъ коренія». въ Псково-Печер. и Академическомъ спискахъ замѣнено болѣе книжнымъ: «како не разсядется сердце отъ горкыя тугы (Прил., стр. 118, ср. вар. 185, 186—186). Странно нѣсколько, что писатель-церковникъ не называетъ монашескаго имени князя.

«внѣшней» мудрости онъ предпочиталъ смиренное «малосмысліе» [268]). По сохранившемуся въ житіи тексту выходитъ, что мудрецами-совѣтниками князя въ данномъ случаѣ были тѣ же дружинники.

Въ составъ свѣтской біографіи Александра входили и разсказы: объ Андріашѣ, Невской битвѣ, Чудской побѣдѣ, войнахъ съ литовцами, о поѣздкахъ въ Орду, словомъ, все почти содержаніе лѣтописнаго житія за исключеніемъ предисловія и м. б. большинства библейскихъ текстовъ и сопоставленій [269]).

Житійное предисловіе ни въ какой связи съ предисловіемъ въ свѣтской біографіи не стояло; это самостоятельная часть въ церковной біографіи. Опущенное въ церковно-лѣтописномъ житіи предисловіе къ свѣтской біографіи мы можемъ возстановить съ помощію другого опыта біографіи благ. князя Александра—такъ называемаго особаго житія.

Памятникъ этотъ изданъ въ Прилож. № 30, стр. 121—123, по ркп. Румянц. муз., изъ собранія Пискарева, № 530, XVII в., съ варіантами и поправками изъ текста житія въ 1 Соф. лѣтописи. Со спискомъ XVI в. изъ б-ки гр. А. С. Уварова, № 369, я не имѣлъ возможности ознакомиться при печатаніи своихъ Приложеній. По указаніямъ о немъ въ книгѣ П. М. Строева: Рукописи слав. и рос. принадл... И. Н. Царскому, М. 1848 г., стр. 383, нельзя было точно опредѣлить—тождественный-ли въ немъ съ Пискаревскимъ сборникомъ текстъ, или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что у Строева сдѣлано поясненіе: «напечат. въ Соф. Врем. 1, 249» (16). О существованіи списка XVI в. 13. 4. 8. И. Ак. Н. я не зналъ. Признать за Пискаревскою редакціею значеніе независимаго отъ житія въ Соф. лѣтоп. памятника, имѣя подъ рукою только списокъ XVII в., было, разумѣется, рискованно, и потому въ Приложеніяхъ я назвалъ это житіе передѣлкою лѣтописной редакціи. Теперь оба списка XVI в., благодаря В. Мансика, сдѣлались извѣстны; издана и еще одна, близкая къ разсматриваемой, редакція житія по ркп. XV в. изъ собранія Н. П. Лихачева, и можно, такимъ образомъ, опредѣленнѣе высказаться объ этомъ любопытномъ памятникѣ. Для краткости я буду называть его особымъ житіемъ благ. кн. Александра.

По мнѣнію В. Мансика, особое житіе составлено съ помощію двухъ литературныхъ источниковъ: редакціи житія святаго въ 1 Соф. лѣтописи и древней лѣтописной редакціи (106—107). Когда появилась новая редакція, изслѣдователь затруднился высказаться: «въ виду рѣдкости ея списковъ и отсутствія указаній на время составленія, мы затрудняемся сказать даже, къ которому изъ двухъ столѣтій, XV или XVI, она относится» (103); онъ остановился на общей датировкѣ: «до эпохи митр. Макарія..., такъ какъ послѣ появленія Макарьевскихъ редакцій потребность въ новой, малообстоятельной и чуждой риторическихъ прикрасъ редакціи врядъ-ли могла чувствоваться» (107).

Я думаю, что вопросы объ отношеніи особаго житія къ житію въ 1 Соф. лѣт. и о времени появленія этого памятника нужно рѣшать иначе. Для разъясненія перваго вопроса большое значеніе получаетъ изданная у В. Мансика (стр. 126—137) редакція житія въ сборникѣ XV в. Н. П. Лихачева. По опредѣленію В. Мансика, это компиляція изъ трехъ памятниковъ: Софійской редакціи, особаго житія и лѣтописнаго житія. Но пользованіе первымъ источникомъ ничѣмъ не доказано; по крайней мѣрѣ, приведенный у г. Мансика примѣръ своднаго чтенія въ описаніи погребенія князя: «яко граду колебатися» (изъ особ. ж.) и «токмо и земли потря-

---

[268]) Минейное житіе и редакція Іоны Думина выраженіе: «здумавъ съ мудрецы своими», опускаютъ. Въ средніе вѣка въ Византіи и на Западѣ имя: «философъ» стало присвоиваться монаху, книжнику вообще, и слова: φιλοσοφεῖν, philosophari, получили, между прочимъ, значеніе: постричься въ монахи или жить по-монашески (см. у В. С. Иконникова, Опытъ рус. историогр. II, 1, 221—222). Ср. псковскихъ философовъ-сторонниковъ трегубой аллилуіи и новгородскихъ защитниковъ пѣнія: «о Господи, помилуй», а также лѣтописную замѣтку: «философствоваше..., моляся Богу».

[269]) Нужно однако имѣть въ виду, что употреблять тексты и библейскіе примѣры не чуждались и составители такихъ свѣтскихъ памятниковъ, какъ «Повѣсть о Девгеніи». Было бы, значитъ, ошибкою церковно-библейскій, агіографическій элементъ въ лѣтописномъ житіи бл. князя приписывать только писателю-церковнику.

стися» (изъ 1 Соф. л.) ничего собою не разъясняетъ. Второе выраженіе могло быть заимствовано не изъ Соф. лѣт., а непосредственно изъ первоначальнаго лѣтописнаго житія, которымъ составитель редакціи Лихачева пользовался полнѣе, чѣмъ редакторъ I Соф. лѣтописи. Мнѣ кажется, что въ опредѣленіи основныхъ источниковъ новой редакціи достаточно будетъ ограничиться лѣтописнымъ житіемъ и особымъ.

Лѣтописнымъ житіемъ редакторъ пользовался—по составу, одинаковымъ съ Лаврентіевскимъ и Румянцевскимъ списками, по тексту—*тождественнымъ*, кажется, съ Псково-Печерскимъ. Совпаденія Лихачевскаго текста съ Псково-Печерскимъ мы наблюдаемъ не только во всѣхъ случаяхъ, когда оба лѣтописные текста—2 Псковскій и Лаврентьевскій, разнятся отъ Псково-Печерскаго [270]), но и въ случаѣ пропусковъ, описокъ и своеобразныхъ чтеній, встрѣчаемыхъ только въ Псково-Печерскомъ текстѣ [271]). По содержанію, эта компилятивная редакція представляет собою старательно, но неискусно сдѣланную сводку текста обѣихъ редакцій—лѣтописной и особой. Содержаніе этихъ источниковъ пополнено по мѣстамъ выписками изъ I Новгор. лѣтописи, а также личными догадками редактора. Изъ особаго житія редакторъ беретъ первыя (по моему изданію) пять строкъ и, не заботясь о какой-либо связи, переходитъ затѣмъ къ перепискѣ предисловія лѣтописнаго житія: «о Господѣ Бозѣ нашемъ» и т. д. (126). Къ предисловію особаго житія онъ возвращается нѣсколько ниже (стр. 133, строки 9—5, снизу). Въ остальныхъ случаяхъ редакторъ или просто вставляетъ въ текстъ лѣтописнаго житія цѣлые отдѣлы изъ особаго житія (см. на стр. 134—135), или же пытается объединить тексты обѣихъ редакцій, дать сводное чтеніе. Послѣднее ему рѣдко удается. Вотъ нѣсколько примѣровъ (текстъ изъ особаго житія я буду ставить въ прямыхъ скобкахъ).

«Се же слышавъ король части Римьскыя, отъ полунощныя страны, таковое мужество князя Александра и помысли въ себѣ [побѣдити Александра и руками яти и вел. Новгородъ поплѣнити и люди словеньскіа къ собѣ въ работу створити]. Поиду и плѣню землю Александрову. И събра силу велику» (127).—«И вниде (Ал.) въ церковь св. Софіа, падъ на колѣну предъ олтаремъ, нача молитися со слезами [св. Софьи, поминая исправленія родитель своихъ] и рече: Боже хвальный» и т. д. (128).— И нача слыти имя Александрово по всѣмъ странамъ [отъ моря Варяжьскаго и до моря Понте(й)скаго] и до моря Хупожьскаго [и до страны Тиверьскыя] и до горъ Араратскихъ и обону страну моря Варяжьскаго [и горъ Аравитьскихъ, даже и до Рима великаго]» (133).— Бысть же плачь велій, [стонанье] и кричанье [клича велика] и туга, [така же бо туга], яко же нѣсть была [николиже, яко граду колебатися], токмо и земли потрястися» [272]).

Указанныхъ примѣровъ достаточно будетъ для характеристики литературныхъ пріемовъ составленія Лихачевской редакціи. Судя по тому, что авторъ не всегда понималъ старинный текстъ своихъ источниковъ [273]), появленіе Лихачевской редакціи едва-ли можно относить раньше, чѣмъ къ XV в. Ею именно и воспользовался въ концѣ того же вѣка редакторъ I Соф. лѣтописи. Онъ сократилъ свой источникъ въ части, восходящей къ тексту лѣтописнаго житія, устранилъ почти всѣ ненужные варіанты вь этому тексту—дополнительныя сообщенія

[270]) Въ этомъ легко убѣдиться, если принять во вниманіе при сравнительномъ чтеніи Лихачевскаго и Псково-Печерскаго текстовъ отмѣченные при изданіи Псково-Печ. ж. варіанты изъ текстовъ лѣтописныхъ (Труды Пск. ц. арх. ком., стр. 197—200), а также варіанты изъ Рум. и Акад. списковъ (Прил. № 29, стр. 118—120).

[271]) Ср. а) съ текстомъ у Мансика, 127, 136, въ «Трудахъ» вар. 55, 59, 102; б) у Ман., 127, 137, въ Тр. вар. 47; 135. См. также одинаковое добавленіе въ концѣ (вар. 143—143); в) только въ этихъ спискахъ встрѣчаются чтенія: «и вси людье мнозии» (вар. 113); «проповѣдано» (вар. 136); даже одинаковое написаніе: «митрофолиты» (вар. 83).—Въ опредѣленіи дня Невской битвы отмѣчена, какъ и въ Лавр. л., память равноап. Владиміра (стр. 128).

[272]) Стр. 137. См. также вверху этой страницы-слова митрополита о смерти князя, и стр. 131, строки 2—8, сверху; 134, строки 1—6, сверху.

[273]) Напр.: «Да скажетъ ему станы, обрѣте бо ихъ», 129, вм.: «станы и обрытья ихъ» (Лавр., 455); «Они же (нѣмцы) въ городѣ совокупилися», вм.: «они жъ гордіи совокупишася»; «почюдишася стражье», вм.: «очютиша я стражіе (131, ср. 2 Псков. лѣт., 4) и т. п.

редактора Лихачев. житія. Изъ текста особаго житія въ Соф. лѣтописи находимъ только параллель святаго съ его отцемъ—Ярославомъ и предисловіе. Послѣднее приводится въ той же усѣченной формѣ, въ какой помѣщено оно и въ спискѣ Лихачева, и точно также здѣсь нѣтъ *никакого* перехода къ слѣдующему за этимъ предисловію изъ житія лѣтописнаго. Ясно, так. обр., что и параллель, и предисловіе выписаны Софійскимъ редакторомъ не изъ особаго житія, а изъ его передѣлки—редакціи Лихачевской.

Другой видъ, по сравненію съ этими передѣлками, имѣетъ особое житіе. Предисловіе, въ которомъ «умный, крѣпкомысленный, храбрый» вел. князь сопоставляется съ тезоименнымъ ему македонскимъ царемъ Александромъ и съ похожимъ на него троянскимъ героемъ—крѣпкимъ и храбрымъ Алевхисомъ (Ахилломъ), въ особомъ житіи не носитъ характера случайнаго привѣска къ редакціи лѣтописной; оно органически связано съ послѣдующимъ текстомъ. Біографъ не ограничивается этими двумя параллелями; онъ сопоставляетъ Александра съ какимъ-то еще Критою и не хочетъ привести ни одной изъ библейскихъ параллелей автора лѣтописнаго житія. Въ первой части біографіи [274]) нѣтъ ни одного библейскаго текста, зато рѣчь пересыпается совсѣмъ не агіографическими, народными выраженіями и присловьями,—напр. «въ ярости мужества своего»; «со всѣмъ множествомъ..., что ни есть на сей странѣ»; «страхомъ грозы его и храборства его»; «и бысть имя его грозно на ратѣхъ и бысть князь княземъ и воевода воеводамъ и бысть грозенъ гласъ его, яко труба звѣнящи». Нѣкоторые эпизоды изъ лѣтописнаго житія—пріѣздъ Андріаша въ Новгородъ, поѣздка Александра въ Орду по вызову Батыя—здѣсь совсѣмъ опущены [275]), другіе переданы слишкомъ кратко и обще: Невская и Чудская побѣда (безъ разсказовъ о Пелгусіи, 6 удальцахъ, случаяхъ небесной, ангелъской помощи и т. п.); нѣкоторые замѣнены новыми разсказами: войны съ литовцами—походомъ на Ямскую страну, или обставлены новыми деталями: параллель Александра съ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ описаніи отношеній благ. князя къ татарамъ.

Самая любопытная деталь, которой не воспроизводятъ ни I Соф. лѣт., ни редакція въ спискѣ Лихачева, это отмѣченное уже новое сравненіе бл. князя съ героемъ «Критою»: «бысть Александръ побѣжая вездѣ, а непобѣдимъ, яко единъ Крита во крѣпости силы своея побѣжая полки, а непобѣдимъ николиже» (стр. 121). Въ сборникѣ гр. Уварова вмѣсто: «единъ Крита» стоитъ: «единъ крѣпокъ въ крѣпости своей»... (у В. Мансика, 11). Но ркп. И. Ак. Н. имѣетъ одинаковое съ Пискаревскимъ спискомъ чтеніе: «Крита», и это чтеніе, хотя и искаженное переписчиками, нужно признать первоначальнымъ. Точнѣе установить первоначалъной текстъ разсматриваемаго мѣста помогаетъ намъ Сказаніе о благ. кн. Довмонтѣ Псковскомъ, въ редакціи 1 Псковск. лѣт. Тамъ читаемъ: «яко же бѣ *Акрита*»... (183). Подъ Акритою же у біографа бл. кн. Александра подразумѣвается не кто другой, какъ «прекрасный Девгеній», въ Повѣсти о которомъ мы отмѣтили сходныя съ житійнымъ разсказомъ черты въ характеристикѣ героевъ. Греки называли своего героя Дигенисомъ Акритомъ, и греческіе писатели съ эпическимъ Дигенисомъ сопоставляли нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей. Такъ, напр., въ XII в. поэтъ Ѳеодоръ Продромъ, воспѣвая императора Мануила Комнена, называетъ его: «новымъ Акритомъ», «вторымъ Акритомъ» [276]). Тоже дѣлаетъ и свѣтскій біографъ благ. князя Александра.

Акритами византійцы называли полунезависимыхъ властителей, въ родѣ маркизовъ и маркграфовъ, которые были охранителями границъ Византійской имперіи отъ набѣговъ сарацынъ. Въ народномъ представленіи отдѣльныя личности изъ Акритовъ принимали характеръ

---

[274]) Кончая 17 строкою на стр. 122.

[275]) Но біографъ о нихъ зналъ; на это указываютъ фразы: «бысть князь княземъ и воевода воеводомъ»—варіантъ къ словамъ Андріаша: «ни въ царѣхъ царя, ни въ князехъ князя»; «ходя къ иноплеменникомъ, въ велицѣй чести будя», ср.: Батый «почьстивъ же честно, отпусти его» Опущены, безъ намековъ на знакомство съ ними біографа, разсказы лѣтописнаго житія о послахъ отъ папы и о чудѣ при погребеніи.

[276]) В. Ѳ. Миллеръ, о. с, 35.

нашихъ богатырей, несшихъ службу «на заставѣ». Среди этихъ богатырей Дигенисъ Акритъ въ греческомъ эпосѣ былъ особенно популяренъ; онъ занималъ тамъ то же первое мѣсто, какое въ русскомъ эпосѣ принадлежитъ Ильѣ Муромцу (у Миллера, стр. 17, 16). И въ Повѣсти о Девгеніи, и въ краткой замѣткѣ житія благ. кн. Александра подвиги Акрита передаются въ такихъ же чертахъ, въ какихъ наши былины изображаютъ поединки богатырей съ полчищами поганыхъ. Въ параллель къ русскимъ былиннымъ разсказамъ-преувеличеніямъ можно указать, напр., на слѣдующія мѣста изъ повѣсти о Дигенисѣ.

Когда настигаетъ Дигениса погоня Дуки, отца прекрасной Евдокіи, онъ сажаетъ свою невѣсту на камень въ сторонѣ отъ дороги, а самъ бросается на преслѣдователей. Ударомъ меча разрубаетъ одного изъ служителей Дукии обращаетъ остальныхъ въ бѣгство; затѣмъ, замѣтивъ, что братья невѣсты приближаются къ мѣсту, гдѣ она сидитъ, Дигенисъ бросается на нихъ и легкими ударами палицы выбиваетъ ихъ изъ сѣдла. Старый Дука вынужденъ былъ смириться; со слезами онъ проситъ у героя прощенія (у Миллера, 26—27).

Въ рус. редакціи Повѣсти эпизодъ борьбы Девгенія съ воинами Филиппана передается совершенно былиннымъ складомъ: «и всѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву коситъ: въ первомъ поскокѣ тысящу поби войска Филипаны; и въ другой рядъ скочилъ, такожде тысячу ж побилъ» и т. д. [277]). По другой редакціи: «увидѣвъ (Девгеній) множество вой исполчено у царя Василія и уразумѣ, яко хотя(тъ) преѣхати рѣку и боити (sic) его, и Девгеній ярости исполнися..., вынявъ мечь, противо вой поскочи, яко добрый жнецъ траву сѣчетъ. Перво скачи—1000 ихъ и возвратися вспять; и поскочи—1000 побѣди. Царь же Василій, видѣвъ дерзость Девгеніеву, вскорѣ поемъ съ собою мало вой, и побѣже, а прочихъ вои Девгеній поби, а иныя связа..., борзо погна, Василія нагна близко града его, а что было съ нимъ вой, всѣхъ побѣди» (у Тихонр., 272). Иногда размѣры погибшихъ отъ «ярости мужества» Девгенія напоминаютъ собою житійныя вычисленія: «тысящи тысящъ и тмы темъ». По варіанту о борьбѣ со стратигомъ (ркп. Малкова), Девгеній: «первое скочи—уби 7000, и абіе возвратися—уби 20000» (у Тихонр., 268). Если бы не подвернулся Девгенію стратигъ, то количество погибшихъ при слѣдующихъ «поскокахъ» богатыря въ подсчетѣ автора, какъ и въ былинахъ, дошло бы вѣроятно до «несмѣтнаго» числа.

Не только въ церковное житіе бл. князя, но и въ свѣтскую его біографію подобныхъ эпизодовъ, разумѣется, нельзя было вводить. Біографъ долженъ былъ ограничиться общимъ сравненіемъ своего героя съ Акритою, иначе историческій герой—святой превратился-бы въ сказочное лицо; вмѣсто преувеличеній въ разсказѣ о подвигахъ благ. князя получились бы однѣ лишь невѣроятности.

Въ лѣтописномъ сказаніи о благ. кн. Довмонтѣ, кромѣ одинаковаго сравненія святаго съ героемъ Акритою, мы находимъ цѣлый отдѣлъ, совершенно совпадающій съ соотвѣтствующимъ ему отдѣломъ въ особомъ житіи бл. кн. Александра. Сходство это отмѣчено и у В. Мансика (221—222), но изслѣдователь не далъ разъясненія причины этихъ литературныхъ совпаденій. Между тѣмъ, для опредѣленія времени появленія особаго житія и его отношенія къ сходнымъ съ нимъ редакціямъ въ I Соф. лѣт. и въ сборникѣ Лихачева фактъ совпаденія текстовъ въ житіяхъ Александра и Довмонта имѣетъ очень большое значеніе.

Лѣтописная редакція сказанія о Довмонтѣ составлена, приблизительно, въ концѣ XIV в. Если даже допустить зависимость особаго житія Александра отъ сказанія о Довмонтѣ, то и въ такомъ случаѣ появленіе разсматриваемаго памятника мы можемъ отнести къ XV в., даже къ концу XIV в. Но, какъ разъяснено будетъ въ обзорѣ житій бл. Довмонта, отношенія между этими памятниками были обратныя: заимствованія сдѣлалъ біографъ Довмонта. Особое житіе бл. Александра мы, значитъ должны отнести къ памятникамъ XIV в., и никакой рѣчи о зависимости житія отъ редакцій Софійской и Лихачевской, так. образомъ, и быть не мо-

[277]) Памятники... гр. Кушелево-Безбородко, 385.

жетъ. Однако, было бы ошибкою считать особое житіе памятникомъ вполнѣ оригинальнымъ. Наоборотъ, это—компилятивное сочиненіе и въ литературномъ отношеніи оно очень неудачно. Часть литературно-стилистическихъ недочетовъ памятника б. м. нужно поставить въ вину переписчикамъ. Сохранившіеся списки особаго житія даютъ намъ испорченный текстъ, мѣстами даже прямо безграмотный. Но, какъ видно изъ текста сказанія о Довмонтѣ, почти такимъ же онъ былъ и въ оригиналѣ. Очевидно, авторомъ особаго житія былъ весьма неопытный писатель. Какими-же литературными пособіями онъ пользовался въ своей работѣ?

Я думаю, что особое житіе представляетъ собою компиляцію изъ двухъ памятниковъ: церковнаго-лѣтописнаго житія благ. князя и предполагаемаго его источника—свѣтской біографіи; это опытъ сводной, *сокращенной* редакціи текста двухъ первоначальныхъ біографій бл. князя—церковной и свѣтской. На знакомство съ первою указываютъ какъ общая близость нашего памятника къ содержанію церковно-лѣтописнаго житія (особенно въ характеристикѣ благ. князя по книгѣ пророка Исаіи), такъ и отдѣльныя выраженія, которыя при чтеніи производятъ впечатлѣніе заимствованій, оставшихся недоконченными, неразвитыми. Примѣромъ можетъ служить хотя бы фраза: «единаго ради Езекия праведнаго сохраненъ бысть Іерусалимъ отъ плѣненія Сенахирима, царя Асурійскаго» (Прил., 122). Она ясно говоритъ, что житійный разсказъ о чудѣ за рѣкою Ижорою былъ извѣстенъ автору особаго житія, и что онъ пользовался церковнымъ житіемъ въ измѣненной (новгородской) его версіи, такъ какъ въ первоначальномъ текстѣ, какъ разъяснено раньше, эпизода о чудѣ за Ижорою не было.

Къ содержанію свѣтской біографіи можно возводить предисловіе—первыя по моему изданію 14 строкъ, до словъ: «и слышавъ же то король страны Римскыя мужство Александрово» (121). Параллели святаго съ Александромъ Македонскимъ, Ахиллесомъ и Девгеніемъ Акритою, а также перечень границъ, до которыхъ распространилось имя грознаго на ратѣхъ князя, названія побѣжденныхъ имъ народовъ—едва-ли сочинены самимъ редакторомъ особаго житія; все это въ готовомъ видѣ взято имъ у предшественника. Передѣлывая свѣтскую біографію въ церковиое житіе писатель-монахъ, такъ сказать, оторвалъ эти непригодные для его работы, первые листки въ рукописи; свѣтскія миѳологическія параллели онъ замѣнилъ агіографическими—библейскими. Вмѣсто прекраснаго Девгенія появился прекрасный Іосифъ, вмѣсто храбраго Ахиллеса—Сампсонъ, «умника» Александра Македонскаго—премудрый Соломонъ. Возможно, что и свѣтская, историческая параллель бл. князя съ Веспасіаиомъ принадлежитъ самому автору церковнаго житія бл. князя, что она введена въ житійный текстъ въ цѣляхъ замѣны сравненія Александра съ Девгеніемъ Акритою. Новая житійная параллелъ развиваетъ ту же мысль о сверхъ-человѣческой храбрости и силѣ благ. князя. Она подчеркиваетъ, что Веспасіанъ такъ же, какъ и Акрита, *одинъ* могъ побѣждать цѣлые полки: въста единъ, възрати силу ихъ ко вратомъ градным» (Прилож., 111). Самая подробность въ развитіи этой параллели объясняется б. м. и тѣмъ еще, что соотвѣтствующее ей въ свѣтской біографіи сравненіе бл. князя съ Акритою точно также было изложено болѣе подробно.

Сдѣлать заимствованіе въ церковный памятникъ у Іосифа Евреянина писателю-монаху казалось, очевидно, болѣе дозволительнымъ, чѣмъ подражать какому-ниб. Омиру или безымяннымъ авторамъ Повѣстей объ Александрѣ и Девгеніи [278]). Но сравненіе благ. князя съ Веспасіаномъ оказалось и исторически не вѣрнымъ, и въ литературномъ отношеніи весьма не точнымъ. Благ, князь, какъ знаемъ изъ церковнаго житія, никогда не бывалъ въ аналогичномъ съ Веспасіаномъ положеніи; въ частности, у него не было поводовъ «посмѣяться

[278]) Отрицать возможность непосредственнаго знакомства у писателя-монаха съ этими Повѣстями мы, правда, не имѣемъ достатотныхъ основаній. Извѣстно, напр., что Александрія переписывалась и для монастырскихъ библіотекъ. Въ 1496 г. былъ сдѣланъ списокъ ея для какого-то монаха Евфросина (Строевъ, Библ. словарь, 399). В. С. Иконниковъ (о. с. т. II, кн. I, 898) ошибочно называетъ этого Евфросина Псковскимъ († 1481 г.). Труднѣе допустить, чтобы біографъ-церковникъ, при изложеніи жизни святаго, по личиой иниціативѣ сталъ заимствовать матеріалъ изъ такихъ неподходящихъ для житія источниковъ.

дружинѣ своей», укорить ее въ недостаткѣ мужества, въ оставленіи вождя въ критическую минуту боя. Біографъ князя, наоборотъ, отмѣчаетъ, что у дружинниковъ Александра сердца были, «аки сердца лвомъ», что не на словахъ только они выражали желаніе положить главы за своего князя. И общее заключеніе: «тако ж кн. Олександръ бѣ побѣжая непобѣдимъ», изъ приведенныхъ словъ сравненія съ Веспасіаномъ слѣдовало не съ такою необходимостію, какъ въ разсматриваемой біографіи князя изъ сравненія А. Н. съ Акритою: «и бысть Александръ побѣждая вездѣ, а непобѣдимъ, яко единъ Крита во врѣпости силы своея побѣждая полки, а непобѣдимъ николиже».

Неисправность текста въ сохранившихся спискахъ особаго житія, а также литературные пріемы автора—его излишнее стремленіе къ сокращенію своихъ источниковъ, лишаютъ насъ возможности точнѣе опредѣлить зависимость особаго житія отъ церковно-лѣтописнаго и свѣтскаго. Изъ второго, какъ и изъ перваго источника своей компиляціи, редакторъ многое, кажется, опустилъ. У него, напр., не находимъ такого отдѣла, какъ Плачъ біографа по скончавшемся князѣ. Вмѣсто этого дано общее описаніе кончины и погребенія бл. князя, близкое къ церковно-лѣтописному тексту. Но разсказъ церковнаго характера—о чудѣ при погребеніи, и изъ этого источника опущенъ, между тѣмъ, слова митр. Кирилла распространены фразою, которая могла быть присочинена самимъ редакторомъ, но могла быть заимствована имъ и непосредственно изъ текста свѣтской біографіи: «чада моя, разумѣйте, яко уже заиде солнце въ земли Суздальской, уже бо не обрящется таковый князь ни единъ въ земли Суздалъской» (Прилож., 123). Вообще отношеніе автора особаго житія къ свѣтской біографіи князя, степень довѣрія его къ этому памятнику—не совсѣмъ ясны. Слѣдуя тексту свѣтской біографіи въ началѣ своего труда—въ предисловіи, дальше, въ изложеніи отдѣльныхъ фактовъ изъ біографіи князя, онъ, кажется, отдавалъ предпочтеніе церковно-лѣтописному житію. Причины послѣдняго заключаютсл въ самыхъ условіяхъ происхожденія памятника.

Особое житіе по своему характеру приближается къ типу свѣтскихъ біографій, но помѣщено оно въ сборникахъ церковнаго типа; изъ нихъ Пискаревскій сборникъ представляетъ собою видъ пролога. Во всѣхъ сохранившихся спискахъ заглавіе особаго житія имѣетъ проложную редакцію: **въ тоⷤ дн҃ь оуспение великоⷢ кн҃зѧ новогороⷣцкаго алеѯаⷣра ѩрославича, гн҃ꙗ бл҃гви ѿ**. Возможно, что и оригиналъ памятника находился тоже въ рукописи церковной, что особое житіе представляетъ собою попытку церковнаго же писателя пополнить текстъ первоначальной церковной редакціи опущенными въ ней отдѣлами изъ свѣтскаго источника. Это—второй опытъ приспособленія свѣтскаго памятника къ церковному употребленію, менѣе удачный по сравненію съ первымъ.

Особое житіе было составлено въ XIV в., но гдѣ и кѣмъ—не извѣстно. Судя по тому, что въ заглавіи благ. кн. названъ новгородскимъ и что отмѣченная раньше фраза: «уже бо не обрящется таковый князь ни единъ въ землѣ Суздальской», повторена въ новгородскомъ спискѣ лѣтописнаго житія (Прил. № 29, 119, вт. стлб.), можно отнести особое житіе къ памятникамъ новгородской письменности. Старшій изъ списковъ—Уваровскій, по письму подходитъ къ рукописямъ новгородскимъ. Въ немъ, напр., читаемъ: «оцѣстивъ», «Яроновицемъ»; «пособѣти», «побѣша», «съборѣ и народѣ»; «разгордився», «разгорився» и т. п. [279]). Обѣ передѣлки особаго житія—редакціи Лихачевская и въ 1 Соф. лѣтописи, тоже указываютъ на связь этого памятника съ новгородскою письменностію. По крайней мѣрѣ, въ Лихачевской редакціи всѣ добавленія къ житійному тексту взяты изъ текста 1 Новгородской лѣтописи [280]).

---

279) У В. Мансика, стр. 13, 12, 14.

280) Ср., напр., по изд. у В. Мансика, стр. 127, строки $_{23}$—$_{31}$—128, $_{1}$ и 1 Новг. лѣт., стр. 252—255; стр. 130, $_{26}$—$_{30}$ и 257; 131, $_{28}$—$_{32}$—132, $_{1}$ и 260, и др.

Во всѣхъ сохранившихся спискахъ особаго житія дата дня погребенія князя неправильная: «мѣсяца ноября въ к день, на память св. отца (нащего) Григорья Декаполита» (Прил., 123). Ошибка эта получилась въ результатѣ того, что лереписчикъ, а м. б. и самъ редакторъ, въ датѣ лѣтописнаго житія: **кг**, вторую цифру принялъ за букву (въ спискѣ могло быть: **к̂**) и по святцамъ замѣнилъ св. Амфилохія св. Григоріемъ. Неточно указанъ день погребенія и во 2 Псков. лѣт.: 24 ноября. Въ памятникѣ владимірской письменности подобныхъ ошибокъ не должно бы быть.

Какое значеніе для изученія первоначальной литературной исторіи житій благ. кн. Александра имѣетъ разсматриваемый памятникъ?

По моему мнѣнію, очень большое. Особое житіе не только служитъ нагляднымъ доказательствомъ существованія въ сѣверно-русской письменности XIII—XIV в. особой, свѣтской біографіи бл. кн. Александра, но и помогаетъ намъ возстановить часть этого утраченнаго памятника, тотъ его отдѣлъ, который опущенъ въ первой церковной передѣлкѣ—въ лѣтописномъ житіи. Въ возстанавливаемомъ же при помощи особаго житія предисловіи къ первоначальной біографіи мы найдемъ и рядъ указаній для разъясненія другого, болѣе интереснаго для насъ вопроса—о первоначальномъ составѣ «Слова о погибели» и объ отношеніи этого памятника къ біографической литературѣ о благ. кн. Александрѣ.

Анализъ лѣтописнаго и особаго житій показываетъ, что Слово о смерти великаго князя Александра Ярославича не ограничивалось однимъ лирическимъ описаніемъ кончины благ. князя. Одновременно съ этимъ оно содержало и его біографію, написанную дружинникомъ князя, въ стилѣ героическихъ повѣстей, или, по принятой въ научной литературѣ терминологіи, въ стилѣ «воинскихъ повѣстей». Съ этимъ памятникомъ и можно соединять происхожденіе «Слова о погибели Рускыя земли», можно считать «Слово» вступленіемъ къ біографіи Александра.

Изслѣдователи «Слова» подъ «погибелью» подразумѣваютъ здѣсь разореніе Руси полчищами Батыя и потому сохранившійся отрывокъ памятника считаютъ предисловіемъ къ утраченному сказанію о татарскомъ нашествіи. Догадка эта очень правдоподобна. Подобно Аттилѣ Батый несъ съ собою не только опустошеніе и цѣпи рабства, но ужасъ и гибель. И такъ смотрѣли не въ одной Руси. Въ описаніи нашествія на «Западные Угры» читаемъ, что король Владиславъ: «вшедъ на столпъ, и зря *погибелъ земьли своея*, и плакашеся горцѣ» [281]). Погибель Русской земли оплакиваетъ современникъ Батыева нашествія, очевидецъ случившейся бѣды. Вопросъ только въ томъ, къ какому времени нужно отнести эту литературную запись общерусскаго плача, можно-ли пріурочить составленіе «Слова о погибели» къ самой «годинѣ татарскаго нашествія», сказать, что «Слово» написано не позднѣе 1238 г., какъ думаетъ Х. М. Лопаревъ?

Ссылка Х. М. Лопарева на послѣднія строки памятника: «а въ ты дни болѣзнь крестіяномъ отъ великаго Ярослава и до Володимера и до нынѣшняго Ярослава и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго», для утвержденія, что «Слово» было написано еще *при жизни* Юрія Всеволодовича, по моему мнѣнію, недостаточна. Словамъ: «и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго», нельзя придавать значенія хронологическаго указанія на появленіе «Слова». Имъ не придавалъ такого значенія и самъ авторъ «Слова», иначе онъ сдѣлалъ бы болѣе соотвѣтствующую хронологическимъ датамъ разстановку именъ князей, сказалъ-бы: «до Юрья князя Володимерьскаго и до брата его, нынѣшняго Ярослава». Искусственность въ построеніи фразы вызвана здѣсь соображеніями исключительно литературнаго характера. Авторъ хотѣлъ точнѣе выдержать параллель съ заимствованными и нѣсколько видоизмѣненными имъ словами изъ Слова о полку Игоревѣ: «отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря». Замѣнивъ Владиміра старымъ Ярославомъ, авторъ легко подыскалъ для него параллель въ «нынѣшнемъ» Ярославѣ, для второй же замѣны—Игоря Владиміромъ Мономахомъ, такой созвучной парал-

[281]) Степ. кн., 288.

лели не нашлось. Поставивъ вмѣсто Владиміра Юрія, авторъ Слова, въ видахъ благозвучія, могъ добавить только титулъ князя: Володимерьскаго [282]).

Выраженіе: «а въ ты дни болѣзнь крестіяномъ», понимаютъ въ смыслѣ намека автора на народныя страданія во время татарскаго ига [283]). Но въ такомъ случаѣ онъ не употребилъ-бы совершенно не подходящихъ ко времени написанія «Слова» обозначеній: «а въ *ты* дни». Подъ «болѣзнью» здѣсь подразумѣваются вообще несчастія, которыя пришлось переживать древней кіевской Руси отъ нападеній кочевниковъ, главнымъ образомъ—половцевъ. Съ этими несчастіями и сопоставляетъ авторъ обрушившееся на Русь татарское иго. Если же въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ только о послѣднемъ, то изъ словъ: «въ ты дни», очевиднымъ становится болѣе позднее происхожденіе нашего памятника.

С. А. Бугославскій склоненъ, кажется, относить написаніе «Слова о погибели» ко времени кончины вел. кн. Ярослава Всеволодовича. «Заглавіе «Слова»,—говоритъ онъ,—позволяетъ предполагать, что не дошедшая до насъ часть его было описаніе смерти кн. Ярослава Всеволодовича и ея послѣдствія—паденія русскаго могущества, составленное въ стилѣ свѣтскихъ историко-политическихъ Словъ» [284]). Но то, что мы знаемъ изъ исторіи объ обстоятельствахъ и послѣдствіяхъ смерти Ярослава Всеволодовича, рѣшительно говоритъ противъ такого предположенія. Кончина вел. князя не отразилась въ чемъ-либо неблагопріятно ни въ тогдашней политической жизни сѣверо-восточной Руси, ни на настроеніи тогдашняго общества. Не произошло даже замѣшательства въ престолонаслѣдіи. Княжескіе столы были распредѣлены между князьями-братьями такъ, какъ хотѣлъ этого ихъ покойный отецъ: Андрей сдѣлался вел. княземъ, Александръ Невскій—новгородскимъ, съ титуломъ, утратившимъ уже всякое значеніе, кіевскаго князя. Въ отношеніи къ татарамъ (до Неврюева нашествія) русское общество тоже не испытывало особой тревоги; modus vivendi, хотя и унизительно-тяжелый, всетаки установился; отъ окончательной «погибели» страны можно было теперь откупиться. И ближайшее будущее не представлялось столь безотраднымъ. Еще при жизни Ярослава симпатіи и надежды общества были обращены на его знаменитаго сына, сумѣвшаго не одною лишь униженною покорностію снискать въ Ордѣ «великую честь». На Александра Ярославича современники возлагали даже преувеличенныя надежды, и, какъ увидимъ ниже, общественное настроеніе въ это время вообщене было подавленнымъ и угнетеннымъ. Никакихъ «гибельныхъ» послѣдствій смерть Ярослава Всеволодовича не влекла за» собою.

Такимъ образомъ, ни въ текстѣ памятника, ни въ историческихъ обстоятельствахъ того времени мы не находимъ указаній на необходимость относить написаніе «Слова» къ послѣднему году княженія Юрія Всеволодовича или ко времени кончины его преемника—Ярослава, защищать, въ послѣднемъ случаѣ, явно искаженное заглавіе памятника. Появленіе «Слова» мы можемъ отнести и къ болѣе позднему времени,—напр., къ 60-мъ гг. XIII в., можемъ поставить это сочиненіе въ прямую связь съ біографическою литературою о бл. кн. Александрѣ Ярославичѣ.

Какой былъ первоначальный составъ «Слова о погибели», какъ велики размѣры утраты, теперь ничего нельзя сказать вѣрнаго. Допустимъ, что сохранившійся въ Псково-Печерскомъ спискѣ текстъ только отрывокъ особой повѣсти о татарскомъ нашествіи. И въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть право эту утраченную часть памятника ставить въ органическую связь съ первою біографіею бл. кн. Александра, считать ее введеніемъ въ эту біографію. Какое бы изъ княжескихъ житій этого періода мы ни взяли, въ каждомъ изъ нихъ встрѣчаемся съ замѣтками и разсказами о Батыевомъ нашествіи. Иногда эти разсказы, какъ и «Слово о погибели», носятъ въ житіяхъ тотъ же характеръ предисловій къ біографіи святаго, иногда, какъ знаемъ

---

[282]) Въ сущности ему выгоднѣе было бы сохранить текстъ изъ Слова о п. Иг. безъ измѣненій. Юрія Всеволодовича удобно было сопоставить съ Игоремъ Святославичемъ, оба князя были одинаково неудачниками.

[283]) См. у В. Мансика, 6.

[284]) Изв. А. Н., 336. Курсивъ мой.

изъ сочиненія Андрея Юрьева, даже копировку, подражаніе тому же «Слову». Прославленіе величія древней Руси мы читаемъ, напр., и въ предисловіи къ одной изъ редакцій житія бл. кн. Михаила Тверского. Но біографъ-церковникъ изображаетъ намъ не политическую мощь древней Руси, не географическіе и этнографическіе предѣлы ея власти и славы, а религіозно-нравственныя ея силы, духовныя ея богатства. Онъ говоритъ о томъ, какъ широко со времени равноап. Владиміра распространилась вѣра православная, какъ подъ Божіимъ покровомъ благоденствовала Русь, пока «діавольская зависть» не совратила съ праваго пути русскихъ князей, не посѣяла княжескихъ усобицъ, которыя и привели Русь «въ конечную пагубу»—подъ власть татаръ. Непосредственно за этимъ, безъ особой связи съ предисловіемъ, начинается біографическій разсказъ о святомъ [285]). Почему же мы будемъ отрицать возможность самой тѣсной связи «Слова о погибели» съ біографіею бл. кн. Александра, и что удивительнаго, если въ этой свѣтской біографіи и предисловіе получило такой необычный для древне-русскихъ житій свѣтскій характеръ?

Но возможно, что размѣры утраты въ первоначальномъ составѣ «Слова о погибели» не такъ велики, какъ принято теперь думать, что особаго сказанія о татарскомъ нашествіи въ «Словѣ о погибели» не было. Объ этой болѣзни «сихъ» дней авторъ «Слова» могъ ограничиться только общимъ, глухимъ напоминаніемъ, соотвѣтственно такому же напоминанію о старой болѣзни «въ ты дни»—о борьбѣ южно-русскихъ князей съ половцами. Быть можетъ, недостаетъ только не многихъ строкъ перехода къ тому тексту біографіи благ. киязя, какой мы читаемъ теперь въ особомъ житіи. Я допускаю даже большее—что, какъ и въ житіи благ. кн. Михаила Тверского, связнаго, послѣдовательнаго перехода могло не быть, что въ оригиналѣ памятника вслѣдъ за словами: «Юрья *вел.* кн. Володимерьскаго», стояло: «О велицѣмъ князѣ нашемъ»... и т. д., подобно теперешнему чтенію: «О Господѣ Бозѣ нашемъ»... и т. д.

Въ планѣ предисловія къ особому житію можно усматривать нѣкоторое соотвѣтствіе плану «Слова о погибели». Въ «Словѣ» изображены красота, величіе Русской земли, преувеличенно очерчены этнографическія границы ея власти, страха предъ ея «князьями грозными», особенно передъ великимъ Володимеромъ Мономахомъ, которымъ замѣнилъ авторъ героя Слова о полку Игоревѣ. Соотвѣтственно этому и въ особомъ житіи мы читаемъ прежде всего прославленіе князя и встрѣчаемся съ такими же преувеличеніями въ опредѣленіи географическихъ и этнографическихъ предѣловъ его славы, грозы его имени: «угобзи бо ему Богъ дни и чести во славу ему, его же имя слышано бысть во всѣхъ странахъ отъ моря Варяскаго до моря Понтейскаго и до страны Тивѣрискія, обону страну горъ Савацкыхъ, даже и до Рима великого, распространи бо ся имя его предъ тмы тмами, предъ тысящи тысящами»; «побѣжая страны: немцѣ, литву, чюдь многу» (Прил., 121). Редакторъ церковно-лѣтописнаго житія перенесъ эти строки изъ предисловія на другое мѣсто, поставилъ ихъ послѣ разсказа о Ледовомъ побоищѣ; но въ первоначальной біографіи князя онѣ занимали, несомнѣнно, то же мѣсто, что и въ текстѣ особаго житія. Какъ-будто въ соотвѣтствіе съ эпитетомъ князей въ «Словѣ»: «грозными», мы читаемъ въ біографіи Александра: «и бысть имя его грозно на ратѣхъ», «и бысть грозенъ гласъ его» (Прилож., 121); «и бысть грозенъ пріѣздъ его» (116). Къ прославленію князя біографъ обращался и при другихъ случаяхъ; это была его излюбленная тема: «и промчеся вѣсть его и до устья Волгы, и начаша жены моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуще: Александръ ѣдетъ» (2 Пск. *л.*). Этотъ эпизодъ введенъ въ біографію, разумѣется, не при церковной ея передѣлкѣ. Біографу-церковнику б. м. принадлежитъ только замѣна татарскихъ женщинъ библейскимъ названіемъ: «моавитьскія». Самъ грозный завоеватель Руси, по словамъ біографа, былъ смущенъ дошедшими до него слухами о русскомъ героѣ. Подобно

[285]) Ркп. № 1254 XVI в., Ундольскаго, *л.* 32—33. Припомнимъ, что и Андрей Юрьевъ въ передѣлкѣ начальныхъ строкъ «Слова о погибели» больше останавливается на религіозномъ величіи Руси—на правовѣрной вѣрѣ христіанской.

«жюру Мануилу», спѣшившему задобрить Владиміра Мономаха дарами, «абы подъ нимъ... Царя-города не взялъ», Батый, по словамъ біографа, съ особою предупредительностію зоветъ къ себѣ Невскаго героя убѣдиться въ «чести его царства». Онъ оказываетъ необычную для русскихъ князей честь благ. Александру и даетъ восторженный отзывъ о его красотѣ и силѣ.

Слава имени великаго князя отражалась и на положеніи его страны; порабощенную, униженную она дѣлала ее снова великою и славною: «и славна бысть земля его страхомъ грозы его и храборства его» (122); «распространи ж Богъ землю его богатьствомъ и славою» (117); «слышахомъ тя князя честна и славна (2 Пск. *л.*: дивна), и земля твоя в е л и к а — такимъ привѣтствіемъ князю начинаютъ свою рѣчь послы отъ Римскаго папы (117).

Съ литературной стороны во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ біографомъ допущено много гиперболъ, но въ историческомъ отношеніи преувеличенія эти въ сущности не такъ велики: они опираются на факты высокой цѣнности. Время княженія Александра Невскаго это не только свѣтлая, но и особенная пора въ исторіи русской жизни монгольскаго періода. Славныя побѣды благ. князя на Западѣ измѣнили настроеніе тогдашняго общества и въ отношеніе къ Востоку, дали своеобразный выходъ тому чувству ненависти, раздраженія, какое скопилось у русскихъ людей противъ татаръ за первые годы позорнаго ига. Чтобы понять происшедшую перемѣну, стоитъ сопоставить замѣтки лѣтописца подъ 1239 и 1262 гг.: «тогды же бѣ полохъ золъ по всей земли, и сами не вѣдяху и гдѣ хто бѣжитъ» — «въ лѣто 6770 г. вложи (Богъ) *ярость* въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь, и выгнаша изъ городовъ — изъ Ростова, ис Суждаля, изъ Ярославля» (*Лавр. л.*, 446, 452). По другой версіи, эта ярость въ христіанскихъ сердцахъ одновременно обнаружилась повсюду: «въ лѣто 6770 бысть вѣчье на бесермены по всѣмъ градомъ русскымъ.... и побиша татаръ вездѣ». Интересно объясненъ въ лѣтописи и поводъ къ проявленію ненависти противъ татаръ: «и пріиде на Устюгъ грамота отъ вел. кн. Александра Ярославича, что татаръ бити» [286]). Народъ, повидимому, наивно вѣрилъ въ возможность сверженія татарскаго ига, находилъ вполнѣ естественнымъ, что любимый князь «ярость мужества» своего проявитъ теперь на татарахъ; онъ вызывалъ Александра на борьбу съ погаными поработителями. И мы знаемъ, сколько хлопотъ и огорченій доставили великому князю эти народныя волненія; они ускорили и его смерть. Не будетъ никакого преувеличенія сказать, что благодаря Александру на время какъ-бы воскресло прежнее величіе Руси, переживались и вспоминались лучшіе періоды ея исторіи — времена упоминаемыхъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ Словѣ о погибели русской земли великихъ князей Всеволода, Владиміра Мономаха, даже стараго Ярослава. Едва-ли, поэтому, въ другомъ какомъ-либо сочиненіи XIII в., кромѣ біографіи бл. кн. Александра, было болѣе умѣстно то поэтическое описаніе величія Руси, какое читаемъ въ «Словѣ о ея погибели».

Я думаю, затѣмъ, что въ самомъ выраженія заглавія: «о погибели», нѣтъ необходимости подразумѣвать только событія 1237—38 гг. Страхъ «погибели страны» испытывался и позднѣе ужасовъ Батыева нашествія и иногда онъ принималъ особенно обостренную форму. Достаточно припомнить хотя бы лѣтописную замѣтку подъ 1283 г., по поводу нашествія Ахмата: «и бяше видѣти дѣло стыдно и велми страшно, и хлѣбъ во уста не идяшеть оть страха» (*Лавр. л.*, 458). То же предчувствіе грозящей странѣ «погибели» обнаружилось въ русскомъ обществѣ и въ моментъ кончины благ. князя Александра. Когда митр. Кириллъ объявилъ горестную вѣсть о томъ, что «уже заиде солнце земли Суждальской , всѣ присутствовавшіе въ одинъ голосъ воскликнули: «уже п о г и б а е м ъ». Это общее настроеніе и могло отразиться на первой части въ заглавіи сказанія о благ. кн. Александрѣ Ярославичѣ.

Опасенія біографовъ князя не сбылись: Русь и теперь, какъ и въ 1238 г., не погибла, но величіе и слава ея померкли. Со смертью Александра Ярославича политическая жизнь Руси принимаетъ сѣрый, будничный характеръ и новаго праздника пришлось ожидать очень долго,

[286]) у И. И. С р е з н е в с к а г о, Древніе памятники русскаго письма и языка, Спб. 1882 г., 2 изд., стр. 127.

больше 100 лѣтъ, до 1380 г. (Донская побѣда). Къ этому времени «земля Суждальская» утратила уже всякое значеніе. Но и событія ближайшаго времени оправдали отчасти опасенія современниковъ бл. кн. Александра. Лѣтописцу очень скоро представился случай отмѣтить, какъ не походили на благ. князя его преемники: «наведе Богъ сего бесурменина злого за неправду нашю, мню бо и князи ради, зане живяхуть въ которахъ межи собою» (Лавр., 458). По отзыву В. О. Ключевскаго, «только образъ Александра Невскаго нѣсколько прикрываетъ ужасъ одичанія и братскаго озлобленія (князей). Если бы они были предоставлены самимъ себѣ, они разнесли бы Русь на безсвязные, вѣчно враждующіе между собою удѣльные лоскутья» [287]). Въ оцѣнкѣ дѣятельности и личности бл. князя его біографъ, так. обр., не очень разнится отъ знаменитаго историка. Въ предисловіи къ сказанію онъ не напрасно съ большею подробностію останавливается на Владимірѣ Мономахѣ. Въ дѣятельности Александра Невскаго было много сходныхъ чертъ съ дѣятельностію этого любимаго кіевскою Русью страдальца за Русскую землю [288]).

Не соглашаясь съ моимъ объясненіемъ заглавія «Слова», С. А. Бугославскій указываетъ на невозможность подтвердить такое объясненіе данными изъ текста памятника. «Тщетно—говоритъ онъ—искать (въ разсказѣ объ Ал. Нев.) идеи погибели Руси. Во всѣхъ спискахъ житія, приведенныхъ г. Серебрянскимъ, читаемъ: «заиде солнце земли Суждальской (а не Русской); далѣе: «людие мнози (т. е. только группа людей) вопіяху глаголюще: уже погибаемъ» [289]).

Но если и не принимать во вниманіе, что слова: «земли Суждальской», написаны человѣкомъ изъ великокняжеской тогда Владиміро-Суздальской области, всетаки едва-ли правильно будетъ усвоять имъ такое узко-географическое значеніе. Позднѣйшіе біографы имѣли право измѣнить здѣсь слово: «Суждальской», на болѣе широкое: «Русской», имѣлъ право произвести такую же замѣну и нашъ авторъ въ заглавіи памятника. По крайней мѣрѣ, въ другихъ памятникахъ, въ частности, въ зависящихъ отъ житія Александра сказаніяхъ о Мамаевомъ нашествіи, мы встрѣчаемъ аналогичные примѣры. Вел. князь Димитрій, обращаясь въ брату, говоритъ: поѣдемъ, брате, въ свою землю Залѣсскую, къ славному городу Москвѣ» [290]). Такое географическое опредѣленіе для Москвы является у автора не болѣе, какъ литературною вольностію; и мы видимъ, что поздній списокъ—XVII в., удерживаетъ это опредѣленіе, наоборотъ, древнѣйшій—XV в., вмѣсто: «Залѣсскую», имѣетъ чтеніе: «Русскую» [291]). Съ предложеннымъ С. А. Бугославскимъ комментаріемъ житійнаго текста: «людие мнозии», ни въ вавомъ случаѣ нельзя согласиться. Въ Псково-Печерскомъ спискѣ, и повторяющемъ его текстъ Лихачевскомъ, читаемъ: «*вси* люд(ь)е мнозии» [292]). Возможно только одно толкованіе этой фразы: все множество народа, противополагаемаго здѣсь духовному чину. Такъ понимали и древне-русскіе переписчиви житія. Во 2 Псков. лѣт. и въ Румянц. спискѣ слово: «мнозии», опущено, стоитъ только: «вси людіе глаголаху» [293]). При описаніи погребенія князей біографы и лѣтописцы любили подчеркнуть всеобщность плача присутствовавшихъ при этомъ, но когда нужно было сказать о плачѣ только извѣстной группы, они умѣли выразиться болѣе или менѣе точно. Такъ, напр., въ позднихъ замѣткахъ о вел. кн. Ярославѣ Всеволодовичѣ читаемъ: «и се *мнози* о семъ (о смерти Ярослава) плака-

---

[287]) Русская исторія, II, 22, 50—51.

[288]) Въ одной изъ позднихъ редакцій ж. бл. кн. Александра (въ ркп. Имп. пуб. б-ки, XVI в.) читаемъ: «тогда же земля Русская плакася велми, аки труба, оставши хранителя и заступника» (у В. Мансика, 101)

[289]) Изв. А. Н., 336.

[290]) С. К. Шамбинаго, Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, Спб. 1906 г., стр. 72, Прилож.

[291]) «Ци боуря соколі снесетъ изъ земли Залѣския въ полѣ Полотское»; «они бо взнялися, какъ соколи со земли Роусскыя на поля половетцкия» (ib., въ изслѣд., стр. 95, сн. 85).

[292]) Прилож., 119; сн. у В. Мансика, стр. 137: «всѣ люди мнозіи».

[293]) Полн. собр. р. л., т. V, стр. 6, Прилож., 119, 2-й стлб.

хуся»; о смерти же Александра Невскаго здѣсь замѣчено: «и весь соборъ восплакася о немъ, и *во всѣмъ народѣ* бысть плачь неутѣшимъ [294]).

Заканчивая на этомъ слишкомъ удлиннившуюся рѣчь объ отношеніи «Слова о погибели» къ біографическимъ памятникамъ о благ. кн. Александрѣ Невскомъ, позволю себѣ въ общихъ чертахъ повторить здѣсь содержаніе своихъ разбросаиныхъ, отрывочныхъ замѣтокъ, точнѣе формулировать свой взглядъ.

«Слово о погибели Русскыя земли» представляетъ собою введеніе въ свѣтскую біографію благ. кн. Александра, и въ оригиналѣ Слово имѣло второе еще заглавіе, поясняющее намъ смыслъ перваго: «о смерти великаго князя Александра Ярославича (Ярославля)». Этотъ памятникъ былъ составленъ въ XIII в., вскорѣ и подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій кончины бл. князя. Авторомъ «Слова» былъ дружинникъ князя, только не изъ числа тѣхъ, которые принимали личное участіе въ боевыхъ подвигахъ Александра. На княжемъ дворѣ онъ занималъ то же мѣсто, какое при дворѣ Игоря Святославича занималъ авторъ Слова о полку Игоревѣ, при дворѣ Ярослава Всеволодовича—авторъ «Моленія» Даніилъ Заточьникъ. Это были «пѣвцы славы князьямъ», м. б. и «не велми храбрые на ратѣхъ», но хорошо владѣвшіе перомъ, умѣвшіе достойно прославить ратную храбрость «господина своего» князя. Авторъ свѣтской біографіи бл. кн. Александра не былъ случайнымъ писателемъ; у него была значительная по тому времени начитанность не только въ «божественномъ писаніи», но и въ мірской литературѣ. Упоминанія объ Александрѣ Македонскомъ, Ахиллесѣ, Дигенисѣ Акритѣ едва-ли отголоски чужихъ словъ. Среди церковныхъ писателей были люди весьма начитанные въ «божественномъ писаніи»—переводномъ и своемъ, и среди немногочисленныхъ представителей свѣтской письменности тоже могли быть люди начитанные въ переводной свѣтской литературѣ; ихъ интересу къ ней больше всего и обязаны своимъ переводомъ на русскій языкъ и распространеніемъ въ русской письменности южно-славянскихъ переводовъ перечисленныя выше повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ, Дигенисѣ Акритѣ, Троянскомъ плѣненіи, разореніи Іерусалима. Церковная литература старалась изгнать изъ обращенія этотъ подозрительный источникъ литературныхъ знаній. Но и сами церковные писатели не закрывали ушей, когда имъ приходилось слышать чтеніе такихъ ненужныхъ для нихъ книгъ. Ниже, при разборѣ одного изъ княжескихъ житій, написаннаго человѣкомъ, ни во что ставившимъ «еллинскую мудрость», намъ придется отмѣтить слѣдующія строки: «слышахъ бо нѣкогда книгу прочитаему Тройскаго плѣненіа, въ ней же многіа похвалы плетены еллиномъ отъ Омира жъ и Овидіа» [295]). Біографъ Александра не только охотно послушалъ-бы, онъ и самъ бы прочиталъ такую книгу. Онъ и читалъ, хотя м. б. не настоящую Иліаду. Мы знаемъ, что въ XIII в. Троянская исторія въ русской письменности имѣлась—только не Гомера, а Да-

---

[294]) Ркп. Имп. пуб. б-ки Q XVII, 72 (безъ пагинаціи) въ глав. 96, 97. Пользуясь случаемъ, отвѣчу и на послѣднее возраженіе мнѣ С. А. Бугославскаго. Въ своей статьѣ («Труды»...., 190—191), разбирая мнѣніе о написаніи «Слова» въ 1238 г., я, основываясь на характеристикѣ тогдашнихъ событій у лѣтописцевъ, между прочимъ, высказалъ сомнѣніе: могли-ли въ этомъ году появиться какія-бы то ни были литературныя произведенія. Этой замѣткѣ своей и тогда я не придавалъ значенія и особаго смысла. С. А. Бугославскій возражаетъ: «переписываніе рукописей въ XIII в. доказываетъ, что татары не заглушили литерат. жизнь Руси» (335). Съ этимъ никто не станетъ спорить. Но рецензенту нужно было приниять во вниманіе, что мнѣ приходилось возражать не противъ появленія «Слова» въ XIII в. вообще, а противъ попытки точно датировать памятникъ—1238 г., нужно, значитъ, было точнѣе сдѣлать и ссылку на переписываніе въ это время ркп. Указать ркп. отъ этого года затруднился и И. И. Срезневскій. Въ Древн. памятн. рус. письма и яз.», 2 изд., онъ послѣ 1236 т. прямо дѣлаетъ переходъ къ памятникамъ «послѣ 1239 г.» .(стр. 110). Затѣмъ, «Слово о погибели» представляетъ собою не импровизацію литературную, а книжное сочиненіе. Его авторъ зналъ Слово о полку Игоревѣ, былъ знакомъ съ записью о Мономаховой легендѣ, сдѣлалъ длинную выписку изъ какого-то памятника въ перечнѣ подвластныхъ Руси народовъ; м. б. у него подъ рукою были и другія пособія. Откуда, напр., онъ заимствовалъ Дышучее море»? Не у Іосифа-ли Флавія? Для книжной работы нуженъ извѣстный minimum удобствъ и времени. Тѣхъ и другого въ 1238 г. могло не быть.

[295]) У Василія псковскаго въ житіи бл. кн. Всеволода. Заимствовано изъ житія Михаила Клопскаго-Тучкова; тамъ буквально читаемъ эти строки.

реса Фригійскаго. Она была помѣщена въ. томъ же сборникѣ 1261 г., въ которомъ сохранился и раннѣйшій изъ русскихъ списковъ Повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ [296]). Біографу бл. князя она, значитъ, могла быть доступна.

Въ результатѣ знакомства автора съ свѣтскими повѣстями біографія бл. князя и приняла такой необычный для древне-русской житійной литературы характеръ. Религіозные мотивы и сюжеты переплетаются здѣсь съ былинными, миѳологическими, книжные обороты очень часто уступаютъ свое мѣсто народнымъ выраженіямъ и присловьямъ. Въ русской письменности, проникнутой аскетическими тенденціями, такое сочиненіе, конечно, не могло быть долговѣчнымъ; среди любителей «божественнаго» писанія оно не могло найти усердныхъ переписчиковъ, которые заботливо распространяли бы среди читателей этотъ любопытный памятникъ. Наоборотъ, рано была сдѣлана попытка изъять свѣтскую біографію бл. князя изъ обращенія, замѣнить ее болѣе подходящимъ для назидательнаго чтенія памятникомъ. Въ концѣ XIII или въ началѣ XIV в. появилась во Владимірѣ первая ея передѣлка—церковное житіе князя; оно вошло затѣмъ въ лѣтопис.и и переписывалось въ сборникахъ. Но въ XIV в. свѣтская біографія бл. кн. еще не была утрачена. Составитель особаго житія воспользовался ею наряду съ церковнымъ лѣтописнымъ житіемъ и далъ сводную сокращенную редакцію двухъ древнѣйшихъ біографическихъ памятниковъ. Предисловіе церковнаго житія онъ замѣнилъ предисловіемъ изъ свѣтской редакціи, но введеніе къ послѣдней: «Слово о погибели (о величіи) Рус. земли», опустилъ, и мы не можемъ теперь точно установить, какой былъ переходъ въ свѣтской біографіи отъ введенія къ предисловію. Переписчикъ житія, воспроизведеннаго въ Псково-Печерскомъ спискѣ, тоже имѣлъ подъ рукою обѣ біографіи князя. Не задаваясь редакціонною работою, просто лишь переписывая церковное житіе, онъ не удержался отъ воспроизведенія въ своемъ спискѣ понравившагося ему въ свѣтской біографіи введенія, механически объединилъ его съ текстомъ церковнаго памятника. Онъ выписалъ и заглавіе свѣтской біографіи, но во второй его части допустилъ описку. Къ XVI в. свѣтская біографія бл. князя уже затерялась. Біографъ бл. кн. Ѳеодора, Андрей Юрьевъ, имѣлъ у себя списокъ «Слова» однородный со спискомъ XV в.—Псково-Печерскимъ. Одновременно съ этимъ рѣже стала переписываться и первоначальная редакція церковно-лѣтописнаго житія бл. Александра. и она въ свою очередь должна была уступить свое мѣсто новымъ передѣлкамъ, совершенно уже агіографическаго характера.

Гдѣ былъ написанъ оригиналъ Псково-Печерскаго списка житія?

Принимая во вниманіе, что особое житіе и его передѣлки: Лихачевское, въ 1 Соф. лѣтописи,—памятники, по всей вѣроятности, новгородскаго происхожденія, что въ Новгородѣ же въ первоначальный текстъ церковнаго житія была вставлена изъ свѣтской біографіи статья объ удальцахъ, а также, что оригиналомъ для псковскихъ рукописей чаще всего были ркп. новгородскія, я думаю, что и присоединеніе къ тексту церковнаго житія «Слова о погибели» было произведено тоже въ Новгородѣ. При такомъ объясненіи станетъ болѣе понятнымъ для насъ высказанное въ научной литературѣ предположеніе, что «Слово о погибели» было извѣстно одному изъ новгородскихъ лѣтописцевъ [297]).

Точно возстановить составъ свѣтской біографіи бл. кн. Александра теперь немыслимо. Приблизительно же, пользуясь особымъ житіемъ, Псково-Печерскимъ и восполняющими текстъ утраченныхъ въ немъ листовъ Румянцевскимъ и лѣтописными списками, можно представить этотъ составъ въ слѣдующемъ видѣ. Вслѣдъ за текстомъ Псково-Печерскаго «Слова о погибели» въ свѣтской біографіи было предисловіе, по всей вѣроятности, тождественное съ начальными строками особаго житія. Дальше слѣдовали тѣ же біографическіе

---

[296]) П. В. Владиміровъ, о. с, 93.—Древн. лѣтоп., ссылаясь на Гомера пользовались тоже не Иліадою (См. у В. С. Иконникова, о. с. II, I, 271).

[297]) См. у В. С. Иконникова, о. с, кн. 1, стр. 696, прим.

разсказы о бл. князѣ, какіе сохранились въ текстѣ церковно-лѣтописнаго житія (начиная съ Андріаша), но разстановка этихъ разсказовъ въ церковно-лѣтописномъ житіи сдѣлана нѣсколько иная и въ первоначальное изложеніе введены по мѣстамъ агіографическія дополненія. Разсказа о чудѣ при погребеніи, судя по тексту особаго житія, въ свѣтской біографіи не было [298]), но, какъ и въ особомъ житіи, въ описаніи Неврюева нашествія была краткая параллель Александра съ Ярославомъ Всеволодовичемъ. Не одни агіографическія сочиненія рекомендовали при прославленіи святыхъ не обходить похвалою ихъ родителей и потомковъ. Такой же совѣтъ восхвалять «родъ праведныхъ и сѣмя ихъ» могли находить біографы и въ свѣтскихъ источникахъ своей работы. «Азъ же велми пою и хвалю кончающихся при брани, и иже инако мыслять, то проклинаю имь, да быша отъ болѣсти измерли, ихъ же и души съ тѣломъ погребены бываютъ... А иже живъ и убіенъ будетъ, да послѣдствуетъ ему благость (награда) и похвала и родившимся отъ него вѣчная честь», замѣчаетъ Іосифъ Флавій [299]). Житіе бл. кн. Александра (въ разсказѣ о походѣ на Юрьевъ) и сказаніе о бл. кн. Довмонтѣ съ «честію» отзываются о сынѣ Александра—Димитріи. Разсматриваемая же параллель Александра съ Ярославомъ Всеволодовичемъ біографомъ-церковникомъ опущена б. м. потому, что воздать «вѣчную честь» родителямъ святаго онъ уже имѣлъ случай въ своемъ предисловіи къ житію.

Въ такомъ видѣ я представляю себѣ главнѣйшіе вопросы изъ начальной исторіи біографической литературы о бл. кн. Александрѣ Невскомъ. Въ изложеніи дальнѣйшей литературной исторіи житій—въ обзорѣ редакцій XVI в., въ виду обстоятельной характеристики этихъ памятниковъ у В. Мансика, ограничусь только общими замѣчаніями.

Къ Макаріевской эпохѣ относятся два опыта подробнаго житія бл. князя: «Слово похвальное благ. вел. кн. Александру, иже Невскій именуется, новому чюдотворцу, въ немже и о чюдесѣхъ его сповѣдася»—сочиненіе апонимное [300]), и «житіе и жизнь и повѣсть о храбрости и о чюдесѣхъ св. и вел. князя Александра Невскаго, списано вкратцѣ»—псковскимъ пресвитеромъ Василіемъ [301]).

Похвальное слово составлено спеціально для В. Ч. Миней и позднѣе оно переписывалось обычно въ сборникахъ минейнаго состава. Въ предисловіи разъяснены поводъ и обстоятельства составленія этого памятника. На соборѣ 1547 г., по иниціативѣ Іоанна Грознаго, было установлено общецерковное празднованіе благ. князю. Митр. Макарій, съ соборомъ, произвелъ изслѣдованіе чудесъ святаго и «понудилъ убогаго» списателя написать житіе. Работа была не сложная; она свелась къ агіографической передѣлкѣ церковно-лѣтописнаго житія благ. князя и къ описанію посмертныхъ его чудесъ.

Воспроизводя содержаніе церковно-лѣтописнаго житія, новый біографъ очень немногое изъ него опустилъ, кое-что измѣнилъ и дополнилъ, и постарался или удалить изъ текста не совсѣмъ подходящія къ церковному памятнику выраженія, или передѣлать ихъ на агіографическій ладъ [302]). Не замѣтно, чтобы въ біографическомъ отдѣлѣ авторъ Похвальнаго слова пользовался какими-нибудь новыми историческими источниками; всѣ его добавленія къ церковно-лѣтописному житію не выходятъ изъ области агіографическихъ гипотезъ и общихъ

---

[298]) Этотъ разсказъ въ церк.-лѣт. житіи представляетъ собою приписку автора къ разсказу источника о погребеніи князя. Иначе онъ долженъ бы стоять раньше замѣтки о мѣстѣ и днѣ погребенія.

[299]) Е. В. Барсовъ, о. с, 221, 222.

[300]) Издано у В. Мансика, стр. 15—31. Буду цитировать это изданіе. Просмотрѣнные мною списки см. въ Спискѣ ркп.

[301]) Въ моихъ Прилож. № 31. Тексты остальныхъ житій буду цитировать по изд. у В. Мансика.

[302]) Въ Похв. словѣ опущено сравненіе съ Веспасіаномъ; перечислены всѣ шесть удальцевъ, но подвиги ихъ переданы очень кратко; Андріашъ приходитъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ другими рыцарями; иначе, не по пророку Исаіи, сдѣлана характеристика князя; сочинено особое поученіе А. боярамъ о справедливомъ судѣ, объ отношеніи къ подчиненнымъ, о воздержаніи отъ пьянства; въ описаніи предсмертныхъ минутъ неудачно вставленъ разсказъ о плачѣ окружавшихъ князя его бояръ и чиновниковъ, и т. д.

мѣстъ, стилистическія же измѣненія не всегда удачны и нужны. Къ біографіи присоединены описанія чудесъ и похвала-акаѳистъ св. князю.

Біографъ былъ опытный писатель; онъ былъ достаточо знакомъ съ техникою составленія житій и начитанъ въ агіографической русской литературѣ. По мнѣнію В. Мансика, біографъ былъ знакомъ и «съ цѣлымъ рядомъ воинскихъ повѣстей» [303]). Съ литературою о Мамаевомъ побоищѣ знакомство біографа, дѣйствительно, нужно допустить.—Описанія чудесъ кратки, въ литературномъ отношеніи мало обработаны. И въ этомъ отдѣлѣ, какъ разъяснено у В. Мансика (123), наблюдается вліяніе стороннихъ агіографйческихъ произведеній. За исключеніемъ перваго чуда: о небесной помощи бл. князя Димитрію Ивановичу Донскому во время Мамаева нашествія, остальныя записаны со словъ очевидцевъ. Какъ разъясняетъ самъ біографъ, онъ описалъ только позднѣйшіе—XVI в., случаи исцѣленій: «еже бысть въ послѣдняа лѣта». Никакихъ бытовыхъ чертъ вь описаніяхъ этихъ не найдемъ.

Гдѣ и кѣмъ было составлено Похвальное слово?

Сохранилось извѣстіе въ сочиненіи суздальскаго писателя того же вѣка—Григорія, что владимірскіе монахи успѣшно работали надъ составленіемъ біографіи бл. князя: «написаша достойно добродѣтели его» [304]). Этимъ «достойнымъ писаніемъ» владимірскихъ иноковъ и считаютъ Похвальное слово; авторомъ его называютъ монаха Рождественскаго монастыря Михаила, который, въ качествѣ представителя владимірскаго духовенства, могъ быть въ 1547 г. въ Москвѣ на соборѣ [305]). Основываясь на различіи разсказа о чудѣ при погребеніи въ Похв. словѣ и въ краткой записи, В. Мансика отрицательно относится къ предположенію объ авторствѣ Михаила (122). Мнѣ кажется, что отдѣльныя выраженія въ текстѣ Слова мѣшаютъ увѣренно высказаться и вообще о принадлежности памятника перу одного изъ монаховъ Рождественской обители. Біографъ князя, говоря о Рожд. м-рѣ, выражается: «тоя же обители» (28, 29), «того же монастыря» (29); Рождественскому монаху удобнѣе было-бы употребить здѣсь мѣстоименія: «сей» или «нашъ». Но Слово написано во Владимірѣ. Въ молитвѣ св. князю мы читаемъ: «буди покровъ граду *нашему*» (31).

Съ нашей точки зрѣнія Похвальное слово можетъ быть признано совсѣмъ ненужною передѣлкою хорошаго стараго. Но для своего времени— если принять во вниманіе не только церковныя, но и литературныя условія происхожденія памятника—это сочиненіе было удовлетворительное и нужное. Съ точки зрѣнія современниковъ біографа «предивный чюдотворецъ», дѣйствительно, не былъ еще почтенъ «достойнымъ писаніемъ», такъ какъ нельзя же было признать такимъ писаніемъ полуцерковное-полусвѣтское лѣтописное житіе благ. князя.

Второй опытъ агіографической передѣлки церковно-лѣтописнаго житія представляетъ собою сочиненіе Василія. Обстоятелъства и поводъ написанія этой редакціи не совсѣмъ ясны. Вопреки своему обычаю подробно разъяснять, кто, когда и почему поручилъ біографу составить «гранесловіе», Василій не дѣлаетъ здѣсь никакихъ поясненій; онъ кратко заявляетъ: «нынѣ добродѣтельное его житіе къ Богу изложити изволихомъ» [306]). Сомнительно, чтобы это «изволеніе» было вызвано только личнымъ интересомъ автора къ старинной біографической литературѣ о бл. князѣ, или какими-ниб. мѣстными, псковскими условіями и требованіями. Василій состоялъ въ числѣ сотрудниковъ В. Ч. М.; не имѣлъ-ли онъ въ виду помѣстить свой трудъ въ этомъ изданіи? Нужно полагать, что сотрудничество въ В. Ч. М. было не только почетно, но и выгодно. Василіево житіе, дѣйствительно, вашло въ одну изъ редакцій В. Ч. М.— въ третью книгу, № 176, Синодальнаго (царскаго) списка. Но въ основной

[303]) о. с, 118, сн. 125.

[304]) См. у В. О. Ключевскаго, Древ. рус. ж. 239.

[305]) ib. Михаиломъ была составлена служба святому. Его имя упоминается и въ краткой церков. записи о погребеніи князя (Прил. № 28).

[306]) Прилож. № 31, стр. 124.

редакціи—въ Успенскомъ (митрополичьемъ) спискѣ его нѣтъ. Для В. Ч. М. требовалась не одна лишь агіографическая перелицевка стараго житія, нуженъ былъ и новый отдѣлъ—описаніе чудесъ. Послѣдней задачи Василій, живя въ Псковѣ, не могъ выполнить. Намѣтивъ въ заглавіии «повѣсть... о чудесѣхъ», въ текстѣ онъ ограничился общими разсужденіями о «множайшихъ исцѣленіяхъ отъ блаж. и вел. кн. Александра» (137), ни одного конкретнаго примѣра не привелъ.

Въ содержаніи разсматриваемой редакціи, какъ и въ Похв. словѣ, не найдемъ никакихъ новыхъ историко-біографическихъ сообщеній о святомъ, но сообщенія литературныя—того, что могло-бы быть, но неизвѣстно, было-ли [307]), здѣсь встрѣчаются, притомъ, сообщенія любопытныя. Благодаря Василію, старинный читатель получалъ, напр., возможность познакомиться съ подробностями пріема вел. князя Батыемъ. Въ церковно-лѣтописномъ житіи въ этомъ случаѣ кое-что осталось, м. б. намѣренно недоговореннымъ. Василій разъяснилъ недоговорку своего источника. По его словамъ, бл. князь, подобно Михаилу Черниговскому, рѣшилъ скорѣе умереть, чѣмъ подчиниться унизительнымъ для христіанпна татарскимъ требованіямъ; онъ отказался итти сквозь огонь и поклоняться твари паче Творца (134). Но свою рѣшимость бл. князю не нужно было доводить до конца: «по смотренію же Божію, не повелѣ его царь нудити къ своей вѣрѣ—ни вести сквозѣ огнь, ни кланятися солнцу, ни кусту, ни идоломъ безбожнымъ (бездушнымъ), но повелѣваетъ святаго поставити предъ собою съ честію, славы ради его ненудима» (ib.). Біографъ переноситъ на святаго то, что въ житіяхъ разсказывалось о благ. кн. Михаилѣ Черниговскомъ. Онъ пользуется Пахоміевымъ житіемъ св. Михаила, почти буквально передаетъ Пахоміевъ разсказъ и так. образомъ не скрываетъ, какую степень достовѣрности имѣетъ это его добавленіе къ церковно-лѣтописному житію бл. кн. Александра. Однако, самую уже мысль ввести такой варіантъ въ старый біографическій разсказъ о святомъ нельзя не признать удачною. Онъ подсказывался самымъ тономъ церковно-лѣтописнаго разсказа о пріемѣ вел. князя Батыемъ, являлся дополиеніемъ, естественно вытекавшимъ изъ контекста рѣчи въ древней біографіи.

Церковно-лѣтописнымъ жйтіемъ Василій пользовался въ разновидности, помѣщенной во 2 Псков. лѣтописи. Не трудно замѣтить и текстуальныя совпаденія Василіева житія съ этою разновидностію, и соотвѣтствіе въ содержаніи. Упрекъ-предупрежденіе псковичамъ (131), разсказы о походѣ Димитрія Александровича на Юрьевъ (136), о папскихъ послахъ (135) и др. у Василія переданы съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей псковскаго лѣтописнаго текста. Разсказа о чудѣ за Ижорою въ житіи Василія нѣтъ, а о подвигахъ 6 удальцевъ сдѣлана лишь общая замѣтка (128).

По отзыву В. О. Ключевскаго (28), Василій, по сравненію съ авторомъ Похвальнаго слова, «смѣлѣе измѣнялъ текстъ оригинала». По моему мнѣнію, оба списателя къ тексту оригинала относились одинаково осторожно; почти буквальныхъ выписокъ изъ церковно-лѣтописнаго житія у Василія найдемъ даже больше, чѣмъ у владимірскаго редактора. Но владимірскій редакторъ ограничился только риторическаго интерполяцією своего источника, Василій, по обычаю своему, слишкомъ увлекся «внѣшними» дополненіями—выписками изъ стороннихъ агіографическихъ сочиненій, потому его сочиненіе и кажется болѣе существеннымъ опытомъ передѣлки стараго. Сторонніе литературные источники работы Василія опредѣлены и подробно разсмотрѣны у В. Мансика (стр. 127—142)— Пахоміевы житія Михаила Черниговскаго, архіеп. Іоанна новгородскаго, Антоніево житіе бл. кн. Ѳеодора Ростиславича. Вставки изъ этихъ памятниковъ сопровождаются обычными для Василія фразами: «о семъ убо до здѣ прекратимъ слово, настоящее же да глаголется» (132). Этимъ «настоящимъ» оказывается выписка изъ житія бл. кн. Ѳеодора. «Сіе же до здѣ и паки устремимся о блаж. кн. Александрѣ» (133). Дѣйствительно, авторъ переходитъ къ житійному разсказу о послахъ Батыя къ Александру, но скоро опять устремляется на списываніе сначала у Пахомія, изъ ж. бл. Михаила, затѣмъ,

---

[307]) Послѣдній вопросъ мало интересовалъ собою древне-русскаго біографа.

послѣ словъ: «сіе же до здѣ речеся» (134), у Антонія, изъ житія бл. кн. Ѳеодора. Подражая Пахомію, Василій составилъ предисловіе къ житію, начинающееся одинаковыми словами: «Что реку или что возглаголю о доблести и мужествѣ» и т. д. Это наборъ такихъ высокопарныхъ фразъ, что не только древне-русскому читателю, но и современному изслѣдователю не легко уловить основную мысль автора и прослѣдить ея развитіе.

Варіантъ къ разсказу о чудѣ при погребеніи, очень неудачный, внесенъ Василіемъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ житія бл. кн. Михаила Тверского. По житію Василія: «о превеликое сіе чудо, братіе, иже (еже) многи (?) земли провезоша св. и честное тѣло его до града Владиміра, и бяше тепло, не убояся студени воздушныя, но хранимо бѣ благодатію св. Духа» (137). Въ житіи бл. кн. Михаила: «колико бысть разстояніемъ отъ далныя земли привезено честное и многострадалное блаженнаго тѣло на колесницѣ и на возилѣ, потомже всегодыщное время бѣ на Москвѣ запечатлѣнно во гробѣ, а нетлѣніемъ почтено бысть. О преславнаго чудесе» [308]). Редакторъ житія въ Степенной въ разсматриваемомъ мѣстѣ лучше, чѣмъ Василій, приспособляетъ сообщеніе изъ древней біографіи благ. кн. Михаила: «кто убо же удивится о семъ, яко тѣлу бездушьну сущу и привезену отъ далнихъ мѣстъ во время зимы, руцѣ же его самой разгибатися и сгибатися» (293).

Благодаря разнообразнымъ заимствованіямъ изъ старинныхъ житій древняя біографія у Василія полнѣе вводится въ кругъ образцовыхъ агіографическихъ сочиненій, получается болѣе типическая, чѣмъ у автора Похвальнаго слова, церковная передѣлка памятника.

Количествомъ сохранившихся списковъ Василіево житіе уступаетъ Похвальному слову; но одно количество списковъ не служитъ еще точнымъ показателемъ популярности памятника, важно и отношеніе къ нему переписчиковъ. Съ этой стороны большая сравнительно популярность Василіева житія несомнѣнна. Въ то время, какъ Похвальное слово переписывалось безъ какихъ-либо измѣненій, Василіево житіе подвергалось передѣлкамъ. У В. Мансика (173—177) разсмотрѣна одна изъ такихъ передѣлокъ какого-то грѣшнаго, грубаго и недостойнаго р. Б. Тита (въ ркп. XVII в, № 198 ОЛДП). Редакторъ пополнилъ текстъ оригинала вставками изъ житія въ Степенной. Другая передѣлка—легкая стилистическая, напечатана въ моихъ Приложеніяхъ № 31.

Послѣдующіе біографы пользовались при своей работѣ и Похвальнымъ словомъ и редакціею Василія, но отдавали предпочтеніе первому памятнику. Это и понятно. Похв. слово представлялось имъ болѣе авторитетнымъ сочиненіемъ потому уже, что оно было написано по иниціативѣ высшей власти и ею же было одобрено ко всеобщему употребленію внесеніемъ въ В. Ч. М. Василіево житіе полной санкціи не получило; это былъ памятникъ, написанный по личной инціативѣ псковскаго писателя. Но одна изъ передѣлокъ Василіева житія, сохранившаяся въ псковскомъ же спискѣ XVI в. № 397 Рум. муз., л. 348 об.—353 об., вошла затѣмъ въ составъ печатнаго пролога, сдѣлалась памятникомъ оффиціальнаго-церковнаго характера. Проложное житіе представляетъ собою сокращеніе труда Василія. Вѣроятно, оно принадлежитъ тоже въ памятникамъ псковской письменности.

На основѣ Похвальнаго слова составлены житія: а) для Степенной книги и б) редакція Іоны Думина [309]). Такъ какъ оба эти житія въ историческомъ отношеніи не имѣютъ ровно никакой цѣнности, а въ отношеніи литературномъ одинаково служатъ показателемъ только отрицательныхъ сторонъ въ агіографической работѣ въ XVI в., то на нихъ нѣтъ смысла останавливаться подробно.

Житіе въ Степенной представляетъ собою распространеніе Похвальнаго слова съ помощію глав. обр. лѣтописныхъ извѣстій, изъ позднихъ сводовъ лѣтописей, и риторическаго много-

[308]) Ркп. Ундольскаго № 1209, л. 56 об. Такія же свѣдѣнія и въ другихъ редакціяхъ ж. бл. кн. Михаила.

[309]) Похвальное слово воспроизводитъ и редакторъ Милютинскихъ чет. миней Патр. б-ки № 799, л. 1330—49); онъ только опускаетъ предисловіе въ этомъ памятникѣ. Въ Тулуповскихъ минеяхъ воспроизведенъ текстъ обѣихъ редакцій (Лавр. б-ки №. 671, л. 141 об. и сл., л. 158 и сл.).

словія. Подробнѣе источники житія въ Степенной разсмотрѣны у В. Мансика (143—165). Авторъ допускаетъ знакомство редактора и съ житіемъ Василіевымъ [310]); и мнѣ кажется, что этотъ взглядъ можно признать обоснованнымъ. Но не совсѣмъ понятно, почему В. Мансика полагаетъ, что эта редакція была составлена для церковнаго употребленія (144). Церковныя заглавія житій въ Степенной встрѣчаются почти постоянно. То обстоятельство, что житіе переписывалось иногда и въ сборникахъ минейнаго состава, также мало говоритъ за церковное употребленіе памятника. Въ XVII в. и въ рукописяхъ минейнаго вида нерѣдко нарушался прежній церковный составъ сборника, вносили статьи, которыя, несомнѣнно, не читались въ церквахъ за богослуженіемъ. Ни одного экземпляра житія, переписаннаго въ связи со службою святому, у В. Мансика не указано. Самъ же редакторъ, противополагая своему сочиненію Похвальное («Торжественное») слово, какъ бы подчеркиваетъ не церковный характеръ житія. Мѣсто житія въ церковной письмености о бл. кн. Александрѣ точнѣе опредѣляетъ В. О. Ключевскій, когда говоритъ, что къ церковнымъ житіямъ редакція житія въ Степенной относится, какъ историческая повѣсть къ церковному панегирику [311]). Разумѣется, что терминъ «историческая повѣсть» въ отношеніи къ сочиненіямъ въ Степенной нужно прилагать въ особомъ значеніи— въ смыслѣ лишь церковно-политическаго панегирика. «Прочихъ ради дѣяній» святаго въ Степенной сокращаются только описанія чудесъ, но взамѣнъ этого новыхъ дѣяній изъ жизни бл. князя мы напрасно бы стали здѣсь искать.

Сочиненіемъ архіеп. Іоны Думина закончился процессъ старинной біографической работы о бл. кн. Александрѣ. По тогдашнимъ понятіямъ для полнаго прославленія святаго нужно было самое подробное восхваленіе его жизни и подвиговъ, и эту задачу выполнилъ арх. Іона. По размѣрамъ его сочиненіе одно изъ наиболѣе обширныхъ старинныхъ житій вообще, по литературнымъ пріемамъ оно вполнѣ должно-бы удовлетворить самымъ придирчивымъ требованіямъ тогдашней критики.

Авторъ не опускаетъ ни одной детали изъ жизни св. князя, каждому мелкому факту онъ старается дать исчерпывающее объясненіе, обо всемъ говоритъ въ одинаково приподнятомъ тонѣ, искусственнымъ, но въ большинствѣ случаевъ складнымъ языкомъ.

Пріемы работы у арх. Іоны не сложные. Онъ беретъ два позднѣйшихъ житія: Похвальное слово и житіе въ Степенной, и распространяетъ ихъ частію съ помощью другихъ житійныхъ и лѣтописныхъ сообщеній о благ. князѣ, частію цвѣтами собственнаго краснорѣчія. Особенное вниманіе онъ удѣляетъ изображенію исторической обстановки, въ которой пришлось жить и дѣйствовать благ. князю. Нужный для этого матеріалъ онъ находитъ въ той же Степенной. Въ житіе заимствованъ рядъ статей изъ 7 степени, только сдѣлана другая ихъ разстановка [312]). Но и подробность разсказовъ въ Степенной, очевидно, не удовлетворила біографа. Въ содержаніе своей работы онъ внесъ новые разсказы о Батыевомъ нашествіи, однородные съ разсказами въ хронографахъ; по всей вѣроятности, оттуда главнымъ образомъ они и заимствованы.

Въ результатѣ такихъ упрощенныхъ пріемовъ работы этотъ дополнительный къ біографіи бл. князя отдлъ у арх. Іоны принялъ несоотвѣтственно біографическимъ требованіямъ обширные размѣры. Даже и стариннымъ писателямъ XVII в. житіе показалось искусственно раздутымъ. Почувствовалась нужда въ сокращеніи памятника, и иниціативу такой переработки взялъ на себя архим. Рождественскаго владимірскаго монастыря Викентій. Интересно для оцѣнки сочиненія Іоны послѣсловіе, съ которымъ обращается Викентій къ читателю: «всякъ правовѣрный... да разсмотритъ, еже бо въ житіи его (А.) въ прежнихъ переводѣхъ писано, не суть прилично къ его чюдотворцову житію и того ради прекращенно, понеже бо суть писано о иныхъ великихъ князѣхъ, о ихъ страданіи отъ безбожныхъ Агарянъ и о ихъ мужествѣ, и

[310]) стр. 160. Сн. противоп. взглядъ В. П. Васенко, Книга Стѳпенная.., Спб. 1904 г., стр. 197.

[311]) Др. рус. ж. св., 240.

[312]) Изъ Степ., по изд. 1908 г., въ житіе вошли: стр. 253 (начиная статьею: Первое иде Ярославъ въ Орду)—255; 262 (начин. ст. о гнѣвѣ Божіи)—265, до 13 главы. Сначала идетъ то, что на стр. 262—265, затѣмъ уже—253—255.

та ихъ страданія и мужество писано въ ихъ житіяхъ и въ лѣтописныхъ книгахъ, такожде и о взятіи россійскихъ градовъ, и о убіеніи богомерзскаго нечестиваго пса Батыя царя… писано изъ лѣтописцевъ пространно и къ житію святаго *зело неприлично*, того ради изъ житія его отставишася» [313]). Но архим. Викентій опоздалъ своею редакціонною работою, да и понималъ ее онъ слишкомъ узко. «Зѣло неприличнаго» было много и въ самой біографіи благ. князя, однако Викентій не осмѣлился заняться сокращеніемъ этой части памятника. Вслѣдствіе этого разница между двумя редакціями даже и по объему оказалась весьма незначительною, и переписчики попрежнему отдавали предпочтеніе оригиналу передъ его передѣлкою.

Архіеп. Іона если и не принадлежалъ къ присяжнымъ писателямъ своего вѣка, во всякомъ случаѣ имѣлъ и начитанность, и навыкъ къ литературной работѣ. Онъ умѣлъ писатъ не только витіевато, но и складно; отдѣльныя мѣста въ его сочиненіи для того времени вполнѣ удовлетворительны. Сохранились книги этого владыки. Въ 1594 г. онъ пожертвовалъ въ Рожд. владим. м-рь списокъ Степенной со своею редакціею житія бл. кн. Алевсандра [314]), въ 1591 г.—подробный лѣтописецъ, «въ родѣ Никоновскаго», по опредѣленію П. М. Строева [315]). Извѣстны, затѣмъ, принадлежавшіе Іонѣ эвземпляры: Толковой псалтири преп. Максима Грека, переписанной не съ одного списка, а «съ различныхъ добрыхъ переводовъ», и списокъ другихъ сочиненій того же автора [316]). Допускаютъ, что въ отношеніи къ этимъ сочиненіямъ роль арх. Іоны не ограничивалась одною перепискою, онъ занимался и редакціонною работою [317]). При наличности двухъ церковныхъ житій и одного полуисторическаго сочиненія о благ. кн. Александрѣ, и здѣсь работа арх. Іоны сводилась только къ компиляціи стараго, принимала характеръ главнымъ образомъ редакціонный. Къ выполненію этой нетрудной задачи книжный владыка, повидимому, былъ достаточно подготовленъ, могъ написать вполнѣ «приличное» житіе святаго. Но онъ излишне увлекся удовлетвореніемъ предъявляемыхъ тогда къ писателю требованій и въ результатѣ этого внесъ въ агіографическую литературу золотникъ тяжеловѣсный, но ничего нестоющій.

Арх. Іону неправильно было-бы назвать только «списателемъ»; онъ старался передать содержаніе своихъ пособій не буквально, а въ перифразѣ, но и въ этомъ случаѣ допустилъ рядъ непонятныхъ недосмотровъ, ошибокъ и ненужныхъ искаженій текста своихъ источниковъ. Такъ, напр., передавая содержаніе предисловія въ Похвальному слову, онъ странно измѣнилъ слова своего предшественника: «и мене убогаго понудившу списати сіе похваленіе», на: «повелѣ мнѣ убогому написати сіе»,—въ обоихъ случаяхъ имѣется въ виду м. Макарій [318]). Равнымъ образомъ, въ описаніи чуда о Донской побѣдѣ къ словамъ автора Похв. слова: «повѣда нѣкто презвитеръ отъ града Владиміра», Іона прибавилъ: «*сей* повѣда *намъ*» [319]). У читателя получается впечатлѣніе, что Іона самъ бесѣдовалъ съ презвитеромъ и что онъ получилъ повелѣніе составить житіе не отъ патріарха Іова, какъ значится въ послѣсловіи (124), а отъ м. Макарія. Авторъ какъ-бы располагаетъ читателя забыть о позднемъ происхожденіи памятника, чтобы съ большимъ вниманіемъ отнестись къ новымъ, придуманнымъ имъ подробностямъ къ разсказамъ прежнихъ біографовъ святаго. Съ такимъ пріемомъ мы встрѣчаемся, правда, и въ другихъ агіографическихъ сочиненіяхъ, но чаще всего у писателей, роль которыхъ сводилась къ простому списыванію отъ сихъ до здѣ. Никакой тенденціи у нихъ не было, было только не по разуму усердіе.

---

[313]) Въ ркп. б-ки Влад. дух. семинаріи № 266, 1672 г., у П. М. Строева, Библіологическій словарь…, Спб. 1882 г., стр. 321.—Въ 1683 г. Викентій уже въ Троице-Сергіевомъ м-рѣ, «въ десятое лѣто» пребыванія тамъ, переписалъ свой трудъ, какъ видно изъ приписки въ ркп. № 275 Ундольскаго, л. 114.

[314]) Васенко, о. с, 203, прим.

[315]) о. с, 362.

[316]) См. у А. Н. Попова, въ 1 Прибавл. къ Описан. ркп. и каталогу книгъ… б-ки А. Хлудова, М. 1875 г., стр. 3—4, и у П. М. Строева, Рукописи И. Н. Царскаго, М. 1848 г., стр. 200.

[317]) Е. В. Пѣтуховъ, Древн. русск. лит., изд. 2, стр. 166, прим.

[318]) В. Мансика, 16, 52.

[319]) ib., 27, 103.

Какъ можно видѣть изъ сдѣланнаго обзора житій бл. князя, работа церковныхъ его біографовъ сводилась, главнымъ образомъ, къ агіографической передѣлкѣ свѣтской біографіи. Церковная литература о св. князѣ не была самостоятельною. Древнюю біографію она пополнила лишь новымъ отдѣломъ о чудесахъ, въ прославленіе же земныхъ подвиговъ бл. Александра не внесла ничего ни новаго, ни оригинальнаго. Она старалась превратить князя—героя свѣтской повѣсти въ князя—святаго, но не сумѣла выставить Александра только въ видѣ князя-аскета, что требовалось основною задачею церковнаго житія [320]). Архіеп. Іона пытался выполнить и эту агіографическую задачу; онъ хотѣлъ подвести бл. князя подъ общій типъ подвижника, княжеское житіе превратить въ житіе преподобническое. Въ предисловіи къ своему труду онъ разъясняетъ читателю, что въ житіи не столько важно изображеніе земной жизни святаго, сколько описаніе чудесъ, что подвигъ благ. князя станетъ понятнымъ: «аще прилежнѣ прочтеши святое и непорочное житіе его, *наипаче* же нынѣ, яже по смерти его, бываемыхъ чюдесъ» (51). Біографъ подчеркиваетъ, что онъ пишетъ .житіе «преподобнаго спостника, отца нашего Алексія», что иноческій подвигъ бл. Александра онъ цѣнитъ выше всѣхъ другихъ, княжихъ подвиговъ. Въ этихъ видахъ историческую обстановку описываемыхъ событій онъ нерѣдко изображаетъ въ искаженномъ, неестественномъ видѣ и даетъ предвзятую оцѣнку фактовъ, въ сущности понижающую ихъ церковно-историческое значеиіе. Ограничусь двумя примѣрами.

Во время Невской битвы, когда «чрезъ весь день» безбожные одолѣвали маленькую дружину Александра, бл. князь, по описанію Іоны, стоитъ, молится и плачетъ; только увидѣвъ явившійся на помощь полкъ небеснаго воинства, храбрый вождь рѣшается принять участіе въ битвѣ (73—74). Цѣль автора доказать, что Невская побѣда одержана «не человѣчимъ умышленіемъ, но силою Божіею», но для этого вовсе не было нужды видоизмѣнять разсказъ древней біографіи.

Другой примѣръ ненужныхъ добавленій находимъ въ описаніи чуда при погребеніи. Біографа не столько поражаетъ самая чудесность событія, сколько умиляетъ выразившееся въ этомъ чудѣ смиреніе боголюбив. вел. кн. Александра, преподобнаго Алексія, передъ высотою епископскаго сана. Какъ при жизни, такъ и по смерти благов. князь «творитъ честное великому священноначальнику: не дадяше бо, яко честну святителю, ко гробу си руки своея съ хартіею принести, но самъ къ нему евою руку простре» (102). Впрочемъ, совершенно обезличить житіе благ. князя не удалось и арх. Іонѣ. Сохранившіяся въ церковной литературѣ воспоминанія о святомъ его современниковъ повліяли и на біографа «преподобнаго отца нашего Алексія». Онъ не только возстанавливаетъ опущенную авторомъ Похвальнаго слова параллель бл. князя съ Веспасіаномъ, но повторяетъ и совсѣмъ не подходящее для церковнаго житія сравненіе святаго съ Александромъ Македонскимъ: «толико бо преудиви того Богъ и храбростію и силою, якоже часть бѣ отъ силы Сампсоня, преумноженою силою, славою же и повсюду прослутіемъ, якоже тезоименитаго тому второго Александра Македонскаго, храбростію же преименитою, якоже новаго Еуспесияна, кесаря Римскаго», читаемъ въ описаніи Невской побѣды (74). Такъ не легко было писателю-церковнику отрѣшиться отъ пріемовъ характеристики святаго свѣтскимъ его біографомъ; такой долгій слѣдъ оставила по себѣ въ сѣверо-восточной русской письменности рано ею утраченная владимірская біографія бл. кн. Александра.

---

[320]) Вліяніе свѣтской біографіи отражалось не только на содержаніи ея церковныхъ передѣлокъ, но и на ихъ заглавіи. Въ самомъ дѣлѣ, странно читать что такіе біографы князя, какъ Василій или авторъ разсмотрѣнной у В. Мансика (стр. 203—217) владимірской передѣлки редакціи Іоны, обѣщаютъ говорить не только о житіи и о чудесахъ бл. кн., преподоб. отца, но и о его *храбрости* (Прил. № 31, стр. 124, у В. Мансика, 204). Ср. также заглавіе житія во 2 Псков. лѣт.: «Повѣсти о житіи и о *храбрости* благ. и вел. кн. Александра» (стр. 2).

Ярославской письменности принадлежатъ два княжескихъ житія: благ. князя Ѳеодора Ростиславича и св. князей-братьевъ Константина и Василія Всеволодовичей.

Сложнѣе и богаче рукописнымъ матеріаломъ литературная исторія житій благ. князя Ѳеодора. Изъ шести извѣстныхъ теперь редакцій самою древнею является проложная. Въ старинной русской письменности проложное житіе благ. князя было извѣстно еще въ XIV в., но въ спискахъ пролога оно появляется только съ XV—XVI вв. и встрѣчается здѣсь вообще рѣдко [321]). Чаще проложное житіе переписывалось въ ркп. богослужебнаго состава, наряду со службою святому. По древнѣйшему изъ списковъ—Румянц. муз. № 305, XV в., текстъ этого житія напечатанъ въ Приложеніяхъ № 25.

Еще Востоковъ въ Описаніи ркп. Рум. муз. (стр. 453) обратилъ вниманіе на то, что шесть листовъ въ этой ркп., содержащихъ житіе бл, кн. Ѳеодора и два проложныхъ поученія, по бумагѣ и почерку отличаются отъ остальной части ркп., заключающей въ себѣ текстъ Кіево-Печерскаго патерика. Основываясь на характерѣ поученій, Востоковъ высказалъ предположеніе, что эта часть сборника первоначально принадлежала какому-ниб. древнему прологу и со спискомъ Кіево-Печерскаго патерика была объединена позднѣе, случайно. Большая древность разсматриваемыхъ листовъ ркп. № 305 не сомнѣнна. По пріемамъ переписки и по начертанію отдѣльныхъ буквъ [322]) Румянцевское житіе можетъ быть отнесено, по крайней мѣрѣ, къ началу XV в. Но входило-ли оно раньше въ составъ пролога, нельзя отвѣтить утвердительно. Сопровождающія текстъ житія проложныя поученія въ пергаменныхъ и бумажныхъ русскихъ прологахъ никогда не помѣщались подъ 19 сентября—днемъ преставленія благ. князя. Первое изъ поученій: «Слово о узцемъ пути», начинающееся словами: «подвизайтеся, братіе, тѣснымъ путемъ, вводящимъ въ жизнь», въ Вел. Чет. Минеяхъ находимъ подъ 15 августа; второе поученіе: «Слово отъ Лимониса», и въ В. Ч. М., и въ прологахъ пергаменныхъ (но не во всѣхъ) читается подъ 4 марта [323]). Обращая вниманіе на однородность въ содержаніи поученій и проложнаго житія—на развитіе въ нихъ одной и той же мысли о превосходствѣ монашеской жизни передъ мірскою, я думаю, что эти проложныя поученія присоединены къ тексту житія намѣренно, въ цѣляхъ большей назидательности. Во второмъ изъ поученій мы, напр., читаемъ: «вѣру имѣте ми, чада, яко велика слава и хвала царю, отмещющюся царства и бывающю мниху». Эти слова могли быть почти полностію примѣнены къ благ. кн. Ѳеодору. Въ подробномъ житійномъ разсказѣ о постриженіи князя въ Спасскомъ монастырѣ читатель могъ находить какъ-бы иллюстрацію, наглядный примѣръ къ общевысказанной въ поученіи назидательной мысли. Такимъ образомъ, и разсматриваемый списокъ проложнаго житія бл. князя точно также, какъ и списокъ XVI в, Патріарш. б-ки № 315, входилъ, вѣроятно, въ составъ ркп. богослужебной. На это указываетъ въ частности и форматъ ркп.—въ четверку, тогда какъ древніе пролога переписывались обычно въ большой листъ.

По содержанію проложное житіе распадается на двѣ части: краткую біографію-характеристику благов. князя, съ замѣткою о нашествіи на Русь Батыя, и сравнительно подробное описаніе обстоятельствъ кончины князя и его погребенія. При чтеніи житія не трудно замѣтить не только недостатокъ связи между двумя этими отдѣлами, но и нѣкоторую неровность въ переходѣ отъ одного разсказа къ другому, ненужное повтореніе сказаннаго строкою выше. Чтобы яснѣе представить это механическое, внѣшнее объединеніе двухъ разсказовъ, я приведу

[321]) Одинъ изъ болѣе древнихъ списковъ житія въ прологѣ XVI в. 1530 г. № 1003 (562), *л.* 54, гр. А. С. Уварова (псковскій прологъ). Въ просмотрѣнныхъ мною прологахъ XVI, XVII вв. житія бл. кн. Ѳѳодора нѣтъ. Изрѣдка встрѣчается *лишь* указаніе памяти святому, но безъ житія: пролога XVI, XVII в. № 961, *л.* 48 и № 448, *л.* 76 об. Историч. музея, № 697, *л.* 38 об., б-ки Каз. Д. А. (см. въ Спискѣ ркп.).

[322]) Напр.: **ъı, є̑, ѵ**

[323]) Прологъ Типограф. б-ки № 176, *л.* 5. Оглавленіе В. Ч. М., стр. 6 сн. 411. Къ 5 марта относится открытіе мощей бл. кн. Ѳеодора, но такъ какъ это событіе произошло позднѣе написанія разсматриваемаго списка житія князя, то близость въ числахъ не можетъ быть принимаема во вниманіе при разъясненіи сосѣдства зтихъ статей съ пролож. житіемъ.

здѣсь послѣднія строки перваго отдѣла и начальныя второго: «сей бысть по числу десятый отъ Владимера, крестившаго Рускую землю, преставися въ черньцехъ и въ схымѣ, въ лѣто 6807, мѣсяца сентября въ 19 день, пострижеся въ чернеци и въ схиму благ. и христолюб. кн. Ѳеодоръ Смоленьскій и Ярославьскый». 19 сентября, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, было днемъ кончины благ. внязя, постриженіе же его въ монашество произошло наканунѣ смерти—18 сентября [324]). Въ проложномъ житіи сдѣлана въ данномъ случаѣ не нужная замѣна одного числа другимъ. Причиною какъ этой ошибки, такъ и вообще неровности въ изложеніи было то обстоятельство, что у автора проложнаго житія былъ подъ рукою готовый, раньше составленный разсказъ о постриженіи и кончинѣ благ. князя. Этотъ разсказъ и былъ пополненъ біографіею-характеристикою благ. князя, и такимъ образомъ лѣтописная замѣтка превратилась въ проложное житіе.

Первоначальный разсказъ о кончинѣ благ. кн. Ѳеодора извѣстенъ теперь только по спискамъ XVI в. По прологу Софійской .б-ки № 1329 онъ изданъ проф. Пономаревымъ во 2 выпускѣ Памятниковъ древне-русской церковно-учит. литературы [325]). Я пользовался еще проложными списками № 648 Каз. Д. А. и № 612 (Погод.) Публичной б-ки, тоже XVI в.

Списки XVI в. не могли, конечно, сохранить въ точности первоначальный текстъ памятника; и правописаніе и грамматическія формы подверглись измѣненію, но слѣды древняго текста и въ этихъ позднихъ спискахъ всетаки можно усматривать. Такъ, напр., по сравненію съ Румянц. спискомъ болѣе древними представляются выраженія: «народи людстіи» (въ Рум.: «народи многи»), «людииска» (Рум.: «людьскаго»); точнѣе выдерживается древняя форма мѣстоименія: «и» (въ Рум.: «его») и т. п. За первоначальность такой именно статьи о кончинѣ благ. князя—лѣтописной, говоритъ затѣмъ и то, что у переписчиковъ проложнаго житія не могло быть побужденій въ сокращенію памятника въ той его части, которая для церковнаго чтенія представлялась бы особенно нужною. Судя по подробностямъ въ содержаніи лѣтописной замѣтки, она составлена очевидцемъ случившагося, м. б. монахомъ того же Спасскаго монастыря, въ которомъ былъ постриженъ и погребенъ св. князь, если не въ самый годъ кончины бл. Ѳеодора († 1299 г.), то въ первые годы XIV ст.

Къ тому же XIV столѣтію нужно относить и передѣлку этой лѣтописной замѣтки-статьи въ проложное житіе. Произведена она, всего вѣроятнѣе, въ Спасскомъ монастырѣ, кажется, при жизни еще сыновей бл. князя. По крайней мѣрѣ, въ отличіе отъ позднѣе составленныхъ житій, въ проложномъ не говорится о погребеніи св. князей Давида и Константина въ одной могилѣ съ ихъ отцемъ. Благодаря такимъ условіямъ своего появленія, проложное житіе во второй своей части представляетъ собою очень цѣнный въ біографическомъ отношеніи памятникъ. Обстоятельства кончины благ. князя произвели повидимому, сильное впечатлѣніе на современниковъ этого событія, и въ описаніи ихъ мы имѣемъ не риторическое упражненіе позднѣйшаго книжника, а историческую, бытовую картину, нарисованную современникомъ-очевидцемъ. Потому, д. б, это интересное для читателей житіе нерѣдко переписывалось и въ сборникахъ четіяго характера. Со стороны изложенія и для пролога оно являлось памятникомъ вполнѣ подходящимъ.

Проложное житіе послужило основою для подробныхъ житій бл. князя: Андрея Юрьева, іеромонаха Антонія, анонимной редакціи—Минейной (въ В. Ч. М.). Я буду разсматривать эти редакціи не въ хронологической послѣдовательности ихъ появленія, а въ порядкѣ бóльшей близости къ содержанію проложнаго житія. Съ этой стороны первое мѣсто принадлежитъ редакціи Андрея Юрьева.

Въ послѣсловіи къ своему сочиненію Андрей Юрьевъ сообщаетъ, что онъ нашелъ «у нѣкоего христолюбца писанъ перечень житіа св. препод. князя Ѳеодора» и руководясь этимъ

[324]) См. на стр. 91 вар. 21, и на стр. 92: «преложеся ко отцемъ своимъ м-ца сентября въ 19 день».

[325]) стр. 169—170. № ркп, Пономаревымъ названъ невѣрно. Не обосновано у него и утвержденіе, что эта статья встрѣчается въ прологахъ XV в.

перечнемъ, дерзнулъ составить новую біографію князя: «не умѣя, ни видѣ его житія» [326]). Затѣмъ, Юрьевъ упоминаетъ, что въ работѣ своей онъ пользовался и устными разсказами о благ. князѣ: «написахъ, *елико слышахъ* отъ великыхъ малая, елика бысть мощно мнѣ» (99). Но фактическаго значенія послѣднее упоминаніе не имѣетъ. Въ содержаніи новой біографіи мы не найдемъ никакихъ слѣдовъ личныхъ или чужихъ припоминаній, и, какъ разъяснено раньше, эти строки Юрьевымъ написаны безъ внѣшняго повода, только въ подражаніе біографу бл. кн. Александра Невскаго. Изъ дальнѣйшихъ словъ: «и много повѣсть досточюдная его чюдотворения препод. кн. Ѳеодора чюдесе его, но невѣстно ми его написовати» (99), можно сдѣлать выводъ, что въ это время уже существовало подробное житіе бл. князя, написанное по случаю открытія мощей. На это же указываютъ и приводимыя въ житіи параллели святаго съ святит. Леонтіемъ Ростовскимъ, митроп. Петромъ, Алексіемъ, которыхъ «прояви Г. Б. нашъ въ прежняя времена въ Рустѣй странѣ» чудотвореніями отъ ихъ нетлѣнныхъ. мощей. Въ томъ же смыслѣ говоритъ біографъ и о проявленіи «въ нынѣшняя времена» новаго чудотворца, князя Ѳеодора: «и припадаемъ съ вѣрою къ вашимъ честнымъ мощемъ съ преп. Сергѣемъ и Кириломъ Бѣлозерьскымъ» [327]). Но почему-же объ открытіи мощей Андрей Юрьевъ не разсказалъ подробнѣе?—Отвѣтъ на это мы находимъ въ самыхъ условіяхъ появленія этой своеобразной—полуцерковной-полусвѣтской біографіи св. князя.

Она составлена случайно и, повидимому, вскорѣ послѣ открытія мощей святаго. Подъ «перечнемъ житіа», найденнымъ у христолюбца, разумѣется здѣсь не что иное, какъ списокъ проложнаго житія, который Юрьевъ рѣшилъ распространить. Текстъ проложнаго житія онъ воспроизвелъ полностію, но разбавилъ его разнаго рода риторическими деталями, очень не высокаго качества. Отступленія отъ древняго текста сопровождаются обычными въ передѣлкахъ фразами: «и се бысть все по пререченому» (95), «о немже нынѣ сказахомъ» (94), «азъ же многогрѣшный повѣдаю» (95) и т. п. Ни одной фактической детали въ свой искусственно-удлиненный разсказъ біографъ не могъ внести, такъ какъ новыхъ свѣдѣній о святомъ у него не было. Онъ не могъ, напр., назвать монашескаго имени Ѳеодора, хотя и желалъ сдѣлать такое добавленіе: «и наречено бысть ему имя въ ангельскомъ чину» (96).

Недостатокъ свѣдѣній о святомъ зависитъ, я думаю, отъ того, что эта передѣлка была произведена вдали отъ Ярославля [328]), гдѣ-то на сѣверѣ Россіи, м. б. недалеко отъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря. Большинство списковъ редакціи Юрьева сѣвернаго происхожденія—монастырскихъ б-къ Кирилловской и Соловецкой. Отдаленностію біографа отъ мѣста описываемыхъ имъ событій объясняются и смутныя свѣдѣнія какъ объ открытіи мощей благ. князя, такъ и о появившемся тогда новомъ житіи—«повѣсти о чюдотвореніяхъ». И съ проложнымъ житіемъ біографъ познакомился, по его же словамъ, совершенно случайно. При такихъ условіяхъ, въ цѣляхъ подробнаго прославленія святаго (97), Юрьевъ долженъ былъ обратиться къ помощи стороннихъ литературныхъ источниковъ, біографическую работу свести исключительно на риторическое добрословіе. Былъ-ли это единственный опытъ литературной работы Юрьева или и раньше онъ принималъ участіе въ составленіи агіографическихъ сочиненій, мы не знаемъ. По содержанію же разсматриваемой біографіи можно заключить, что Юрьевъ занимался писательствомъ; въ агіографической литературѣ того времени свѣдѣнія онъ имѣлъ достаточныя, но стилистомъ былъ очень посредственнымъ.

Однимъ изъ лучшихъ руководствъ для работы Юрьеву послужило лѣтописное житіе бл. кн. Александра, въ спискѣ однородномъ съ Псково-Печерскимъ. Какъ онъ использовалъ этотъ прекрасный памятникъ, былъ уже случай разъяснить. Затѣмъ, въ редакціи Юрьева находимъ

---

[326]) Прилож. № 26, стр. 98—99.

[327]) 98, сн. 97: «приступающи къ рацѣ ихъ».

[328]) Біографъ не называетъ Ярославля: «нашъ градъ», а или: «свой градъ» (94, 97), или: «градъ его Ярославль» (98).

заимствованія изъ проложнаго житія равноап. кн. Владиміра, житійнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ и проложнаго разсказа о Леонтіи Ростовскомъ. Онъ читалъ также житія мм. Петра и Алексія, преп. Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлоозерскаго и, вѣроятно, Пахоміеву статью о гибели Батыя «въ западной землѣ» (94).

Изъ пролож. житія Владиміра Юрьевъ дѣлаетъ вставки въ текстъ похвалы-акаѳиста св. князю—почти буквальныя: «мы же ти многогрѣшніи раби Божіи, како тя по достоянію возможемъ блажити подробну сътворшаго дѣло равно ангеломъ»; «иже бо отъ нихъ (Б. и Г.) жнуть рустіи сынове рукоятіе полезное и вси вѣрніи покаяніе пріимають и друзіи ядять неоскудную пищю въ царствіи небеснѣмъ, тоя же тряпезы сподоби насъ, Владыко, кающихся о своихъ согрѣшеніихъ» [329]). Вторая изъ этихъ выписокъ, хотя и искусственно, объединена съ текстомъ, заимствованнымъ изъ житійнаго сказанія о Б. и Г., первая же поставлена совершенно не на мѣстѣ, внѣ» какой-л. связи съ контекстомъ; ею разрывается на двѣ части проложный разсказъ о погребеніи св. князя.

Изъ остальныхъ источниковъ Юрьевъ не дѣлаетъ буквальныхъ выписокъ, даетъ вольный перифразъ текста. Напр.: «просвѣтивый градъ свой Ярославль, еже бо имѣя въ себѣ божественное скровище, ему же источенъ весь міръ..., се бо явишася другій Вышеградъ въ Рустѣй странѣ, еже бо Вышеградъ имѣя въ себѣ» и т. д. [330]). Даже и сравненіе бл. князя съ Димитріемъ Солунскимъ, вопреки обычаю другихъ біографовъ приводить съ буквальною точностью, Юрьевъ дѣлаетъ своими словами (94). Вообще свободное отношеніе къ тексту источника представляетъ собою отличительную черту въ работѣ А. Юрьева. Особенно это замѣтно въ пользованіи Словомъ о погибели Русскія земли, но и въ отношеніи къ основному источнику новой біографіи—проложному житію благ. кн. Ѳеодора, оно наблюдается нерѣдко. Біографическій матеріалъ первой части житія Юрьевъ распредѣляетъ въ своемъ трудѣ очень произвольно.

Судя по тому, что одинъ изъ списковъ житія—Общ. Ист. и Древн. № 56, датируется первой полов. XVI в., и составленіе памятника нужно относить приблизительно къ этому времени—концу XV—нач. XVI в. Авторъ житія былъ мірской человѣкъ. Точнѣе опредѣлить его положеніе нѣтъ данныхъ. По характеру же начитанности и по взглядамъ на задачи агіографической работы онъ не выдѣляется изъ ряда духовныхъ писателей-біографовъ своего времени.

Безразличная для изображенія жизни бл. князя риторическая біографія Юрьева имѣетъ однако свою цѣнность въ литературномъ отношеніи; она даетъ намъ указанія на знакомство писателей конца XV в. съ Словомъ о погибели Русской земли и помогаетъ разобраться въ сложной литературной исторіи этого памятника.

В. О. Ключевскій называетъ редакцію Андрея Юрьева рѣдкимъ въ древне-русской письменности памятникомъ [331]). Въ «Источникахъ русской агіографіи» Барсукова (стр. 599) о спискѣ изъ б-ки Барсова № 86, XVI в., замѣчено: «рѣдчаишій». Но къ литературнымъ рѣдкостямъ это житіе ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ относить; въ старинной русской письменности оно было памятникомъ даже и очень извѣстнымъ. Въ настоящее время можно пользоваться шестью списками житія въ сборникахъ; кромѣ того, нѣсколько списковъ имѣется въ прологахъ XVI в.

Я пользовался четырьмя проложными списками редакціи Андрея Юрьева [332]). Здѣсь оно озаглавливается или: «Слово житіе», или:. «Сказаніе *вкратцѣ*». Дѣйствительно, проложные списки, по сравненію съ житіемъ въ сборникахъ, содержатъ сокращенный текстъ памятника. Но назвать эту проложнуго разновидность особою редакціею житія едва-ли можно: редакціонной работы надъ текстомъ памятника при включеніи его въ прологъ не было про-

---

[329]) 97, ср. Прил. № 5, стр. 16, строки 9—10, 22—25.
[330]) 97, ср. Прил. № 10, стр. 44, строки 17—20.
[331]) Др. рус. житія, 173.
[332]) О спискахъ пролож. и въ сборникахъ указанія см. въ Спискѣ ркп.

изведено, было сдѣлано лишь сокращеніе объема памятника, притомъ механическое. Въ проложныхъ спискахъ текстъ житія обрывается неожиданно на первыхъ строкахъ похвалы-акаѳиста святому; только въ двухъ спискахъ—Ист. муз. № 2781 и П. Д. А. № 1250, добавленное славословіе сообщаетъ памятнику съ внѣшней стороны законченный видъ (вар. 188). Ненужная въ оригиналѣ фраза: «и наречено бысть ему имя въ ангельскомъ чинѣ», за исключеніемъ пролога Каз. Д. А. № 699 (вар. 135—135), повторяется во всѣхъ пролож. спискахъ. Никакихъ добавленій къ тексту въ проложной разновидности нѣтъ. Стилистическія измѣненія, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ въ Прилож. варіантовъ, также незначительны и случайны. Въ просмотрѣнныхъ мною спискахъ пролога редакція Андрея Юрьева встрѣчается рядомъ съ проложнымъ житіемъ благ. кн. Михаила Черниговскаго въ той редакціи, которую я называю обще-русскимъ проложнымъ житіемъ. Приблизительно этимъ опредѣляется время внесенія житія въ прологъ—первая полов. XVI в.

Въ концѣ XV в. были составлены два подробныхъ житія благ. князя Ѳеодора—анонимное (Минейное) и іеромонаха Спасскаго монастыря Антонія. Изъ нихъ первое сохранилось въ спискахъ, современныхъ появленію памятника— XV в., второе только въ спискахъ XVI и слѣд. вѣковъ. Обѣ редакціи вошли и въ В. Ч. Минеи, Антоніева —съ нѣкоторыми сокращеніями. По содержанію онѣ стоятъ въ тѣсной связи между собою. Антоніева редакція является распространеніемъ редакціи анонимной, анонимная—проложной; первоисточникъ обѣихъ редакцій, так. образомъ, одинъ и тотъ же.

Первая часть содержанія анонимной редакціи воспроизведена мною, по ркп. XV в. № 500, б-ки Кз. Д. А., въ варіантахъ при изданіи текста проложнаго житія (№ 25). Изъ сдѣланныхъ сопоставленій легко убѣдиться, что въ древней біографіи святаго новый редакторъ не имѣлъ въ виду производить существенныхъ измѣненій. Даже стилистическая передѣлка текста не составляла прямой задачи новаго сочиненія. Редакторъ ограничился расширеніемъ состава древняго житія, присоединилъ къ нему новыя статьи: объ открытіи мощей благ. князя и его св. сыновей и описаніе посмертныхъ чудесъ. Эти дополнительныя статьи написаны простымъ языкомъ и съ освѣдомленностію, указывающею на близость автора къ описаннымъ у него событіямъ. Анонимная редакція—одинъ изъ лучшихъ источниковъ для составленія научной біографіи благ. князя. Ея сообщенія и хронологическія даты не требуютъ отъ изслѣдователя предварительной провѣрки въ другихъ историческихъ источникахъ. Житіе появилось вскорѣ послѣ открытія мощей святыхъ князей (1463 г.); этимъ событіемъ и вызвано было его составленіе. Гдѣ и кѣмъ оно было написано—нѣтъ ясныхъ указаній въ текстѣ. Вѣроятнѣе всего, это памятникъ ярославской письменности.

Составленіемъ анонимной редакціи житія благ. кн. Ѳеодора не могла закончиться мѣстная агіографическая работа по прославлеиію новаго чудотворца. Съ одной стороны, остались не записанными совершавшіяся послѣ открытія мощей чудеса; съ другой, анонимное житіе по понятіямъ того времени не представляло собою образцоваго агіографическаго сочиненія, достойнаго памяти святаго; въ немъ очень мало было агіографической риторики, а она цѣнилась въ то время выше біографическаго матеріала. Эту задачу введенія житія въ кругъ образцовыхъ агіографическихъ сочиненій и выполнилъ іеромонахъ Антоній.

Во внѣшней исторіи новаго сочиненія нѣкоторыя стороны представляются не совсѣмъ понятными, хотя самъ біографъ въ заглавіи житія очень подробно разъясняетъ условія происхожденія его работы. Онъ говоритъ, что житіе написано по порученію митрополита Филиппа, при велик. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и сынѣ его Василіи Ивановичѣ, значитъ, до 1473 г., когда умеръ м. Филиппъ І. Руководясь этими указаніями, преосв. Филаретъ относилъ происхожденіе Антоніева житія не позднѣе, какъ къ 1465 г. [333]). Но В. О. Ключевскій допускаетъ, что житіе было составлено позднѣе, послѣ 1471 г., такъ какъ о современномъ открытію мощей

[333]) Обзоръ рус. дух. лит., Спб. 1884 г., стр. 116.

ярославскомъ князѣ Александрѣ Ѳеодоровичѣ біографъ выражается: «какъ будто-бы князя уже не было на свѣтѣ» [334]). Въ текстѣ Антоніева житія о порученіи митр. Филиппа ничего не говорится, а о великомъ князѣ Іоаннѣ III и его сынѣ читается такая же неопредѣленная въ хронологическомъ отношеніи фраза, какъ и о князѣ Александрѣ. Антоній передаетъ, что распространившаяся по всѣмъ странамъ слава о благ. князѣ дошла въ частности и до вел. кн. Іоанна и его сына: «тогда великое княженіе тому державщю» [335]). Есть, затѣмъ, и болѣе серьезное побужденіе съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относиться къ точнымъ хронологическимъ датамъ въ заглавіи разсматриваемой редакціи.

Какъ разъяснено уже В. О. Ключевскимъ, Антоній въ качествѣ сторонняго литературнаго матеріала особенно усердно воспользовался сочиненіями Пахомія Серба—житіемъ митр. Алексія и статьею о смерти Батыя [336]). Пользованіе этими сочиненіями у него переходитъ въ неразборчивое списываніе того, что можно было примѣнить къ данному случаю, и что представлялось совершенно непримѣнимымъ. Такъ, напр., выписывая предисловіе изъ житія святителя Алексія, Антоній не сумѣлъ толково сократить то мѣсто въ своемъ источникѣ, гдѣ разъясняются обстоятельства составленія Пахоміемъ житія Алексія. По разъясненію у Пахомія, при своей работѣ онъ пользовался біографіею святаго, составленною пермскимъ еписк. Питиримомъ. Повторивъ Пахоміевы слова: «прочая же достовѣрнѣйши навыкохъ отъ самого того писанія»… и т. д., Антоній пишетъ затѣмъ: «не вѣсть бо злое предпочитати полезное, но ничто ж возможе противу злобы благодати, ни завѣсти оставляетъ познати истяиу» (*л.* 33). Эти совершенно ненужныя для Антонія строки выписаны имъ изъ сочиненія того же Пахомія; но тамъ онѣ и умѣстны, и понятны. Пахомій дѣлаетъ эту назидательную вставку по поводу упоминанія о мученической смерти епископа Питирима. Вотъ одинъ изъ показателей неразборчиваго подражанія чужому.

И редакція заглавія у Антонія появилась тоже въ результатѣ неумѣлой копировки текста сторонняго источника. Для наглядности приведу параллели изъ сочиненій Пахомія и Антонія.

Составлено бысть сіе житіе и чюдеса ермонахомъ Пахоміемъ, по благословенію господина преосв. архіепископа Кіевьскаго и всеа Руси Іоны митрополита и проразсуженіемъ еже о немъ честнаго събора святительска, волею ж боголюбиваго и вседержавнаго государя вел. кн. Василія Василіевича всеа Руси и при благороднѣмь и благочестивѣмь его сыну вел. князи Иванѣ Василіевичи всеа Руси (Ркп. XV в. № 102 Вилен. Публ. б-ки, *л.* 38 об.).	Составлено ж бысть житіе и чюдеса ермонахомъ инокомъ Антоніемъ того же м-ря, по благословенію государя (вар.: господина) преосв. митрополита [Филиппа], волею ж боголюбиваго и вседержавнаго господаря (вар.: государя) вел. кн. Іоанна Василіевича и при благородномъ и благочестивомъ его сыну вел. князѣ Иванѣ Ивановичѣ всея Русіи (Ркп. Ундольск. № 383, *л.* 31).

Имя митрополита, во второмъ столбце, поставлено мною въ скобкахъ потому, что въ большинствѣ списковъ житія, въ томъ числѣ и Унд. № 383, митрополитъ не называется, въ спискѣ же № $^{797}/_{1368}$ АМИД. онъ названъ не Филиппомъ; тамъ читаемъ: «по благословенію господина преосв. митрополита *Іоны*» (*л.* 1). Такое совпаденіе въ обозначеніяхъ митрополита еще болѣе подчеркиваетъ копировку—зависимость заглавія Антоніевой редакціи отъ заглавія въ житіи м. Алексія. Было-ли у Антонія фактическое основаніе говорить о полученномъ имъ благословеніи-порученіи митрополита? Не появилось-ли это сообщеніе, какъ и даты о вел. князьяхъ, только въ результатѣ безтолковаго слѣдованія литературному образцу? Подобные случаи въ старинной русской письменности бывали.

---

[334]) Др. рус. ж., 172 и прим. Князь Александръ умеръ въ 1471 г.
[335]) Ркп. Унд. № 383, *л.* 35. Дальше буду ставить только цифру листа этой ркп.
[336]) ib.

Нѣкоторыя недоумѣнія вызываетъ, наконецъ, и рукописная судьба памятника.

Сочиненіе Антонія въ русской письменности получило большую распространенность, но только со второй половины XVI в. Ни одного списка этого памятника отъ конца XV в. не найдено, да и изъ первой половины XVI в. извѣстенъ пока—если не ошибаюсь—всего одинъ списокъ—1543 г., б-ки МДА. № 490 [337]). Отсутствіе раннѣйшихъ списковъ житія можно бы, конечно, объяснять простою случайностію; но въ данномъ случаѣ такое объясненіе едва-ли будетъ достаточно. Почему сочиненіе XV в., написанное по спеціальному порученію высшей власти и вполнѣ удовлетворявшее тогдашнимъ литературнымъ требованіямъ, такъ долго, до половины XVI в., не обратило на себя вниманія со стороны переписчиковъ, а черезъ 70—80 лѣтъ послѣ своего появленія оно, наоборотъ, сдѣлалось однимъ изъ популярныхъ памятниковъ русской агіографіи, переписывалось очень часто? Не правильнѣе-ли будетъ предположить, что Антоніево житіе появилось не при м. Филиппѣ I, а позднѣе.—напр.. въ самомъ концѣ XV в., лѣтъ черезъ 30 послѣ составленія анонимнаго житія, и что составлено оно по иниціативѣ лишь мѣстнаго монастырскаго начальства, безъ какого-либо участія высшей власти? Только одно обстоятельство мѣшаетъ отнести составленіе житія къ еще болѣе позднему времени, къ половинѣ, напр., XVI в.: Антоніевою редакціею пользовался біографъ благ. князей Константина и Василія; это же житіе написано въ княженіе Василія III.

Пахоміевымъ житіемъ м. Алексія Антоній воспользовался въ предисловіи къ своей работѣ, статьею Пахомія о смерти Батыя—при распространеніи разсказа анонимнаго житія о событіяхъ нашествія на Русь татаръ. Антоній не сумѣлъ объединитъ съ разсказомъ предыдущей біографіи заимствованныя у Пахомія подробности: о завоеваніи Руси татарами у него разсказывается дважды, сначала по сочиненію Пахомія (*л.* 38 об.), затѣмъ—по анонимному житію (*л.* 42 об.). Интереснѣе новыя сообщенія о жизни благ. князя въ Ордѣ: объ отношеніи къ Ѳеодору хана, о женитьбѣ на татарской царевнѣ и о послѣдствіяхъ этого брака. Такія же подробности, но въ другомъ изложеніи, читаемъ и въ редакціи житія въ Степенной. Тамъ указанъ и источникъ біографическихъ добавленій—мѣстная лѣтопись, не дошедшая до насъ: «свидѣтельство (о бл. кн. Ѳеодорѣ) иматъ въ лѣтописаніяхъ» (стр. 307). Этотъ лѣтописный разсказъ о жизни бл. князя въ Ордѣ въ ярославской письменности появился, вѣроятно, уже въ позднѣйшее время, м. б. незадолго до предпринятой Антоніемъ передѣлки анонимнаго житія. Отношенія князя къ татарамъ въ значительной степени идеализированы. Сохранились по крайней мѣрѣ извѣстія, что современники князя отрицательно смотрѣли на эту близость святаго къ татарамъ [338]).

Внесеніе такихъ подробностей въ житійный разсказъ придавало новой редакціи большій интересъ, по сравненію съ прежними; возможно, что оно именно и способствовало популярности этого памятника. Старинные русскіе читатели любили узнать о почтительномъ «отношеніи татаръ къ русскимъ князьямъ; а по Антоніеву житію бл. князь пользовался въ Ордѣ со стороны хана и его приближенныхъ исключительнымъ даже расположеніемъ; въ то же время въ отношеніи къ своимъ могущественнымъ родственникамъ онъ умѣлъ себя держать съ достоинствомъ.

Антоній пополняетъ и разсказы своего источника объ открытіи мощей и о чудесахъ. Цѣнныхъ новыхъ свѣдѣній здѣсь онъ не даетъ, но мелкія детали у него удачныя. Разсказъ объ открытіи мощей названъ Словомъ на пренесеніе мощей (*л.* 50 об.). Въ описаніи 8 новыхъ чудесъ нѣтъ данныхъ ни для исторіи составленія памятника вообще, ни для болѣе точнаго опредѣленія времени описанныхъ чудесъ. Послѣднее чудо записано Антоніемъ по разсказамъ очевидцевъ, при архим. Христофорѣ. Христофоръ упоминается и въ описаніи 6-го чуда; отсю-

---

[337]) Статья о проявленіи мощей въ этомъ сборникѣ сходна со статьею въ анонимномъ житіи. См. объ этомъ у Ключевскаго, стр. 172, прим.

[338]) См. объ этомъ у В. С. Иконникова, о. с, стр. 881.

да можно заключить, что всѣ описанныя чудеса относятся ко времени управленія монастыремъ этого архимандрита—къ 60-мъ гг. XV ст. Антоній не былъ очевидцемъ описанныхъ имъ чудесъ. По его замѣткѣ о Ростовскомъ архіеп. Трифонѣ, что тотъ прожилъ въ монастырѣ: «нѣколико время..., плачася грѣховъ своихъ и до смерти своея» (*л.* 58 об.), видно, что житіе составлено послѣ смерти (1469 г.) Трифона и что точныхъ свѣдѣній объ этомъ у біографа не было. Въ бытовомъ отношеніи нѣкоторый интересъ имѣетъ описаніе чуда надъ княземъ Романомъ. Разсказывается, что больной князь-сирота жилъ въ монастырѣ у своей бабки, которая содержала за свой счетъ не только внука, но и его обнищавшихъ слугъ и бояръ (*л.* 67 об. и сл.).

Вообще историческая цѣнность новаго житія не большая; въ немъ больше риторики, чѣмъ фактическихъ добавленій къ содержанію прежнихъ редакцій. Въ литературномъ отношеніи житіе не можетъ быть отнесено къ числу образцовыхъ агіографическихъ сочиненій, но послѣднихъ въ русской агіографіи XV—XVI вв. и вообще было очень мало. Агіографическимъ требованіямъ своего вѣка житіе Антонія во всякомъ случаѣ отвѣчало вполнѣ.

Въ XVI в. была составлена новая біографія бл. князя спеціально для Степенной. Она представляетъ собою распространеніе-передѣлку анонимнаго житія въ первой, біографической его части. Съ Антоніевымъ житіемъ новая редакція имѣетъ то сходство, что въ описаніи жизни благ. князя въ Ордѣ пользуется однороднымъ источникомъ—лѣтописнымъ разсказомъ; но указаній на непосредственную зависимость отъ Антоніевой редакціи въ текстѣ житія въ Степенной нѣтъ [339]). Дополнительныя же къ біографіи статьи: объ открытіи мощей и о чудесахъ, составлены исключительно по тексту анонимнаго житія. Ни одной детали къ тексту этой редакціи изъ сочиненія Антонія редакторъ Степенной не приводитъ.

Въ разсказѣ о жизни бл. князя въ Ордѣ онъ дѣлаетъ добавленія къ Антоніеву разсказу. Такъ, у него указано количество городовъ—36, подаренныхъ ханомъ бл. князю, и сдѣланъ перечень главнѣйшихъ изъ нихъ. Едва-ли эти сообщенія нужно считать личнымъ вымысломъ редактора. Повидимому, онъ полнѣе, чѣмъ Антоній, воспользовался свѣтскимъ источникомъ біографіи князя, но воспроизвелъ текстъ этого памятника свободнѣе, подновилъ его слогъ и распространилъ содержаніе новыми риторическими вставками. Въ расположеніи біографическаго матеріала онъ сдѣлалъ лишь одно отступленіе отъ анонимнаго жятія: прощальную бесѣду князя съ женою и сыновьями помѣстилъ раньше разсказа о перенесеніи больного князя въ монастырь и о предсмертномъ постриженіи его въ монашество. И въ этой редакціи, за исключеніемъ мелкихъ деталей въ описаніи жизни бл. князя въ Ордѣ, біографическихъ добавленій къ содержанію древнихъ церковныхъ житій нѣтъ.

По наблюденіямъ В. О. Ключевскаго (стр. 172, пр.) составъ и текстъ Антоніева житія въ спискахъ очень разнообразны, вслѣдствіе пропусковъ и сокращеній. Это разнообразіе зависѣло, кажется, главнымъ образомъ отъ того, что въ рукописяхъ анонимное и Антоніево житія чередовались, и переписчики дѣлали попытки объединить текстъ двухъ редакцій, т. е. то пополняли текстъ анонимнаго житія изъ Антоніева, то, наоборотъ, опускали предисловія изъ послѣдняго. Но существенныхъ передѣлокъ ни той, ни другой изъ редакцій въ письменности XVI в. не было произведено.

Въ XVII в. по случаю пожара въ Ярославлѣ въ 1660 г. и перенесенія мощей была составлена въ Спасскомъ монастырѣ послѣдняя редакція подробнаго житія святаго. Въ церковной письменности она не получила распространенности; списки ея встрѣчаются рѣдко. Я пользовался спискомъ XVIII в. № 1126 изъ собранія Ундольскаго; В. О. Ключевскій замѣтку объ этой редакціи даетъ по сборнику того же вѣка изъ своей б-ки.

Главнымъ источникомъ для автора послужило житіе въ Степенной; текстъ его онъ полностію воспроизводитъ въ своемъ трудѣ. Затѣмъ, въ цѣляхъ подробности разсказа, онъ пользу-

---

[339]) Въ характеристикѣ бл. князя мы встрѣчаемъ, правда, одинаковую параллель святаго—по Іову, но это въ сущности общее мѣсто въ княжескихъ житіяхъ и въ Степенной оно читается не одинъ разъ.

ется Антоніевою редакціею и, по примѣру Антонія, сторонними агіографическими сочиненіями, въ редакціяхъ, помѣщенныхъ въ той же Степенной. Такъ, напр., предисловіе къ житію, начинающееся словами: «Поновленія почтите», совпадаетъ съ текстомъ Похвальн. слова бл. кн. Ольгѣ (первыя 6 строкъ) и житія Владиміра (остальная часть); начальныя строки въ предисловіи къ описанію открытія мощей взяты изъ житійнаго сказанія о Б. и Г.; въ дальнѣйшемъ предисловіе къ этой статьѣ находитъ для себя соотвѣтствія въ текстахъ Антоніева житія бл. кн. Ѳеодора и Василіева—Александра Невскаго. Характеристика личности святаго пополнена по житію Александра Невскаго въ Степенной. Читаемъ то же замѣчаніе о храбрости князя, одинаковую деталь въ описаніи внѣшняго вида святаго: «бѣ же возрастомъ великъ зѣло, красота же лица его бѣ видѣти, яко Іосифа Прекраснаго», совершенно сходныя—поученіе князя къ боярамъ о справедливомъ судѣ и отношеніи къ подчиненнымъ, замѣтки о пренебрежительномъ отношеніи святаго къ дѣтскимъ играмъ и мірскимъ развлеченіямъ, о радости родителей по поводу подвижническаго настроенія сына (*л.* 212) и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наблюдается не только общее сходство, но и текстуальное совпаденіе житія съ соотвѣтствующими мѣстами въ Степенной. Та же текстуальная близость въ похвалѣ-акаѳистѣ князю къ редакціи Андрея Юрьева указываетъ на знакомство біографа и съ этимъ памятникомъ. По примѣру біографовъ бл. кн. Михаила Тверского и Димитрія Донскаго, авторъ вводитъ въ житійный текстъ Плачъ княгини по скончавшемся мужѣ. Вообще біографу нельзя отказать въ нѣкоторой начитанности и умѣніи пользоваться стороннимъ агіографическимъ матеріаломъ.

Изъ чудесъ онъ разсказываетъ только объ исцѣленіи архіеп. Трифона и указываетъ при этомъ годъ смерти владыки—1469 г. (*л.* 222 об.).

Интересно и живо описаны авторомъ обстоятельства происшедшаго въ 1660 г. въ Ярославлѣ пожара; видно, что это описаніе очевидца. Дополнительная статья о жизни благ. кн. Константина и Давида мало содержательна. Матеріала для болѣе обстоятельной біографіи св. князей у автора, очевидно, не было; онъ повторилъ краткія лѣтописныя о нихъ извѣстія. Уваженіе, съ какимъ относится авторъ къ Спасскому архимандриту Савватію, почтительный отзывъ о его дѣятельности даютъ поводъ думать, что разсмотрѣнная редакція была составлена по порученію этого архимандрита, для чтенія за службою въ новый праздникъ перенесенія мощей бл. князя—13 іюля. И самъ біографъ могъ принадлежать къ братіи Спасскаго монастыря.

Такимъ образомъ, изъ обзора житій благ. кн. Ѳеодора мы видимъ, что біографическая работа о святомъ носила мѣстный характеръ, была связана главнымъ образомъ съ Спасскимъ монастыремъ—мѣстомъ погребенія князя и его св. сыновей. Изъ пяти церковныхъ житій только редакція Андрея Юрьева не принадлежала письменности ярославской, но и она составлена на основѣ ярославскаго же памятника—проложнаго житія святаго. Въ мѣстномъ обществѣ описанія жизни благ. князя пользовались популярностію, и дѣло не ограничилось одною агіографическою работою. Современникомъ кончины князя была составлена краткая замѣтка, полулѣтописное описаніе этого событія; приблизительно въ XV в. въ мѣстную лѣтопись было внесено другое, не церковное описаніе жизни благ. князя въ Ордѣ, основанное, очевидно, на устныхъ разсказахъ и припоминаніяхъ. Этими біографическими матеріалами свѣтскаго происхожденія не преминули воспользоваться церковные біографы святаго, чѣмъ и объясняются какъ внѣшняя обстоятельность церковныхъ житій бл. князя, такъ и ихъ популярность въ письменности XVI—XVII вв.

Другимъ біографическимъ сочиненіемъ о св. князьяхъ ярославскихъ является житіе князей-братьевъ Константина и Василія Всеволодовичей, составленное монахомъ Пахоміемъ. Въ заглавіи житія авторъ разъясняетъ, что онъ написалъ эту біографію въ княженіе Василія III (но по Пискаревскому списку № $^{549}/_{114}$, *л.* 1 об.—Іоанна (IV) Васильевича), по порученію ярославскаго архіепископа Кирилла и по благословенію игумена Комельскаго монастыря

Корнилія, значитъ, не позднѣе 1537 г. (кончина Корнилія). Изъ послѣдней замѣтки можно заключить, что монахъ Пахомій принадлежалъ къ братству Комельскаго монастыря, чѣмъ и вызвано благословеніе его на писательскій трудъ преп. Корниліемъ. Поводомъ къ составленію житія послужило случайное открытіе въ 1501 г., при постройкѣ новаго Успенскаго храма, двухъ гробовъ съ надписаніемъ именъ этихъ князей, а также совершившіяся при гробахъ чудесныя исцѣленія.

Пахомій находился въ крайне неблагопріятныхъ для работы условіяхъ. Ему пришлось составлять біографію святыхъ, о которыхъ не было никакихъ историческихъ извѣстій и не могло сохраниться устныхъ разсказовъ и преданій, такъ какъ со времени кончины благ. князей прошло уже почти 300 лѣтъ. Но Пахомій легко и смѣло, хотя и не оригинально, вышелъ изъ этихъ затрудненій. Онъ взялъ недавно передъ этимъ появившееся Антоніево житіе бл. кн. Ѳеодора и по нему составилъ подробную біографію новыхъ чудотворцевъ-князей. Полностію, за исключеніемъ лишь отдѣльныхъ выраженій, онъ привелъ изъ Антоніева житія предисловіе, упомянулъ и о «писаніи», и о «достовѣрныхъ мужахъ», помогшихъ, будто-бы, автору собрать нужные для его работы біографическіе матеріалы.

Съ самыми элементарными требованіями приспособленія чужого Пахомій или не умѣлъ, или просто не находилъ нужнымъ считаться. Посвящая житіе двумъ лицамъ, онъ даетъ, по Антоніеву житію, характеристику только одного изъ нихъ—благ. кн. Константина. На чемъ основано главное сообщеніе въ житіи, что св. братья мученически окончили свою жизнь во время Батыева нашествія на сѣверо-восточную Русь, біографъ не разъясняетъ. Б. м. это только догадка, вызванная сообщеніемъ того же Антонія, что отъ меча Батыя погибли одновременно съ Юріемъ Всеволодовичемъ и Василькомъ Ростовскимъ и «прочія князи наши». Въ число погибшихъ князей, конечно, ближе и естественнѣе всего было отнести князей ярославскихъ [340]). Какъ бы то ни было, это дало возможность Пахомію, не отступая отъ своего источника и не нарушая его плана, повторить все сказанное у Антонія о Батыевомъ нашествіи, по статьѣ же Пахомія Серба или по русской ея переработкѣ сдѣлать и добавленія о гибели Батыя отъ войскъ Владислава—отъ болгаръ, литвы и славянъ. Разсказъ о Батыѣ Пахомій пополнилъ мелкою деталью изъ позднихъ мѣстныхъ преданій. У него читаемъ, что Батый былъ родомъ ярославецъ, изъ веси Черемхи (упоминаемой и въ описаніи 13 чуда), что подъ Ярославль онъ пришелъ отыскивать своего отца.

Сообщенія фактическаго характера, и то объ одномъ лишь Константинѣ, ограничиваются перечнемъ построенныхъ бл. княземъ храмовъ. Какъ разъяснено уже В. О. Ключевскимъ, біографъ въ данномъ случаѣ смѣшиваетъ своего святаго съ его дѣдомъ. Подъ Василіемъ же Всеволодовичемъ, который названъ въ житіи княземъ Владимірскимъ, быть можетъ, подразумѣвается сынъ Всеволода Константиновича Ярославскаго. Князь Всеволодъ, дѣйствительно, погибъ во время татарскаго нашествія, но сынъ его Василій мирно скончался во Владимірѣ въ 1249 г. [341]). Вообще точнѣе опредѣлить личность благ. князей по сохранившимся въ лѣтописяхъ извѣстіямъ о князьяхъ ярославскихъ нѣтъ возможности; къ тому же и Пахомій сообщаетъ о святыхъ слишкомъ общія генеологическія свѣдѣнія, не дающія намъ точки отправленія для дальнѣйшихъ рукописныхъ поисковъ.

И внешній видъ благ. князей Пахомій могъ описать только по иконописному подлиннику. У него читаемъ: «власи ж главы ихъ сединѣ темнѣрусѣ прикорчеваты, аки колца бранные, брада ж у единаго покраче Василья Кесарія Каподокійскія, другаго ж брада, аки Владимера князя Кіевьскаго, поменѣ» (*л.* 304). Не называя прямо своихъ источниковъ, Пахомій однако не скрываетъ своего списыванія. Окончивъ выписки изъ сочиненій Антонія и Пахомія Серба,

---

[340]) По позднимъ варіантамъ разсказа о Батыевомъ нашествіи, на р. Сити: «вси князи рустіи до единаго побиты» были (ркп. № 1578 Пуб. б-ки; у Халанскаго, Труды Харьков. комитета… стр. 429).

[341]) У В. О. Ключевскаго, 176.

онъ говоритъ: «и сія доздѣ дошедше, и скончашася писанія» (*л.* 294 об.). Дѣйствительно, больше нечего было списывать.

Въ статьяхъ объ открытии мощей бл. князей и о чудесахъ нѣтъ ничего исторически цѣннаго. Незамѣтно и самостоятельности автора. Въ предисловіяхъ, которыми Пахомій сопровождаетъ иногда описанія чудесъ, замѣтно вліяніе сочиненія того же Антонія. Особенно это нужно сказать объ описаніи перваго чуда, надъ протодіакономъ Василіемъ. Недовѣріе Василія къ святости благ. князей, его дерзкая попытка убѣдиться въ дѣйствительности ихъ мощей, и по изложенію очень напоминаютъ аналогичные факты въ Антоніевомъ описаніи чуда надъ протопопомъ Константиномъ. Житіе заканчивается Похвалою святымъ, тоже компилятивнаго характера. Текстъ этой Похвалы близокъ къ тексту Похвалы преп. Сергію въ редакціи Пахомія Серба.

Грубые недочеты въ сочиненіи Пахомія еще въ XVI в. вызвали попытку переработки его труда. Исправить историческія неточности и ошибки Пахомія новый редакторъ не имѣлъ, конечно, возможности; онъ обратилъ вниманіе на устраненіе литературныхъ недочетовъ и въ этомъ отношеніи кое-что дѣйствительно улучшилъ. Такъ, напр., въ новой редакціи исправлено предисловіе къ житію, составлена вновь статья о Батыѣ, по разсказу Пахомія Серба и съ добавленіями изъ второго паремійнаго чтенія св. Б. и Г. О смерти Батыя и о загробной его участи разсказывается сходно съ паремійнымъ текстомъ о Святополкѣ; упоминается въ частности и о днѣ адовомъ, куда вверженъ Батый. Сообщеніе объ ярославскомъ происхожденіи Батыя здѣсь не повторяется. Въ заключеніи біографической части удачно охарактеризованъ подвигъ бл. князей: «храбрыхъ и добропобѣдныхъ страдальцевъ». Днемъ памяти святыхъ, согласно съ указаніемъ службы, названо 8 іюля. Значительно сокращены предисловія къ описаніямъ чудесъ и совершенно опущены описанія 3 чуда (надъ разслаб. Василіемъ) и 16-го (надъ разслабл. Ѳеклою). Изъ храмовъ, построенныхъ благ. кн. Константиномъ, упоминается только Успенскій.

Въ заслугу новому редактору нужно поставить устраненіе главной несообразности въ сочинеіи Пахомія-характеристики одного лишь Константина. Въ новой редакціи дана общая характеристика обоихъ св. князей, но біографъ ограничился въ этомъ случаѣ только измѣненіемъ грамматическихъ формъ—единств. числа на множественное, въ текстѣ прежней характеристики. Это одно изъ болѣе нужныхъ, но менѣе удачныхъ исправленій Пахоміева текста.

Я приведу для сравненія текстъ изъ обѣихъ редакцій.

Сей убо бысть благов. христолюб. вел. кн. Конст. Всеволодовичъ кіевскій и ярославскій, измлада ж Христа возлюбивъ и пречистую Его Матерь, Вл-цу нашю Б-цю и св. ихъ угодниковъ, велми же любляше и чтяше священническый чинъ и дьяконьскій и мнишескій чинъ велми любляше, яко слуги Божія, и нищихъ миловаше и еще ж отъ всякія неправды огребашеся, аки изящный воинъ и во всемъ угожая своему Владыцѣ Христу (ркп. Унд. № 582, *л.* 290 об.—291).

Сіи убо быста благовѣрніи князи Василіе и Константинъ по заповѣди Господни и по преданію отчю ученіе хранящe, и паки же, измлада Х. возлюбивше и преч. Б-цу Богоматерь В-цу нашу и св. ихъ угодниковъ, велми любяше и чтяще священническій и монашескій чинъ, яко слуги Божія, и нищихъ милующе и отъ всякія неправды огребающеся, во всемъ угождающи своему Владыцѣ, и такожде имъ благочестно живущимъ коемуждо на своемъ княженіи (ркп. АМИД. № $^{563}/_{1064}$, *л.* 640 и об.).

Переработка Пахоміевой редакціи мнѣ извѣстна только по спискамъ XVII в. Въ одномъ изъ нихъ № $^{563}/_{1064}$ АМИД. отдѣлъ о чудесахъ пополненъ краткими замѣтками о позднѣйшихъ случаяхъ исцѣленій при мощахъ святыхъ—въ 1587, 1590, 1593 и 1596 гг. Въ другихъ спискахъ: № $^{639}/_{1150}$ АМИД. и № 535 Ист. музея, этихъ добавленій нѣтъ. Так. обр., только условно можно придавать имъ значеніе хронологическихъ датъ появленія новой редакціи. Въ XVII в. чаще

переписывалась старая редакція—Пахоміева; необходимость исправленія этого памятника большинствомъ переписчиковъ и читателей, очевидно, не сознавалась.

По степени исторической достовѣрности и по литературнымъ пріемамъ составленія къ ярославскимъ житіямъ св. князей Константина и Василія примыкаютъ муромскія житія благ. князя Константина и св. его сыновей Михаила и Ѳеодора. И въ этихъ житіяхъ большая часть содержанія заимствована изъ стороннихъ агіографическихъ сочиненій, историческая же обстановка жизни и просвѣтительной дѣятельности св. князей точно также обрисована неточно, въ намѣренно-преувеличенномъ видѣ, съ малообоснованными деталями, съ хронологическими и генеологическими ошибками и противорѣчіями. Поэтому главнымъ образомъ личность просвѣтителя языческаго Мурома и представляется изслѣдователямъ его старинныхъ біографій загадочною, спорною. Житія называютъ благ. кн. Константина сыномъ Святослава, внукомъ Ярослава Владиміровича. По такому генеологическому опредѣленію жизнь святаго и его равноапостольная дѣятельность въ Муромѣ должны падать на вторую половину XI в.—первую—XII в. Но хронологическія указанія въ разныхъ редакціяхъ и даже въ отдѣльныхъ спискахъ житій одинаковыхъ редакцій благ. князя не всегда совпадаютъ съ этимъ генеологическимъ опредѣленіемъ: жизнь св. князя въ его житіяхъ относится то къ концу XII в. (6700 г.), то къ началу XIII в. (6731 г.), а кончина къ 6740 г. Которому же изъ этихъ опредѣленій можно отдать предпочтеніе? Удобнѣе было-бы—генеологическому.

Трудно согласиться съ мнѣніемъ біографовъ, что просвѣщеніе языческаго Мурома христіанскою вѣрою такъ замедлилось. Бл. князь Глѣбъ Владиміровичъ за кратковременностію княженія въ Муромѣ, какъ правильно догадывается біографъ бл. кн. Константина, не могъ распространить здѣсь христіанства. Но со смерти Глѣба до конца XII нач. XIII вв. прошло достаточно времени, чтобы языческій Муромъ хотя по внѣшности сталъ христіанскимъ. Несомнѣнно, затѣмъ, что здѣсь были князья и раньше конца XII в. Объ одномъ изъ нихъ мы имѣемъ ясное указаніе въ лѣтописм подъ 1129 г. Впрочемъ, и отдавая предпочтеніе генеологическимъ указаніямъ житія, мы вынуждены считаться съ неясностями и противорѣчіями, подрывающими историческую цѣнность этихъ указаній. Съ одной стороны, нѣтъ извѣстій, чтобы у Святослава Ярославича былъ сынъ съ именемъ Константина; съ другой, въ началѣ XII в. въ Муромѣ княжилъ Святославичъ съ другимъ именемъ—Ярославъ. О смерти его въ Лаврент. лѣтописи читаемъ: «преставися Ярославъ Святославичь Муромѣ» (285).

Церковными историками—м. Макаріемъ, арх. Филаретомъ, была сдѣлана попытка доказать тождество житійнаго князя Константина съ лѣтописнымъ Ярославомъ. Нужно сознаться, что разъясненія, предложенныя преосвящ. авторами, недостаточно убѣдительны и фактически не обоснованы. Молчаніе лѣтописца о просвѣтительной дѣятельности Ярослава Святославича въ Муромѣ само по себѣ не говорило бы противъ возможности отождествленія этого князя съ Константиномъ. Оно только указывало бы на неточность изображенія въ житіяхъ первой страницы христіанской исторіи Мурома, на преувеличенія и излишнюю идеализацію въ этомъ изображеніи. Важнѣе, что у насъ нѣтъ данныхъ усвоять Ярославу второе имя—Константинъ. Какъ извѣстно изъ Паломника иг. Даніила, христіанское имя Ярослава было Панкратій[342]). Предположеніе, что имя Константина Ярославъ получилъ при предсмертномъ постриженіи въ монашество, не имѣетъ для себя повода даже въ содержаніи житій. О принятіи благ. княземъ передъ кончиною монашества ни одинъ изъ его біографовъ не дѣлаетъ сообщеній. Къ тому же, на всемъ протяженіи исторіи мы не встрѣтимъ аналогичнаго случая, т. е. чтобы святой князь въ память потомства перешелъ съ монашескимъ именемъ,

---

[342]) См. у В. О. Ключевскаго, стр. 268, прим. 2.

принятымъ имъ передъ кончиною. Это былъ бы примѣръ исключительный. Въ стороннихъ историческихъ извѣстіяхъ, так. обр., нельзя найти данныхъ, подтверждающихъ историческую достовѣрность житійныхъ сообщеній.

Но было бы ошибкою отрицать за этими сообщеніями всякую правдоподобность, считать все содержаніе житій вымысломъ позднѣйшихъ муромскихъ писателей. По указаніямъ біографовъ, за свою работу они взялись уже послѣ того, какъ въ Муромѣ установилось почитаніе св. князей. Раньше появленія житій здѣсь имѣлся образъ чудотворцевъ и были составлены имъ стихиры и канонъ [343]). На великихъ каменныхъ дскахъ, найденныхъ на мѣстѣ погребенія св. князей, по всей вѣроятности, такъ же, какъ и на гробахъ св. князей ярославскихъ, были надписаны имена Константина и его сыновей, и эти надписи могли быть очень древними. Въ существованіи муромскихъ князей съ указанными въ житіяхъ именами у насъ, значитъ, нѣтъ особыхъ основаній сомнѣваться [344]). Равнымъ образомъ можетъ быть принята и житійная дата о времени жизни и кончины св. князей—начало XIII в. Она могла быть внесена въ житія на основаніи той же надгробной записи. Не обо всѣхъ удѣльныхъ князьяхъ сохранились извѣстія въ лѣтописяхъ, а о князьяхъ муромскихъ большого количества извѣстій и не могло сохраниться. Своей лѣтописи въ Муромѣ не велось. По разсказамъ «предковъ» муромскихъ писателей, былая слава Мурома отлетѣла еще въ доисторическія времена. Преданій историческихъ здѣсь также не могло быть. И въ жизни бл. кн. Глѣба Владиміровича Муромъ имѣетъ то же почти значеніе, какъ и упоминаемыя въ житіи Угра и Смядынь—это лишь топографическія обозначенія для отдѣльныхъ событій изъ жизни святаго. Основываясь на показаніяхъ Несторова житія св. братьевъ-мучениковъ, мы имѣемъ право говорить, что въ древности не было въ Муромѣ никакихъ воспоминаній о жизни здѣсь благ. Глѣба. Фактически Глѣбъ не управлялъ порученнымъ ему удѣломъ, жилъ не въ Муромѣ, а въ Кіевѣ, при отцѣ. Политическаго значенія Муромъ и въ XII—XIII вв. не имѣлъ. Ничѣмъ не выдѣляясь изъ среды мелкихъ удѣльныхъ князей, муромскіе князья не могли остановить на себѣ вниманія лѣтописцевъ другихъ русскихъ областей. Князья жили и умирали въ Муромѣ незамѣтно; ихъ удѣлъ не привлекалъ къ себѣ взоровъ другихъ членовъ княжеской семьи, и записи о жизни и о кончинѣ муромскихъ князей въ лѣтописяхъ появлялись рѣдко и случайно. Отдѣльныя имена князей могли сохраниться только по преданію или даже по записямъ на гробахъ князей. Возможно, что такимъ же незамѣтнымъ княземъ въ муромской исторіи былъ и благ. кн. Константинъ, что когда началось почитаніе этого святаго и возникла потребность въ составленіи его житія, то въ распоряженіи біографа не было никакого матеріала за исключеніемъ надгробной надписи и современныхъ біографу разсказовъ и догадокъ по поводу открытія этой надписи [345]). Историческая обстановка, м. б. даже и основной фактъ изъ жизни благ. князя его біографомъ были созданы искусственно, какъ и у біографа ярославскихъ князей—Пахомія. Главную роль въ этомъ случаѣ могли имѣть не столько затемненныя отъ времени преданія объ упорномъ нежеланіи древнихъ жителей Мурома принять новую, принесенную первыми князьями изъ Кіева, вѣру, сколько излишнее увлеченіе позднихъ біографовъ сторонними литературными источниками [346]). Обычное въ древне-русской письменности явленіе могло принять здѣсь не совсѣмъ обычныя формы и привести къ нѣсколько страннымъ результатамъ. Оцѣнивая историческую достовѣрность муромскихъ житій, нельзя не принять во вниманіе, что въ XVI в.

---

[343]) См. въ Прилож. № 27, стр. 105.

[344]) Другой, конечно, вопросъ, можно-ли признать исторически-вѣрными сообщенія о просвѣтительной дѣятельности бл. кн. Константина и его чадъ? Самое имя князя и совпаденіе дня его памяти (21 мая) съ празднованіемъ равноапост. царю Константину должны были повліять на происхожденіе этихъ житійныхъ сообщеній.

[345]) Даже и для нѣкоторыхъ надписей надъ гробницами псковскихъ князей не возможно теперь найти разъясненій въ историческихъ извѣстіяхъ объ этихъ князьяхъ. Между тѣмъ, въ Псковѣ съ очень древняго времени и до конца XVII в., велась мѣстная лѣтопись, притомъ, не въ одной редакціи.

[346]) Такими источниками для житія Константина послужили, какъ увидимъ, главнымъ образомъ древнерусскія сочиненія о русскихъ равноапостолахъ и м. б. житіе равноапостольнаго Константина.

церковный контроль надъ работою біографовъ былъ очень недостаточный; въ частности, что житіе благ. кн. Константина составлено не по порученію высшей церковной власти, что оффиціальнаго отъ нея подтвержденія оно въ сущности и не получило. Особая склонность муромскихъ писателей къ легендарнымъ сюжетамъ и разсказамъ фактъ общепризнанный, и она точно также не можетъ быть игнорирована изслѣдователемъ муромской агіобіографіи.

Нелегко поддается разъясненію и литературная исторія житій благ. кн. Константина. Большое сравнительно количество списковъ этихъ житій принято подраздѣлять на четыре редакціи. Двѣ изъ нихъ изданы: одна, которую по объему можно назвать среднею, въ 1 вып. Памятниковъ стар. рус. литературы, гр. Кушелево-Безбородко [347]), другая, сокращенная—въ моихъ Приложеніяхъ № 27. Неизданными остаются самыя интересныя въ литературномъ отношеніи редакціи: пространная,—она особенно часто встрѣчается въ спискахъ поздняго времени, въ частности, въ муромскихъ сборникахъ,—и Похвальное слово благ. князю, извѣстное только въ одномъ спискѣ: № 800 XVII в., б-ки Троице-Сергіевой лавры. Текстъ Похвальнаго слова съ варіантами и дополнительными мѣстами изъ пространнаго житія подготовленъ мною къ изданію, но въ виду обширности памятника я отложилъ пока его печатаніе.

Главная разница между этими четырьмя редакціями заключается въ неодинаковомъ объемѣ памятника въ каждой изъ нихъ. Въ Похвальномъ словѣ нѣтъ дополнительныхъ статей: о предшествовавшихъ открытію мощей явленіяхъ святыхъ, объ открытіи мощей и о построеніи храма во имя новыхъ чудотворцевъ, а также сказанія объ епископѣ Василіи. Послѣдней статьи нѣтъ и въ сокращенной редакціи житія, а также въ отдѣльныхъ спискахъ редакціи средней. Самымъ полнымъ сборникомъ разсказовъ о святыхъ является пространная редакція.

Разнятся между собою редакціи житій и по характеру изложенія. Похвальное слово, соотвѣтственно заглавію, главное вниманіе обращаетъ на риторическое восхваленіе равноапостольнаго подвига св. князя; сокращенная даетъ разсказъ, чуждый риторическихъ украшеній; средняя редакція удѣляетъ мѣсто и риторикѣ, но въ общепринятыхъ для житія размѣрахъ; пространное житіе объединяетъ тексты Похвальнаго слова и средней редакціи и разбавляетъ при этомъ новыми риторическими деталями разсказъ послѣдней.

Установить хронологическую послѣдовательность появленія редакцій по сравнительной древности грамматическихъ формъ и отдѣльныхъ выраженій въ ихъ текстѣ нѣтъ возможности. Въ случаяхъ совпаденія текстовъ въ грамматическомъ отношеніи не замѣчается почти никакой разницы; невыдержанность стариннаго правописанія замѣтна во всѣхъ редакціяхъ. При разъясненіи вопроса о томъ, которая изъ редакцій можетъ быть признана первоисточникомъ для остальныхъ, мы вынуждены ограничиться общими соображеніями, основанными на сравнительномъ обзорѣ содержанія всѣхъ редакцій и на хронологическихъ датахъ списковъ каждой изъ нихъ. Исключительно на основѣ послѣднихъ указаній взаимоотношеніе редакцій устанавливается въ спеціальномъ изслѣдованіи житій бл. кн. Константина у архим. Мисаила: «Свят. бл. кн. Константинъ муромскій и Благовѣщенскій м-рь, гдѣ почиваютъ его мощи», въ VIII т. Трудовъ Владим. ученой арх. коммиссіи, Владиміръ 1909 г., стр. 1—130.

Въ изслѣдованіи о. Мисаила обстоятельно разсмотрѣнъ вопросъ о зависимости житій благ. кн. Константина отъ стороннихъ литературныхъ источниковъ и для иллюстраціи этой зависимости сдѣланъ рядъ подробныхъ сопоставленій текстовъ. На этомъ вопросѣ теперь излишне было-бы останавливаться, и я ограничусь лишь общими замѣчаніями.

Муромскіе біографы воспользовались лѣтописнымъ разсказомъ о крещеніи Руси; Памятью мниха Іакова; проложными житіями ровноап. Владиміра и Ольги; Словомъ о законѣ и благодати м. Иларіона; передѣлкою второй части этого Слова; проложнымъ сказаніемъ о св.

[347]) стр. 229—237, по ркп. Румянц. музея № 364.

Леонтіи Ростовскомъ. Кромѣ этихъ, отмѣченныхъ у о. Мисаила памятниковъ, въ число литературныхъ пособій можно отнести житійное свазаніе о Б. и Г. Вліяніе житійнаго сказанія замѣтно, напр., въ разсказѣ о смерти св. князя Михаила. Замѣчаніе біографа: «ибо Г. Б. сохрани тѣло вѣрнаго раба своего, новаго страстотерпца муромскаго, бл. кн. Михаила, и ничтоже прикоснуся тѣлеси его (выброшенному убійцами въ поле), но свѣтяшеся аки солнце, и тѣло его веліе благоуханіе истощаше изъ себе; и слышаша невѣрніи людіе надъ тѣломъ бл. кн. М. ангелское пѣніе беспрестани поюща»…,—ясно указываетъ на пользованіе текстомъ житійнаго сказанія о прояваеніи мощей бл. кн. Глѣба [348]).

Перечисленными памятниками не всѣ редакціи пользуются въ одинаковой степени. Средняя редакція Словомъ Иларіона совсѣмъ не пользуется; основнымъ источникомъ Слово и его передѣлка служатъ лишь для автора Похвальнаго слова бл. кн. Константину. По передѣлкѣ составлено введеніе, по оригиналу Слова—вся риторическая часть этого памятника. Въ сокращенной редакціи нѣтъ заимствованій изъ лѣтописи и изъ проложныхъ житій благ. Ольги и св. Леонтія; бóльшая часть ея содержанія восходитъ къ Памяти Іакова [349]). Пространная редакція пользуется всѣми литературными пособіями, но уже изъ вторыхъ рукъ—изъ Похв. слова и изъ средней редакціи. Характеръ пользованія этими сторонними пособіями у всѣхъ редакторовъ одинаковый. Они дѣлаютъ буквальныя заимствованія и по поводу отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій памятника осложняютъ заимствованный текстъ новыми подробностями. Примѣромъ послѣднихъ могутъ служить детали въ описаніи языческихъ погребальныхъ обрядовъ, а также магометанскихъ и языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Всѣ эти дополнительныя сообщенія интересны и цѣнны для характеристики религіозной жизни муромской области въ пору составленія житій и Слова. Видно, что и въ XVI—XVII вв. муромскій край былъ мало христіанизированъ; въ народной массѣ держались остатки разныхъ суевѣрій. Съ этой стороны житія и особенно Похвальное слово должны быть отнесены къ цѣннымъ памятникамъ старинной русской письменности. Изслѣдователь древне-русскаго двоевѣрія найдетъ въ нихъ хотя и поздній, но хорошій матеріалъ для своей работы.

Руководясь хронологическими датами раннѣйшихъ списковъ житій, арх. Мисаилъ устанавливаетъ такой порядокъ появленія редакцій. Раннѣйшимъ памятникомъ біографіи муромскихъ князей, первоисточникомъ остальныхъ редакцій, должна быть признана пространная редакція, такъ какъ она сохранилась въ болѣе древнемъ спискѣ, по сравненію съ другими редакціями, XVI—XVII в., № VI Патр; б-ки. Пространное житіе составлено въ половинѣ XVI в., послѣ 1547 г., но раньше В. Ч. М. Макарія; иначе оно вошло бы въ этотъ сборникъ (24, 25). Авторомъ житія могъ быть составитель службы муромскимъ святымъ монахъ Михаилъ [350]). По пространному житію составлены: Похвальное слово, средняя и сокращенная редакціи. Списки этихъ памятниковъ не старше XVII в. Болѣе ранній списокъ сокращенной редакціи въ Милютинскихъ минеяхъ дяетъ поводъ приписать этотъ опытъ сокращенія самому Милютину.

Принципъ хронологическаго распредѣленія редакцій по датамъ ихъ списковъ самъ по себѣ не могъ бы вызывать никакихъ возраженій, если бы онь основывался на просмотрѣ *всѣхъ* сохранившихся списковъ памятника. Послѣдняго не было сдѣлано архим. Мисаиломъ. Авторъ пользуется единичными списками житій; въ опредѣленіи времени ихъ онъ не обращаетъ вниманія на палеографическія особенности того или другого списка и изъ хронологическихъ датъ общаго характера дѣлаетъ неосторожныя заключенія. Такъ, напр., списокъ № VI Патр. б-ки даетъ о. Мисаилу поводъ ваключить о первоначальности пространной

[348]) По ркп. № 1104, л. 18 и об., Ундольскаго; ср. въ Прилож. № 10, стр. 42, 43. По житійному сказанію составленъ и разсказъ о Глѣбѣ (Прил. № 27, стр. 101—102).

[349]) См. въ Прилож. № 27, стр. 100, 102 (со второго абзаца)—103. Описаніе крещенія (строки 3—16 на стр. 103) восходятъ къ пролож. житію Владиміра; по нему же составленъ и акаѳистъ, стр. 104.

[350]) 19, 20, 23, 25. Ср. у В. О. Ключевскаго, о. с, 287.

редакціи житія, о появленіи ея еще въ XVI в. Арх. Саввою этотъ сборникъ, дѣйствительно, датируется XVI—XVII в. [351]). Но въ этой ркп. помѣщены статьи разнаго времени и разныхъ почерковъ; есть памятникъ и въ спискѣ XIX ст.— житіе бл. кн. Андрея Смоленскаго. Какія изъ статей преосв. Савва находилъ возможнымъ отнести къ XVI в., я затруднился бы опредѣлить. Одно несомнѣнно—не списокъ житія бл. кн. Константина. Самый поверхностный, но самостоятельный обзоръ правописанія и почерка этого списка предостерегъ бы о. арх. Мисаила отъ сдѣланнаго имъ вывода. Такъ, напр., имя Спасителя здѣсь пишется всегда съ двумя *и*: іис҃ъ. Не только въ ркп. XVI в., но и въ ркп. первой половины XVII в. такого устойчиваго написанія въ имени: Іисусъ, конечно, не могло бы быть. Ясно, так. обр., что патріаршій списокъ нельзя относить раньше второй полов. XVII в. Пріемы сокращенія и отдѣльныя выраженія въ разсматриваемомъ спискѣ не препятствуютъ датировать появленіе его и болѣе позднимъ временемъ. Если, затѣмъ, мы обратимъ вниманіе, что другіе списки пространной редакціи встрѣчаются обычно въ сборникахъ XVIII в. и, наоборотъ, отъ XVII в. гораздо чаще встрѣчаются списки средней редакціи житія, притомъ, первой половины этого вѣка, то, руководясь принципомъ о. архим. Мисаила, вопросъ о сравнительной первоначальности редакцій мы должны разрѣшать въ пользу редакціи средней. Она, повидимому, и была основою для другихъ біографій и появилась во второй половинѣ XVI в. Въ XVII в. было сдѣлано сокращеніе этой редакціи для Четіихъ миней Милютина. Къ началу XVII в. можно относить и риторическое распространеніе текста средней редакціи въ Похвальномъ словѣ. Пространное же житіе представляетъ собою сводку текстовъ основной средней редакціи и ея передѣлки— Похвальнаго слова.

Отмѣченное у о. архим. Мисаила сходство въ текстѣ икоса по 6 пѣсни канона и въ акаѳистѣ житія подтверждаетъ вѣроятность предположенія о принадлежности житія и службы благ. князю одному писателю—«господину мниху Михаилу». Но чтобы авторъ житія былъ монахомъ Благовѣщенскаго м-ря, въ текстѣ средней редакціи нѣтъ на это указаній.

Монастырской письменности принадлежитъ, несомнѣнно, Похвальное слово. Оно предназначено было для чтенія за службою св. князьямъ.

Какъ памятникъ гомилетическій, Похвальное слово не дорожитъ подробностями и полнотою біографическихъ сообщеній о бл. князѣ. Оно забываетъ даже сказать о кончинѣ князя, все вниманіе обращаетъ на восхваленіе его равноапостольнаго подвига, на выясненіе значенія просвѣщенія Мурома христіанскою вѣрою.

Съ литературной стороны Похвальное слово не отличается достоинствами. Литературныя добавленія къ тексту Слова Иларіона совершенно не соотвѣтствуютъ прекрасному изложенію въ этомъ замѣчательномъ кіевскомъ памятникѣ. Риторика собственнаго измышленія обнаруживаетъ у автора Похв. слова отсутствіе писательскаго навыка и литературнаго вкуса. Отдѣльныя выраженія производятъ впечатлѣніе страннаго, даже неприличнаго для чтенія въ церкви набора фразъ [352]).

Въ русской письменности Пох. слово не имѣло, кажется, распространенности. Кромѣ Лаврскаго списка, другихъ пока не найдено. Распространенію Слова помѣшало м. б. и то обстоятельство, что оно вскорѣ послѣ своего появленія подверглось передѣлкѣ. Возможно, что и эта передѣлка— сводка текстовъ основной редакціи и Похв. слова, была произведена въ томъ же Благовѣщенскомъ монастырѣ. Впрочемъ, прямыхъ на это указаній въ пространномъ

---

[351]) Указатель патр. б-ки, М. 1858 г., стр. 179.

[352]) Вотъ одинъ изъ примѣровъ: «и аще ли вопрашаете моея худости: повѣждь намъ, любимче, почто ны созываеши во обитель пресв. Б-ца честнаго Ея Благовѣщенія..., и что-ли мзда будетъ сристанія нашего во св. обитель сію?—Не на плотное веселіе созываю вы, но на духовное, не на земное пиршество, идѣже мяса и многоразличныя яди предлагаются яже входятъ во уста, а въ сердце не вмѣщается и аѳедрономъ исходитъ и мотыло именуется, ни вино, ни медъ, гортань веселящее, а умъ омрачающее и въ дѣтородный удъ изливающееся и потомъ смрадомъ воняюще, но созываю вы на трапезу духовную» и т. д. (*л.* 71 об.).

житіи нѣтъ. Въ XVIII в. пространное житіе часто переписывалось, но составъ и текстъ его не видоизмѣнялись [353]).

Нерѣдко встрѣчается въ рукописяхъ и сокращенная редакція житія, и такъ же, какъ и средняя, не въ одинаковомъ видѣ, съ мелкими добавленіями и стилистическими поправками. Одинъ изъ такихъ опытовъ частичной переработки памятника воспроизведенъ въ варіантахъ къ тексту, изданному въ Приложеніяхъ. Никакихъ слѣдовъ знакомства редактора сокращеннаго житія съ пространнымъ житіемъ или съ Похвальн. словомъ въ текстѣ памятника нѣтъ. Можно, отсюда, предположить, что сокращеніе основной редакціи произведено было раньше появленія пространной; незнакомство же съ Похв. словомъ могло зависѣть отъ мѣста появленія сокращенной редакціи. Допустимъ, что это трудъ Милютина.

Такимъ образомъ, среднюю редакцію можно назвать первымъ опытомъ церковной біографіи св. муромскихъ князей. Всѣ литературныя пособія для своей работы: Память Іакова, житійное сказаніе о Б. и Г., проложныя житія св. Владиміра, Ольги, сказаніе о св. Леонтіи, авторъ этой редакціи могъ найти въ спискѣ В. Ч. Миней. Но кромѣ этихъ стороннихъ источниковъ авторъ пользовался мѣстными церковными сказаніями—муромскими. Въ разсказѣ объ обновленіи Мурома онъ упоминаетъ о муромскихъ святыхъ Петрѣ и Февроніи, указываетъ этимъ на знакомство съ житіемъ ихъ. Здѣсь же онъ приводитъ и муромское сказаніе о св. епископѣ Василіи. Сказаніе это въ нѣкоторыхъ спискахъ житія.— напр., Ист. муз. № 1374, помѣщено отдѣльно отъ житія, подъ особымъ заглавіемъ: «Сказаніе о святѣмъ Василіи епископѣ». И дѣйствительно, въ муромской письменности оно было самостоятельнымъ памятникомъ и появилось раньше житія благ. кн. Константина. Сохранились отдѣльные списки этого сказанія, не древнѣе, впрочемъ, списковъ средней редакціи житія—XVII в. Я пользовался спискомъ АМИД., изъ собранія Оболенскаго, № 85, л. 199—200 об.

Сравнивая текстъ сказанія въ этомъ сборникѣ съ текстомъ его въ житіи, не находимъ какой-либо разницы. При перепискѣ сказанія въ житіе сдѣлано одно лишь измѣненіе: начальныя строки сказанія—о былой славѣ Мурома и о благ. князѣ муромскомъ Глѣбѣ, перенесены въ предисловіе къ житію. Въ качествѣ перехода отъ сказанія о Василіи къ основному въ біографіи бл. князя разсказу, редакторъ пользуется стереотипною фразою: «и потомъ на предлежащій подвигъ возвратимся» [354]). Текстъ сказанія о св. Василіи изданъ проф. И. А. Шляпкинымъ въ Сборникѣ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову [355]). Тамъ же указаны и другіе списки памятника: Общ. Ист. и Др. № 197, Погодин. 1558, Царскаго № 397. Авторомъ этого сказанія Шляпкинъ предположительно считаетъ современника м. Макарія—Ермолая, протопопа Спасскаго въ Москвѣ собора [356]).

Въ ркп. Псковскаго церковно-археологич. комитета № 403, XVII в. (изъ б-ки Никандровскаго м-ря), л. 405—412, помѣщена переработка первоначальнаго сказанія, подъ заглавіемъ:

---

[353]) Большая часть изъ предисловія къ Слову перенесена здѣсь въ разсказъ о событіяхъ, предшествовавшихъ открытію мощей. Съ фактической стороны въ подробномъ житіи нѣтъ новыхъ извѣстій.

[354]) Ркп. Ундольскаго № 364, л. 207 об.

[355]) Спб. 1911 г. стр. 545—555: «Ермолай прегрѣшный, новый писатель эпохи Грознаго».

[356]) 541, 549, 550, 553.—Цѣль сказанія—выяснитъ обстоятельства перехода изъ Мурома епископской каѳедры въ Переяславль рязанскій, утраты самостоятельности церковной. Сюжетъ очень напоминаетъ новгородское сказаніе объ арх. Іоаннѣ. Праведный владыка Василій подвергся кознямъ со стороны діавола. Жители Мурома стали замѣчать, что покои владыки посѣщаютъ дѣвицы. Обвинивъ святаго въ нецѣломудренной жизни, они рѣшили изгнать его изъ города. Святитель, съ иконою Б. М., на мантіи чудесно проплылъ «противу струямъ, отнюду же рѣка течаше», болѣе 200 верстъ, въ какіе-ниб. шесть часовъ. Онъ приплылъ на мѣсто, «еже нынѣ зовомо старая Рязань», торжественно, «со кресты», былъ встрѣченъ рязанскимъ княземъ Олегомъ и остался здѣсь. Чудотворная икона Б. М. точно также осталась въ Рязани. Съ этого времени Муромъ и подчинился въ церковномъ отношеніи рязанскимъ-переяславскимъ епископамъ. По словамъ автора, сказаніе составлено по сохранившимся устнымъ разсказамъ объ этомъ чудесномъ событіи: «якоже слышахъ, то и написахъ». Авторъ видѣлъ и чудотворную икону. Онъ хотѣлъ распространить устные разсказы, м. б. написать житіе св. Василья, но затруднился это сдѣлать: «хотѣхъ бо распространити, и не свѣмъ, како написати, понеже отъ чюдеси (въ сп. Оболен.: «оттуду уже») многа лѣта преидоша, и азъ о семъ не добрѣ свѣде и боюся, да не явлюся о семъ глаголяй ложь» (у Шляпкина, 565).

«Повѣсть, како пріиде изъ Мурома града епископъство въ богоспасаемый градъ Переаславль рязанскій». Время происхожденія этой редакціи приблизительно опредѣляется упоминаніями о рязанскомъ архіеп. Ѳеодоритѣ (*л.* 408 об.), князѣ Иванѣ Хворостининѣ (*л.* 410 об.—412; и вообще о нестроеніяхъ при разстригѣ— первомъ самозванцѣ (*л.* 408 об.). Варіантовъ въ первой части сказанія въ новой редакціи нѣтъ, но вторая часть—о жизни святаго на пустынномъ мѣстѣ старой Рязани, значительно распространена. Передается, что на пустынномъ мѣстѣ епископъ построилъ, съ помощью князя, храмъ; къ нему за благословеніемъ стало приходить много народу; онъ былъ похороненъ при этой церкви; когда она отъ ветхости разсыпалась, построили новую, каменную (*л.* 408 и об.); послѣ смерти святой являлся двумъ его почитателямъ (408 об., 409); долгое время не было установлено почитанія святаго: «въ презрѣніи святый сей и канона ему нѣсть (*л.* 411 об.) и т. п. [357]).

Сказаніе о Василіи по содержанію своему очень подходило къ помѣщенію въ житіи св. муромскихъ князей. Это было какъ бы продолженіе начатой въ житіи страницы изъ муромской церковной исторіи; но объединено съ житіемъ сказаніе только внѣшнимъ образомъ.

Въ заключеніе обзора муромскихъ житій остановлюсь на одной частности въ ихъ содержаніи.

Во всѣхъ редакціяхъ, за исключеніемъ Похвальнаго слова, разсказывается о посылкѣ святыми псковитянина Петра въ Псковъ за образомъ, стихирами и канономъ чудотворцевъ. Архим. Мисаилъ думаетъ, что такое порученіе было вызвано практическими побужденіями: въ Муромѣ некому было написать икону новыхъ святыхъ и потому обратились въ Псковъ, къ псковскимъ иконописцамъ (90—91). Едва-ли съ такимъ предположеніемъ можно согласиться. Заказъ на икону можно было сдѣлать ближе—въ Москвѣ, да и посылали Петра не за одною иконою. Правильнѣе будетъ думать, что икона и служба святымъ появились раньше составленія ихъ житія, но чествованіе святыхъ въ то время и въ Муромѣ было мало распространено. Однимъ изъ почитателей бл. князя, вынужденнымъ послѣ 1510 г. переселиться въ Псковъ, при отъѣздѣ туда, были взяты икона и служба мѣстнымъ святымъ. Псковитянинъ Петръ, повидимому, лучше коренныхъ муромцевъ зналъ объ этомъ и имѣлъ возможность скорѣе отыскать въ Псковѣ нужную для муромцевъ святыню; потому онъ и былъ командированъ за нею на прежнюю свою родину. При такомъ объясненіи дѣла, житійное сообщеніе получаетъ и нѣкоторую историко-литературную цѣнность. Оно показываетъ, что почитаніе бл. кн. Константина началось въ Муромѣ значительно раньше составленія житія святаго и что самый остовъ житія—разсказъ о просвѣтительной дѣятельности князя, не измышленіе однихъ лишь біографовъ князя. Основной фактъ въ біографіи князя первоначальную свою обработку получилъ въ устныхъ разсказахъ въ началѣ XVI в., роль же біографовъ Константина свелась къ литературному развитію этого біографическаго факта, къ агіографической обработкѣ мѣстныхъ преданій и разсказовъ.

Съ большою любовію относились къ описанію жизни своихъ князей и писатели тверскіе. При выборѣ темы для княжескихъ житій они не ограничивались только агіографическими требованіями, составляли біографіи и такихъ князей, которые не были причтены церковію къ лику святыхъ. Еще въ половинѣ XV в. въ Твери была составлена Повѣсть о тверскомъ князѣ Михаилѣ Александровичѣ [358]); въ томъ же вѣкѣ написано и Слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ смиреннаго инока Ѳомы—памятникъ, недавно

[357]) Св. епископъ въ новой редакціи сравнивается съ преп. Антоніемъ Римляниномъ (*л.* 4 10 и об.) и архіеп. новгородскимъ Іоанномъ: «яко же другій нѣкто подобенъ по всему Іоанну новгородцкому». (*л.* 405).

[358]) Она сохранилась въ отрывкахъ въ болѣе позднихъ сводахъ лѣтописей. См. объ этомъ у В. О. Ключевскаго, о. с, стр. 179, 180.

найденный и напечатанный Н. П. Лихачевымъ [359]). Но эти, свѣтскія по своему назначенію, сочиненія содержаніемъ и пріемами изложенія нисколько не отличаются отъ памятниковъ агіографическихъ. Это и понятно. Между агіографическою литературою и историческою письменностію того времени была слишкомъ большая связь; первая изъ нихъ количественно такъ доминировала надъ второю, что, естественно, подчиняла ее своему исключительному вліянію. Къ тому же, авторами свѣтскихъ сочиненій, какъ видно, напр., изъ заглавія Похв. слова кн. Борису, были тѣ же «смиренные иноки», которые вели и агіографическую работу о князьяхъ; по самому уже положенію своему они должны были строже, чѣмъ писатели изъ міранъ, придерживаться агіографическихъ традицій. Вотъ почему ихъ сочиненій нельзя выдѣлить въ особую группу біографической старинной литературы; это—тѣ же самыя житія, только написаны они не для церковнаго употребленія.

Авторъ повѣсти о Михаилѣ Александровичѣ намѣчаетъ для своего сочиненія совершенно житійную программу: «зѣло скоропытнѣ искавше образъ бытіа его (М.), когда родися и како Богомъ утвержаемъ въ крѣпости възраста и колика мужества на земли, храбрости показа, наипаче же елма къ Богу вѣру въ дѣлехъ стяжа». Но такой смѣшанный планъ содержанія—о «храбрости» и о «благочестіи» князя, мы встрѣчаемъ и въ княжескихъ біографіяхъ церковныхъ, какъ древнихъ: жж. Александра Невскаго, Довмонта Псковскаго, такъ и въ позднихъ: послѣд. редакція ж. Ѳеодора Ярославскаго.

По отзыву В. О. Ключевскаго (179—180), Повѣстъ о Михаилѣ «послѣ біографіи Александра Невскаго едва-ли не первый опытъ жизнеописанія въ простомъ смыслѣ слова, гдѣ описываемое лицо разсматривается, какъ историческій дѣятель, а не съ точки зрѣнія церков. похвальнаго слова, какъ нравственный образецъ для подражанія». Но изслѣдователь древне-русской литературы не будетъ долго останавливаться на этомъ свѣтскомъ сочиненіи; по интересующему его вопросу о мірскихъ элементахъ и мотивахъ въ старинной нашей письменности онъ найдетъ для себя гораздо больше матеріала въ содержаніи сочиненій церковныхъ—въ житіяхъ Александра Невскаго, Довмонта, житійномъ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ, наконецъ, въ агіографическомъ памятникѣ той же тверской письменности—въ Повѣсти объ убіеніи бл. кн. Михаила Ярославича [360]). Личность князя Михаила Александровича, событія его дѣтства и воспитанія въ Повѣсти изображены «обычными чертами житій» [361]), съ очень слабыми слѣдами вліянія на біографа мірского, не божественнаго писанія.

Сочиненіе смиреннаго инока Ѳомы еще меньше можетъ привлекать къ себѣ вниманіе историка древне-русской литературы. Искусственностію построенія, обиліемъ агіографичесвой риторики, общихъ мѣстъ, односторонностію въ полъзованіи біографическимъ матеріаломъ и идеализированною оцѣнкою отдѣльныхъ фактовъ изъ біографіи историческаго дѣятеля, наконецъ, пріемами изложенія, степенью зависимости отъ образцовыхъ въ агіографической литературѣ памятниковъ—Похвальное слово кн. Борису не только не уступаетъ, но и оставляетъ за собою позади многія изъ древне-русскихъ сочиненій агіографическихъ. Авторъ начинаетъ свой трудъ словами, напоминающими начальныя строки въ Пахоміевыхъ житіяхъ: «елма преподобному и похваляему возвеселятся людіе». Онъ не замѣчаетъ несоотвѣтствія такого агіографическаго начала общей задачѣ своей работы; наоборотъ, старается ввести своего героя не только въ рядъ князей «преподобныхъ», но и «страстотерпцевъ», хотя въ біографическихъ данныхъ о Борисѣ не было поводовъ для подобныхъ параллелей [362]). По примѣру Пахомія Логоѳета и его русскихъ подражателей, о. Ѳома характеризуетъ свое сочиненіе, какъ «велми худое плетеніе» словесъ (31). И дѣйствительно, церковно-книжная риторика мѣшаетъ автору-

[359]) Памятники древне-рус. письменности, CLXVIII, Спб. 1908 г., стр. 1.—55+1—LX.

[360]) Такъ и поступилъ изслѣдователь Слова о полку Игоревѣ—Е. В. Барсовъ. Отдѣльныя параллели въ тексту Слова онъ подыскиваетъ въ житіяхъ Александра Нев., Довмонта, Михаила Ярославича (о. с, стр. 484).

[361]) В. О. Ключевскій, о. с, 178.

[362]) И мы же ему сице рцемъ: радуйся, новый страстотерпче (36).

современнику князя толково и искренне выразитъ свое восхищеніе передъ «любимѣйшимъ» ему государемъ (12). Получается вмѣсто этого наборъ напыщенныхъ, ничего не значащихъ фразъ. Обиліе не только историческихъ, но и библейскихъ параллелей, выписокъ и ссылокъ на св. Писаніе и святоотеческія творенія—вотъ что дѣлаетъ худое плетеніе о. Ѳомы многословнымъ памятникомъ.

Изъ церковныхъ и, въ частности, изъ агіографическихъ образцовъ авторъ широко пользуется Словомъ о благодати м. Иларіона, житіемъ Александра Невскаго, сказаніемъ о Б. и Г., проложнымъ житіемъ Димитрія Солунскаго—словомъ, такими литературными пособіями, къ которымъ прибѣгалъ почти каждый изъ церковныхъ біографовъ св. князей, разъ онъ не хотѣлъ представиться читателю писателемъ «малосмысленнымъ и скудоумнымъ» [363]). Руководясь однимъ только сочиненіемъ инока Ѳомы, мы въ правѣ были бы сдѣлать невысокій отзывъ о тверскихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ описанію жизни тверскихъ князей; назвали бы эти сочиненіи безполезными въ историческомъ отношеніи компиляціями. Но это была бы не вѣрная, слишкомъ пониженная оцѣнка. Тверскіе писатели-церковники дали русскому обществу прекрасный матеріалъ для назидательнаго чтенія, а для научной литературы очень цѣнный памятникъ—въ біографіи своего князя-страдальца Михаила Ярославича.

При изученіи рукописнаго матеріала о житіяхъ бл. кн. Михаила мнѣ не удалось найти чего-ниб. новаго, пополняющаго извѣстныя уже въ наукѣ данныя. Потому и въ обзорѣ литературной исторій житій, чтобы не повторять общеизвѣстнаго, придется ограничиться общею характеристикою этого отдѣла въ древне-русской житійной литературѣ о св. князьяхъ.

Первоначальная Повѣсть о бл. Михаилѣ дошла до насъ сравнительно въ позднихъ спискахъ, главнымъ образомъ XVI в. Я буду цитировать ея текстъ по списку въ В. Ч. Минеяхъ № 988, л. 1078—1081: «убіеніе вел. кн. Михаила Ярославича Тверьскаго отъ безбожнаго царя Азбяка».

Содержаніе и характеръ изложенія въ Повѣсти объ убіеніи св. Михаила заключаютъ въ себѣ всѣ черты не только современности, но и непосредственной близости ея автора ко святому. Мученическая кончина Михаила описана очевидцемъ, спутникомъ князя въ поѣздкѣ въ Орду. Въ печальныя, трудныя минуты этой поѣздки и самъ авторъ пережилъ и испыталъ много тяжелаго. «И бѣ видѣти страшно въ той часъ, братіе»; «горесть бо и бѣ, братіе, тогда въ той часъ, таковую видѣвши нужную смерть господина своего»—подобныя выраженія ясно указываютъ на описателя-очевидца. За то же говорятъ и точность разсказа, отсутствіе въ немъ какихъ-либо недомолвокъ и общихъ фразъ. Но кто былъ авторомъ Повѣсти, какое мѣсто занималъ онъ въ сопровождавшей князя въ Орду свитѣ, изъ текста сочиненія не видно. В. О. Ключевскій (72) допускаетъ, что авторомъ Повѣсти могъ быть одинъ изъ поповъ, сопровождавшихъ бл. князя въ Орду.

Біографъ съ благоговѣйнымъ сочувствіемъ—съ «жалостію», относится къ князю-мученику. Не довольствуясь отвлеченною общежитійною характеристикою святаго, какъ подвижника, онъ отмѣчаетъ и реальныя біографическія черты: глубокій патріотизмъ князя, его готовность

---

[363]) Эти литературныя пособія Похв. слова указаны А. А. Шахматовымъ, въ отзывѣ объ изданіи Н. П. Лихачева: Инока Ѳомы Слово похвальное...(Отчеты о засѣд. Импер. Общ. люб. др. письм., Спб. 1911 г., стр. 17—21).

Вліяніе на Слово лѣтоп. ж. Александра Невскаго также не сомнѣнно. См., напр. замѣчаніе, что всѣ приходили полюбоваться кн. Борисомъ, красотою его лица (3, 6) и мудростію, какъ Южская царица къ Соломону (11), отзывъ о Б.: «не обрѣтохъ таковаго ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя» (13, сн. 6, 7; сравненіе съ Іосифомъ, 13); слава о кн. Б. дошла до Рима (3, сн. 37); онъ милостивъ къ врагамъ (49—50); отзывъ о воеводахъ Б. А.: «таци бо суть храбріи у вел. кн. Б. А.» и т. д. (49). Сн. съ указанными мѣстами въ церк. лѣт. ж. А. Нев. (Прил. № 29) стр. 111; 116; 114; 115. Описаніе нападенія москвичей съ Колычевымъ: «и тъ пріиде въ силѣ тяжцѣ, хотя плѣнити сына брата его… съ тремя сты, а воеводы вел. кн. Б. А. съ единымъ сто» (16—17), кромѣ указанной въ Словѣ библейской параллели, находятъ для себя соотвѣтствіе и въ лѣтоп. житіи бл. Довмонта: «единѣмъ девяностомъ (Д.) семьсотъ побѣди» (Полн. собр. рус. лѣт. т. V, стр. 7).—Изъ агіографич. сочиненій нужно отмѣтить еще вліяніе на Слово пролож. житія Владиміра въ изложеніи молитвы Бориса на основаніе града Люблина-Ѳеодорова (стр. 25, строки 1—9 сверху, сн. въ Прилож. № 5, стр. 15—16, строки, 20—21, 1—3 сверху).

пожертвовать жизнію за благополучіе своей страны, близость отношеній князя къ совѣтникамъ и слугамъ, трогательную о нихъ заботливость и т. п. На убѣжденія бояръ и сыновей поберечь себя, не ходить въ Орду, бл. князь отвѣчаетъ: «аще азъ гдѣ уклонюся, то вотчина моя вся въ полонъ будетъ и множество христіанъ избіени будутъ…, то лучше ми есть нынѣ положити главу свою, да неповинни не погибнутъ» (*л.* 1079). По тѣмъ же соображеніямъ онъ отклоняетъ и предложеніе спастись отъ смерти бѣгствомъ: «не дай ж ми Богъ сего сотворити, аще бо азъ единъ уклонюсь, люди своя оставивъ въ таковой бѣдѣ, то кую похвалу пріобрящу» (*л.* 1080 об.). Въ предсмертныхъ распоряженіяхъ онъ не забываетъ ни о комъ изъ своихъ спутниковъ: «приказываше... и про тѣхъ, иж съ нимъ были, и до меншихъ, не веля презрѣти ихъ». По замѣчанію В. О. Ключевскаго (73), біографъ, идеализируя своего героя, обходитъ противорѣчащіе житійной характеристикѣ отдѣльные факты изъ дѣятельности бл. князя. Но идеализація, нужно замѣтить, здѣсь очень умѣренная; личность князя и его подвигъ исторически въ Повѣсти очерчены вѣрно. Въ Похвальномъ словѣ инока Ѳомы мы найдемъ гораздо больше идеализации и предвзятыхъ преувеличеній.

Входило-ли въ составъ первоначальной Повѣсти о святомъ теперешніе ея предисловіе, до словъ: «тъ иде во Орду къ цареви» (*л.* 1078), теперь нельзя отвѣтить опредѣленно. Съ дальнѣйшимъ разсказомъ начальныя строки по извѣстнымъ теперь спискамъ Повѣсти слабо объединены. Но разсказъ о событіяхъ, предшествовавшихъ мученической кончинѣ князя—о борьбѣ между Михаиломъ и Юріемъ Даниловичемъ, несомнѣнно, принадлежитъ составителю Повѣсти. Въ текстѣ этого разсказа и по позднимъ спискамъ сохранилось указаніе на древность Повѣсти вообще. Здѣсь читаемъ: «иде во Орду къ цареви, яко ж обычай есть взимати тамо вел. княженіе» (*л.* 1078). Въ передѣлкѣ Повѣсти въ XV в. подчеркнутая фраза измѣнена: «имяху обычай тамо взимати княженіе великое» [364]). Какъ разъяснено уже В. О. Ключевскимъ (73), біографъ бл. князя значительно смягчаетъ вину въ случившемся князя Юрія Даниловича. Главнымъ виновникомъ вражды между русскими князьями и страдальческой смерти Михаила по Повѣсти является окаянный Кавгадый и вообще татары.

Повѣсть написана простымъ, яснымъ и въ то же время книжно-литературнымъ языкомъ, съ удачнымъ подборомъ библейскихъ текстовъ и съ замѣтными слѣдами личнаго настроенія автора. Это сочиненіе и по плану, и по изложенію не вполнѣ оригинальное. Описаніе случившагося въ Ордѣ сдѣлано подъ несомнѣннымъ вліяніемъ сказаній о мученической кончинѣ благ. кн. Михаила Черниговскаго. Вліяніе сказаній можно наблюдать какъ въ общей постановкѣ разсказа, такъ и въ отдѣльныхъ сюжетахъ и даже выраженіяхъ. Такъ, напр., роль Кавгадыя во многомъ напоминаетъ роль Елдеги; то же самое нужно сказать и о Романцѣ, замѣняющемъ собою въ Повѣсти законопреступника Домана житій Михаила Черниговскаго. Въ одинаковыхъ выраженіяхъ описаны мученія св. князей: «и повергоша на земли, біахутъ и пятами нещадно» (*л.* 1080 об.); «и поверьгоша ничь его на земли и бьяхуть и пятами» [365]). Сходныя съ сказаніемъ о М. Черн. мысли, даже строки, читаемъ и въ описаніи слѣдующей детали: «въ то же время съѣхалось бѣ много людей отъ всѣхъ языкъ и сшедшись ту, зряху святаго. Рече же единъ отъ своихъ предстоящихъ ему: господине княже, видиши-ли се, колико множество народа стоитъ, видяще тя въ таковой укоризнѣ, а преж слышаще тя, царствующа въ своей земли» (*л.* 1080); сн. въ сказ. о Мих. Черн.: «стояше же (вар.: «бѣ же... множество собралось») на мѣстѣ томь множество крестьянъ и поганыхъ»—«и бѣ видѣти странное зрѣніе…, его ж преж мало зряху яко царя на престолѣ въ багряницѣ въ славѣ велицѣ сѣдящи»… [366]).

---

[364]) Ркп. Ундольскаго, № 1254, XVI в., *л.* 33.

[365]) Прилож. № 20, стр. 67.

[366]) До тире Прилож. № 21, стр. 70, въ скобахъ № 20, стр. 67; вторая половина—№ 22, стр. 78, вар. 207—207. Въ послѣднемъ случаѣ отношеніе могло быть обратное: соловец. редакторъ Пахоміева житія могъ внести эти строки подъ вліяніемъ житій Мих. Ярославича.

Авторъ Повѣсти находился подъ вліяніемъ и другого сочиненія о князьяхъ-мученикахъ—житійнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ. Особенно это отражается на описаніи молитвеннаго настроенія князя въ ожиданіи мученической кончины: «бысть же день въ среду, повелѣ отпѣти заутреню и часы, самъ же съ плачемъ послушаше; и посемъ повелѣ правило причащенію, и埋 вземъ книгу, начатъ самъ псалмы глаголати со умиленіемъ, тихо и глубокимъ воздыханіемъ, точа слезы, яко рѣку, и изрече вся, иж ко причащенію» (*л.* 1080 об.); ср. въ жит. сказаніи: «бысть же вечеръ (день субботный) и повелѣ пѣти вечернюю, а самъ влѣзе въ шатеръ свой, начатъ молитву творити вечернюю со слезами горькыми и частыимь въздыханіемь и стонаніемь многымь..., бѣ же въ св. недѣлю, рече къ прозвутеру своему: въставъ, начьни заутренюю (вар.: «и повелѣ прозвитеру заутреню пѣти»), самъ же... начатъ пѣти псалтирь, таже посемь канонъ (вар.: «ко причащенію») и т. д. [367]). Сн. также въ Повѣсти: «единъ отрокъ его вскочивъ вежу обледѣвшимъ лицемъ и измолкшимъ гласомъ глаголя» (1080 об.), и въ жит. сказаніи: «воззрѣвъ къ нимъ спадъшемь лицемь (Б.), и изъмлкъшымь гласомъ (Г.) рече» (18, 22); отзывъ объ убійцахъ: «яко дивіи звѣріи, немилостивніи кровопійцы» (1080 об.); «немилостивни кръвопивцѣ, сверѣпа звѣри» (20), и въ житіи Мих. Черн.: «яко звѣріе, немилостивно біяху» (Прил., 77—78). Сходно съ жит. Михаила Черниговскаго и съ жит. сказаніемъ о прославленіи мощей Глѣба разсказывается въ Повѣсти о небесныхъ знаменіяхъ надъ тѣломъ мученика-князя—о свѣтлыхъ облакахъ (*л.* 1081). Заканчивая разсказъ о мученической кончинѣ Михаила, біографъ, какъ бы для обоснованія сдѣланныхъ имъ литературныхъ заимствованій, сопоставляетъ бл. князя съ Борисомъ и Глѣбомъ и съ Михаиломъ Черниговскимъ: «и причтеся съ лики святыхъ и съ сродникома своима съ Б. и Г. и съ тезоименитымъ своимъ съ Михаиломъ Черниговскимъ» (*л.* 1080 об.). Но пользуясь литературными пособіями, авторъ не теряетъ нити фактическаго разсказа; онъ сообщаетъ много мелкихъ, интересныхъ деталей и эпизодовъ и къ самымъ выпискамъ изъ стороннихъ памятниковъ дѣлаетъ рядъ добавленій литературнаго и фактическаго свойства. Онъ отмѣчаетъ, напр., какимъ униженіямъ подвергались иногда наши князья въ Ордѣ: «повелѣ (Кавгадый) привести (бл. М.) въ торгъ въ таковой укоризнѣ (съ древомъ-сохою на шеѣ) и созва вся заимодавца и повелѣ святаго поставити на колѣну передъ собою, величаше бо ся беззаконный, яко власть имый на праведнемъ» (*л.* 1080). На тверскихъ князей въ Ордѣ смотрѣли подозрительно, какъ на людей, особенно склонныхъ къ ослушанію. Кавгадый старался убѣдить царя, что «не бывать ему (М.) во Ордѣ» (*л.* 1078 об.). Татары были раздражены на святаго, говорили: «неключимь есть намъ, не послѣдуетъ нравомъ нашимъ» [368]). И дѣйствительно, по сравненію, напр., съ московскими князьями, тверскіе въ отношеніи къ татарамъ не такъ скоро свыкались съ политикою «низости-смиренномудрія» [369]).

Изъ добавленій къ выпискамъ литературнаго характера остановлюсь для примѣра на одномъ. Разсказавъ сходно съ житійнымъ сказаніемъ о молитвѣ бл. князя, біографъ передаетъ затѣмъ, что св. князь, чтобы успокоить взволнованную душу, обратился къ распространенному въ древней Руси средству—къ чтенію-гаданію по псалтири. Въ священной книгѣ ему открылись скорбныя строки: «воскорбѣхъ печалію моею и смутихся отъ гласа вражія, яко во гнѣвѣ враждоваху мнѣ». Какъ разъ въ это время— замѣчаетъ біографъ—Кавгадый шелъ отъ царя «со отвѣты на убіеніе блаженнаго». И содержаніе дальнѣйшихъ строкъ соотвѣтствовало совершавшимся событіямъ: «сердце мое смутися во мнѣ и страхъ смерти нападе на мя». Минуты мученической смерти приближались. Смущенный предзнаменованіями, благ. князь об-

[367]) Сборн. Успен. собора, 16. Сн. сходныя съ текстомъ жит. сказанія строки въ лѣтоп. разсказѣ о тверскомъ князѣ Александрѣ Михаиловичѣ: «бяше сонъ его въ велицѣ тузѣ и печали»; повелѣлъ пѣть утреню, слышалъ псалмы: Господи, что ся умножиша, и т. д. (Полн. собр. рус. лѣт., т. XV, стр. 419, 420, Сборн. усп. соб., стр. 16, строки 17 —18, сверху, и снизу строки 5—6).

[368]) Ркп. Унд. № 1254, *л.* 40 об.

[369]) Ханъ гнѣвался на тверскихъ князей, называлъ ихъ крамольниками и ратными себѣ (А. Б. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья сѣвер-ной Руси, Спб. 1889 г., т. I, стр. 69).

ратился къ священникамъ: «скажите ми, что глаголетъ псаломъ сей?» Они же, «не хотяще болше смущати его», посовѣтовали прочитать дальнѣйшія успокоительныя строки въ псалмѣ: «возверзи на Господа печаль свою, и Тъ тя препитаетъ, не дастъ во вѣкъ смятенія праведнику» (*л.* 1080 об.).

Вообще Повѣсть объ убіеніи благ. кн. Михаила Ярославича и по назидательности разсказа, и по своей содержательности д. б. признана однимъ изъ лучшихъ памятниковъ древне-русской агіобіографіи. Авторъ очень внимательно отнесся къ матеріаламъ своей работы. О томъ, чего онъ не былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ,—напр., о чудѣ въ Бездежѣ,— онъ собралъ свѣдѣнія отъ очевидцевъ и подробно записалъ ихъ разсказы. По точности и обстоятельности разсказа это тверское сочиненіе можно поставить выше даже сказаній о мученической кончинѣ бл. кн. Михаила Черниговскаго.

Первоначальная Повѣсть подверглась затѣмъ переработкамъ—распространенію. Изъ двухъ, извѣстныхъ теперь, распространенныхъ редакцій одна относится къ XV в. и въ ркп. переписывалась подъ прежнимъ почти заглавіемъ: убіеніе благ. и боголюб. великаго князя М. Я.; вторая, подъ новымъ заглавіемъ: житие и страданіе блаж. Михаила Яр., Тверскаго чюдотворца, благослови, отче, прочести,—полов. XVII в. [370]). Заглавіями новыхъ редакцій опредѣляется и ихъ литературное различіе между собою и отъ первоначальной Повѣсти.

Въ обѣихъ передѣлкахъ основной разсказъ Повѣсти подвергся незначительнымъ измѣненіямъ, первоначальный же о б ъ е м ъ памятника, особенно въ передѣлкѣ XVII в., очень увеличился, благодаря искусственно-литературному распространенію древняго текста. Эти литературныя распространенія произведены отчасти путемъ болѣе подробнаго пользованія извѣстными уже агіографическими пособіями-образцами: жит. сказаніе о Б. и Г., сказанія о бл. кн. Михаилѣ Черниговскомъ, отчасти съ помощію обще-агіографическихъ пріемовъ распространенія краткихъ древнихъ повѣстей —путемъ заимствованій изъ новыхъ агіографическихъ сочиненій-образцовъ. Цѣль переработки одна и та же: историческую повѣсть превратить въ житіе. Эта цѣль выполняется послѣдовательно. Редакція XV в. придаетъ первоначальной Повѣсти болѣе агіографическій видъ, но не совсѣмъ еще житійный; редакція XVII в., имѣя дѣло не непосредственно съ Повѣстію, а съ ея агіографическою передѣлкою XV в., превращаетъ послѣднюю въ типичное старинное житіе. Послѣ этого не было уже нужды въ дальнѣйшей агіографической переработкѣ памятника, и потому новыхъ редакцій-передѣлокъ въ русской письменности не появлялось [371]).

Редакція XV в. пополняетъ свой источникъ агіографическимъ предисловіемъ, которое по содержанію распадается на двѣ части: сначала выясняется превосходство небеснаго пути въ жизни человѣка—христіанскаго подвижничества и въ частности мученичества, передъ земнымъ—славою земною, властію (*л.* 30—31), затѣмъ описывается религіозное величіе Руси въ періодъ домонгольскій и указываются причины паденія ея могущества—подчиненія татарскому игу (*л.* 32—33). Начальныя слова въ разсматриваемомъ предисловіи совершенно совпадаютъ съ началомъ во 2 редакціи житія св. Игнатія Ростовскаго. Послѣ обычныхъ въ житіяхъ, но очень неясныхъ автобіографическихъ замѣчаній (*л.* 31 и об.), точно воспроизводится содержаніе разсказа въ Повѣсти о мученической кончинѣ благ. князя. Новыхъ отдѣловъ и статей редакція XV в. не вноситъ, и окончаніе ея совершенно совпадаетъ съ текстомъ въ первоначальной Повѣсти. Но въ рамкахъ прежняго состава памятника здѣсь произведено немало добавленій и вставокъ. Изъ нихъ одни носятъ характеръ мелкихъ дополнительныхъ поясненій

---

[370]) Первую редакцію я буду цитировать по ркп. XVI в. У н д о л ь с к а г о № 1254, вторую по ркп. изъ того же собранія, № 341, XVII в.

[371]) На проложн. редакціи въ печатномъ прологѣ я не останавливаюсь. Это уже компиляція изъ подробныхъ редакцій, не содержащая въ себѣ никакихъ къ нимъ добавленій. Когда составлена проложная редакція—неизвѣстно. Рукописныхъ ея списковъ я не нашелъ. Опускаю, по тѣмъ же соображеніямъ, и лѣтописныя версіи Повѣсти, въ томъ числѣ сказаніе о святомъ въ Тверской лѣтописи.

къ первоначальному тексту, другія по своему объему приближаются къ типу новыхъ статей, затрагивающихъ такіе частные эпизоды, которые опущены въ первоначальной біографіи, но естественно вытекаютъ изъ ея текста. Укажу примѣры обѣихъ группъ дополненій.

Къ словамъ первоначальной редакціи (въ описаніи первой битвы Михаила съ Юріемъ Даниловичемъ): «и бысть сѣча зла велика, и побѣди кн. Михаило..., возврати же ся во градъ свой съ великою побѣдою» (*л.* 1078 об.), здѣсь добавлено: «не могутъ брани носити противніи и вдаша плещи своя»; отмѣчено, затѣмъ, и сопровождено соотвѣтствующимъ подборомъ библейскихъ текстовъ, что «самому же вел. князю М. бѣ видѣти доспѣхъ его весь язвенъ, на тѣлѣ же его не бысть никоея же раны»—«падетъ отъ страны твоея тысяща» и т. д. (*л.* 36 об.)

Примѣромъ подробныхъ распространеній можетъ служить варіантъ къ краткому сообщенію Повѣсти, что ночью закованному по рукамъ князю перелистывалъ псалтирь одинъ изъ его отроковъ. Въ разсматриваемой редакціи подобранъ цѣлый рядъ текстовъ изъ псалмовъ, которые читалъ при этомъ благ. князь, и такимъ образомъ краткій (въ 5 строкъ) древній текстъ увеличенъ 32 новыми строками (*л.* 42—43).

Редакторъ шире, чѣмъ его предшественникъ, пользуется сторонними источниками житія. Такъ, напр., онъ дѣлаетъ новый рядъ выписокъ изъ житійнаго сказанія о Б. и Г. и изъ сказаній о Михаилѣ Черниговскомъ.

Изъ житія бл. Михаила.	*Изъ житійнаго сказанія.*
Преславно бо Господь прояви вѣрнаго раба своего Михаила и тако удиви: обнощь бо лежа тѣло на земли, а не прикоснуся ему ничтоже отъ звѣрей, отъ множества сущу безчислену; съхранитъ бо Г. вся кости ихъ, ни едина отъ нихъ не съкрушится, смертъ же грѣшникомъ люта, еже и бысть треклятому и беззаконному Кавгадыю: не пробывъ ни до полулѣта, злѣ испроверже окаянный животъ свой, пріятъ вѣчныя мукы окаянный (*л.* 48, сн. и *л.* 1080 об.).	Се же пречюдно и дивно бѣ видѣти: колико лѣтъ св. тѣло (Г.) лежаше неврѣжено отъ звѣрей [и Господь николиже оставляетъ своихъ рабъ, яко ж рече пр. Давыдъ: съхранитъ Г. вся кости ихъ, ни едина отъ нихъ не сокрушится].—И ту (Святополкъ) испроверже злѣ животъ свой окаянный, по смерти пріатъ вѣчную муку [372]). Сн. въ житіи Михаила Черниговскаго: «и повергоша (тѣла мучениковъ) псомъ на снѣдь, но ничтоже прикоснуся отъ ядовитыхъ звѣрей, Богу прославляющу святыя своя» (Прилож. № 17, стр. 55).
Нъ възлюбленіи князи рустіи, не прельщайтеся суетными міра сего и вѣка суетнаго и скороминующаго, иже хуже паучины минуетъ, ничтоже бо принесосте на свѣтъ сей, ни отнести можете—злата и сребра или бисера многоцѣннаго, ниже градовъ и власти, о нихъ же каково убиство сътворшу (*л.* 47 об.).	Се же Богъ показа на наказаніе княземъ руськымъ, да аще сии еще сице створять, се слышавше, ту же казнь пріимутъ (Лавр. *л.*, 142).—Иж все хуждешее паучены мимоходитъ; что бо отнесоста отъ сего житія братіа отца моего или отецъ мой; гдѣ ли ихъ житіе и слава міра сего—сребро ж и злато и многоцѣнныа ризы..., уже вся сія мимоидоша—суетная и мятежъ и прелесть въ міру семъ (Прилож. № 10, стр. 34).

Изъ новыхъ агіографическихъ пособій укажу, напр., на житія Александра Невскаго и Димитрія Солунскаго.

Вліяніе перваго изъ памятниковъ замѣтно въ разсказѣ о первой битвѣ М. съ Юріемъ; въ характеристикѣ святаго— особенно въ отзывѣ о матери его (*л.* 33); въ описаніи погребенія князя (49—50). Подобно біографу благ. кн. А. Н., біографъ Михаила пользуется кромѣ библейскихъ и историческими параллелями: упоминаетъ о сынѣ Веспасіана—Титѣ, о завоевателѣ Царьграда—

[372]) Прилож. № 10, стр. 43, 42. Въ прямыхъ скобкахъ по изд. жит. сказанія въ Трудахъ Псков. ц. арх. ком., стр. 17.—Окаянный, треклятый—обычные въ сказаніи эпитеты Святополку.

Ѳокѣ (*л.* 34 об.)[373]). Изъ проложнаго житія мучен. Димитрія буквально выписаны обычно приводимыя въ княжескихъ житіяхъ строки для характеристики патріотизма князя (*л.* 38 об.).

Благодаря подобнымъ вставкамъ, въ новой редакціи основной фактъ изложенъ менѣе стройно, чѣмъ въ Повѣсти; но какихъ-либо искаженій древняго разсказа здѣсь нѣтъ. Стремясь выражаться въ болѣе соотвѣтствующемъ агіографическому сочиненію приподнятомъ тонѣ, редакторъ употребляетъ иногда и простые, не совсѣмъ книжные обороты рѣчи: «ловятъ души моей» (*л.* 35 об.), «росполошены, акы птицы въ стадѣ» (*л.* 36 об.); «чюяше бо въ сердци» (*л.* 45) и др.

Редакція XV в. вошла въ Милютинскія минеи (Патр. б-ки № 799, *л.* 1152—1179), безъ измѣненій, и въ Степен. книгу (стр. 333—342). Въ Степенной опущено предисловіе и по мѣстамъ подновлено изложеніе.

Этою же редакціею воспользовался въ XVII в. составитель подробнаго церковнаго житія бл. кн. Михаила. Предисловіе своего источника онъ замѣнилъ новою статьею, тоже компилятивнаго характера. Одинаковое съ житіемъ начало находимъ, напр., въ юго-славянскомъ, житіи св. Ромила[374]). Предисловія составлены и къ статьямъ: о рожденіи святаго (*л.* 14), объ обрѣтеніи мощей и о чудесахъ (*л.* 77), къ Похвалѣ бл. князю (*л.* 94), къ Слову о преложеніи мощей (*л.* 102 и об.). Въ житіи дана житійная, условная характеристика, близкая къ характеристикѣ Александра Невскаго въ редакціи житія въ Степенной: отъ младенческаго возраста онъ возлюбилъ Христа, отвращался отъ мірской суеты и дѣтскихъ игръ, читалъ только божественныя книги, не любилъ сладкой пищи: «тѣлу своему немилостивъ врагъ бываше», особенно любилъ бдѣніе всенощное и утаенныхъ молитвъ къ Богу присвоеніе, скрывалъ свои подвиги и т. п. (*л.* 18 и об.). Вообще переработка Повѣсти въ житіе произведена по обычному въ такихъ случаяхъ плану и съ обычными литературными пріемами. Съ этой стороны разсматриваемый памятникъ не представляетъ собою ничего оригинальнаго.

Разсказъ о событіяхъ въ Ордѣ переданъ по тексту второй редакціи почти безъ измѣненій, вставленъ только Плачъ княгини по умершемъ мужѣ. Текстъ Плача изданъ въ Приложеніяхъ № 36, стр. 159, по ркп. № 1209 изъ собр. Ундольскаго. Это передѣлка Плача вел. кн. Евдокіи въ житіи Димитрія Донского. Новыя статьи: объ обрѣтеніи и переложеніи мощей бл. князя касаются событій XVII в. Къ тому же времени относятся и описанныя въ житіи чудеса. Житіе составлено послѣ 1643 г., по поводу переложенія мощей и устройства храма въ честь бл. князя. Авторомъ житія В. О. Ключевскій (стр. 354) предположительно считаетъ тверского архіепископа Лаврентія.

Во всѣхъ редакціяхъ біографія заканчивается Похвалою-акаѳистомъ бл. князю, составленною по образцу Похвалы Владиміру въ проложномъ житіи. Въ редакціи XVII в. помѣщенъ при этомъ часто встрѣчающійся въ княжескихъ житіяхъ перечень святыхъ, которыхъ особенно прославляетъ та или другая страна (*л.* 97 об.).

Другихъ агіографическихъ сочиненій о св. князьяхъ въ тверской письменности не появлялось потому, что, за исключеніемъ бл. кн. Михаила, здѣсь и не было другихъ святыхъ князей. Герои свѣтскихъ біографій—князья Александръ Михаиловичъ и Михаилъ Александровичъ, по указанію о. арх. Леонида (Св. Русь, 118—119), почитались въ Твери, какъ святые; но канонизаціи ихъ не послѣдовало. Этому, вѣроятно, помѣшали обостренныя отношенія Твери съ Москвою. Для церковнаго прославленія обоихъ князей литературная почва тверскими писателями во всякомъ случаѣ была достаточно подготовлена.

Въ старинной псковской письменности имѣлись житія обоихъ св. псковскихъ князей: Всеволода Мстиславича († 1138 г.) и Довмонта-Тимоѳея († 1299 г.).

[373]) Сн. также съ характеристикою А. Н. въ церковно-лѣтописномъ житіи характеристику бл. кн. Михаила въ сказаніи о немъ Тверской лѣтописи: «бяше тѣломъ преболій человѣкъ, крѣплѣй, сановитъ велми и смысленъ паче мнозѣхъ, взоромъ и грозенъ и преудивленъ преизлише всякого человѣка, страшенъ бывь ратнымъ…, слава о немъ проиде и въ далніа страны» (Полн. собр. рус. лѣт. т. XV, стр. 413).

[374]) Гласникъ, свезка X, 1857 г., стр. 252.

Церковныя житія бл. кн. Всеволода извѣстны теперь только въ позднихъ редакціяхъ—XVI—XVII вв. Существовало-ли въ псковской письменности болѣе древнее житіе св. князя, по сохранившимся редакціямъ мы не можемъ судить. Поводъ къ составленію церковнаго житія представился очень рано. Церковное прославлепіе Всеволода началось вскорѣ же послѣ его кончины, а. въ 1192 г. были торжественно открыты его св. мощи и съ этого времени начинаютъ появляться случайныя записи о чудесахъ. Однако житія ни въ XII в., ни позднѣе не было написано. Раннѣйшая письменноеть о святомъ ограничивалась исключительно лѣтописными о немъ извѣстіями, и характеръ этихъ извѣстій даетъ право заключить, что подробнаго сказанія о св. князѣ въ древней псковской письменности—ни въ церковной, ни въ лѣтописной, не было. На основѣ лѣтописныхъ извѣстій житіе бл. князя было составлено уже въ XVI в., извѣстнымъ біографомъ псковскихъ святыхъ—пресвитеромъ Василіемъ.

Василіево житіе по объему очень обширный памятникъ, но по содержанію и изложенію оно ничѣмъ не отличается отъ другихъ сочиненій этого плодовитаго псковскаго писателя. Въ біографической части памятника недостаетъ многаго, чтобы считать его цѣннымъ ддя научнаго изложенія жизни благ. князя. Но недочеты эти зависѣли не столько отъ пріемовъ литературной работы, сколько отъ недостатка біографическаго матеріала. По заявленію самого біографа, древняго житія Всеволода въ псковской письменности не имѣлось: «еже отъ младыхъ ногтей житіе его не свѣмы и не обрѣтохомъ нигдѣ» [375]). Установить начальный періодъ въ жизни Всеволода по сохранившимся лѣтописнымъ извѣстіямъ—псковскимъ и новгородскимъ, дѣйствительно, не было никакой возможности. Въ лѣтописяхъ сохранились извѣстія лишь о послѣднихъ годахъ жизни Всеволода, да и то малопригодныя для церковнаго житія. Церковный біографъ не могъ, напр., воспользоваться сообщеніями новгородскаго лѣтописца о причинахъ размолвки новгородцевъ съ благ. княземъ, если бы даже эти сообщенія и не казались ему исторически не вѣрными, односторонними. За отсутствіемъ точныхъ біографическихъ данныхъ, первая часть житія естественно превращалась въ книжное сочиненіе; источниками для нея явились сторониіе агіографическіе образцы. И мы видимъ, что характеристика личности святаго и описаніе его погребенія составлены подъ прямымъ вліяніемъ житій бл. кн. Ѳеодора Ярославскаго и Александра Невскаго.

Въ лучшихъ условіяхъ находился біографъ при работѣ надъ второю частію своего сочиненія. Разсказъ объ открытіи мощей Всеволода у него написанъ по болѣе разнообразнымъ и точнымъ матеріаламъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такою фразою: «сіе же о пренесеніи честныхъ мощей св. кн. Всеволода, написахъ азъ многогрѣшный и грубый и скудный разумомъ не отъ своего промысла, ни самовидецъ быхъ святаго чюдеси, но отъ *нѣкоего писанія* мало нѣчто изобрѣтохомъ яже о святемъ, а иная же отъ нѣкоего богобоязлива мужа слышахъ, именемъ Иванна клирика, и многолѣтна суща и добрѣ вѣдуща яже о святемъ *повѣствованіа* отъ неложныхъ мужей старѣйшинъ града Пскова» (*л.* 399).

Какъ-бы ни былъ клирикъ Иванъ многолѣтенъ, онъ могъ сообщить біографу только позднія «повѣствованія» о святомъ, и для подробнаго разсказа такія свѣдѣнія были-бы недостаточны. Ссылки на «писаніе» мы встрѣчаемъ и въ другихъ сочиненіяхъ Василія,—напр., въ житіи преп. Евфросина псковскаго; и провѣрка этихъ указаній біографа убѣждаетъ, что у него дѣйствительно были подъ рукою готовые письменные матеріалы. Такъ, вѣроятно, было и въ данномъ случаѣ. Слово объ обрѣтеніи мощей бл. князя могло существовать въ видѣ отдѣльнаго памятника, и списокъ этого сочиненія Василій могъ получить отъ того же, напр., клирика Ивана. Очень древнимъ это сочиненіе не могло быть. Въ той же ркп. № 397 Рум. музея, по которой я цитирую Василіево житіе, помѣщено на *л.* 353—354 и Слово объ обрѣтеніи. По составу оно нѣсколько отличается отъ редакціи въ житіи: нѣтъ именъ князя и посадника, при которыхъ произошло открытіе мощей святаго; совсѣмъ не упоминается о тогдашнемъ нов-

[375]) Ркп. XVI в. № 397 Рум. муз., *л.* 890 об.—417 об. См. *л.* 391 и об.

гор. архіепископѣ; нѣтъ подробностей въ перечнѣ участниковъ перенесенія мощей; замѣтки о построеніи кн. Константиномъ Благовѣщенскаго придѣла и т. п. Вообще это краткій разсказъ о событіи. Детали къ нему Василій могъ внести изъ разсказовъ Ивана и другихъ лицъ изъ Троицкаго духовенства. По изложенію обѣ редакціи Слова мало отличаются одна отъ другой. То же самое мы наблюдаемъ и въ отношеніи Василіева житія препод. Евфросина къ литературному его источнику древней Повѣсти о спорахъ преподобнаго изъ-за аллилуіи съ псковичами [376]). На пользованіе письменнымъ памятникомъ указываетъ отчасти и то, что объ обрѣтеніи мощей св. князя въ житіи разсказано дважды, по разнымъ источникамъ: сначала кратко, по лѣтописи (*л.* 396—397), затѣмъ подробно, по предполагаемому церковному сочиненію о томъ же (*л.* 397 об.—401 об.). Новый, подробный разсказъ въ житіи не объединенъ съ древнимъ, краткимъ [377]).

Разсказъ объ обрѣтеніи мощей у Василія заканчивается сообщеніемъ объ установленіи празднованія святому и Похвалою. Похвала, какъ и первая часть біографіи, составлена по готовымъ агіографическимъ образцамъ. Біографъ вторично упоминаетъ здѣсь о сдѣланныхъ имъ заимствованіяхъ изъ нѣкоего малаго писанія и изъ духовныхъ бесѣдъ (*л.* 401). Одновременно сообщаетъ и о себѣ: проситъ у святаго молитвъ за написавшаго малое любомудрствіе—раба Василія (401 об.).

Къ житію приложено описаніе чудесъ. За исключеніемъ перваго, всѣ чудеса относятся къ XVI в. и записаны по разсказамъ очевидцевъ, иногда самихъ исцѣленныхъ. Среди послѣднихъ встрѣчаются сравнительно недавніе переселенцы въ Псковъ:. изъ Вологды (чудо 13), гость сведенный изъ Твери (ч. 14), Боровитинъ (ч. 2) и др. По словамъ Василія, записи чудесъ до него не производилось: «писанію не предана быша чюдодѣйствія святаго даже и доднесь» (*л.* 414). Этимъ и объясняется отсутствіе разсказовъ о чудесахъ до XVI в. Всѣхъ чудесъ описано 21; послѣднее отъ 1550 г.

Разсказы о чудесахъ очень часто сопровождаются назидательными добавленіями. Въ нѣкоторыхъ описаніяхъ встрѣчаются хотя и мелкія, но заслуживающія вниманія бытовыя черты. Такъ, напр., мы узнаемъ, что существовалъ обычай заказывать обѣтную свѣчу длиною въ ростъ больного и ставить ее при ракѣ святаго: отецъ больной Анастасіи «завѣтную свѣщу святому состроивъ въ долготу тѣла ея» (*л.* 416); клирикъ Никифоръ: «положи завѣтъ святому свѣщу соскати въ долину тѣла своего и поставити у честныя раки святаго» (*л.* 407).

Въ описаніи 21 чуда интересна мотивировка, почему слѣдуетъ описывать чудеса святыхъ: «слышахъ бо нѣкогда книгу прочитаему Тройскаго плѣненіа, въ ней же многіа похвалы плетены еллиномъ отъ Омира ж и Овидіа. И аще убо единыа ради буйственыа храбрости толикихъ похвалъ сподобишась, яко незаглаженне памяти долговременствомъ преходныхъ лѣтъ; но аще и храбръ Елкулъ, но въ нечестіа глубинѣ погружашеся и тварь паче Творца почиташе; тако и Ахиллъ и Тройскаго царя Пріама сынове—вси еллинѣ суще, и отъ еллинъ похваляеми, толикы прелестныя сея славы сподобишась, колми паче мы должни похваляти ж и почитати святыхъ и преблаженныхъ и великихъ нашихъ чюдодѣлателей» (*л.* 415 и об.).

Какъ разъяснено уже раньше, разсужденіе это могло и не принадлежать самому Василію, могло быть заимствовано имъ изъ сочиненія Василія Тучкова—житія преп. Михаила Клопскаго.

Въ текстѣ Василіева житія нѣтъ точныхъ указаній на обстоятельства появленія этого памятника. Хронологическая близость житія къ собору 1547 г., на которомъ было установлено общерусское празднованіе благ. князю, показываетъ, что написаніе житія вызвано этимъ обстоятельствомъ. Въ описаніи 21 чуда упоминаются: вел. князь Иванъ IV, митр. Макарій, новгор. архіеп. Ѳеодосій, протопопъ псковскаго Троицкаго храма Климентъ. Ближайшая ини-

---

[376]) См. въ моихъ Очеркахъ по исторіи Псков. монашества, стр. 147—156.

[377]) Это сдѣлано уже въ Степ. книгѣ, стр. 200—202.

ціатива составленія житія, повидимому, исходила отъ Троицкаго духовенства, но возможно, что послѣднее являлось лишь выполнителемъ распоряженій высшей власти—новгородскаго архіепископа и московскаго митрополита.

Разсмотрѣнная редакція въ русской письменности получила достаточную распространенность. Она вошла въ В. Ч. М. м. Макарія, минеи Тулуповскія и Милютинскія, въ передѣлкѣ—въ Степен. книгу. Въ сборникахъ XVI—XVII вв. списки Василіева житія попадаются нерѣдко [378]).

Приблизительно черезъ 50 лѣтъ послѣ своего появленія житіе благ. кн. Всеволода подверглось передѣлкѣ, въ результатѣ которой получилась новая, еще болѣе подробная редакція. Въ ркп. она встрѣчается, кажется, рѣдко. Кромѣ сборника XVII в. № 212/144 АМИД., *л.* 1—84, я могу указать одинъ лишь списокъ этой редакціи: въ ркп. гр. А. С. Уварова № 1127 (869).

Въ предисловіи къ житію разъяснены время и условія его написанія. Редакторъ принялся за свою работу: «побужаемъ желаніемъ душевнымъ и любовію ко святому, паче же понуженіемъ и благословеніемъ второ-первому сопрестолника владыки киръ Генадія, правяща престолъ епископскій Пресв. и Жив. Троицы богоспасаемыхъ градовъ Пскова и Изборска» (*л.* 2 и об.). Повторивъ то же сообщеніе о Геннадіи въ концѣ своего труда, редакторъ добавилъ, что житіе составлено: «въ лѣто 7110 апрѣля, труды ж и снисканіемъ по дару св. Духа лѣнивымъ и неключимымъ рабомъ граѳися печеряниномъ, имѣя слогъ имены буквены: съ третіемъ сотое и осмое и пакы съ третіемъ седмдесятое, сотое ж пакы съ седмдесятымъ, кончаетъ же за грубость четыредесятымъ» (Григоріемъ, *л.* 75 об.—76). Это указаніе разъясняетъ намъ, что авторомъ житія былъ тотъ иконникъ Псково-Печерскаго монастыря Григорій, которымъ при епископѣ Геннадіи была составлена подробная редакція Повѣсти о Псково-Печерскомъ монастырѣ [379]).

Ни съ литературной стороны, ни тѣмъ болѣе въ историческомъ отношеніи новая біографія благ. князя не представляетъ собою интереса. По словамъ автора, онъ пользовался біографическими сообщеніями о святомъ новгородскихъ лѣтописцевъ: «о добродѣтелномъ его житіи еже отъ младыхъ ногтей и до кончины, мало изобрѣтохъ отъ исторіи новгородцкія» [380]). Но лѣтописныя извѣстія собраны еще Василіемъ, и новому біографу излишне было бы обращаться къ самостоятельнымъ лѣтописнымъ розыскамъ. Онъ ихъ въ сущности и не дѣлалъ. За исключеніемъ подробнаго разсказа о грамотѣ, выданной бл. княземъ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, и о церковномъ уставѣ Всеволода, у Григорія ничего новаго, по сравненію съ Василіемъ, изъ лѣтописей не заимствовано. Переписывая текстъ Василіева житія, Григорій дѣлаетъ на него ссылку, какъ на основной источникъ своей работы [381]). Не считая нужнымъ провѣрять сообщеній этого источника, онъ заботится только о литературномъ его распространеніи. Не пользуется Григорій и редакціею житія въ Степенной; но подъ вліяніемъ разсказовъ Степенной у него составлена подробная генеологія св. князя—предка кесаря Августа.

Объясняя ближайшій мотивъ составленія новаго житія, Григорій говоритъ: «тяжчайша вмѣнихъ, иже таковаго великаго мужа чюдодѣйствіа отъ Бога дарованная забвеніемъ покровена будутъ» (*л.* 2). Но и это опасеніе біографа было совсѣмъ излишнимъ: и о житіи, и о чудесахъ св. князя все, что можно было собрать, было собрано и записано Василіемъ. Опасность забвенія, наоборотъ, грозила бы въ томъ случаѣ, если бы новая редакція вытѣснила собою изъ псковской письменности сочиненіе Василія, такъ какъ описаній чудесъ въ сочиненіи Григорія нѣтъ.

---

[378]) Въ ркп. № 397, *л.* 359—360, Рум. музея, помѣщено еще проложное житіе бл. князя, составленное по Василіеву. На житіи въ Степенной я не буду останавливаться, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего новаго по сравненію съ лѣтописными извѣстіями о святомъ и съ житіемъ Василіевымъ.

[379]) О ней см. въ моихъ Очеркахъ по исторіи Псковскаго монашества, стр. 46—59.

[380]) *л.* 2. Ср. еще: «отъ лѣтописныхъ цвѣтовъ» (*л.* 1 об.) и «пишутъ же и новгородстіи хронографіи» (*л.* 30). Сн. съ первымъ извѣстіемъ у Василія; «еже отъ младыхъ ногтей житіе его…не обрѣтохомъ нигдѣ».

[381]) Яко ж нѣкто прозвитеръ Василіе написа (*л.* 64).

Въ дополненіи къ житію Григорій разсказываетъ о голодѣ въ Псковѣ при Борисѣ Годуновѣ и отмѣчаетъ благотворительную дѣятельность въ эту тяжелую годину псково-печерскихъ монаховъ. Вообще содержаніе его сочиненія тѣсно связано съ мѣстомъ своего появленія. Для исторіи монастыря оно цѣнно, такъ какъ пополняетъ собою матеріалы объ участіи печерскихъ монаховъ въ мѣстной агіографичеекой работѣ того времени; для біографической же литературы о благ. кн. Всеволодѣ это памятникъ совершенно безполезный.

Сложнѣе и интереснѣе литературная исторія псковскихъ житій и сказаній о благ. кн. Довмонтѣ. Объ этомъ князѣ-героѣ въ псковской письменности сохранились не только позднія подробныя сказанія, но и древнія, какъ церковныя: проложное житіе бл. князя, такъ и свѣтскія: лѣтописныя сказанія. Я остановлюсь сначала на проложномъ житіи Довмонта.

Въ Приложеніяхъ № 32 оно издано по списку пергам. пролога XIV—XV в. Типограф. б-ки № $^{179}/_{374}$, съ варіантами изъ пролога той же б-ки № $^{175}/_{370}$. Раньше по списку № 175 текстъ житія былъ напечатанъ Н. К. Никольскимъ [382]) и И. Некрасовымъ [383]). Некрасову извѣстенъ былъ и списокъ въ прологѣ № 179.

При разборѣ проложнаго житія, для выясненія условій появленія его въ прологѣ, приходится возвратиться къ затронутому уже въ моей работѣ вопросу объ обстоятелъствахъ, вызывавшихъ собою пополненіе первоначальнаго состава славянскаго пролога записями мѣстныхъ, русскихъ памятей и житіями мѣстныхъ святыхъ. Псковская письменность въ этомъ случаѣ даетъ хотя и не очень большой, но очень цѣнный матеріалъ для наблюденій.

Выше отмѣчено мною консервативное отношеніе сѣверно-русскихъ переписчиковъ къ первоначальному составу пролога. Дѣйствительно, просматривая списки пролога XVI нач. XVII вв., невольно останавливаешься на отсутствіи въ нихъ русскихъ житій и памятей русскихъ святыхъ, въ сѣверной Руси пользовавшихся общецерковнымъ почитаніемъ. Почему ихъ памяти и житія не вошли въ составъ сѣверно-русскаго пролога? Правда, кіевская письменность не внесла въ списки русскаго пролога памятей и житій *всѣхъ* святыхъ южно-русскихъ. Все таки она установила извѣстный minimum русскаго агіографическаго отдѣла въ славянской редакціи пролога. Въ первой половинѣ книги—сентябрьской, почти всегда встрѣчаются русскія статьи: подъ 5 сент.—объ убіеніи бл. кн. Глѣба, подъ 26 ноября—объ освященіи храма св. Георгія въ Кіевѣ. Въ мартовской части составъ русскихъ житій и памятей еще полнѣе: проложныя житія равн. Владиміра, Бориса и Глѣба, преп. Ѳеодосія, статья о преп. Антоніи встрѣчаются почти обязательно; житіе благ. кн. Ольги, разсказъ о мученикахъ варягахъ и др. тоже не составляютъ собою рѣдкости. Житія и памяти святыхъ сѣверно-русскихъ въ сѣверно-русскихъ спискахъ пролога тоже встрѣчаются; нѣкоторыя—напр., первыхъ Ростовскихъ святителей, бл. кн. Михаила Черниговскаго, не рѣдко; но въ сѣверно-русской письменности не было намѣчено и установлено болѣе или менѣе опредѣленнаго, хотя бы минимальнаго, состава сѣверно-русскихъ добавленій къ древней редакціи пролога. Житія и памяти отдѣльныхъ святыхъ вносились здѣсь случайно, и нельзя указать ни одного примѣра, чтобы житіе или память какого-ниб. святаго считалась обязательною принадлежностію сѣверно-русскаго пролога. Между тѣмъ, мѣстныя условія постоянно побуждали переписчиковъ отрѣшиться отъ шаблонной консервативности, дать широкое мѣсто въ прологѣ мѣстной агіографической литературѣ. Какую бы область древне-русскую мы ни взяли, всюду почти найдемъ слѣды и примѣры этого.

Новгородская письменность занесла въ свои (пергам.) списки пролога житія преп. Варлаама Хутынскаго, архіепископа Аркадія. Благодаря ростовскимъ писателямъ, въ составѣ

---

[382]) Извѣст. отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н., т. VIII, кн. I, стр. 223.
[383]) Пахомій Сербъ, писатель XV в.. Одесса 1871 г., стр. 69—70, прим.

проложныхъ статей стали появляться житіе благ. кн. Михаила Черниговскаго и сказанія о ростовскихъ святителяхъ Леонтіи, Игнатіи. Тверскіе писатели отмѣтили памяти своихъ святителей [384]). По почину писателей ярославскихъ отмѣчается въ прологахъ день преставленія бл. кн. Ѳеодора Ростиславича. По составу пролога № 448, XVI в., Истор. музея, можно предположить, что и письменность вологодская внесла въ список пролога житіе одного изъ своихъ святыхъ, наиболѣе тамъ чтимыхъ. Въ этомъ прологѣ помѣщено (*л.* 41—43), не встрѣчающееся въ другихъ спискахъ, проложное житіе преп. Димитрія Прилуцкаго, тогда какъ памяти другихъ святыхъ отмѣчены безъ сказаній.

Подробное изслѣдованіе сѣверно-русскихъ списковъ пролога, несомнѣнно, установитъ рядъ другихъ областныхъ добавленій въ этой книгѣ, обнаружитъ, что къ XVII в., когда возникла мысль при печатаніи пролога помѣстить въ немъ житія всѣхъ наиболѣе чтимыхъ русскихъ святыхъ, мѣстными писателями въ прологахъ и въ сборникахъ при службахъ святымъ былъ данъ уже значительный матеріалъ для выполненія такой работы. Изъ просмотрѣнныхъ мною списковъ пролога я не нашелъ подобнаго матеріала лишь въ отношеніи письменности московской. Московскіе писатели не внесли въ списки своихъ прологовъ даже и такихъ общечтимыхъ въ Руси святыхъ, какъ препод. Сергій Радонежскій или московскіе святители: Петръ, Іона, Алексій. Мнѣ встрѣчалась память преп. Сергія, безъ сказанія о немъ, но въ спискахъ не московскаго происхожденія [385]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ работа въ указанномъ направленіи псковскихъ писателей и переписчиковъ.

Въ псковскихъ прологахъ, кромѣ житій бл. кн. Довмонта, встрѣчаются слѣдующія записи и приписки о памятяхъ мѣстныхъ святыхъ и о мѣстныхъ праздникахъ.

Въ пергаменномъ прологѣ Типограф. б-ки № $^{157}/_{350}$, XIV в., *л.* 134 об., внизу болѣе позднимъ почеркомъ сдѣлана замѣтка о кончинѣ благ. кн. Всеволода: «**въ лѣ҃т ѕ҃х҃мє мц҃а февра(л)ꙗ въ Г҃І дн҃ъ престависа бл҃говѣрнъıи кнꙗзь всѣволодъ мьстиславлиць**»

Въ пергам. прологѣ той же б-ки № $^{177}/_{372}$, XIV—XV в., *л.* 7 об., въ текстѣ подъ 5 марта, читаемъ запись о кончинѣ псковскихъ преподобныхъ Василія Мирожскаго и Іоасафа Снѣтогорскаго: «**Во т҃ж дн҃ъ оубиєніє ст҃го и пр҃дбнаго ѡц҃а нашего василиꙗ игоумена ст҃го сп҃са и ксенофонта прозвутера и инѣхъ мнихъ к҃з и пам҃т пр҃дбнаго игоумена асафа лавры ст҃ыꙗ бц҃а на снѣтнои горѣ**» [386]).

Въ прологѣ XVI в. Историч. музея № 786, подъ 15 мая, *л.* 113, внизу, находимъ приписку, сдѣланную, повидимому, переписчикомъ рукописи: «**вѣдомо боуди: правити година: престависа рабъ бж҃ии єфросинъ инокъ настоꙗтє҃л ст҃го мѣста сего, мц҃са мана въ Є҃І на памꙗт ст҃аг пр҃дпг ѡца нашег пахомїа великаго**»

В прологѣ того же вѣка б-ки Псковской дух. семинарии № Ж $^{8}/_{65}$, подъ 24 сентября, на *л.* 63 об.—64, отмѣченъ праздникъ въ воспоминаніе знаменія отъ одной изъ псковскихъ иконъ Б. М.: «**в тои҃ж д҃нь знамѣнїє пр҃стѣи влд҃цѣ нашеи бд҃це иж҃ ѿ образа еа на ико҃нѣ въ псковьскои обьласти иж҃ ес҃ в чиръскаж҃**». [387])

---

[384]) Патр. б-ки пергам. прологъ № 246, подъ 2 марта, *л.* 4, вверху: **в тъи дн҃ь преставленїє иж въ ст҃ыхъ ѡца нашего арсенїа еп҃са тдерьского, новаго чюдотворца**. Типографской б-ки № 157, *л.* 135: **и преставленьє андрѣꙗ єп҃са тьфѣрьского, а по немъ братьꙗ годину правьте**.

[385]) № 448 Истор. муз., *л.* 95 об.

[386]) Подробную оцѣнку этой записи въ связи съ критическимъ обзоромъ другихъ историческихъ извѣстій о преп. Іоасафѣ и Василіи см. въ моей статьѣ: «О преподобномъ Іоасафѣ Снѣтогорскомъ (историческая справка), Псковъ 1912 г.

[387]) Замѣтка эта не точная. Чирской иконѣ Б. М. праздновали не 24 сентября, а 16 іюля, когда совершилось и чудо отъ иконы. Во 2 Пск. *лѣт.* читаемъ: «и оттолѣ начаша праздновати знаменіе святѣй Богородици мѣсяца іуля въ 16, на память священномученика Анфиногена» (стр. 23; въ I Псков. *лѣт.* о знаменіи отъ Чирской иконы подъ 6928 г., стр. 202). Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, но 16 числа, въ 6934 г. было знаменіе отъ псковской иконы Б. М. Каменской (1 Псков. *лѣт.*, стр. 203, 2 Пск. *л.*, стр. 25). 24 сент. было знаменіе отъ иконы Мирожской Б. М. Объ этомъ праздникѣ и говорится въ прологѣ.

Рукописи №№ $^{177}/_{372}$ и Ж $^{8}/_{65}$, несомнѣнно, псковскія. Сохранились записи о принадлежности ихъ псковскимъ церквамъ: Воздвиженской на княжемъ дворѣ (Типографской б-ки) и Дмитріевскому монастырю съ поля (Семинар. прологъ). По припискамъ на переплетѣ, отъ XVII в., Типографскіе списки пролога принадлежали: № 175—Лазаревскому псковскому монастырю, № 179—Климентовскому. Гдѣ переписанъ прологъ № 786, въ ркп. нѣтъ указаній. Въ XVII в. онъ принадлежалъ церкви Грузинской Б. М. Но уже изъ словъ записи: «настоятель *мѣста сего*», ясно, что она сдѣлана въ Псковѣ, въ Елеазаровскомъ монастырѣ. На псковское происхожденіе рукописи указываетъ и запись владѣльца, скорописью XVII в., на оборотѣ послѣдняго листа: «Сия книга, глаголемая прологъ четвертной, мартовския четверти, Михаила Максимовича Ордина-Нащокина». Ордины-Нащокины—распространенная въ псковской области фамилія, и о самомъ знаменитомъ представителѣ этой фамиліи—А. Л. Нащокинѣ, извѣстно, что онъ былъ псковичъ и жизнь свою закончилъ съ скромнымъ именемъ монаха псковскаго Крыпецкаго монастыря Антонія. Прологъ Истор. музея № 845, XVI в., сохранилъ намъ имя другого Нащокина, тоже инока. Внизу первыхъ 12 листовъ читаемъ приписку о пожертвованіи этой книги старцемъ Варлаамомъ Нащокинымъ въ Дѣвичій монастырь въ Псковѣ, на Полонищѣ, Трехъ Святителей. Ниже старецъ Варлаамъ названъ пустыннымъ жителемъ. Вѣроятно, и онъ былъ монахомъ Крыпецкой пустыни.

Типографскій прологъ № $^{157}/_{350}$ И. И. Срезневскій, основываясь на приведенной выше припискѣ о тверскомъ епископѣ Арсеніи, склоненъ былъ считать тверскою ркп. и написаніе ея онъ относилъ ко времени жизни еп. Андрея [388]). Но точному опредѣленію мѣста переписки книги мѣшаетъ то обстоятельство, что въ ней подъ однимъ переплетомъ собраны отрывки изъ двухъ рукописей, разнаго почерка. Первый почеркъ оканчивается л. 102 об., 26 декабря; съ л. 103, 18 января, и до конца книги идетъ второй почеркъ, сходный съ почеркомъ въ псковскихъ спискахъ пролога № $^{179}/_{374}$ и $^{175}/_{370}$. Затѣмъ, если эта ркп. по происхождеiю и тверская, то нельзя еще съ увѣренностію сказать, чтобы и приписка о кончинѣ благ. кн. Всеволода была сдѣлана тоже въ Твери. Позднѣе прологъ принадлежалъ одной изъ псковскихъ церквей, какъ видно по наклеенному на об. переплета ярлычку, съ записью XVII в.: «книга Петра и Павловскіе церкви з бую». Эта Петропавловская церковь съ бую (теперь Петропавловскій соборъ) упоминается неоднократно въ псковскихъ лѣтописяхъ, житіяхъ бл. кн. Довмонта и въ псковскихъ писцовыхъ книгахъ XVI— XVII вв. Возможно, отсюда, что замѣтка о кончинѣ благ. кн. Всеволода была сдѣлана въ Псковѣ, по образцу тверской замѣтки о епископѣ Андреѣ.

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе только приписки раннѣйшія, въ пергаменныхъ псковскихъ прологахъ, то и въ такомъ случаѣ мы получимъ въ нихъ указанія почти на всехъ почитаемыхъ въ древности псковскихъ святыхъ [389]). Пресвитеръ Ксенофонтъ является даже новымъ святымъ, неизвѣстнымъ по агіографическимъ сочиненіямъ позднѣйшаго времени [390]). О самомъ же популярномъ въ Псковѣ святомъ—о благ. кн. Довмонтѣ, для мѣстнаго пролога было составлено и особое житіе.

Сохранившіеся списки проложнаго житія бл. Довмонта датируются XIV—XVвв.; но это не мѣшаетъ отнести появленіе памятника къ болѣе раннему времени, къ половинѣ, напр., XIV в. Чествованіе благ. князя началось въ Псковѣ вскорѣ послѣ его кончины. Въ 1374 г., по указанію лѣтописи, имѣлся уже и храмъ, посвященный имени этого святаго. Тѣмъ болѣе могло существовать въ это время проложное житіе.

Въ историческомъ отношеніи—по характеру сохранившагося въ житіи біографическаго матеріала о святомъ, оно не имѣетъ особой цѣнности. Біографическія свѣдѣнія здѣсь очень

---

[388]) Древніе памятники рус. письма, изд. 2, Спб. 1882 г.,. стр. 180.

[389]) Не отмѣченными въ проложныхъ записяхъ остались лишь памяти преп. Авраамія Мирожскаго и бл. кн. Евпраксіи. Но празднованія этимъ святымъ въ Псковѣ не было. Они почитались лишь на мѣстахъ ихъ погребенія—первый въ Мирожскомъ м-рѣ, вторая въ Ивановскомъ.

[390]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей статьѣ: О преподобномъ Іоасафѣ Снѣтогорскомъ, Псковъ 1912 г.

краткія и ни въ чемъ не отличаются отъ краткихъ извѣстій о бл. князѣ въ 1 Псков. лѣтописи. Съ литературной стороны памятникъ можетъ быть названъ удачнымъ. Составитель житія сумѣлъ точно выдержать литературный типъ проложнаго житія, далъ сочиненіе, которое вполнѣ соотвѣтствовало своему назначенію—чтенію въ церкви за службою святому. Если житіе Довмонта не перешло въ списки пролога другихъ русскихъ областей, то это зависѣло только отъ того, что и церковное чествованіе благ. князя не получило распространенія за предѣлами псковской области. И на макаріевскихъ соборахъ Довмонтъ не былъ признанъ общепочитаемымъ русскимъ святимъ; празднованіе ему и послѣ XVI в. носило тотъ же мѣстный характеръ[391]). Не было, так. образомъ, благопріятныхъ условій для распространенія въ русской письменности мѣстнаго проложнаго житія.

Самымъ цѣннымъ біографическимъ памятникомъ о благ. кн. Довмонтѣ является лѣтописная редакція его житія. Она помѣщена въ обѣихъ псковскихъ лѣтописяхъ: въ первой—въ текстѣ лѣтописи, во второй—въ видѣ отдѣльнаго отъ нея памятника. Въ сборникахъ лѣтописное житіе не встрѣчается; какъ и проложное житіе св. князя, оно должно быть отнесено къ памятникамъ въ русской письменности мало извѣстнымъ. Въ научной литературѣ, наоборотъ, житіе Довмонта—популярный памятникъ. Оно очень цѣнится изслѣдователями, какъ одинъ изъ рѣдкихъ въ древне-русской литературѣ церковныхъ памятниковъ, приближающихся къ типу свѣтскихъ сочиненій. Обстоятельное изслѣдованіе лѣтописной редакціи житія дано въ цитированной уже книгѣ Авг. Энгельмана: Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи въ XIII— XIV стол., Спб. 1858 г.

По мнѣнію Энгельмана, обѣ псковскія лѣтописи воспользовались существовавшимъ уже въ псковской письменности сказаніемъ о благ. Довмонтѣ. Сказаніе это появилось въ началѣ XIV в. и было составлено по разсказамъ современниковъ князя, его сподвижниковъ на полѣ брани (62). Оно часто переписывалось и при перепискѣ подвергалось измѣненіямъ не только въ отношеніи къ тексту, но и къ первоначальному составу. Въ послѣднемъ случаѣ вліяніе оказывали вновь слагавшіеся въ Псковѣ разсказы о св. князѣ-героѣ, съ нѣсколько фантастическою окраскою. Въ видоизмѣненномъ составѣ житіе вошло и въ лѣтописи. По лѣтописнымъ редакціямъ нельзя теперь составить точнаго представленія о первоначальномъ видѣ памятника. Отдавая предпочтеніе редакціи житія въ первой лѣтописи, изслѣдователь однако не рѣшается сказать, чтобы въ ней мы имѣли болѣе близкій къ первоначальному сказанію видъ памятника. Во 2 Псковской лѣтописи слогъ по мѣстамъ подновленъ, составъ памятника подвергся большему сокращенію, но исторической цѣнности эта редакція-передѣлка не утратила. Въ историко-литературномъ отношеніи обѣ редакціи: «имѣютъ свои достоинства и недостатки» (74).

Не разрѣшеннымъ у изслѣдователя остался и вопросъ о вліяніи на первоначальную редакцію сказанія о бл. Довмонтѣ церковно-лѣтописнаго житія св. Александра Невскаго. «Трудно сказать, служило-ли ж. А. Нев. первообразомъ изложенія уже начальному сочинителю сказанія, или оно принято въ соображеніе лишь позднѣйшими редакторами» (55). Повидимому, Энгельманъ склоненъ былъ допустить большую разницу въ составѣ редакціи первоначальной и ея лѣтописныхъ передѣлокъ. Онъ не одинъ разъ отмѣчаетъ болѣе позднее происхожденіе извѣстій, даже цѣлыхъ отдѣловъ въ содержаніи редакцій лѣтописныхъ[392]). Хронологическая сѣть событій въ лѣтоп. редакціяхъ составлена искусственно и не всегда удачно. Въ первоначальномъ сказаніи годы событій были показаны правильнѣе и нѣкоторыхъ датъ,—напр., о женитьбѣ Довмонта до Ракоборской битвы, тамъ не могло быть (55, 56, 49).

Въ какой степени правильны и обоснованы изложенныя мнѣнія?

Для разъясненія состава первоначальной редакціи разница между сохранившимися ея передѣлками, по моему мнѣнію, существеннаго значенія не имѣетъ. Она не настолько зна-

[391]) О характерѣ чествованія Довмонта въ Псковѣ см. мою статью въ Псков. Епарх. Вѣдом. за 1904 г., № 18.
[392]) См., напр., стр. 54, прим. 136; 55, 48, 49, прим. 120; 58 и др.

чительна, чтобы говорить о независимости одной какой-ниб. изъ лѣтописныхъ редакцій отъ другой, тѣмъ болѣе предполагать различные для каждой изъ нихъ источники. Во 2 Псковской лѣтописи, за исключеніемъ сообщенія о женитьбѣ Довмонта на дочери вел. князя Димитрія Александровича—Маріи, и поясненія, что жена князя Герденя называлась Евпраксіею и приходилась Довмонту теткою,—нѣтъ ни одного добавленія къ содержанію сказанія въ первой лѣтописи. Этихъ же дополнительныхъ извѣстій, конечно, нельзя возводить къ содержанію редакціи первоначальной. Современникъ Довмонта не сдѣлалъ бы хронологической ошибки въ разсказѣ о бракѣ князя, не отнесъ бы его ко времени до Раковорской битвы, когда Димитрій не былъ еще великимъ княземъ и не имѣлъ дочери: самъ «малъ бяше» [393]). Въ фразѣ: «и княгиню Ерденевую полони, тетку свою Еупраксію», подчеркнутыя слова и при чтеніи производятъ впечатлѣніе болѣе поздней, пояснительной къ первоначальному тексту, вставки.

Сокращенія въ редакціи 2 Псков. лѣтописи касаются не біографическихъ сообщеній о святомъ, а лишь стороннихъ литературныхъ добавленій къ біографіи, сдѣланныхъ редакторомъ сказанія въ первой лѣтописи по особому житію бл. кн. Александра Невскаго. Такъ какъ въ остальномъ текстъ во второй лѣтописи совершенно почти сходенъ съ текстомъ сказанія въ первой и одинаково сохраняетъ древнія черты изложенія, то можетъ естественно возникать иной вопросъ: не было-ли редакторомъ сказанія въ первой лѣтописи произведено распространеніе первоначальнаго сказанія съ помощью особаго житія бл. А. Н. ? Болѣе поздній списокъ памятника во второй лѣтописи по своему составу не ближе-ли къ редакціи первоначальной?

И этого вопроса у насъ нѣтъ основаній рѣшать утвердительно. Разсказъ о нападеніи на Псковъ местера земли Ризьскыя ясно показываетъ, что и редакція сказанія во 2 лѣтописи стоитъ въ зависимости отъ особаго житія А. Н. Мы, так. образомъ, не можемъ допустить, чтобы этимъ стороннимъ источникомъ пользовался только редакторъ біографіи Довмонта, помѣщенной въ первой лѣтописи. Почему въ текстѣ второй лѣтописи нѣтъ другихъ совпаденій съ текстомъ особаго житія А. Н., это будетъ подробнѣе разъяснено ниже. Пока я ограничусь общимъ разъясненіемъ. Въ разсмариваемой редакціи произведено намѣренное сокращеніе ея источника, по особымъ мотивамъ не столько литературнаго, сколько практическаго характера.

Большую первоначальность нужно признать, так. образомъ, за редакціею сказанія въ первой Псковской лѣтописи. Но это не значитъ, чтобы вторая лѣтописная редакція была передѣлкою непосредственно уже лѣтописной версіи и появилась только въ XV—XVI вв. Обѣ внесенныя въ лѣтописи редакціи сказанія первоначально могли не имѣть съ лѣтописями никакой связи. Переписчикомъ 2 Псков. лѣт. памятникъ былъ заимствованъ изъ какого-ниб. церковнаго сборника XV в.; въ первую лѣтопись сказаніе могло войти тоже въ готовомъ уже видѣ. Передѣлку редакціи первоначальной у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній приписывать непремѣнно самому лѣтописцу. Съ этой стороны я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Авг. Энгельмана. Но какъ смотрѣть на разницу между лѣтописною (первою) редакціею и первоначальною? Нужно-ли допускать большія различія въ составѣ и въ изложеніи между передѣлкою и предполагаемымъ ея первоисточникомъ?

Въ первой Псковской лѣтописи житіе Довмонта появилось—если руководиться только хронологическою датою раннѣйшаго изъ списковъ лѣтописи,—не позднѣе XV в.; если же принять во вниманіе хронологическія даты начала псковскаго лѣтописанія и согласиться съ мнѣніемъ, что сказанія о Довмонтѣ послужили какъ-бы основою для мѣстныхъ лѣтописей, то внесеніе житія въ лѣтопись можно пріурочить къ болѣе раннему времени—концу второй половины XIV в. Въ лѣтописной редакціи сказанія нѣтъ ссылокъ на устные разсказы сподвижниковъ князя, какъ на главный источникъ біографической работы. Нѣтъ также хотя бы и намека на

[393]) Разъясненія см. у Энгельмана, 49, прим. 120.

современность біографа описываемымъ событіямъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ біографическій разсказъ отличается точностію въ деталяхъ, образностію и живостію въ ихъ передачѣ, въ другихъ—принимаетъ характеръ искусственнаго сочиненія, далекаго отъ устныхъ источниковъ, сопровождается хронологическими неточностями, ни чѣмъ не вызванными повтореніями, совершенно не обоснованными догадками и преувеличеніями. Бóльшая часть въ содержаніи памятника заполнена выписками изъ стороннихъ литературныхъ пособій; планъ сочиненія и изложеніе придаютъ житію характеръ сплошной почти компиляціи. Если даже мы остановимся на самой поздней хронологической датѣ появленія лѣтописной редакціи—нач. XV в., и въ такомъ случаѣ не все будетъ понятно въ отмѣченныхъ историко-литературныхъ ея недочетахъ.

По моему мнѣнію, и первоначальное сказаніе о бл. Довмонтѣ, написанное, по опредѣленію Энгельмана, въ началѣ XIV в., современникомъ благ. князя, по разсказамъ его сподвижниковъ, тоже было памятникомъ компилятивнымъ. Образцомъ и пособіемъ для изображенія жизни Довмонта біографъ-современникъ князя взялъ біографическія сочиненія о бл. кн. Александрѣ, потому, очевидно, что между этими князьями-героями было много общаго. Параллель здѣсь напрашивалась сама собою; литературныя заимствованія оправдывались не только высокимъ качествомъ литературнаго образца, но и однородностію съ нимъ фактическаго содержанія новой работы. Но прежде чѣмъ рѣшать этотъ вопросъ въ ту или другую сторону, опредѣлимъ точнѣе степень зависимости сказанія о Довмонтѣ отъ стороннихъ литературныхъ источниковъ, въ частности отъ житій Александра Невскаго.

Содержаніе лѣтописной редакціи указываетъ на зависимость біографіи Довмонта отъ трехъ агіографическихъ сочиненій: лѣтописно-проложнаго житія равноап. кн. Владиміра, церковно-лѣтописнаго и особаго житій бл. кн. Алексаядра Невскаго. Для наглядности я сдѣлаю подробныя сопоставленія сходныхъ мѣстъ.

По житію Владиміра составлено въ нашемъ памятникѣ вступленіе.

Изъ житія Довмонта.	*Изъ житія Владиміра.*
Си бысть князь Домонтъ отъ племени литовьскаго, прьвѣя имѣя ко идоломъ служеніе, по отчю преданію, егда (же—2 лѣт.) Богъ восхотѣ избрати собѣ люди новы и вдохну въ онь благодать св. Д. и възбнувся яко отъ сна отъ идолского служенія [и помысли съ своими бояры креститися во имя О. и С. и св. Д.], и крещенъ бысть въ соборной церкви въ святѣй Троицы и наречено бысть имя ему въ св. крещеніи Тимоѳей; и бысть радость велика во Плесковѣ [394]).	Се бысть сынъ Святославль отъ племени варяжьска, первое къ идоламъ много тщаніе творя, по преданью отчю, да егда восхотѣ Богъ избрати люди новы и вьдохну въ нь благодать св. Д. и възбнувъ, акы отъ сна, отъ лютого идолослуженія.... И крестиша въ церкви св. Іакова въ Корсунѣ градѣ и нарекоша имя ему Василей.... И бысть (въ Кіевѣ) радость велика крестившимся людемъ [395]).

Зависимость отъ проложнаго житія Владиміра можно наблюдать и въ начальныхъ строкахъ проложной редакціи Довмонтова житія [396]), но тамъ она носитъ характеръ перифраза, здѣсь же переходитъ почти въ списываніе.

Такой же характеръ переписки чужого принимаетъ у біографа Довмонта и пользованіе житійною литературою о бл. кн. Александрѣ. По житіямъ Александра въ лѣтописной редакціи составлены: описаніе нашествія на Псковъ местера земли Ризьскыя; характеристика личности благов. князя; историческая оцѣнка его подвиговъ; сообщенія о предсмертной болѣзни,

[394]) Полн. собр. рус. лѣт., т. IV, стр. 180, 1 стлб. Лѣтописно-пролож. житіе по цитир. раньше изданію у С. Ѳ. Акимовича, стр. 69, 71. Словъ, заключенныхъ въ прямыя скобки, нѣтъ во 2 Псков. лѣт. Пропускъ ихъ могъ быть результатомъ болѣе точной свѣрки съ текстомъ краткаго пролож. ж. ВлаДиміра.

[395]) Блаженый князь Довмонтъ бяше отъ рода Литовьска, покланяяся идоломь, по отчю преданію, и Богу въсхотѣвшю, оставль отечество свое (Прилож. № 32, стр. 138).

погребеніи, великой жалости по «добромъ господинѣ» псковичей. Изъ тѣхъ же источниковъ взяты и мелкія детали при описаніи отдѣльныхъ событій изъ жизни благов. князя. Подробнѣе и чаще біографъ дѣлаетъ выписки изъ особаго житія Александра; и параллельное чтеніе текстовъ изъ этихъ памятниковъ лучше всякихъ общихъ разъясненій убѣждаетъ насъ въ бóльшей первоначальности текста особаго житія.

Изъ житія Довмонта.

Слышавъ же местеръ земля Ризьскыя мужество [князя] Довмонта [съвокупи много вои своихъ] и ополчився въ силѣ тяжцѣ, безъ Бога, и пріиде ко Пскову [ови на конѣхъ, а иніи] въ кораблѣхъ и въ лодіахъ и съ порокы, хотяще плѣнити домъ св. Троица, а кн. Домонта руками яти, а мужей псковичь мечи изсѣчи (а иныя люди въ работу ввести), [а непротивный народъ, жены и дѣти плѣнивше въ работу вести]. Слышавъ же то Домонтъ, оплъчающася люди безъ ума въ множествѣ силы безъ Бога, и вниде въ церковь св. Троица, и положивъ мечь свой предъ олтаремъ Господнимъ, падъ моляшеся много, съ плачемъ, сице глаголя: «Господи Боже силъ, мы, людіе Твои, овца пажити Твоея, имя Твое призываемъ; призри на кроткыя люди Своя и смиреныя възвыши и гордыхъ высокыя мысли низложи, да не опустѣетъ пажить овецъ Твоихъ». Игуменъ же Сидоръ и весь іерейскій чинъ, вземше мечь, препоясавше, благословиша (и отпустиша) и. Домонтъ же въ множествѣ ярости мужества своего, не дождавъ полковъ новгородскыхъ, съ малою дружиною, съ мужи псковичи выѣхавъ (Божіею силою побѣди), изби полкы ихъ, и самого местера раниша по лицю; они же трупіа своя многы учаны накладше, отвезоша въ землю свою; а [прочій] останокъ ихъ устремишася на бѣгъ, мѣсяца іунія въ 8 день, на память [перенесенію мощей] св. муч. Ѳеодора (Стратилата) [397]).

Изъ житій Александра Невскаго.

Слышавъ же то король страны Римскыя мужество Александрово (князя Александра и събра силу велику и наполни корабля многы полковъ своихъ), ополчися нань въ силѣ тяжцѣ и во множествѣ кораблѣвъ, исполнися духа ратнаго, и пріиде въ Неву, разгордѣвся, и помысли въ себѣ побѣдити Александра и руками яти, и великій Новгородъ поплѣнити, люди словеньскыя къ себѣ въ работу створити. Слышавъ же то вел. кн. Александръ,

(и вниде въ церковь св. Софіа),

падъ во церкви предъ алтаремъ, моляшеся со слезами (Боже хвальный и т. д.).

Благословивъ же его архіеп. Спиридонъ новгородцкый, отпусти его съ миромъ съ новгородцы. Олександръ же въ ярости мужства своего, не дождавъ полковъ своихъ, но въ малѣ дружинѣ (поиде на нихъ) побѣди я (изби ихъ множество бесчислено) и самаго короля ранивъ копьемъ по лицю; они же побѣгоша посрамлены, многа трупья своя вкладши въ корабли и потопиша въ Невѣ (останокъ же ихъ побѣже...— И прииде на ня (А.) въ день вскрсенья, іуля въ 15, на память св. от. 630… и св. мученику Кирика и Улиты) [398]).

Сн. съ этимъ описаніе второго нападенія нѣмцевъ на Псковъ и битвы съ ними у церкви св. Петра и Павла: «князь же Домонть не стерпѣ дождати мужь своихъ болшая рати, выѣха съ малою дружиною противу имъ ополчися... И помощію св. Троица побѣди я..., овѣхъ избиша и овыхъ раниша, а иніи метахуся съ брега въ кручю, а самого кумендеря раниша по главѣ»

---

397) Псков. 2 лѣт., стр. 7. Прямыми скобками обозначены слова, которыхъ нѣтъ въ редакціи 1 лѣт., обычными—ея варіанты и добавленія къ тексту 2 лѣт.

398) Прилож. № 30, стр. 121. Въ скобкахъ добавленія изъ церковно-лѣтоп. житія, по тексту во 2 Пск. лѣт., послѣднія строки и по Румянц. списку. Сн. также текстъ редакціи въ 1 Соф. лѣт. Параллели изъ него приведены у В. Мансика, о. с, 220—221.

(2 Пск. *л.*). Въ первой *лѣ*тописи объ этой битвѣ замѣчено: «и бысть сѣча зла, яко же николиже не бывала у Пскова».

[По прехоженіи же нѣколика времени] (и паки же по временехъ княженія его) начаша [*Латина*] (поганая *Литва*) [насиліе] (силу) псковичемъ дѣяти, нападеніемъ и [грабленіемъ] (работою); боголюбивый же кн. Тимоѳей не стерпѣ обидимъ быти отъ поганыя *Латины*, ѣха съ мужи своими псковичи и плѣни землю ихъ [и села Чюдская] (и грады ихъ) пожже и полона много приведоша въ землю свою.

И прошедъ горы непроходимыя, и иде на Вируяны и плѣни землю ихъ и до моря и повоева поморье, и паки возвратися и исполни землю свою множествомъ полона. И славна бысть земля его во всѣхъ странахъ, страхомъ грозы храборства *вел.* кн. Дмитрея и зятя его Домонта и мужь его новгородцовъ и псковичь (I Пск. *лѣ*т., 181—182).

Сей же князь бѣ не единѣмь храборьствомъ показанъ бысть отъ Бога, но и боголюбецъ показася, въ мирѣ привѣтливъ и церкви украшая и попы и нищая *л*юбя и вся праздники честно проводя и попы и чернца корм*л*я и милостыню дая сиротамъ и вдовицамъ. Якоже рече Исаія пророкъ: князь благъ во странѣ, увѣтливъ, боголюбивъ, страннолюбецъ, кротокъ, смѣренъ, по образу Божію: Богъ бо мира не ангеломъ *л*юбить, но человѣкомъ щедря си ущедряетъ и показуеть милость свою на мірѣ.— [399]) И прославися имя князей нашихъ во всѣхъ странахъ и бысть имя ихъ грозно на ратехъ и быша князи княземъ и воеводы воеводамъ и бысть грозенъ гласъ ихъ предъ полкы, аки труба звѣнящи, и бысть побѣжая и не бѣ побѣдими, якоже бѣ и Акрита: единъ побѣжая полки въ крѣпости силы своея. Тако же и великій князь Александръ и Дмитрей, сынъ его, съ своими бояры и съ новогородци, и съ зятемъ своимъ съ Домонтомъ и съ его мужи съ плесковичи, побѣжая страны поганыя: нѣмець, *л*итву, чюдь, корѣлу. То единаго-ли ради Езекѣя съхраненъ бысть Іерусалимъ отъ плѣненія Сенахи-римля, царя Асурска? Паки же и великимъ княземъ Александромъ и сыномъ его Димитріемъ, и

Въ то же время умножися языка *Ли*товьскаго и начаша пакостити волости Александровѣ, онъ же выѣздя и избиваше я (2 Пск. *л.*). —Сн. съ этимъ въ описаніяхъ нападенія нѣмцевъ на Псковъ: «и пакы же... поиде на землю ихъ (повоева и пожже и полону взятъ безъ числа, 2 Пск. *л.*) (Прилож., 121, 122).

И пакы потомъ иде (А.) на страну Ямскую и проиде горы непроходимыя и повоевавъ поморье и пакы возвратися въ землю со множествомъ плѣна. И славна бысть земля его страхомъ грозы его и храборства его (Прилож., 122).

Токмо не единѣмъ храборствомъ его (А.) показанъ бысть отъ Бога, но и боголюбецъ показася во всемъ мірѣ, церкви Божія воздвизая, ерѣя любя и мнишьскый чинъ и нищелюбець. Якоже рече Исаія пророкъ: князь благъ во странахъ, тихъ и увѣтливъ, кротокъ и смиренъ, по образу Божію створенъ бысть, не внемля богатства, не призря крови грѣшнича, сиротѣ и вдовиць правдою судя, милостилюбець, а не златолюбець, благъ чадомъ своимъ и внѣшнимъ своимъ и отъ странъ приходящимъ кормитель; на таковыя Богъ презираетъ на миръ щедротами: Богъ-бо мира не ангеломъ, но человѣкомъ щедря ущедряетъ и показаетъ милость свою на мірѣ (Прилож., 122).—(И нача слышати имя его (А.) по всѣмъ странамъ—2 Пск. *л.*) и бысть имя его грозно на ратехъ и бысть князь княземъ и воевода воеводамъ, и бысть грозенъ гласъ его, яко труба звѣнящи, и бысть Александръ побѣжая вездѣ, а непобѣдимъ, яко единъ Крита во крѣпости силы своя побѣжая полкы, а непобѣдимъ николиже, тако ж бо тогда въ ты дни великый князь Александръ единъ побѣжая страны: немцѣ, *л*итву, чюдь многу (Прил., 121). Единаго ради Езекія праведнаго сохраненъ бысть Іерусалимъ отъ плѣненія Сенахирима царя Асурійскаго (ib., 122).

зятемъ его Домонтомъ спасенъ бысть градъ Новгородъ и Псковъ отъ нападенія поганыхъ нѣмець [399]) (I Пск. *л.*, 183).

Близкія паралелли и по содержанію, и по изложенію мы найдемъ въ житіяхъ бл. кн. Александра и къ слѣдующимъ еще мѣстамъ изъ житія Довмонта:

И потомъ времени мало здравъ бывъ бл. кн. Тимоѳей, и нача болѣти и въ той болѣзни и преставися къ Богу въ жизнь вѣчную, мѣсяца маія въ 20, на память св. муч. Фалалѣя (I Пск. *л.*, 183).

И тако положиша и въ святѣй Троици, съ похвалами и пѣснями и пѣніи духовными. Бысть же тогда (печаль и—2 Пск. *л.*) жалость велика въ Плесковѣ… по добромъ господинѣ бл. кн. Тимоѳеи. И много бо дней пострада за домъ св. Троица и за мужей за псковичь, стояніемъ дому св. Троица (1 Пск. *л.*, 183).

Бяше бо (Довмонтъ) милостивъ паче мѣры (2 Пск. *л.*).

Мало пребывъ здравъ, иде и до Городца, разболѣся…, и тако съ миромъ духъ свой предастъ мѣсяца ноября въ 14 день, на память св. апостола Филиппа.

И положено бысть тѣло его въ Рождествѣ св. Богородица…, со апостольскими псалмы (пѣсньми) и съ кандилы богодуховными (Прилож., 123). Бысть же плачь велій, кричаніе и туга... (ib., 119); а добра господина не можетъ забыти (118). Иже много тружшеся (добрѣ пострада) за землю Русьскую и за Новгородъ и за Псковъ (въ 1 Соф. *лѣт.*). Бѣ бо (А.) милостивъ паче мѣры (Прилож., 114).

Если теперь исключить изъ содержанія лѣтописной редакціи сказанія всѣ эти заимствованія изъ стороннихъ литературныхъ источниковъ, то что-же въ ней останется оригинальнаго, почерпнутаго непосредственно изъ устныхъ разсказовъ современниковъ-сподвижниковъ благ. князя? Очень мало: фактическія детали въ разсказѣ о битвѣ за рѣкою Двиною съ литовцами и на рѣкѣ Мироповнѣ съ нѣмцами; замѣтки о бракѣ Довмонта; объ участіи его въ Ракоборской битвѣ; объ избіеніи нѣмцами псковскихъ монаховъ при нападеніи на Псковъ въ 1299 г.

Какъ отмѣчено уже Энгельманомъ (54), въ деталяхъ о битвѣ за рѣкою Двиною не все можетъ быть возведено къ устному источнику біографіи—къ разсказамъ сподвижниковъ князя; кое-что придумано позднѣе и не вполнѣ удачно,—напр., отзывъ Довмонта о храбрости псковичей. Ниже, при разборѣ другой редакціи житія Довмонта, будутъ указаны другія неточности въ этомъ, найболѣе оригинальномъ, отдѣлѣ лѣтописной редакціи. При желаніи подчеркнуть общую литературную зависимость и разсказа о битвѣ на Двинѣ отъ описаній Невской битвы и Ледового побоища въ житіи Александра, не трудно было-бы подыскать частные примѣры сходства [400]).

Для дополнительной замѣтки въ разсказѣ о битвѣ на рѣкѣ Мироповнѣ параллель, правда не очень близкую, можно найти даже въ литературномъ источникѣ житія Александра Невскаго—въ Повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ. Тамъ, въ разсказѣ: «о дивіихъ человѣцѣхъ силныхъ», передается, что Александръ: «узрѣ траву многу и повелѣ възгнѣтѣти огнь и огнемь ся бороти съ ними; и обшедше, зажгоша я и изгорѣша силніи ти мужи, а другыя бѣгоша въ вертепы» [401]); сн. въ житіи Довмонта: «на рѣцѣ Мироповнѣ овыхъ изсѣче, а иніи истопоша въ водѣ, а двѣ насадѣ бѣжаша въ иныя островы. Князь же Домонтъ, ѣхавъ, повелѣ зажещи

[399—399]) Этотъ отрывокъ, съ перенесеніемъ характеристики одного князя на многихъ и съ ненужными упоминаніями объ Александрѣ Невскомъ, особенно подчеркиваетъ зависимость лѣтописнаго житія Довмонта отъ особаго житія Александра, первоначальность второго изъ сходныхъ между собою агіографическихъ текстовъ.

[400]) Напр., выраженія: «и оплъчися Герденій и Гортуитъ и хотяще и рукама яти и лютой смерти предати, а мужей псковичь мечи изсѣчи» (2 Пск, *лѣт.*, стр. 6). Сн. въ Прилож. № 30, стр. 121, строки 15—18.

[401]) Еллинскій лѣтописецъ, стр. 163; сн. у В. Истрина, Александрія русскихъ хронографовъ, въ Прилож., стр. 75 и на 76 стр.: «и повелѣ зажещи ихъ блато, и увидѣвше огнь, бѣжаша, гнавше по нихъ, связахомъ отъ нихъ 400 мужій».

островъ [и пожже ихъ подъ травою], и егда начаша поганіи бѣгати, палимѣ травѣ, въсполѣша огнемъ [а иніи побѣгоша, а власи ихъ зажжени горятъ, а иныхъ изсѣче, а иніи истопоша въ водѣ], и тако побѣди ихъ» [402]).

Замѣтка о бракѣ Довмонта помѣщена только въ редакціи 2 лѣтописи; очень краткія сообщенія о Ракоборской битвѣ и объ избіеніи въ 1299 г. нѣмцами псковскихъ монаховъ могли быть такими же, болѣе поздними, дополненіями, основанными на лѣтописныхъ извѣстіяхъ [403]).

Вообще при наличности въ 1 Псков. лѣтописи параллельно съ житіемъ Довмонта краткихъ, болѣе древнихъ лѣтописныхъ о немъ извѣстій и при существованіи въ XIV в. церковнаго, проложнаго житія святаго, составленнаго на основѣ этихъ именно лѣтописныхъ извѣстій, едва-ли требуется для лѣтописной редакціи житія предполагать особый еще письменный источникъ—первоначальную редакцію сказанія. Я думаю, что въ I Псковской лѣтописи мы и имѣемъ текстъ первоначальной редакціи, т. е. свѣтской біографіи князя, которая составлена была на основѣ краткихъ лѣтописныхъ извѣстій о святомъ, проложнаго его житія, устныхъ преданій и, главнымъ образомъ, съ помощію отмѣченныхъ уже стороннихъ литературныхъ источниковъ-образцовъ. Свѣтская біографія князя появилась не раньше второй половины—конца XIV в. и тогда же она была внесена въ лѣтопись. Позднимъ появленіемъ памятника легко объясняется и причина біографическихъ въ немъ неточностей.

Біографъ не былъ современникомъ Довмонта; онъ пользовался, кромѣ письменныхъ источниковъ, устными разсказами и припоминаніями о святомъ. Но мѣстные разсказы о святомъ утратили первоначальный свой видъ, они приняли легендарную окраску и провѣрить ихъ не было уже возможности, такъ какъ современниковъ князя, сподвижниковъ въ его ратныхъ подвигахъ въ пору составленія сказанія не было въ живыхъ. Благодаря главнымъ образомъ тому, что литературнымъ пособіемъ для подробнаго сказанія о Довмонтѣ было особое житіе бл. кн. АлександраНевскаго, памятникъ и получилъхарактеръ свѣтской біографіи святаго. Но литературнаго значенія этого свѣтскаго сочиненія не слѣдуетъ преувеличивать. Это лишь хорошая литературная копія съ очень хорошаго оригинала, самостоятельнаго же литературнаго значенія житіе Довмонта почти не имѣетъ. Если бы біографъ меньше увлекался подражаніемъ чужому, больше вниманія обратилъ на устные источники и далъ бы болѣе точное ихъ изложеніе, его сочиненіе въ литературномъ отношеніи б. м. и не было-бы такимъ интереснымъ памятникомъ, зато историко-біографическая цѣнность житія отъ этого не только не пострадала бы, но, несомнѣнно, повысилась-бы.

Такимъ образомъ, лѣтописное житіе Довмонта я считаю первымъ опытомъ составленія подробнаго свѣтскаго сказанія о благ. князѣ, распространенія церковнаго проложнаго житія и древнихъ лѣтописныхъ извѣстій о Довмонтѣ. На редакцію XV в., помѣщенную во 2 Псковской лѣтописи, я смотрю, какъ на попытку писателя-церковника передѣлать свѣтское сказаніе о св. князѣ въ церковное житіе, приспособить памятникъ къ церковному употребленію. О результатахъ этой переработки можно бы было повторить сказанное раньше о церковно-лѣтописномъ житіи бл. кн. Александра.

Редавторъ не сумѣлъ въ своемъ источникѣ опустить все не соотвѣтствовавшее церковному назначенію памятника; но кое-что онъ всетаки сдѣлалъ—именно, онъ опустилъ бо́льшую часть заимствованій изъ особаго житія Александра Невскаго, памятника тоже непригоднаго для церковнаго употребленія. По предложенной редакторомъ другой характеристикѣ личности князя: «благов. князь Тимоѳей... бяше бо милостивъ паче мѣры, священники любя, церкви украшая, нищая милуя, и вся праздники честно проводя, сироты и вдовица заступая и обидимыя изимая», можно заключить, что, сторонясь вліянія особаго житія, но-

[402]) По тексту во 2 Пск. лѣт.; въ прямыхъ скобкахъ добавленія изъ текста въ 1 Псков. лѣтописи.

[403]) Подробный разборъ замѣтки объ убитыхъ въ 1299 г. псковскихъ инокахъ и сопоставленіе ея съ Древнею проложною записью см. въ моей статьѣ: О преподобномъ Іоасафѣ Снѣтогорскомъ, Псковъ 1912 г.

вый редакторъ, по сравненію съ предшественникомъ, съ бо́льшимъ вниманіемъ отнесся къ церковной біографіи Александра—къ церковно-лѣтописному житію.

Перейдемъ теперь къ обзору подробныхъ житій благ. князя Довмонта.

Отъ XVI—XVII вв. сохранились двѣ редакціи житій Довмонта; обѣ онѣ изданы въ Приложеніяхъ: подъ № 33—средняя, № 34—распространенная. Средняя редакція мнѣ извѣстна по двумъ спискамъ, помѣщеннымъ въ одномъ и томъ же сборникѣ XVII в. Патріаршей б-ки, № 850, л. 466 об.—472 и 934—940 об.

Время составленія этого памятника приблизительно можно опредѣлить по упоминанію объ исцѣленіи при ракѣ святаго слѣпой женщины (Прилож., стр. 143). Въ 1 Псковской лѣтописи это чудо отмѣчено подъ 7046 г. [404]). Не раньше этого времени написано и разсматриваемое житіе.

Въ ркп. житію предшествуетъ статья подъ заглавіемъ: «Родство о блаж. и приснопамятномъ князѣ Вышелегѣ литовскомъ, братѣ Домантовѣ». Статья эта заканчивается славословіемъ, что указываетъ на случайную ея связь съ житіемъ. Съ сокращеніями она читается и въ Степенной книгѣ [405]).

Но въ зависимость отъ житія Довмонта въ Степенной разсматриваемую редакцію нельзя ставить. Тогда какъ въ Степенной біографическій матеріалъ заимствованъ исключительно изъ позднихъ сводовъ лѣтописей, средняя редакція основывается на древнемъ псковскомъ лѣтописномъ сказаніи о Довмонтѣ. Связь ея съ редакціею сказанія въ Воскресенской лѣтописи (одинаковая генеологія св. князя), по моему мнѣнію, тоже случайная. Время составленія средней редакціи можно, так. образомъ, опредѣлить второю половиною—концемъ XVI в. Объ авторѣ въ текстѣ памятника нѣтъ точныхъ указаній; ясно только, что это былъ псковичъ.

Запоздавшая нѣсколько своимъ появленіемъ передѣлка древняго сказанія о Довмонтѣ не представляетъ собою въ историко-литературномъ отношеніи ненужнаго памятника. Среди добавленій къ древнему разсказу бо́льшая часть заимствована изъ лѣтописей, но имѣются и новыя детали къ старому, взятыя изъ болѣе цѣнныхъ біографическихъ источниковъ. Онѣ имѣютъ большое значеніе и для разъясненія неточностей и ошибокъ въ редакціи лѣтописной.

Изъ новгородскихъ лѣтописей авторъ беретъ дополнительныя къ древнему житію извѣстія о помощи Довмонту, во второй походъ противъ литовцевъ, со стороны Димитрія Александровича и объ обстоятельствахъ Раковорской битвы. Объ одномъ изъ участниковъ этого «страшнаго побоища»—о московскомъ князѣ Георгіи, здѣсь читаемъ: «а князь Георгій Ивановичь московскій выдалъ плече свое, отстоялъ на единомъ мѣстѣ и не поможе княземъ понеже бывшу тому великому снятію и крови мнозѣ ліющися, яко вода, и главамъ падающимъ христіянскимъ на землю, онъ же не умилися, на се зря зло, и многымъ людемъ тужащимъ и главами покивающимъ за христіянство, или перевѣтъ былъ въ немъ—не вѣмы» (141). Редакторы позднихъ, московскихъ сводовъ лѣтописи: Никоновск., Воскр., Степен. кн. [406]), по весьма понятнымъ побужденіямъ, опускаютъ этотъ эпизодъ; но источникъ житійнаго сообщенія очень древній. Въ 1 Новгор. лѣтописи читаемъ: «а Юрьи князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немь, то Богъ вѣсть» [407]).

Къ тексту сказанія во 2 Псков. лѣтописи редакторъ дѣлаетъ поправку въ разсказѣ о женитьбѣ Довмонта. Онъ относитъ ее ко времени послѣ Раковорской битвы и супругу Довмонта Марію называетъ дочерью Александра Невскаго: «князь же Димитрій Александровичъ видѣ блаж. кн. Доманта мужество и храбрость, вдастъ за него сестру свою, княжну Марію Алексан-

[404]) Тогда же, на самъ Троицынъ день, показа милость благов. кн. Домантъ у своего гроба: жены слѣпой отверзе очи; и видѣ всѣхъ иже во церкви (Полн. собр. рус. лѣт. т. IV, стр. 302).

[405]) стр. 301—302.

[406]) Полн. собр. рус. лѣт., т. X, 1885 г., стр. 146—147 т. VII 1856 г., стр. 167—168, Степ. кн., стр. 303—304.

[407]) Новг. 1 лѣт., стр. 288, сн. въ Новг. IV лѣт. (т. IV, стр. 41).

дровну» (141). У Александра Невскаго не было дочери съ именемъ Маріи [408]), и поправка эта, значитъ, ошибочная. Но такое же сообщеніе о княгинѣ дѣлаетъ и авторъ сказанія о чудѣ отъ Мирожской иконы Б. М.—Василій-Варлаамъ. И у него читаемъ: «да туто-жъ на другой странѣ образа Матери Господня написана молебнымъ образомъ княгиня Марія, супруга того князя Доманта, дщерь велик. кн. Александра Ярославича Невскаго» [409]), Кто изъ двухъ авторовъ первый внесъ это извѣстіе о кн. Маріи и на какомъ основаніи—не извѣстно. Возможно, что житіе Довмонта появилось раньше сказанія о Мирожской иконѣ (1595 г., стр. 98), и что заимствованіе сдѣлано Варлаамомъ.

Особенно цѣнными поправками къ лѣтописной редакціи являются въ нашемъ памятникѣ два сообщенія: объ обстоятельствахъ кончины преп. Іоасафа Снѣтогорскаго и о событіяхъ первой битвы съ литовцами на р. Двинѣ. Первое сообщеніе иначе и подробнѣе, чѣмъ въ лѣтописной редакціи, опредѣляетъ время и обстоятельства кончины преп. Іоасафа (142). Но прямого отношенія къ біографіи Довмонта сообщеніе это не имѣетъ, общая же его цѣнность подробно выяснена мною въ цитированной уже статьѣ: О препод. Іоасафѣ Снѣтогорскомъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить только одну деталь въ новомъ извѣстіи: «и потомъ (послѣ пораженія нѣмцевъ) паки созда блаж. Домантъ храмъ каменнъ (на Снятной горѣ) въ сожженнаго мѣсто, отъ своего праведнаго имѣнія, и монастырю на строеніе дастъ имѣнія много» (142). Это, такъ сказать, иллюстрація, конкретный примѣръ къ общей фразѣ въ отзывѣ древняго біографа о св. князѣ: «церкви украшая и чернца кормля».

Новыя сообщенія въ разсказѣ о битвѣ на Двинѣ помогаютъ намъ разобраться въ спутанномъ, неточномъ изложеніи этого событія въ лѣтописной редакціи. Авг. Энгельманъ (54) считалъ позднею вставкою, не вызванною контекстомъ, отзывъ благ. князя о храбрости псковичей: «слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ». Отзывъ этотъ сдѣланъ по поводу отказа псковича Давида и литвина Лувы «слезть съ коней доловь»—сражаться пѣшими. Но послѣдній способъ битвы, какъ правильно замѣчаетъ Энгельманъ (77), и считался въ древности однимъ изъ выраженій храбрости бойцовъ. Повода къ похвалѣ храбрости псковичей этотъ фактъ так. обр. не давалъ. Средняя редакція разъясняетъ намъ, что въ первоначальномъ сказаніи въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой вставки, но текстъ здѣсь испорченный и неполный. Въ средней редакціи мы читаемъ, что благ. князь: «повелѣ имъ съ коней ити доловь и битися пѣшимъ въ крѣпости, понеже немного ихъ бяше». Но Давидъ и Лува посовѣтовали князю немедленно («вборзѣ») напасть на поганую Литву «на конѣхъ», не дожидаясь перехода литовцевъ на другую сторону рѣки: «они бо насъ не чаютъ на ся» (139—140). Благ. князь и рѣшилъ такъ поступить. У него, значитъ, былъ прямой поводъ напомнить своему маленькому войску о всюду извѣстной храбрости псковичей, воодушевить свое едино-девяносто передъ битвою съ неравнымъ но числу (700) врагомъ.

Текстъ средней редакціи даетъ возможность исправить неточность и въ обозначеніи мѣста битвы, сдѣланномъ въ первоначальномъ сказаніи. Тамъ читаемъ: «и сташа (дружина Довмонта) на бору чистѣ». Понятно въ описаніи Ракоборской битвы выраженіе: «и бысть сѣча... на полѣ чистѣ», но фраза: «на бору чистѣ», звучитъ странно. Въ средней редакціи вмѣсто этого читаемъ тоже не совсѣмъ ясную фразу: «и постави шатры на борѣ устѣ» (139). Не правилънѣе-ли будетъ въ этомъ «борѣ-устьѣ» видѣть названіе крѣпости, возлѣ которой расположился съ своимъ девяносто благ. князь и подъ защиту которой онъ думалъ укрыться отъ сильной литовской погони? Въ Псковской губерніи нерѣдко встрѣчаются селенія съ названіями—Устье. Есть Устье и при впаденіи р. Торопы въ Западнуго Двину.

Въ описаніи битвы на Двинѣ въ средней редакціи мы имѣемъ вообще болѣе точную и понятную передачу событій, чѣмъ въ первоначальномъ сказаніи о Довмонтѣ. Возможно, что

---

[408]) См. у Экземплярскаго, о. с., т. I, стр. 41—42

[409]) Труды Псков. церк. арх. ком., I, стр. 99.

біографъ XVI в. пользовался въ этомъ случаѣ какими-ниб. мѣстными записями, которыя появились въ псковской письменности позднѣе составленія лѣтописнаго сказанія о бл. князѣ, но по своему источнику—устному, онѣ были очень древними. Благодаря этому, позднее житіе бл. князя и получаетъ для насъ значеніе цѣннаго біографическаго памятника.

Съ литературной стороны среднюю редакцію нельзя назвать агіографическимъ, церковнымъ памятникомъ. Въ немъ нѣтъ существенно-нужнаго для такого рода сочиненій элемента—агіографической риторики, общихъ мѣстъ и заимствованій изъ стороннихъ агіографическихъ источниковъ. Простой разсказъ о святомъ, основанный въ своихъ добавленіяхъ лишь на лѣтописныхъ извѣстіяхъ и мѣстныхъ преданіяхъ, даетъ право назвать среднюю редакцію подробнымъ свѣтскимъ сказаніемъ о бл. Довмонтѣ [410]).

Другой видъ имѣетъ распространенная редакція житія благ. князя. По объему это очень обширный памятникъ—въ ркп. занимаетъ 34 листа; по изложенію и источникамъ біографическихъ дополненій это типичное житіе поздняго времени.

Новый біографъ начинаетъ свой трудъ агіографическимъ вступленіемъ, которое совершенно совпадаетъ со вступленіемъ къ Слову о св. великомученикѣ Георгіи, помѣщенному въ В. Ч. М. подъ 23 апрѣля (л. 292 об.). Слѣдующая затѣмъ характеристика побѣждаемаго прелестью богомерзскихъ идолъ литаонскаго князя, противника христіанства—Миндовга во многомъ напоминаетъ отзывъ того же Слова о римскомъ христоборцѣ—императорѣ Деоклитіанѣ; «звѣрю бывшю на Христово стадо, повинуяся зило прелести пустошныхъ кумиръ».

Такому началу сочиненія соотвѣтствуетъ и продолженіе. Біографъ пытается распространить краткій біографическій разсказъ своихъ источниковъ обильнымъ введеніемъ въ текстъ библейскихъ текстовъ и заимствованіями изъ стороннихъ литературныхъ сочиненій, главнымъ же образомъ агіографическою риторикою и собствеиными измышленіями. Никакихъ фактическихъ добавленій къ содержанію первоначальнаго сказанія въ распространенной редакціи нѣтъ; все сводится къ догадкамъ и многословію. Отмѣчу лишь одно, болѣе интересное для литературной исторіи первоначальнаго сказанія и для опредѣленія задачъ его поздней передѣлки, добавленіе.

Въ описаніи битвы на Двинѣ въ новой редакціи читаемъ: «бысть же сѣча зла и преужасна, падаху убо тѣлеса противныхъ, аки древіе и кровь силныхъ аки вода ліяшеся по удоліямъ, стукъ же и шумъ страшенъ бяше, аки громъ, отъ вопля и кричанія обоихъ вой и отъ трескоты оружія ихъ» (149); ср. въ житіи Александра Невскаго, по редакціи во 2 Псков. лѣтописи: «и бысть сѣча (на Чудскомъ озерѣ) зла и трускъ отъ копій ломленія и звукъ отъ сѣченія мечнаго» (стр. 4). Ср. также однородную съ житіемъ Александра [411]) замѣтку въ концѣ разсказа: «и тако поидоша ко граду Пскову въ велицей радости, его же (Д.) пришествіе гражане слышавше, изыдоша во срѣтеніе, яко ж древле Давиду, побѣдившу Голіяфа, и пріяша его съ великою честію, о побѣдѣ веселящеся» [412]). Такимъ образомъ, и болѣе оригинальный отдѣлъ въ древней редакціи сказанія о Довмонтѣ здѣсь поставленъ въ зависимость отъ литературнаго образца, увеличено и безъ того большое вліяніе житій Александра на біографическія сочиненія о Довмонтѣ.

О характерѣ заимствованій изъ лѣтописей можно судить по описаніямъ чудесъ (155—156) и по деталямъ въ разсказахъ о Ракоборской битвѣ (150) и о князѣ Ярославѣ (149). Редакторъ дѣлаетъ почти буквальныя выписки изъ псковскихъ и новгородскихъ лѣтописей.

Образцомъ распространенія первоначальнаго текста подборомъ библейскихъ текстовъ является передѣлка сопоставленій Довмонта съ Александромъ Невскимъ и Димитріемъ Александровичемъ (154, ср. 1 Пск. л., 183).

---

[410]) Днемъ кончины князя ошибочно названо 18 мая (142). То же число и въ наглавіи житія.

[411]) Прилож., стр. 116, $_{1-3}$ сверху.

[412]) 149. Сн. также на стр. 116: «нача ж слыти по всѣмъ странамъ имя его» (А.) и на стр. 150: «в мале времени слава велія храбръства Домантова произыде во языцѣхъ».

Біографъ любитъ прибѣгать къ гомилетическимъ пріемамъ изложенія, въ видахъ оживленія разсказа. У него, напр., читаемъ: «что-жъ убо старѣйшины града Пскова?—совѣтъ благъ совѣщаваютъ о немъ (Д.), съ подобною честію на столъ возводятъ его, во всѣмъ яко владыцѣ раболѣпно повиновеніе приносятъ ему» (145); или: «что-жъ по сихъ?—злобѣсное си умышленіе исполняютъ (нѣмцы), ограды иночествующихъ пожигающе…, тѣлеса постникъ озлобляютъ» (153) и т. п. Вообще авторъ пишетъ многословно, но толково, понятно. Видно, что это былъ хотя и не даровитый, но болѣе или менѣе опытный и начитанный писатель. Наряду съ просто народными выраженіями и сравненіями: «трескота оружія» (149); «яко мухи вмѣни си» (ib.), онъ употребляетъ не только изысканно-книжныя слова: «отлученную работу», «гарванъ» (воронъ), но и слова иностранныя: «хоріясы» (поселяне, 150); «рагияромъ» (ῥωγή, ῥαγάς —пропасть, ущелье, 151). Въ заслугу автора нужно поставить и то еще, что онъ не искажаетъ историческихъ фактовъ въ угоду агіографическимъ тенденціямъ. Много говоря о смиреніи и молитвенныхъ подвигахъ князя, не забываетъ, что это былъ не только «великій подвижникъ», «желанное имя благочестія» (155), но и «высокъ побѣдитель надъ враги» (147), «страшенъ ратоборецъ» (155, 147), ополчавшійся «на поганыя со яростію великою зѣло» (152). Съ этой стороны нашъ редакторъ выгодно отличается, напр., отъ архіеп. Іоны Думина.

О личности автора и объ обстоятельствахъ появленія его труда въ памятникѣ нѣтъ ясныхъ указаній. Несомнѣнно, авторъ былъ псковичъ; онъ называетъ Довмонта: «нашъ князь» (151, 152), «наше хранило». М. б. авторъ былъ монахъ; по крайней мѣрѣ, на монашество у него очень высокій взглядъ: ради чернеческаго чина «Богъ милуетъ міръ сей» (146). По пріемамъ передѣлки стараго и по изложенію распространенная редакція житія Довмонта во многомъ напоминаетъ передѣлку Василіева житія Всеволода. Въ ркп. въ качествѣ приложенія къ житію помѣщена статья: «О прихоженіи полскаго короля Стефана» (л. 204 об.—212); она выписана, безъ замѣтныхъ измѣненій, изъ подробной Псково-Печерской лѣтописи печерскаго монаха-иконника Григорія. Какъ видно изъ начальныхъ строкъ этой дополнительной статьи: «достоитъ же нынѣ къ похвалѣ чюдесъ» пр. Б-ца и преблаженныхъ князей Гавріила и Тимоѳея приложити повѣсть сицеву», это не позднѣйшая приписка къ житію: Повѣсть о «королѣ Стефанѣ входила и въ составъ оригинала памятника. Возможно, отсюда, что распространенная редакція Довмонтова житія принадлежитъ къ памятникамъ псково-печерскимъ конца XVI нач. XVII в., что она составлена тѣмъ же Григоріемъ, который по порученію псковскаго епископа Геннадія распространилъ первоначальную редакцію Псково-Печерской монастырской лѣтописи и Василіево житіе благ. кн. Всеволода.—Среднею редакціею Довмонтова житія Григорій не пользовался.

Въ русской письменности XVII в. разсмотрѣнное житіе мало было извѣстно. Я пользовался спискомъ въ ркп. № $^{212}/_{144}$ АМИД. Другой списокъ памятника имѣется въ б-кѣ Е. В. Барсова. Пользоваться этимъ спискомъ я не могъ, но судя по выпискамъ, сдѣланнымъ въ изслѣдованіи Барсова: Слово о полку Игоревѣ…, т. I, стр. 433, въ спискѣ Барсова «нѣтъ почти никакихъ отличій отъ текста въ списке Архивскомъ [413]). Текстъ разсматриваемой редакціи изданъ и въ Повѣсти о Псково-Печерскомъ монастырѣ. Какая ркп. служила оригиналомъ для изданія—не извѣстно. По заглавію книжки [414]) можно бы было судить, что ркп. эта принадлежала Псково-Печерскому монастырю, но теперь въ монастырской б-кѣ ея нѣтъ. При изданіи рукописный текстъ по мѣстамъ передѣланъ, но составъ памятника и распорядокъ статей видоизмѣненіямъ не подвергся [415]).

---

[413]) Ср. съ цит. мѣстомъ въ книгѣ Барсова въ моихъ Прилож., стр. 148, начиная 9 строкою снизу, и 149.

[414]) Повѣсть о началѣ и основаніи Печер. м-ря, взята изъ древнихъ лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранительницѣ онаго. Объ изданіяхъ этой книжки см. въ моихъ Очеркахъ по исторіи Псковскаго монашества стр. 61—63.

[415]) Оригиналъ печатн. изд. ж. Довмонта въ Типограф. б-кѣ № 473, л. 25—35. Въ немъ только одна мелкая поправка цензора—въ началѣ.

Въ обоихъ подробныхъ житіяхъ интересна попытка выяснить вопросъ объ отношеніи благ. Довмонта къ убійству Миндовга.

Въ научной литературѣ вопросъ этотъ разрѣшается различно. Большинство изслѣдователей, въ томъ числѣ и преосв. Филаретъ [416]), считаютъ благ. князя убійцею Миндовга, отождествляютъ его съ упоминаемымъ въ Ипатьевской лѣтописи Довмонтомъ Нальщанскимъ. Бл. князь, соединившись съ другимъ противникомъ Миндовга—полоцкимъ княземъ Тренятою, отомстилъ Миндовгу за поруганную имъ семейную честь. Покойный псковскій археологъ И. И. Василевъ въ спеціальной статьѣ о бл. Довмонтѣ [417]) рѣшительно высказался противъ такого отождествленія. Основываясь на упоминаніи въ Густынской лѣтописи еще о какомъ то Довмонтѣ, воевавшемъ съ тверичами, Василевъ допускалъ одновременное существованіе трехъ литовскихъ князей съ одинаковымъ именемъ—Довмонтъ. Фамилія Довмонтовъ въ Литвѣ была распространена. Позднѣе она встрѣчается и среди державцевъ въ повѣтахъ Кіевскомъ, Черкасскомъ. Отъ первой половины XV в. извѣстенъ, напр., изъ этой фамиліи князь Григорій. Кіевскіе Довмонты вели свой родъ отъ литовскаго князя Довмонта, но отъ какого именно—неизвѣстно. J. Wolff сомнѣвается въ основательности подобныхъ генеологическихъ притязаній [418]). Но сколько бы ни было въ XIII в. на Литвѣ князей съ именемъ Довмонта, отрицать тождество Довмонта Псковскаго и Нальщанскаго у насъ нѣтъ основаній. Называя Довмонта Нальщанскаго убійцею Миндовга, Ипатьевская лѣтопись подъ 6772 г. такъ разсказываетъ о мести убійцамъ со стороны Войшелга: «Воишелкъ же нача княжити во всей земли Литовьской, и поча вороги своѣ избивати, изби ихъ бещисленое множество, а друзии розбѣгошася, камо кто видя»(861). Въ связь съ этою местью Войшелга 1 Псковская лѣтопись и ставитъ бѣгство Довмонта въ Псковъ: «6773, взя Воишелгъ землю Литовскую, и прибѣже Домантъ въ Плесковъ» [419]). Ясно, такимъ образомъ, что Довмонтъ принадлежалъ къ числу «вороговъ» Войшелга, убійцъ его отца.

Подробныя житія, по знакомымъ уже намъ изъ агіографической литературы побужденіямъ, пытаются представить дѣло совершенно въ иномъ видѣ, даютъ другую генеологію благ. князя. По разсказу въ средней редакціи, убійцею Миндовга былъ Герденъ. Передъ битвою на Двинѣ благ. князь говоритъ псковичамъ: «постражите за св. Троицу и за нашу обиду, еже уби Герденъ отца моего, восхотѣ же и мене убити, аще не бы спасла св. Троица» [420]). Братомъ Войшелга Довмонтъ названъ и въ Воскресенской лѣтописи [421]). Распространенная редакція на этой общей агіографической догадкѣ пытается составить цѣлый отдѣлъ въ біографическомъ разсказѣ о св. князѣ. Она даетъ отрицательную характеристику Миндовга и очень хвалитъ за христіанскую, подвижническую настроенность старшаго его сына—Войшелга. Бѣгство изъ Литвы въ Псковъ младшаго сына Миндовга—Довмонта объясняетъ, какъ естественное слѣдствіе

---

[416]) Житія св., Спб. 1900, изд. 3, стр. 293—4: «Миндовгъ, вел. кн. литовскій, заманивъ къ себѣ жену Довмонта, заставилъ ее раздѣлить съ нимъ ложе. Довмонтъ, по совѣсти языческой, рѣшился убить за то Миндовга..., напалъ на беззащитнаго М., убилъ его и двухъ сыновей его».

[417]) И. Василевъ, Св. благ. кн. Домантъ-Тимоѳей Псковскій, Біографическій очеркъ, Псковъ 1899 г., стр. 20 и раньше.

[418]) Kniaziowie Litewsko-ruscy od końca czternastego wieku, przez Józefa Wolffa, Warszawa 1895, 51—54. На стр. 52 у него читаемъ: «stosownie do legendy kniaziowie Domontowie mieli, wspólnie z Gedrojcami, pochodzić od księcia litewskiego Dowmonta i z Litwy przeniesć się w Kijowskie, co jednak nie jest poparte żadnym dowodem». Въ XVII в. владѣніе Довмонтовъ—Мошны, перешло къ извѣстному князю Іереміи Вишневецкому (ib. .54),

[419]) Полн. собр. рус. лѣт., т. IV, стр. 180.

[420]) Прилож., стр. 140. Сн. въ Полн. собр. рус. лѣт. т. II, Спб. 1843 г., стр. 343, объ отношеніи Довмонта къ Наримунту.

[421]) Полн. собр. рус. лѣт., т. VII, Спб. 1856 г., стр. 105, сн. 253. Сынъ Гердеця—Андрей, епископъ Тверской, «которой на Петра на чюдотворца волненіе учинилъ» (165). Выше я уже замѣтилъ, что содержаніе сказанія о Довмонтѣ въ Воскрес. лѣтоп. (166—7), не даетъ основаній ставить среднюю редакцію житія въ зависимость отъ этой лѣтописи. По содержанію сказанія въ лѣтописи и въ среднемъ житіи, кромѣ сходства въ генеологич. указаніи о Довмонтѣ, ничего общаго не имѣютъ.

вліянія старшаго брата на религіозное настроеніе младшаго: «отъ него ж (Войшелга) сладко то ученіе юнѣйшій его братъ, преждереченный кн. Домантъ воспріимъ, вѣрова…, и оттолѣ искаше времени подобна, да избѣжитъ прелести, послѣди еже и бысть: вразумленъ же бысть промысломъ Вышняго, абіе возненавидѣвъ идолскую лесть, вкупѣ ж и во страны христіанскія преселитися восхотѣ» (144,145). Старинное, лѣтописное извѣстіе о мотивахъ бѣгства Довмонта изъ Литвы («заратишася Литва между собою») здѣсь хотя и приводится, но теряетъ свой первоначальный смыслъ, передѣлано на агіографическій ладъ: «благ. же кн. Д., видѣвъ бывающій мятежъ и убіеніе отчее, печалію и слезами сокрушашеся зѣло, и яко трость вѣтромъ колеблемъ бываше размышленіемъ, не вѣдѣ что сотворити; рече въ себѣ: во отечествіи ли имѣти жилище или въ чюждыя страны преселитися» (145).

Согласно съ принятымъ въ житии объясненіемъ отношенія святаго къ убійству Миндовга, получаетъ другое разъясненіе и мотивъ нападенія Довмонта съ псковичами на владѣнія Герденя: онъ идетъ на убійцу «сроднаго ради союза яростію разжигаемъ» (147).

Всѣ эти позднія догадки и толкованія исторической цѣнности, разумѣется, не имѣютъ, съ литературной же стороны онѣ являются результатомъ, отмѣченной уже при разборѣ сказаній о Б. и Г., старинной тенденціи и событія изъ языческаго періода въ жизни святаго представлять въ условно-агіографическомъ освѣщеніи, съ нравственно-назидательною ихъ оцѣнкою [422]).

На этомъ закончу я обзоръ житій псковскихъ благ. князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще систематическій обзоръ древне-русской агіографической литературы о св. князьяхъ. Чтобы избѣжать въ заключительной главѣ своей работы подробностей въ обобщеніяхъ, сдѣлаю здѣсь общій отзывъ о разсмотрѣнныхъ сейчасъ работахъ псковскихъ писателей по прославленію псковскихъ благ. князей.

Объ обоихъ псковскихъ св. князьяхъ, какъ и о другихъ псковскихъ святыхъ, въ Псковѣ сумѣли составить сказанія своими силами, не обращаясь къ сторонней помощи и услугѣ. Въ литературномъ отношеніи мѣстныя агіографическія работы о св. князьяхъ не выдѣляются изъ ряда русскихъ агіографическихъ сочиненій какими-либо достоинствами и не отличаются оригинальностію. Житія бл. кн. Всеволода такъ же скудны біографическимъ содержаніемъ, какъ и большинство позднихъ княжескихъ житій другихъ мѣстностей, и такъ же они безцвѣтны, утомительно длинны. Литература о бл. кн. Довмонтѣ болѣе разнообразна и болѣе содержательна, но и она не оригинальна. Представляя собою въ бо́льшей части своего содержанія компиляцію изъ лѣтописно-церковнаго и особаго житій благ. кн. Александра Невскаго, пополненную обрывками разсказовъ и припоминаній о святомъ, она отражаетъ въ себѣ обычные для древне-русской компиляціи и достоиства, и недочеты—обстоятельность копировки и недостаточность самостоятельныхъ фактическихъ и литературныхъ къ ней добавленій.

---

[422]) По разъясненію Авг. Энгельмана (167), Гердень не можетъ быть названъ убійцею Миндовга. Онъ жилъ въ мирѣ съ Войшелгомъ и не могъ быть ставленникомъ Треняты. По поводу совершенно неосновательной въ житіи идеализаціи личности Войшелга, слѣдуетъ припомнить замѣчаніе Н. И. Костомарова, что позднѣе русскіе лѣтописцы вообще не умѣли разобраться въ раннѣйшихъ событіяхъ изъ Литовской исторіи. Историческимъ дѣятелямъ этого края они потому и приписывали добродѣтели и недостатки, какихъ въ дѣйствительности тѣ не имѣли (См. у Н. С. Иконникова, о. с, II, 1, 693).

Глава четвертая.

Общія замѣчанія о литературной формѣ и о церковно-историческомъ значеніи княжескихъ житій.

Въ древне-русской церковной письменности и въ частности въ письменности житійной рѣдко встрѣчаются оригинальные въ литературномъ отношеніи памятники. Литературная форма житія, какъ и другихъ видовъ церковныхъ произведеній: проповѣди, службы святому,—была заимствована нами изъ восточно-византійской письменности. Благодаря большому количеству переводовъ древнихъ и византійскихъ сочиненій на юго-славянскіе языки и отчасти непосредственно на русскій, назидательная литература восточныхъ житій рано сдѣлалась извѣстною въ древней Руси, и литературная форма житія еще первыми нашими агіобіографами могла быть усвоена легко и твердо. Въ чемъ состояла эта форма житійныхъ произведеній, какъ она постепенно слагалась, въ какой степени заслуживала подражанія и дальнѣйшаго развитія, въ научной литературѣ эти вопросы выяснены настолько опредѣленно и полно и научныя мнѣнія по нимъ такъ общеизвѣстны, что подробно останавливаться на этомъ нѣтъ настоятельной нужды. Для характеристики избраннаго мною частнаго отдѣла въ древне-русской житійной литературѣ достаточно будетъ ограничиться общими, вводными замѣтками о литературномъ процессѣ образованія церковнаго и въ частности древне-русскаго житія.

Литературный типъ древняго христіанскаго житія слагался подъ воздѣйствіемъ разнообразныхъ литературныхъ вліяній. Прежде всего и рѣшительнѣе всего на немъ должно было отразиться вліяніе Священнаго Писанія и особенно евангельскихъ повѣствованій о земной жизни и о чудесахъ Спасителя. Въ евангельскихъ разсказахъ біографы святыхъ должны были искать литературные образцы для своихъ назидательныхъ сочиненій уже и потому, что жизнь святаго всегда и вездѣ была и разсматривалась, какъ подражаніе жизни Христа, Божественнаго Учителя и Чудотворца. Въ цитированномъ уже изслѣдованіи французскаго ученаго А. Мори: Essai sur les légendes pieuses du moyen-âge [423]), на примѣрахъ изъ восточной и средневѣковой западно-европейской житійной письменности подробно выяснена эта внутренняя связь христіанскаго житія съ евангельскою исторіею о Сынѣ Божіемъ и точно установлены принципы и пріемы такого литературнаго подражанія. И если бы собрать всѣ приведенные изслѣдователемъ случаи совпаденій и иногда очень мелкихъ и своеобразныхъ [424]) параллелей житійныхъ разсказовъ и сюжетовъ къ евангельскимъ, то житійную литературу можно бы было разсматривать, какъ своего рода назидательный комментарій къ евангельскимъ повѣствованіямъ, даже

---

[423]) Здѣсь я пользуюсь вторымъ изданіемъ этого сочиненія, въ книгѣ: Croyances et légendes du moyen-âge, Paris 1896, pp. 71—371.

[424]) См. особенно легенды о Францискѣ Ассизскомъ (p. 116), Екатеринѣ и св. Гертрудѣ (p. 181, 182, 184 прим.).

какъ продолженіе евангельской исторіи на примѣрахъ изъ жизни, подвиговъ и чудотвореній цѣлаго сонма учениковъ Божественнаго Учителя. Изъ всѣхъ видовъ церковныхъ произведеній древнѣйшія житія св. угодниковъ, несомнѣнно, ближе всего стоятъ къ литературѣ Свящ. Писанія и по своему содержанію, и по пріемамъ литературнаго изложенія.

Но еще въ первоначальиой житійной литературѣ были условія, которыя способствовали и обособленію этого вида христіанской назидательной письменности, отдаленію ея отъ ея литературнаго прототипа—евангельскихъ повѣствованій. Какъ отмѣчено у того же изслѣдователя, на выработку литературной формы житія оказала вліяніе и древняя апокрифическая литература. Осложняя историко-повѣствовательный евангельскій разсказъ эпизодами легендарнаго характера, она давала матеріалъ для легендарнаго элемента и въ содержаніи житійной литературы и оправдывала проникновеніе въ житіе мотивовъ народнаго творчества, иногда съ очень фантастическою окраскою. Церковная письменность боролась противъ крайностей легендарнаго освѣщенія жизни святыхъ, однако не всегда удачно, и легендарныя житія получали иногда слишкомъ большое распространеніе, примѣромъ чего могутъ служить легендарныя сказанія о св. муч. Кирикѣ и Улитѣ и русскія Повѣсти о бл. кн. Петрѣ и Февроніи Муромскихъ. Вообще житіе постепенно утрачивало характеръ историко-повѣствовательнаго сочиненія, склонялось къ типу произведеній назидательно-риторическихъ; описаніе чудесныхъ событій въ жизни подвижника заслоняло собою въ житіи его историко-біографическую часть, въ то же время и житійный разсказъ отступалъ отъ той простоты, безъискусственности въ изложеніи, которыя такъ неотразимо дѣйствуютъ при чтеніи евангельскихъ повѣствованій. Съ количественнымъ развитіемъ житійной литературы внутренняя связь житія съ Священнымъ Писаніемъ болѣе и болѣе порывалась, оставалась лишь внѣшняя связь, выражавшаяся въ заимствованіяхъ въ житійный разсказъ библейскихъ параллелей, въ разбавленіи житійнаго текста текстами библейскими. Въ такомъ видѣ литературная форма византійскаго житія сдѣлалась извѣстною и нашей письменности.

Литературный типъ русскаго житія детально охарактеризованъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ по древне-русской агіобіографіи, особенно у В. О. Ключевскаго [425]) и у А. П. Кадлубовскаго [426]). Кадлубовскій и раньше его Яковлевъ [427]) въ своихъ работахъ о русскихъ житіяхъ пользовались и указаннымъ изслѣдованіемъ А. Мори, но къ выводамъ французскаго ученаго они не сдѣлали какихъ-либо существенныхъ добавленій, основанныхъ на наблюденіяхъ надъ русскими агіографическими сочиненіями. По литературной своей формѣ древнѣйшія русскія житія (напр., Несторово житіе преп. Ѳеодосія) ничѣмъ не отличаются отъ житій византіискихъ, которыя и служили для нихъ литературными образцами. Но и въ русскихъ житіяхъ болѣе поздняго времени мы находимъ очень немного литературнаго матеріала для установленія какихъ-либо особыхъ, національныхъ чертъ въ древне-русской житійной литературѣ. Потому, должно быть, и попытки изслѣдователей отыскать въ нашихъ житіяхъ слѣды зарожденія національной литературы не имѣли особаго успѣха [428]). Но по существу дѣла эти попытки нужно признать правильными. Отдѣльные, правда рѣдкіе, памятники житійной русской литературы даютъ матеріалъ для подобныхъ наблюденій, и это прежде всего нужно сказать о древне-русскихъ княжескихъ житіяхъ.

При составленіи житій св. князей древне-русскіе писатели не могли найти въ византійской письменности готовыхъ литературныхъ образцовъ; тамъ не было соотвѣтствующаго нашимъ княжескимъ житіямъ спеціальнаго агіобіографическаго отдѣла. Однородныя княжескимъ

---

[425]) Древне-русскія житія св., М. 1871 г.

[426]) Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, Варшава 1902 г.

[427]) Древне-кіевскія религіозныя сказанія, Варшава 1875 г., стр. 5 и сл.; у Кадлубовскаго см., напр., стр. 100.

[428]) Имѣю въ виду сочиненіе проф. И. Некрасова, Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси.

житіямъ произведенія юго-славянской письменности въ древнѣйшихъ ихъ редакціяхъ были неизвѣстны первымъ біографамъ нашихъ св. князей и во всякомъ случаѣ не оказали на русскія княжескія житія какого-ниб. литературнаго вліянія. Біографическій матеріалъ о св. князьяхъ, за отсутствіемъ болѣе подходящихъ литературныхъ образцовъ, приходилось излагать въ литературныхъ рамкахъ общежитійнаго типа, и это обстоятельство отрицательно отразилось на литературной формѣ княжескихъ житій. Бóльшая часть изъ нихъ почти ничѣмъ не выдѣляется, съ литературной стороны, изъ житій святительскихъ и преподобническихъ. Но иногда біографическій матеріалъ для княжескаго житія былъ такъ разнообразенъ, что не легко укладывался въ узкія, условныя литературныя рамки церковнаго житія, и былъ такъ общеизвѣстенъ, что неудобно было подвергать его агіографическаму обезличенію. О большинствѣ св. князей въ пору составленія ихъ житій имѣлись лѣтописныя извѣстія, въ отдѣльныхъ случаяхъ даже цѣлыя лѣтописно-историческія сказанія, написанныя въ стилѣ свѣтскихъ повѣстей, очень свѣдущими лицами—современниками, сподвижниками князя, успѣвшія пріобрѣсти въ русской письменности значительную уже распространенность. Какъ показываетъ, напр., литературная исторія лѣтописно-церковнаго и особаго житія бл. кн. Александра Невскаго, работа церковнаго біографа въ такихъ случаяхъ сводилась главнымъ образомъ къ агіографической передѣлкѣ свѣтскаго сочиненія; но результаты этой передѣлки получались почти отрицательные: первоначальное церковное житіе очень мало походило на агіографическое сочиненіе, не имѣло въ сущности права на помѣщеніе въ церковной книгѣ, наряду со службою святому и съ другими, строго-агіографическими сочииеніями. Лѣтописныя замѣтки вносились въ житійный текстъ почти безъ всякихъ измѣненій; между тѣмъ, иногда, какъ показываетъ проложное житіе бл. кн. Өеодора Ярославскаго, онѣ составляли основную часть въ содержаніи церковнаго житія и слишкомъ недостаточно и искусственно объединялись съ строго-агіографическою частью памятника.

Затѣмъ, съ жизнію и дѣятельностію св. князей соединялись иногда выдающіяся событія изъ русской исторіи. Объ этихъ событіяхъ наряду съ книжными сказаніями составлялись и сказанія устныя, въ средѣ, которая мало была знакома съ требованіями агіографическаго изложенія и не всегда умѣла провести рѣзко-опредѣленную грань между историческимъ фактомъ и позднею легендою, между событіемъ священнымъ и обыденнымъ. Легендарные сюжеты народныхъ сказаній, рано занесенные на страницы лѣтописи, иногда не только замѣтною, но и очень широкою струею вливались и въ церковно-житійный разсказъ; простыми, некнижными выраженіями и присловьями, своеобразною народною лирикою они нарушали стройность агіографическаго изложенія. Такіе памятники, какъ легендарно-проложное житіе Владиміра, церковно-лѣтописное и особое житія Александра Невскаго, Чудовская редакція Михаила Черниговскаго (въ дополнительныхъ сообщеніяхъ о событіяхъ татарскаго нашествія), Повѣсти о Петрѣ и Февроніи Муромскихъ, Плачи благ. князей Б. и Г. въ житійномъ сказаніи, Плачи благовѣрныхъ княгинь въ житіяхъ Димитрія Донского, Өедора Ярославскаго, Михаила Черниговскаго, царя Өеодора и др., могутъ служить нагляднымъ показателемъ, какъ далеко подъ вліяніемъ своебразныхъ источниковъ княжеское житіе отходило отъ общежитійной литературной формы, какъ мало оно походило на учено-книжное византійское сочиненіе или даже на одинъ изъ первыхъ опытовъ древне-русской княжеской житійной литературы—Несторово сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ. Какъ разъяснено на примѣрахъ изъ литературной исторіи позднѣйшихъ житій Александра Невскаго и Довмонта, даже и продолжительная позднѣйшая агіографическая передѣлка подобныхъ произведеній не могла устранить всѣхъ фактическихъ и литературныхъ, съ агіографической точки зрѣнія, диссонансовъ.

Такимъ образомъ, самое разнообразіе и качества біографическаго матеріала способствовали выдѣленію нѣкоторыхъ княжескихъ житій изъ общаго типа древне-русскихъ житійныхъ произведеній, образованію въ древне-русской агіобіографіи особой литературной разновидности житія.

Въ обширной количественно житійной литературѣ о св. князьяхъ можно отмѣтить слѣдующія литературныя группы.

Большою популярностью въ русской письменности пользовались княжескія житія мученическія: житійное сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, сказанія о Михаилѣ Черниговскомъ, Михаилѣ Тверскомъ, а также сказаніе объ Андреѣ Боголюбскомъ и болѣе позднія сочиненія о князьяхъ-мученикахъ, напр., о Василькѣ Ростовскомъ. Какъ отмѣчено уже въ обзорѣ житій Михаила Тверского и сказаній объ Андреѣ Боголюбскомъ, болѣе ранніе памятники этой группы имѣли вліяніе на планъ и на изложеніе памятниковъ болѣе позднихъ, способствовали нѣкоторому однообразію житійнаго содержанія и разсказа.

Вторую и самую цѣнную въ литературномъ отношеніи группу составляютъ княжескія житія, написанныя въ стилѣ воинскихъ повѣстей, героическихъ сказаній. Ихъ очень немного; болѣе оригинальными являются церковно-лѣтописное и особое житія Александра Невскаго, компилятивнымъ—лѣтописное сказаніе-житіе бл. кн. Довмонта. Въ моей работѣ этимъ своеобразнымъ памятникамъ отведено особенно большое мѣсто и дана подробная характеристика литературныхъ образцовъ и пріемовъ составленія такихъ житій-повѣстей.

Вліяніе свѣтскихъ героическихъ повѣстей на княжескія житія нельзя ограничивать только отмѣченными сейчасъ памятниками. Возможно, что та же Повѣсть о Девгеніи Акритѣ имѣла частичное вліяніе и на житійную литературу о равноап. князѣ Владимірѣ. По крайней мѣрѣ, въ житійныхъ разсказахъ о крещеніи князя можно усматривать сходныя черты съ разсказами Повѣсти о царѣ Амирѣ. Амиръ, какъ и Владиміръ, собирается передъ крещеніемъ идти на Греческую землю «пакости творити» ей [429]). Братья похищенной Амиромъ дѣвицы ставятъ ему одинаковое условіе брака съ сестрою, какъ и греческіе цари Владиміру: «аще хощеши быти намъ зять, и ты отвергися вѣры своея поганыя любве ради сестры нашея, днесь крестись во св. крещеніе и поѣди къ намъ въ греческую землю по любимой своея дѣвицы» (382); сн. въ лѣтописно-проложномъ житіи: «намъ недостоитъ христіаномъ за поганыя давати, аще ли ся крестишися, и се получиши; аще ли сего не сътвориши, не дамы сестры своея» (Прил., стр. 19). И Амиръ, и Владиміръ даютъ одинаковый отвѣтъ на подобное требованіе: «отвергусь я вѣры своея и днесь крещуся во св. крещеніе любве ради дѣвицы тоя» (381); «и рече Володимеръ: тако створю, пришедше отъ тебе съ царицею крестятъ мя» (15). Сходно описана и обстановка крещенія обоихъ царей язычниковъ: «и веземше патріарха града того со всѣмъ соборомъ и пріидоша на Ефрантъ рѣку и сотвориша купель…, и крестиша его самъ патріархъ, а отецъ былъ крестной царь града того. И потомъ поидоша въ домъ матери своея и сотвориша свадбу по 3 мѣсяца; и потомъ Амиръ царь сотвори себѣ особый дворъ и полаты и жити нача съ своею любимою дѣвицею» (383); «и повелѣша устроити св. купель. князь же Владимеръ пріиде ко святой купели [съ патріархи и со всѣмъ соборомъ на святую купель]»—«и епископъ же Корсуньскый съ попы царичины огласивъ, крести Владиміра..., полата же Володимеря съ края церкви стоитъ и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченье» [430]).

Мы знаемъ уже, что житійная литература о Владимірѣ воспользовалась не только матеріаломъ былины о св. князѣ, но (въ редакціи легендарно-проложнаго житія) и позднею сѣверно-русскою легендою. Зависимостью отъ такого источника могутъ быть объяснены и отмѣченныя сейчасъ черты сходства въ разсказахъ о Владимірѣ и о сказочномъ царѣ Амирѣ. Имя Амира (правда, другого лица), равно какъ и имя Агрика для церковной письменности не были совсѣмъ чуждыми; эти имена встрѣчаются, напр., въ службѣ свят. Николаю.

Литературное взаимоотношеніе житій-повѣстей подробно выяснено въ сопоставленіяхъ текстовъ изъ житій Довмонта и Александра Невскаго. Частичное вліяніе этой литератур-

---

[429]) Памятн. стар. рус. литер. гр. Кушелево-Безбородко в II, стр.—382.

[430]) Лѣтоп. зап. у А. А. Шахматова, Корсунская легенда…, стр. 49, 47,—Лавр. лѣт., 109.

ной группы отмѣчено и при разборѣ другихъ княжескихъ житій, напр., Ѳеодора Ярославскаго въ редакціяхъ Андрея Юрьева и позднѣйшей XVII в., Михаила Тверского—въ редакціи лѣтописной.

Въ особую, затѣмъ, группу нужно выдѣлить житія русскихъ равноапостоловъ: Ольги, Владиміра и примыкающія къ этимъ житіямъ по своимъ источникамъ муромскія житія бл. кн. Константина.

Для житій Владиміра и Ольги ближайшими литературными образцами могли бы быть греческія житія равноап. Константина и Елены, съ подвигомъ которыхъ наши писатели, начиная съ м. Илариона, и сопоставляли подвигь русскихъ равноапостоловъ. Но подробныя житія греческихъ равноапостоловъ сдѣлались извѣстными въ русской письменности, кажется, позднѣе уже появленія проложныхъ житій Владиміра и Ольги, проложные же разсказы о Константинѣ и Еленѣ, легендарнаго характера, какъ отмѣчено въ моей работѣ, имѣли частичное вліяніе на нѣкоторыя редакціи житій Владиміра. Изъ содержанія ж. Константина Муромскаго можно видѣть, что при изложеніи равноап. дѣятельности благ. князей принимались во вниманіе и житія святителей—проповѣдниковъ на Руси христіанства, напр., Леонтія Ростовскаго. Въ проложныхъ житіяхъ Владиміра и Леонтія встрѣчаемъ сходную черту въ Похвалѣ святымъ—одинаковое указаніе, кого изъ святыхъ, какъ своего апостола, хвалитъ та или другая страна или область; но прямыхъ основаній объяснять это сходство зависимостью перваго изъ житій отъ второго нѣтъ.

Взаимное вліяніе житій русскихъ равноапостоловъ отмѣчено мною, кромѣ житій Константина Муромскаго, и въ содержаніи сѣверно-русскаго проложнаго житія св. Ольги.

Распространенныя проложныя житія Владиміра такъ же, какъ и предыдущая группа житій-повѣстей, не могутъ быть отнесены въ разрядъ строго-агіографическихъ сочиненій, легендарно-проложное же житіе только по недосмотру вошло въ церковные сборники; его мѣсто не здѣсь, а въ свѣтскихъ четіихъ книгахъ лѣтописнаго типа, въ которыхъ помѣщенъ и одинъ изъ источниковъ этого житія.

Совершенно особое мѣсто не только среди княжескихъ житій, но и вообще въ древне-русской житійной литературѣ занимаютъ собою Повѣсти О благ. кн. Петрѣ и Февроніи Муромскихъ. Но на характеристикѣ этихъ своеобразныхъ памятниковъ я остановлюсь при другомъ случаѣ.

Отмѣченныя группы обнимаютъ собою сравнительно небольшое количество памятниковъ, бóльшая же часть княжескихъ житій въ литературномъ отношеніи ничѣмъ не выдѣляется изъ общаго типа церковныхъ житій. Это и понятно. У насъ не было особыхъ біографовъ св. князей; княжескія житія писали обычно тѣ же лица, которыя составляли и житія святительскія, преподобническія; литературными пособіями и образцами для княжескихъ житій нерѣдко были болѣе популярныя въ русской письменности житія преподобныхъ. Въ княжескихъ житіяхъ болѣе поздняго времени очень замѣтна тенденція характеризовать личность св. князя общежитійными чертами, измѣнять біографическій матеріалъ въ угоду условнымъ требованіямъ, передѣлывать княжеское житіе въ житіе преподобническое. Къ группѣ такихъ житій нужно отнести прежде всего житія благов. княгинь: Анны Кашинской, Евдокіи-Евфросиніи Московской, Евфросиніи Полоцкой, Евфросиніи Суздальской, Маріи-Марѳы, Соломониды-Софіи. Историко-біографическая часть въ содержаніи этихъ житій бѣдна, главное вниманіе обращено на риторическое изображеніе подвига св. княгинь, чаще всего—инокинь. Житія благ. княгинь цѣнны, главнымъ образомъ, потому, что это единственные у насъ агіографическіе памятники, посвященные прославленію христіанскаго подвига русской женщины. Преподобническія русскія житія на подобной темѣ не останавливались.

Изъ житій бл. князей къ типу преподобническихъ принадлежатъ житія Іоасафа Каменскаго, Игнатія Вологодскаго, Андрея Смоленскаго, Петра царевича. Особаго житія перваго князя-инока подвижника—Николы Святоши, въ кіевской письменности, кажется, не было, но

планъ этого житія былъ намѣченъ и біографическій матеріалъ былъ собранъ еще въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ. Разсмотрѣнныя въ моей работѣ подробныя княжескія житія: Глѣба Андреевича, Александра Невскаго—въ редакціяхъ Минейной, Василія и Іоны Думина, Ѳеодора Смоленскаго, Василія и Константина Ярославскихъ, Всеволода Псковскаго, Довмонта—въ редакціи Григорія и др., могутъ быть отнесены къ литературнымъ произведеніямъ смѣшаннаго типа; правильнѣе ихъ будетъ назвать житіями преподобническими-княжескими. Историко-литературной цѣнности эти памятники не имѣютъ.

При разборѣ житій отмѣчены случаи литературныхъ заимствованій какъ изъ житій преподобническихъ, такъ и изъ тѣхъ княжескихъ житій, которыя въ древне-русской письменности пріобрѣли значеніе литературныхъ образцовъ. Чаще всего приходилось отмѣчать вліяніе самаго популярнаго въ русской житійной письменности памятника—житійнаго сказанія о Б. и Г. Заимствованія изъ этого сочиненія наблюдаются въ княжескихъ житіяхъ разнаго времени и почти всѣхъ группъ. Образцовыми произведеніями считались также житія Владиміра, церковно-лѣтописное и особое житія Александра Невскаго, Пахоміево житіе Михаила Черниговскаго, Антоніево Ѳеодора Ярославскаго. Для нѣкоторыхъ житій,—напр., Василія и Константина Ярославскихъ, Евфросиніи Суздальской, образцовое житіе одновременно было источникомъ и почти всѣхъ біографическихъ сообщеній о святомъ.

Въ результатѣ взаимнаго вліянія одного княжескаго житія на другое въ ихъ содержаніи и въ изложеніи устанавливаются такъ называемыя общія мѣста. Повторяется, напр., одинаковая характеристика личности князя: изъ млада возлюбилъ Христа и Преч. Его Матерь, созидалъ и украшалъ церкви, особенно чтилъ священ. и монашескій чинъ, былъ отцемъ сирыхъ и убогихъ, защитникомъ вдовицъ, кормителемъ нищихъ и странныхъ и т. п. У Нестора и особенно въ позднѣйшихъ житіяхъ эта агіографическая характеристика осложняется еще деталями, заимствованными изъ житій преподобническихъ: избѣгалъ дѣтскихъ игръ, любилъ читать божественныя книги, скрывалъ отъ всѣхъ свои молитвенные подвиги, не щадилъ тѣла и вообще съ презрѣніемъ относился къ удобствамъ и радостямъ земной жизни, для его сана особенно доступнымъ. Совпадая въ начальныхъ строкахъ, княжескія житія обычно совпадаютъ и въ окончаніи біографическаго разсказа, даютъ одинаковыя описанія предсмертныхъ минутъ жизни святаго и внѣшней обстановки погребенія—плача безчисленнаго народа и близкихъ къ умершему лицъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Плачи благ. княгинь выдѣляются въ особыя статьи, изложеніе этихъ статей принимаетъ однообразный видъ [431]). Въ житіяхъ князей современниковъ татарскаго нашествія повторяется сходное описаніе-характеристика этого событія. Говоря о патріотизмѣ князя, большинство біографовъ пользуется одинаковымъ сравненіемъ, заимствованнымъ изъ житія Димитрія Селунскаго. Для иллюстраціи мужества, красоты, мудрости князя берутся однѣ и тѣ же библейскія и историческія параллели. До буквальности сходно очерчиваются границы распространенія славы князя [432]). Въ Похвалѣ-акаѳистѣ повторяются тѣ же самые риторическіе обороты и т. д..

Но и эти общія для княжескихъ житій литературныя мѣста не были оригинальными—русскими. Съ такими же чертами въ характеристикѣ князей мы встрѣчаемся, напр., и у

---

[431]) Какъ выражается авторъ сказанія о Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, Плачи происходятъ: «по писаному» (А. Н. Поповъ. изборникъ слав. и рус. статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, М. 1869 г., стр. 384). Въ изложеніи Плача супруги Михаила встрѣчаемся съ такими причитаніями, которыя еще больше, чѣмъ причитанія дружинника Александра Невскаго, заслуживали съ церковной точки зрѣнія осужденія. Княгиня, напр., говоритъ: «и нынѣ возми меня подъ свой каменной гробъ, и подъ гробомъ смерти предамся, и готова есми за тебя во адѣ мучитися, нежели мнѣ отъ тебя на семъ свѣтѣ остатися» (387).

[432]) Біографъ бл. кн. Евфросиніи Суздальской житійными чертами описываетъ и славу царствованія Іоанна Грознаго: всѣхъ покорилъ Іоанну Богъ, «и облада по всѣмъ странамъ отъ моря Варяска и до моря Понтійскаго и до Хвалисъ и до жребія Симова и до страны Тиверіадскія. И распространи Г. Б. имя его до Царяграда и до Іерусалима и даже и до Аравитскихъ горъ и до Рима великаго, паче иныхъ царей, преже бывшихъ его» (ркп. АМИД., Оболенскаго, № 87, л. 170 об.).

Козьмы Пражскаго. Брячиславъ у него сравнивается—по физической силѣ съ Сампсономъ, по мудрости съ Соломономъ; о Болеславѣ дается отзывъ: vir christianissimus, fide catholicus, pater orphanorum, defensor viduarum, gementium consolator, clericorum et peregrinorum pius susceptor, ecclesiarum Dei praecipius fundator; о сестрѣ Болеслава—Младѣ говорится, что она: sacris litteris erudita, pauperibus et orphanorum fautrix larga ac omni honestate decorata [433]). Позднѣйшіе русскіе писатели, говоря о славѣ и величіи Руси и ея князей, находили параллель для сообщеній княжескихъ житій и въ Польскихъ хроникахъ: «обрѣтается же въ лѣтописцѣхъ польскихъ, яко власть славяно-россійская и Рима досяже» [434]).

Уже по количеству списковъ княжескихъ житій въ сборникахъ церковныхъ, наряду со списками службы, можно заключить, что за богослуженіемъ въ Русской церкви княжескія житія употреблялись такъ же часто, какъ и житія святительскія и преподобническія. Они давали матеріалъ и для содержанія церковныхъ службъ бл. князьямъ, и если составителями службъ этотъ матеріалъ использованъ недостаточно полно, то виною этого являются исключительно литературные пріемы составленія древне-русскихъ службъ. По установившемуся въ церковной письменности взгляду, біографическій матеріалъ въ службѣ святому служилъ только случайною, дополнительною иллюстраціею для общихъ мыслей, развиваемыхъ въ риторическомъ восхваленіи святаго. Затѣмъ, степень пользованія житіемъ въ значительной мѣрѣ обусловливалась и внѣшними причинами—степенью внѣшней, хронологической близости службы къ житію. Если житіе и служба составлялись одновременно и однимъ и тѣмъ же писателемъ, то и взаимоотношеніе двухъ памятниковъ было обычно болѣе близкое. Примѣромъ можетъ служить служба Михаилу Черниговскому, составленная, какъ и житіе, Пахоміемъ Сербомъ. Всѣ важнѣйшіе эпизоды изъ житія повторяются и въ текстѣ этой службы, въ изложеніи совершенно сходномъ съ житійнымъ [435]). Наоборотъ, при разновременности появленія службы и житія внутренняя связь между ними менѣе замѣтна; служба беретъ лишь общій біографическій фактъ и не развиваетъ его подробнѣе на основѣ житійныхъ сообщеній. Примѣръ этого представляетъ служба Ѳеодору Ярославскому, біографическій элементъ въ которой ограничивается слѣдующимъ сообщеніемъ: «изъ млада възрастъ воспріялъ еси въ градѣ Смоленьскѣ, по Христову повелѣнію на успеніе свое пришелъ еси въ славный Ярославль, и сіяеши, яко солнце тріипостаснаго Божества, преподобне Ѳеодоре» [436]). Иногда впрочемъ служба стоитъ ближе къ пространному житію, чѣмъ проложное житіе. Такъ, напр., проложное житіе бл. кн. Петра и Февроніи опускаетъ эпизодъ изъ подробныхъ Повѣстей о борьбѣ бл. князя со зміемъ, но въ службѣ онъ имѣется въ виду. Въ первой стихирѣ на хвалитѣхъ составитель службы восхваляетъ святыхъ: «прегордаго змія поправшихъ»; въ канонѣ 3 п. о «храбромъ» князѣ Петрѣ говорится, что онъ: «иногда змія убилъ еси» [437]). Лишнія противъ житійныхъ біографическія сообщенія въ службѣ крайне рѣдки и фактическаго значенія обычно не имѣютъ. Въ службѣ Евфросиніи Сузд. сообщается, что святая и зимою, какъ лѣтомъ, не носила теплой одежды. Но такое же сообщеніе въ буквальномъ видѣ читаемъ и въ службѣ преп. Авраамію Ростовскому: «хожаше зиму безъ теплыи одежа, якоже въ лѣтѣ» [438]).

Вообще самостоятельнаго историко-біографическаго значенія службы св. князьямъ не имѣютъ.

Еще древне-русскою письменностію было выяснено и опредѣлено историко-литературное значеніе княжескихъ житій. Первичныя редакціи княжескихъ житій вошли въ текстъ древнихъ

---

433) Примѣры беру изъ книги М. И. Сухомлинова, О древне-русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, Спб. 1856 г., стр. 174, 143.

434) См. у В. С. Иконникова, о. с., 333, прим.

435) Ркп. АМИД., Оболенскаго, № 26, л. 1—13.

436) Ркп. Патр. б-ки, № 316, л. 70 об.

437) Ркп. Румянц. муз. № 397, л. 264 об., 269, 270. Пролож. житіе на л. 379—380 об.

438) Ркп. Лавр. б-ки № 618, л. 57 об.

лѣтописныхъ сводовъ и значительно пополнили собою краткія лѣтописныя замѣтки о св. князьяхъ; пространными житіями также нерѣдко и съ пользою для дѣла пользовались составители позднихъ сводовъ лѣтописи, особенно редакторъ Степенной. Ученые изслѣдователи жизни и дѣятельности бл. князей не дѣлаютъ большой разницы между специально-лѣтописными извѣстіями о св. князьяхъ и извѣстіями вошедшихъ въ древнѣйшія лѣтописи церковныхъ біографій, признаютъ за послѣдними одинаковую историко-біографическую цѣнность.

Внося первичныя редакціи княжескихъ житій въ лѣтописный текстъ, лѣтописцы и древніе, и болѣе поздняго времени руководились этими памятниками и при составленіи лѣтописныхъ подробныхъ извѣстій о князьяхъ не святыхъ. Достаточно будетъ указать, напр., на разсказы Лаврент. лѣтописи о князьяхъ Всеволодѣ III (стр. 415) и сынѣ его Константинѣ (420—421, сн. 402—403), хронографа XVII в. о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ [439]). По примѣру лѣтописцевъ, пользовались княжескими житіями и составители отдѣльныхъ сказаній о князьяхъ, напр., инокъ Ѳома въ Словѣ о Борисѣ Александровичѣ Тверскомъ, составитель біографіи кн. Михаила Александровича, авторъ сказанія о кн. Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ [440]). Изслѣдователями повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ и о вел. кн. Димитріи Донскомъ установлено вліяніе на эти памятники житія Александра Невскаго. Вообще княжескія житія въ русской письменности пріобрѣли значеніе образцовыхъ литературныхъ произведеній. Къ такимъ литературнымъ образцамъ относятся житійное сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, церковно-лѣтописное житіе Александра Невскаго, Пахоміево житіе Михаила Черниговскаго, отчасти Антоніево житіе Ѳеодора Ярославскаго.

Литературныя достоинства княжескихъ житій умѣли оцѣнить не только писатели, но и древне-русскіе читатели. Доказательствомъ этого можетъ служить хотя бы особая распространенность въ ркп. житійнаго сказанія о Б. и Г., привлекавшаго къ себѣ вниманіе читателей не столько интересомъ своей темы, сколько и главнымъ образомъ поэтическимъ своимъ изложеніемъ, близостью къ народной лирикѣ. Иначе бо́льшую распространенность въ ркп. должно бы получить Несторово сказаніе о Б. и Г., какъ болѣе полный и стройный опытъ агіографическаго сочиненія о св. мученикахъ-братолюбцахъ.

Отдѣльныя княжескія житія получаютъ для насъ особую литературную цѣнность потому уже, что они даютъ возможность или возстановить утраченные памятники древне-русской свѣтской письменности (церк. лѣт. и особое житіе А. Нев., юго-слав. прол. житіе Ольги), или, по крайней мѣрѣ, провѣрить и точнѣе опредѣлить сохранившійся матеріалъ объ этихъ памятникахъ въ позднихъ и искаженныхъ ихъ передѣлкахъ (легендарно-проложное ж. Владиміра). Наконецъ, такіе памятники агіографической литературы о св. князьяхъ, какъ Повѣсти о Петрѣ и Февроніи Муромскихъ, непосредственно знакомятъ насъ съ мотивами свѣтскаго, народнаго творчества. Редакція Повѣсти объ этихъ муромскихъ святыхъ, сохранившаяся въ спискѣ нач. XVIII в. ркп. № CLV ОЛДП., л. 167—178, должна быть прямо отнесена къ группѣ тѣхъ свѣтскихъ повѣстей, которыя стали особенно развиваться у насъ съ XVII в. и положили собою начало въ полномъ уже смыслѣ свѣтскимъ повѣстямъ и романамъ XVIII в.

Такимъ образомъ, княжескія житія могли способствовать не только распространенію въ древне-русскомъ обществѣ историческихъ свѣдѣній о важнѣйшнхъ событіяхъ изъ русскаго

---

[439]) См. у А. Н. Попова, въ Изборникѣ славян. и русскихъ статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, М. 1869 г., стр. 204—205.

[440]) Характеристику сказанія о Михаилѣ Шуйскомъ см. у С. Ѳ. Платонова, Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., какъ историческій источникъ, во 2 т. Сочиненій, Спб. 1913 г., стр. 348—351. На вопросѣ о вліяніи лѣтоп. церк. ж. Ал. Невскаго на сказаніе о Шуйскомъ Платоновъ не останавливается, но вліяніе это очевидно. См. напр., детали въ описаніяхъ битвы подъ Калязинымъ монастыремъ (у А. Н. Попова о. с., 382), плача по князѣ (воевода Яковъ Пунтусовъ говоритъ: «да уже мнѣ не будетъ не токмо на Руси вашей, но и отъ королевскихъ величествъ такова мнѣ не видати» (384), погребенія (385—886), въ замѣткѣ о «великомъ возрастѣ тѣлесъ» князя (384—385) и др.—С. Ѳ. Платоновъ отмѣчаетъ вліяніе житія Алевсандра Невскаго (въ ред. Степенной) на «Повѣсть 1606 г.» (стр. 10).

прошлаго, но въ нѣкоторомъ отношеніи и развитію литературньгхъ вкусовъ болѣе свѣтскаго направленія. Съ этой стороны отдѣльные памятники изъ житійной литературы о св. князьяхъ имѣютъ полное право занять соотвѣтствующее мѣсто и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ по исторіи древне-русской литературы.